

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 2
(34)

Москва
2017

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — Молдован А. М., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Алексеев А. А. — д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Андерсен Х. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Лос Анжелес, США

Апресян Ю. Д. — академик РАН, профессор, Институт проблем передачи информации РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Богуславский А. — D.Sc., профессор, Варшавский университет, академик Польской академии наук, Польша

Богуславский И. М. — д. ф. н., профессор, Мадридский технический университет, Испания; Институт проблем передачи информации РАН

Вайс Д. — Ph.D, профессор, Цюрихский университет, Швейцария

фон Вальденфельс Р. — Dr. phil., Цюрихский университет, Швейцария

Варбот Ж. Ж. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Вежбицкая А. — Ph.D., профессор, Австралийский национальный университет, Канберра, Австралия

Гиппиус А. А. — член-корреспондент РАН, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Ди Сальво М. — Ph.D., профессор, Миланский университет, Италия

Добровольский Д. О. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Журавлёв А. Ф. — д. ф. н., профессор, Институт славяноведения РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зализняк А. А. — академик РАН, профессор, Институт славяноведения РАН

Иткин И. Б. — к. ф. н., Институт востоковедения РАН; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Кайперт Х. — Dr., профессор, Боннский университет, член-корреспондент Геттингенской академии наук, член-корреспондент Баварской академии наук, Германия

Касаткин Л. Л. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Кленин Э. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Лос-Анджелес, США

Крысин Л. П. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Мелиг Х.-Р. — Ph.D., профессор, Кильский университет, Германия

Мельчук И. А. — Ph.D., профессор, Монреальский университет, Канада

Мечковская Н. Б. — д. ф. н., профессор, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Падучева Е. В. — д. ф. н., профессор, Всероссийский институт научной и технической информации РАН

Плунгян В. А. — член-корреспондент РАН, профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Институт языкознания РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Рождественская Т. В. — д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Сичинава Д. В. — к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Тимберлейк А. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Беркли; Колумбийский университет, Нью Йорк, США

Толстая С. М. — д. ф. н., профессор, Институт славяноведения РАН

Томмола Х. — D.Sc., профессор, Университет Тампере, Финляндия

Флайер М. — Ph.D., профессор, Гарвардский университет, Кембридж, США

Шайкевич А. Я. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Шмелев А. Д. — д. ф. н., профессор, Московский государственный педагогический университет; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Ответственный секретарь — Пичхадзе А. А., д. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
VINOGRADOV RUSSIAN LANGUAGE INSTITUTE

RUSSIAN LANGUAGE AND LINGUISTIC THEORY

№ 2 (34)

Moscow
2017

EDITORIAL BOARD

Chief Editor — Alexander M. Moldovan, D.Sc. (Russian Language), Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia.

Anatoly A. Alexeev, D.Sc. (Russian Language), Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;

Henning Andersen, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, University of California, Los Angeles, USA;

Yury D. Apresyan, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Institute for Information Transmission Problems of the RAS; Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;

Andrzej Bogusławski, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Full Member of the Polish Academy of Sciences, Warsaw University, Poland;

Igor M. Boguslavsky, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Technical University of Madrid, Spain; Institute for Information Transmission Problems of the RAS, Moscow, Russia;

Dmitry O. Dobrovolsky, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Michael S. Flier, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, Harvard University, Cambridge, USA;

Alexey A. Gippius, D.Sc. (Russian Language), Professor, National Research University Higher School of Economics, Corresponding Member of the RAS, Moscow, Russia;

Ilya B. Itkin, Ph.D. (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Institute of Oriental Studies of the RAS; National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia;

Leonid L. Kasatkin, D.Sc. (Russian Language), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Helmut Keipert, Dr. (Slavonic Studies), Professor em., University of Bonn, Corresponding Member of the Göttingen Academy of Sciences, Corresponding Member of the Bavarian Academy of Sciences, Germany;

Emily Klenin, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, University of California, Los Angeles, USA;

Leonid P. Krysin, D.Sc. (Russian Language), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Nina B. Mechkovskaya, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus;

Hans Robert Mehlig, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, Kiel University, Kiel, Germany;

Igor Mel'čuk, Ph.D. (General Linguistics), Professor em., University of Montreal, Canada;

Elena V. Paducheva, D.Sc. (General Linguistics), Professor, All-Russian Institute for Scientific and Technical Information of the RAS, Moscow, Russia;

Vladimir A. Plungian, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS; Lomonosov Moscow State University, Corresponding Member of the RAS, Moscow, Russia;

Tatyana V. Rozhdestvenskaya, D.Sc. (Russian Language), Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;

Maria Di Salvo, Ph.D. (Slavonic Studies), Professor em., University of Milan, Italy;

Anatoly Ya. Shaykevich, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Alexey D. Shmelev, D.Sc. (Russian Language), Professor, Moscow State Pedagogical University; Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Dmitri V. Sitchinava, Ph.D. (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Alan Timberlake, Ph.D. (Linguistics), Professor em., University of California, Berkeley; Columbia University, New York, USA;

Svetlana M. Tolstaya, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Institute of Slavic Studies of the RAS, Moscow, Russia;

Hannu Tammola, D.Sc. (Russian Language and Literature), Professor em., University of Tampere, Finland;

Zhanna Zh. Varbot, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Ruprecht von Waldenfels, Ph.D. (Slavic Languages), University of Zurich, Switzerland;

Daniel Weiss, Ph.D. (Slavic Languages), Professor, University of Zurich, Switzerland;

Anna Wierzbicka, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Australian National University, Canberra, Australia;

Andrey A. Zaliznyak, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Institute of Slavic Studies of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;

Anatoly F. Zhuravlev, D.Sc. (Slavic Languages), Institute of Slavic Studies of the RAS; Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia.

Executive secretary — Anna A. Pichkhadze, D.Sc. (Russian Language), Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

<i>М. Л. Каленчук, Д. М. Савинов, Е. С. Скачедубова.</i> Активные процессы в просодической системе русского языка: акцентуация прилагательных	9
<i>Г. М. Зельдович.</i> Русская возвратная дативная конструкция: невывраимый субъект, дефокусирование составляющих ситуации и проблема композициональности	29
<i>И. Б. Иткин.</i> Об одном невероятном инфинитиве и о склонении некоторых русских существительных	63
<i>Г. Саяма.</i> Влияние объема корпуса на определение наиболее часто употребляемых слов: анализ частотных данных из пяти корпусов	70
<i>С. И. Переверзева.</i> О значении и употреблении глагола <i>ориентироваться</i>	92
<i>Т. В. Крылова.</i> О значении и употреблении выражения <i>не мудрствовать лукаво</i> , а также слов <i>мудрствовать</i> и <i>умствовать</i> в диахронической перспективе	121
<i>Е. В. Урысон.</i> Словарь vs. текст: актантная структура союза <i>хотя</i>	142
<i>М. В. Турилова</i> Русская диалектная лексика в лексико-семантическом поле «БЕЗУМИЕ»	153
<i>Г. А. Мольков.</i> Несогласованные причастные формы в ранних древнерусских списках Евангелия	180
<i>М. Н. Шевелева.</i> К проблеме грамматической семантики конструкций типа <i>имать быти</i> vs. <i>хочеть быти</i> в ранних восточнославянских текстах	194
<i>Д. В. Сичинава.</i> Письмо к Чёрту: один малоизвестный пример древнерусского плюсквамперфекта	219
<i>В. В. Каверина.</i> Становление норм дистрибуции финальных <i>Ъ</i> и <i>ь</i> после букв шипящих согласных и аффрикат в русском литературном языке XVIII–XIX вв.	229

Обзоры

- С. Д. Шелов, Л. В. Рычкова.*
Об одном новом типе терминологических словарей и справочников.....250

Информационно-хроникальные материалы

- Хроника XLVIII Виноградовских чтений в МГУ (*Н. К. Ониненко*).....274
Развивая идеи академика Виноградова (Хроника конференции,
посвященной 50-летию школы Г. А. Золотовой) (*Н. К. Ониненко*).....278

Рецензии

- Л. Л. Крючкова.* Словарные материалы Г. С. Новикова-Даурского
как источник для русской исторической лексикологии
(*Е. И. Державина*).....285
- Адреса университетов и институтов290
Правила подачи статей291

CONTENTS

Articles

<i>Maria L. Kalenchuk, Dmitry M. Savinov, Ekaterina S. Skachedubova.</i> Active processes in the prosodic system of the Russian language: accentuation of adjectives	9
<i>Gennadij M. Zeldowicz.</i> Russian dative reflexive construction: inexpressible subject, backgrounding of the constituents of situation, and the problem of compositionality	29
<i>Ilja B. Itkin.</i> On an inconceivable infinitive and on the declination of some Russian nouns.....	63
<i>Gota Sayama.</i> The effect of corpus size on identifying the highest frequency words: an analysis of frequency data from five corpora	70
<i>Svetlana I. Pereverzeva.</i> Meaning and usage of the verb <i>orientirovat' sja</i>	92
<i>Tatiana V. Krylova.</i> On the meaning and use of the expression <i>ne mudrstvovat' lukavo</i> 'not subtly reasoning' and words <i>mudrstvovat'</i> and <i>umstvovat'</i> in a diachronic perspective	121
<i>Elena V. Uryson.</i> Semantic actants of the Russian concessive conjunction <i>khotja</i> 'though' (lexicographic description vs. real texts).....	142
<i>Mariya V. Turilova.</i> Russian dialectal lexemes of the semantic field of «MADNESS»	153
<i>Georgiy A. Molkov.</i> Indeclinable participles in early Old Russian Gospel manuscripts.....	180
<i>Maria N. Sheveleva.</i> On the grammatical semantics of the periphrastic constructions like <i>imaty byti</i> vs. <i>khočety byti</i> in early East Slavic texts	194
<i>Dmitri V. Sitchinava.</i> The letter to the Devil: a little-known instance of the Old Russian pluperfect.....	219
<i>Valeria V. Kaverina.</i> Standardizing the distribution of final <i>Ъ</i> and <i>ь</i> after the letters of hissing consonants and affricates in the Russian literary language of the 18 th and 19 th centuries.	229

Literature survey

- Sergey D. Shelov, Lyudmila V. Rychkova.*
 On a new type of terminological dictionaries and reference books.....250

Reports

- Highlights of the 48th Vinogradov Conference (*Nadezhda K. Onipenko*).....274
 Expounding the ideas of V. V. Vinogradov
 (Highlights of the Conference dedicated to the 50th anniversary
 of G. A. Zolotova's linguistic school) (*Nadezhda K. Onipenko*)278

Reviews

- L. L. Kryuchkova. G. S. Novikov-Daurskij's lexicographic collection
 as a source for Russian historical lexicology (*Elena I. Derzhavina*).....285
- Adresses of universities and institutes.....291
 Notes for contributors292

ИССЛЕДОВАНИЯ

М. Л. КАЛЕНЧУК, Д. М. САВИНОВ, Е. С. СКАЧЕДУБОВА

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПРОСОДИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА: АКЦЕНТУАЦИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ*

1. Известно, что акцентологические нормы современного русского литературного языка отличаются высокой степенью вариативности. Одним из наиболее лабильных участков системы является акцентология кратких прилагательных и простого компаратива. Дефицит массовых и корректно выполненных обследований закономерностей постановки ударения в указанных грамматических формах, противоречивость рекомендаций в различных словарях, отсутствие современных теоретических интерпретаций фактического материала — все это делает необходимым дальнейшее изучение вопроса об акцентных парадигмах имен прилагательных.

Традиционно авторы орфоэпических словарей и пособий стремились закрепить как нормативный один из сосуществующих произносительных вариантов. Подобный подход реализуется в словаре-справочнике «Русское литературное ударение и произношение», вышедшем под редакцией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова [1955], а также в некоторых значительно более новых словарях, например, в словаре М. В. Зарвы «Русское словесное ударение» [2001].

Иначе данная проблема решается в «Орфоэпическом словаре русского языка» под ред. Р. И. Аванесова, первое издание которого вышло в 1983 году. В этом источнике разработана система нормативных помет: существующие варианты могут признаваться равноправными или снабжаться пометами «допустимо», «допустимо устаревшее» и др. В результате орфоэпические правила становятся менее жесткими, допуская в ряде случаев

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 14-04-00378а «Активные процессы в просодической системе русского языка на современном этапе его развития».

вариативное произношение. Однако зачастую авторы этого словаря рекомендуют как основные не те варианты, которые распространены в речи литературно говорящей образованной части общества, а варианты, употребляемые носителями так называемого «элитарного типа речевой культуры» (идею противопоставления литературного, иначе среднелитературного, и элитарного типов речевой культуры развивают в частности О. Б. Сиротина и И. А. Стернин). Подобный подход частично реализуется и в некоторых других словарях, например в «Словаре ударений русского языка» И. Л. Резниченко [2008] и в «Словаре трудностей русского языка для работников СМИ» М. А. Штудинера. «Это делается для того, чтобы словарь способствовал сохранению еще живых традиционных образцов русского ударения, представленных в настоящее время в речи еще довольно большого числа культурных людей» [Штудинер 2016: 6].

Каковы основания для принятия кодификаторами решения о месте ударения в конкретном слове или словоформе? Как представляется, можно выделить четыре основных фактора, которыми обычно руководствуются авторы словарей для придания нормативного статуса какому-либо произносительному варианту: 1. Соответствие культурно-исторической традиции; 2. Общественное одобрение и признание образованной частью общества варианта нормативным; 3. Соответствие внутреннему языковому закону или тенденции; 4. Распространенность варианта в речи образованных людей [Каленчук 2016].

Большинство авторов словарей используют при кодификации первые два критерия. Однако, по нашему мнению, существуют только два основных фактора, которые необходимо принимать во внимание, кодифицируя нормы произношения: распространенность варианта в речи образованных людей и соответствие внутреннему языковому закону или тенденции. Вторым критерий предполагает выход за рамки чисто синхронного описания произносительной системы. Именно поэтому в статье предлагается новый подход к описанию и анализу акцентологических явлений, позволяющий взглянуть на синхронные данные о месте ударения в прилагательных под диахроническим углом зрения. Создание представительного корпуса экспериментальных данных, полученных с помощью социолингвистических методов, позволит не просто зафиксировать современную норму, но и даст возможность исследовать результаты проведенных экспериментов с диахронической точки зрения, что необходимо для определения основных тенденций развития акцентуации прилагательных и, в конечном итоге, будет способствовать выработке новых кодификационных рекомендаций.

2. Как известно, в русском языке полные формы прилагательных имеют только неподвижное ударение. Подвижное ударение, а соответственно, и акцентологическая вариативность, свойственны только кратким прилагательным и простому компаративу. Для того чтобы выяснить реальные закономерности этой вариативности, а также для уточнения акцентологиче-

ских кодификационных рекомендаций были проведены несколько серий экспериментов, в которых исследовалось место ударения в односложных прилагательных, которые имеют акцентные варианты в кратких формах ж. и ср. родов ед. ч., во мн. ч., а также в форме простого компаратива.

В первой серии экспериментов приняли участие 106 информантов, москвичей во втором — третьем поколении, носителей нормативного произношения, которые читали специально составленные тексты. В контексты достаточно большой протяженности были включены 219 словоформ 55 односложных прилагательных, потенциально допускающих орфоэпические варианты в одной или нескольких словоформах: в кратких формах ж. и ср. р. ед. ч., в краткой форме мн. ч., а также в сравнительной степени. Некоторые словоформы были предложены для прочтения несколько раз в разных экспериментах с варьированием орфоэпических условий, например, с учетом различной сочетаемости во фразе с другими прилагательными, разных значений многозначных слов и т. д. В общей сложности получено 5850 дикторских ответов. Информанты обоих полов в разных экспериментах были разделены либо на три возрастные группы: старшую — 60 лет и старше, среднюю — 30–59 лет и младшую — 16–29 лет, либо на две возрастные группы: старшую — 46–80 лет и младшую — 18–45 лет. Исследование полученного материала проводилось методом слухового анализа — аудитивно. Другим источником информации о месте ударения в кратких прилагательных и компаративе является Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru, далее НКРЯ); в первую очередь использовался его поэтический подкорпус.

Проведенное исследование показало очень высокую вариативность места ударения в рассматриваемых грамматических формах.

3. Формы женского рода ед. ч. кратких прилагательных

Как известно, в древнерусском языке у нечленных форм прилагательных существовало три акцентных парадигмы: *a* (неподвижное ударение на основе), *b* (неподвижное ударение на окончании) и *c* (подвижное ударение). Развитие морфологической системы имени в русском языке связано с грамматической категорией рода, что доказала в своих работах М. В. Шульга [2003]. С категорией рода оказывается связанным и развитие акцентной системы кратких форм прилагательных. Если сравнивать древнерусские и старорусские данные, представленные в работах В. А. Дыбо [1981], А. А. Зализняка [2010] и В. В. Колесова [2010], с материалами, полученными в ходе эксперимента, то можно увидеть, что основные отличия заключаются в следующем: в современной системе практически все исследованные краткие прилагательные в форме ж. р. могут иметь ударение на флексии.

А. А. Зализняк связал колебания в месте ударения кратких прилагательных ж. р. с прагматическим фактором: освоенностью/неосвоенностью

слова [Зализняк 2010: I, 25]. Как показал анализ, почти все употребительные прилагательные обычно имеют нафлексивное ударение независимо от исходной парадигмы. У некоторых слов такой вариант является единственным, у большинства сосуществует ударение на основе и ударение на флексии. При этом невозможно предсказать место ударения в конкретных словоформах.

Все прилагательные можно разделить на четыре группы¹. Первая группа: в форме ж. р. у представителей младшей возрастной группы процент произнесений с ударением на флексии увеличивается: *лестна́* (20% ст., 30% ср., 40% мл.), *страстна́* (60% ст., 60% ср., 90% мл.), *шумна́* (80% ст., 80% ср., 100% мл.), *серá* (45% ст., 80% ср., 80% мл.). Во второй группе этот процент уменьшается: *бурна́* (100% ст., 80% ср., 50% мл.), *знатна́* (80% ст., 80% ср., 60% мл.), *дымна́* (80% ст., 70% ср., 40% мл.), в третьей группе сохраняется неизменным независимо от возраста респондента: *буйна́* (50% ст., 50% ср., 60% мл.), *люта́* (60% ст., 70% ср., 60% мл.), *мрачна́* (100% ст., 90% ср., 90% мл.), в четвертой группе процент произнесений с тем или иным ударением меняется волнообразно: *бойка́* (70% ст., 90% ср., 60% мл.), *дробна́* (70% ст., 30% ср., 50% мл.), *дюжа́* (10% ст., 30% ср., 10% мл.), *свята́* (10% ст., 40% ср., 20% мл.).

Практически всегда ударение на окончании имеют словоформы: *тиха́*, *быстра́*, *пестра́*, *остра́*, *смугла́*, *нежна́*, *черна́*, *бела́*, *желта́*. Большинство этих слов исконно относилось к парадигме *b*.

Ударение на основе как практически единственно возможное в этой форме зафиксировано только у малоупотребительных прилагательных: *áла*, *ни́ца*, *ру́са*, *си́ра*, *це́льна*, *я́ра*. Например, акцентная парадигма *a* для кратких форм прилагательного *ниций* реконструируется не только по древнерусским и старорусским памятникам, но и устойчиво сохраняется в XVIII–XIX веках, о чем свидетельствуют данные НКРЯ. Проведенный эксперимент показал, что форма *ни́ца* с наосновным ударением характерна для речи 90% респондентов старшей и средней возрастных групп и 80% младшей группы. Орфоэпический словарь русского языка кодифицирует вариант *ни́ца* как основной [ОС: 303], отказывая варианту с ударением на основе в нормативном статусе, что некорректно как с точки зрения синхронии, так и с точки зрения диахронии.

Существует мнение, что колебания «типа *властна́* // *вла́тна* отражают переходное состояние с точки зрения освоенности слова» [Зализняк 2010: I, 25]. Однако с этим нельзя согласиться. Например, прилагательные *бойкий*, *буйный*, *властный*, *людный*, *мирный*, *святой* и многие другие, в которых наблюдается значительная акцентная вариативность в различных возрастных группах, относятся к исконной лексике и характеризуются высокой степенью освоенности, причем на протяжении достаточно длительного

¹ Данные по результатам экспериментов приводятся отдельно по возрастным вариантам нормы: «ст.» — старшая, «ср.» — средняя и «мл.» — младшая.

времени. Скорее здесь можно говорить не об освоенности того или иного слова, а о частотности употребления, причем не столько слова, лексемы, сколько о частотности употребления конкретной формы, в данном случае — краткой формы женского рода².

Вариант произнесения краткого прилагательного в женском роде с ударением на основе или на окончании может быть обусловлен фразовым контекстом. Эксперимент позволил выявить следующую закономерность: при постановке рядом двух прилагательных, у одного из которых есть потенциальная возможность ударения на окончании, а у другого безальтернативное нафлексивное ударение, выявляется тенденция к увеличению процента произнесений с флексивным ударением у прилагательного, допускающего акцентные варианты. Например, вариант *лестна́* в изолированной позиции вообще не отмечен у респондентов старшей и средней возрастных групп, в младшей возрастной группе так произнесли только 20%. Однако в сочетании *лестна и дорога* количество произнесений *лестна́* возрастает до 20% у респондентов старшей группы, 30% средней и 40% младшей. Таким образом, слово *дорога́*, не имеющее акцентных вариантов, провоцирует сдвиг на окончание у слова *лестна* даже в том случае, если находится в постпозиции по отношению к нему.

Эту закономерность подтверждают и другие примеры. Так, форма *тиха* всегда имеет ударение на окончании. Слово *мирна* в изолированной позиции имеет вариативное произношение: *ми́рна* и *мирна́*. При сочетании этих форм количество произнесений *мирна́* увеличивается на 20% в средней и младшей возрастных группах и на 40% в старшей.

Однако описываемую закономерность нельзя рассматривать как тенденцию к выравниванию ударения в конструкциях с грамматическим параллелизмом. Прилагательное с неподвижным наосновным ударением не увеличивает количества произнесений с ударением на основу у соседнего прилагательного, допускающего акцентные варианты. Напротив, оно провоцирует увеличение процента произнесений с ударением на окончании. По всей видимости, даже слово, которое в краткой форме ж. р. употребляется редко и потому имеет большой процент произнесений с ударением на основе в изолированной позиции, при наличии второго прилагательного в такой же форме стремится к переносу ударения на окончание.

Например, в сочетании *мирна и покойна*, вариант *мирна́* предпочли 50% представителей старшей и средней возрастных групп и 60% младшей. В то же время с ударением на окончании словоформу *мирна́* в изолированной позиции произнесли всего 10% представителей старшей группы, 30% средней и 50% младшей. Приведем еще один пример: в сочетании *прекрасна и*

² Интересно проверить это наблюдение на другом орфоэпическом материале, причем не обязательно связанном с местом ударения. Возможно, и в других ситуациях в качестве фактора влияния на выбор варианта произношения выступает не частотность слова (как это обычно описывается), а частотность конкретной словоформы.

свята вариант *свята́* предпочли 40% представителей старшей группы, 80% средней и 50% младшей. В то время как без второго прилагательного такой вариант произнесли соответственно 10%, 40% и 20%.

4. Формы среднего рода ед. ч. кратких прилагательных

подавляющее большинство кратких прилагательных в форме ср.р. имеют ударение на основе. По данным проведенного эксперимента, только наосновное ударение отмечается в прилагательных: *близкий*, *бойкий*, *бурный*, *быстрый*, *ветхий*, *влажный*, *властный*, *гладкий*, *грозный*, *громкий*, *грустный*, *жалкий*, *жуткий*, *знатный*, *кислый*, *мутный*, *наглый*, *нервный*, *низкий*, *редкий*, *тихий*, *хрупкий*. Существует небольшое количество прилагательных, которые допускают в этой форме вариативность, то есть могут произноситься как с наосновным, так и с нафлексивным ударением: *бело́* (70% ст. и 70% мл.) и *белó* (30% ст. и 30% мл.), *вредно́* (20% ст. и 20% мл.) и *вредно́* (80% ст. и 80% мл.), *грешно́* (66% ст. и 86% мл.) и *грешно́* (34% ст. и 14% мл.), *жёлто́* (60% ст. и 80% мл.) и *желто́* (40% ст. 20% мл.), *звонко́* (20% ст. и 20% мл.) и *звонко́* (80% ст. и 80% мл.), *нежно́* (34% ст. и 56% мл.) и *нежно́* (66% ст. и 44% мл.), *остро́* (50% ст. и 50% мл.) и *остро́* (50% ст. и 50% мл.), *пёстро́* (35% ст. и 50% мл.) и *пестро́* (65% ст. и 50% мл.), *се́ро* (90% ст. и 50%) и *серо́* (10% и 50%), *ста́ро* (20% ст. и 20% мл.) и *старо́* (80% ст. и 80% мл.), *у́зко* (50% ст. и 42% мл.) и *узко́* (50% ст. и 58% мл.). Прилагательное *чёрный* в этой форме имеет только нафлексивное ударение: *черно́*. В большинстве случаев эти прилагательные исконно относились к парадигме *b*.

Некоторые авторы пишут о семантических микрогруппах, которые регламентируют акцентное выравнивание в кратких формах прилагательных. Так, обычно выделяют прилагательные со значением цветообозначения в группу, для которой характерно в краткой форме ср. р. флексивное ударение: *белó*, *черно́*, *красно́*, *желто́*, *пестро́* (наряду с *бело́*, *чёрно*, *красно*, *жёлто*, *пёстро*).

Как следует из приведенного выше материала эксперимента, слова со значением цветообозначения не представляют собой отдельной акцентологической группы. Возможное сохранение в этих формах ударения на окончании, так же как и у других прилагательных (*острый*, *добрый*, *узкий*), видимо, связано с тем, что они исконно относились к парадигме *b*. Более того, так же как и другие прилагательные из этой группы, слова со значением цветообозначения демонстрируют различную динамику: в одних увеличивается процент произнесений с флексивным ударением (*серо́*, *белó*, ср. *нежно́*), в других уменьшается (*желто́*, *пестро́*, ср. *грешно́*), в третьих остается неизменным (*черно́*, ср. *вредно́*, *остро́*).

Следует отметить, что инновации в исконной парадигме *b* (при стабильном сохранении парадигм *a* и *c*) фиксируются в ряде древнерусских и

старорусских памятников, относящихся к восточной зоне (на этой основе сложилась акцентная система, характерная для русского литературного языка). Например, в одном из акцентуированных памятников XVII в. «у нечленных имен прилагательных наибольшее количество инноваций фиксируется у слов а.п. *b*» [Макеева 2010: 61]. О том, что варианты произношения в а.п. *b* существуют уже длительное время, свидетельствуют также материалы НКРЯ. По данным проведенного эксперимента, в современном русском литературном языке практически нет односложных прилагательных, сохраняющих эту парадигму в чистом виде. Есть лишь небольшая группа слов, сохраняющих следы исконной а.п. *b*.

Орфоэпический словарь кодифицирует для прилагательных *добрый*, *жёлтый*, *узкий* парадигму *c/c₁* (*добра́*, *до́бро*, *до́бры* и *добры́*) [ОС: 124, 141, 585], а для прилагательного *серый* — парадигму *c* (*се́ра*, *се́ро*, *се́ры*) [ОС: 515], что противоречит как языковой тенденции, так и распространенности соответствующих вариантов в речи современных носителей. Формы с ударением на флексии в форме ср.р. этих прилагательных необходимо допускать.

5. Формы мн. ч. кратких прилагательных

По данным эксперимента, для форм мн. ч. характерно широкое акцентное варьирование. Данные НКРЯ свидетельствуют о том, что в ряде случаев эта вариативность существовала уже в XVIII–XIX вв. Например:

Рассмотрим свойство мы и силу эпиграмм:
Они тогда живут красой своей богаты,
Когда сочинены **остры́** и узловаты...
(А. П. Сумароков)

Вот брату и сестре законный аттестат:
Их проза тяжела, их остроты не **остры́**;
А вот и авторам: им Аполлон не брат,
И музы им не сестры.
(М. А. Дмитриев)

Вариативность в XVIII–XIX вв. в форме мн. ч., по данным НКРЯ, отмечена в следующих прилагательных: *бедный*, *властный*, *вредный*, *гордый*, *грешный*, *добрый*, *круглый*, *мертвый*, *мокрый*, *нежный*, *немой*, *острый*, *тёплый*, *толстый*, *хитрый*, *храбрый*. Из 16 приведенных слов более половины относились к парадигме *b*, еще в нескольких случаях парадигма не определена, но можно предполагать, что они также относились к парадигме *b*.

Возможно, появление акцентных вариантов в форме мн. ч. связано с актуализацией в старорусском языке противопоставления атрибутивной и предикативной функций кратких форм прилагательных: накоренное ударение было характерно для предикативных сочетаний, флексийное — для

атрибутивных. По данным В. В. Колесова, в «прилагательных, обозначающих название цвета, накоренное ударение в атрибутивном значении противопоставляется наконечному ударению в предикативном сочетании уже в очень ранних памятниках» [Колесов 2010: 356]. В дальнейшем краткие прилагательные утратили синтаксическую функцию определения, однако вариативность в формах мн. ч. сохранилась. Так, для прилагательных со значением цвета варианты отмечаются и в НКРЯ, и по данным проведенного эксперимента. Возможно, такая устойчивость вариативности связана с тем, что в отличие от форм ед. ч., где существует тенденция к родовому закреплению места ударения, формы мн. ч. не имеют определенной тенденции к унификации акцента на гласном основы или флексии.

Однако данные эксперимента показывают, что в целом количество употреблений форм с ударением на окончании увеличивается, хотя зачастую и незначительно: *бедны́* (76% ст. и 86% мл.), *бурны́* (80% ст. и 84% мл.), *быстры́* (50% ст. и 54% мл.), *властны́* (52% ст. и 68% мл.), *горды́* (50% ст. и 64% мл.), *жалки́* (50% ст. и 56% мл.), *звонки́* (8% ст. и 20% мл.), *знатны́* (50% ст. и 66% мл.) и т. д.

Предпринимались попытки найти факторы, объясняющие появление в краткой форме мн. ч. различных прилагательных того или иного акцентного варианта. Например, М. С. Суханова пишет: «В языке возможно сосуществование нормативных вариантов одного и того же слова при отсутствии смысловой и стилистической дифференциации между ними (*зорды́* — *горды́*), однако чаще при наличии такой дифференциации» [Суханова 1981: 5]. При этом автор не уточняет, чем обусловлена эта дифференциация. Иногда вариативность в формах мн. ч. объясняют грамматическими или семантическими факторами, пишут о степени освоенности и употребительности. Однако, как показывают данные проведенного эксперимента, в большинстве случаев предлагаемые факторы либо не работают вообще, либо могут быть применимы только к ограниченному числу примеров. Так, Н. А. Еськова пишет: «На противоположных “полюсах” находятся прилагательные с суффиксом *-н-*, среди которых колебание ударения в кратких формах множественного числа получило распространение (*вкусны́* и *вкусны́*, *грустны́* и *грустны́*, *грязны́* и *грязны́* и мн. др.), и прилагательные с суффиксом *-к-*, которые в значительной степени сохраняют первоначальный тип подвижности (нормой является ударение *га́дки*, *ги́бки*, *ре́дки* и мн. др.)» [Еськова 2014: 467].

Но эксперимент показал, что этот фактор в настоящий момент не работает. Действительно, по данным НКРЯ, в XVIII–XIX вв. прилагательные с суффиксом *-к-* в форме мн.ч. употреблялись исключительно с ударением на основе, за исключением прилагательного *ловкий*. Однако в настоящий момент количество формоупотреблений с ударением на окончании довольно велико: *близки́* (52% ст. и 48% мл.), *бойки́* (50% ст. и 76% мл.), *жалки́* (50% ст. и 56% мл.), *низки́* (54% ст. и 56% мл.), *редки́* (10% ст. и 58% мл.), *хрупки́* (40% ст. и 68% мл.). В связи с этим возникает вопрос,

корректно ли решение о нормативности только вариантов с ударением на основе типа *ре́дки* и подобных, кодифицируемых Орфоэпическим словарем [ОС].

Что касается остальных прилагательных, то вариативность ударения в них никак не связана с наличием или отсутствием суффикса. Это подтверждают данные НКРЯ и проведенного эксперимента.

6. Место ударения в разных значениях полисемичных слов

В лингвистической литературе неоднократно отмечалось, что разные значения одного и того же многозначного прилагательного могут иметь в кратких формах различные варианты акцентных типов. Фиксируют такие факты и некоторые словари [БОС 2012; Еськова 2014; Зализняк 2008; Кузнецов 1998; ОС; Резниченко 2008; Шведова 2007 и др.]. Подобного рода акцентологические явления связывают с разными типами значения полисемичных прилагательных. Известно, что у качественных прилагательных, способных к семантической градуированности признака, выделяется особая модификация значения, которую «можно условно передать с помощью смысла ‘слишком’: значение параметра не просто превышает норму, а не подходит для данной ситуации, не соответствует ей (с точки зрения заинтересованного лица)» [Кустова 2005]. Подобные «слишком»-значения (термин Г. И. Кустовой) могут быть выражены как самостоятельно и эксплицитно (*Я уже слишком стар, чтобы бежать за автобусом*), так и имплицитно, встраиваясь в значение многозначного слова (*Тебе эта юбка узка*).

Ранее в работах по русской акцентологии указывалось, что особую акцентуацию кратких форм демонстрируют так называемые параметрические прилагательные — качественные прилагательные с номинативным размерным значением, отображающие признаки, которые устанавливаются по отношению к точке отсчета. Принадлежность лексического значения прилагательного к параметрическому типу проявляется в том, что в его словесное определение включается сема, указывающая на меру признака³. Как представляется, параметрические прилагательные являются разновидностью качественных прилагательных с оценочной семантикой, способных к градуированности признака, что позволяет предположить, что особая акцентуация кратких форм, приписываемая параметрическим прилагательным, на самом деле относится ко всем случаям, когда признаковое слово содержит сему чрезмерной выраженности признака.

³ Нельзя не отметить, что практически все авторы, говоря о семантике параметрических прилагательных, указывают на наличие семы «чрезмерная степень выраженности признака», но ведь существует и сема «недостаточная степень выраженности признака» — *брюки слишком длинные для такой обуви* и *брюки недостаточно длинные для такой обуви*, помимо «слишком»-значения имеется и «недостаточно»-значение.

В некоторых работах параметрические значения прилагательных считаются одним из значений многозначного слова, при этом в параметрическом значении выступают только краткие формы, в других значениях их признают отдельными словами, не имеющими полных форм и омонимичными кратким формам прилагательных не в параметрических значениях. Ср. в словаре [Шведова 2007: 201] у слова *длинный* выделяются значения 1) имеющий большúю длину, протяжение; 2) бóльший по длине, чем нужно; а в словарях [Еськова 2014: 123; Резниченко 2008: 159-160] одна словарная статья на слово *длинный*, а другая с заголовочным словом *длинн*.

По поводу наличия специфической акцентуации у параметрических прилагательных нет единого мнения. Так, например, К. С. Горбачевич [1978: 118] писал: «в значении ‘большого размера, чем нужно’, акцентная вариативность отсутствует».

Но большинство авторов, обсуждающих закономерности постановки ударения в кратких формах прилагательных, придерживаются другого мнения. А. А. Зализняк писал: «Имеется, однако, ряд случаев, где во всех кратких формах, включая ед. сред., представлено флексийное ударение. Таковы <...> краткие формы, в значение которых входит семантический элемент “слишком”, отсутствующий у соответствующих полных форм. Примеры: *это платье вам малó (узкó, длиннó)* <...> Круг прилагательных, систематически обнаруживающих этот эффект, невелик (он практически исчерпан в наших примерах); но окказионально эта модель может выступать и в других случаях» [Зализняк 2010: I, 26].

По мнению А. А. Зализняка, список подобных прилагательных, проявляющих стремление к ударению на флексии во всех формах, невелик и почти конечен. При этом указанные краткие прилагательные демонстрируют иную акцентуацию, когда они не имеют в своем значении сему ‘слишком’ или ‘недостаточно’, в первую очередь это касается форм ср. р. Согласно «Грамматическому словарю русского языка» А. А. Зализняка, например, прилагательное *узкий* имеет «в обычном значении» следующий акцентный тип — *úзок, узкá, úзко, úзки и узкí*, но *úзок, узкá, úзко и узкó, úзки и узкí* в значении ‘úже, чем нужно’.

Р. Ф. Касаткина, устанавливая для параметрических прилагательных ту же тенденцию — стремление к переносу ударения на флексию во всех кратких формах, в частности и в среднем роде, — расширяет список слов с подобной акцентологической особенностью [Касаткина 2000], включая в него и слова, не имеющие размерного значения, в случае актуализации в них семы чрезмерного или недостаточного проявления признака, например, в контексте *платье слишком яркó* (ср. с примером *это уже старó* [Зализняк 2010: I, 26]).

Н. Юкая, проведя масштабный социолингвистический эксперимент, показал, что у кратких прилагательных, имеющих значение чрезмерной выраженности признака, удалось обнаружить весьма слабо выраженную акцентную специфику по сравнению с обычными значениями этих же слов —

в формах среднего рода акцентная дифференциация носила противоречивый характер, но немного проявлялась в формах мн. ч. Эксперименты, проведенные Н. Юкая, свидетельствуют о том, что для форм среднего рода норма в значительной мере лексикализована и выявить общую тенденцию невозможно. А для форм мн. ч. в значениях чрезмерной выраженности признака количество ударений на флексии увеличивалось, но незначительно [Ukiah 2000: 140].

Для изучения этого вопроса была проведена вторая серия экспериментов, основной целью которой стало установление закономерностей постановки ударения в кратких формах прилагательных, обладающих «слишком»-значением по сравнению со значением, не включающим сему чрезмерной выраженности признака. Были составлены контексты, позволяющие сопоставить закономерности постановки ударения у одних и тех же слов в разных значениях в речи одних и тех же дикторов: *бедный, близкий, бойкий, бурный, быстрый, важный, ветхий, вкусный, влажный, властный, вредный, гладкий, гордый, грешный, громкий, грубый, грустный, едкий, жалкий, жуткий, звонкий, знатный, маленький, мутный, наглый, нежный, нервный, низкий, острый, редкий, тихий, толстый, узкий, хрупкий*⁴. Было изучено место ударения в звучащей речи 46 информантов двух возрастных групп: носители старшей нормы (46–80 лет) и носители младшей нормы (18–45 лет). В контексты достаточно большой длины были включены 108 словоформ указанных 34 прилагательных в форме ср. р. ед. ч. и мн. ч., предложенных информантам для прочтения в произвольном порядке. При этом место ударения в каждой форме проверялось трижды — в значении, не включающем сему чрезмерной степени выраженности признака, в «слишком»-значении, выраженном эксплицитно, и «слишком»-значении, выраженном неявно, без участия слов *слишком, недостаточно* и пр.

Так, например, для слова *узкий* предлагались для прочтения следующие тексты.

1. *Раскинувшееся перед нами ущелье вытянуто с севера на юг, оно узко и живописно.*
2. *Игольное ушко — проблема для стариков, слишком уж оно узко.*
3. *Платье узко, немодно и явно старит её.*
4. *В Крепости мало садов, дома лепятся один к другому; улочки замысловаты и узки, с непредсказуемыми тупиками, проходными дворами и парадными; входя в любую, не знаешь, удастся ли выбраться.*
5. *Эти сосуды слишком узки, эритроциты движутся по ним гуськом, один за другим, поэтому каждый из них получает возможность насытиться кислородом, который содержится в альвеолах.*
6. *Китайские историки пришли к выводу, что наши представления о мире были узки и примитивны.*

⁴ В случаях, когда у прилагательного имелось несколько значений, в этой серии эксперимента учитывалось только его первичное прямое значение.

Анализ полученного материала позволил прийти к нижеследующим выводам.

Не удалось выявить достоверных различий в акцентуации между прилагательными в параметрическом, размерном значении и более общей группой прилагательных с оценочным градуированным значением, что подтверждает высказанное выше предположение о том, что первые являются частным проявлением вторых. Говоря иначе, противопоставить слова типа *узкий, низкий, тонкий, толстый* (размерное значение) словам типа *мягкий, нежный, добрый, старый* (оценочное градуированное значение) по их акцентному оформлению невозможно.

Для кратких форм среднего рода обычным является ударение на основе как в основном значении, так и в «слишком»-значении, причем эта тенденция сохраняется для большинства слов и в старшей, и в младшей норме — *блízко, бóйко, влáжно, влáстно, грóмко, жáлко, жéтко* и т. д. В отдельных словах имеются варианты места ударения на основе и окончании как в старшей, так и в младшей норме при некотором увеличении флективных ударений в «слишком»-значениях, например, в значении, не содержащем сему чрезмерной выраженности признака — *édко* (50% ст. и 64% мл.) и *едкó* (50% ст. и 36% мл), в «слишком»-значении *édко* (50% ст. и 42% мл.) и *едкó* (50% ст. и 58% мл.).

В некоторых словах в форме ср. р., демонстрирующих небольшое увеличение числа ударений на флексии в «слишком»-значениях, эта акцентологическая особенность не нарастает от поколения к поколению, а наоборот, падает, например, *нéжно* (34% ст. и 56% мл.) и *нежнó* (66% ст. и 44% мл.) в основном значении, а в «слишком»-значении — *нéжно* (40% ст. и 88% мл.) и *нежнó* (60% ст. и 12% мл.). Только слово *узкий* проявляет явную акцентную дифференциацию в зависимости от семантики: в значении, не содержащем сему чрезмерной степени выраженности признака — *úзко* (50% ст. и 42% мл.) и *узкó* (50% ст. и 58% мл.), но в «слишком»-значениях только *узкó* для обеих возрастных групп.

Большинство проанализированных кратких прилагательных в форме мн. ч. допускают вариантность в месте ударения, при этом в них незначительно увеличивается число ударений на флексии в «слишком»-значении по сравнению со значением, не включающим эту сему; например, *без семы «слишком» беднý* (76% ст. и 86% мл.), *жалкú* (50% ст. и 56% мл.), *важнý* (72% ст. и 48%), *вреднý* (66% ст. и 80% мл.); с «слишком»-значением *беднý* (70% ст. и 92% мл.), *жалкú* (78% ст. и 90% мл.), *важнý* (68% ст. и 92%), *вреднý* (60% ст. и 100% мл.) и т. д. Но указанная закономерность действует не для всех слов, например, она не прослеживается в прилагательных *тихий, гордый, грешный* и некоторых других.

Как видно из приведенных выше примеров, в звучащей речи молодого поколения тенденция к постановке ударения на окончании в «слишком»-значениях выражена немного сильнее, чем в речи предшествующего поколения. В случаях, когда сема чрезмерной степени выраженности признака

включалась в значение прилагательного неявно, без слов *слишком*, *чрезмерно*, *недостаточно* и пр. отличия в акцентуации по сравнению с основным значением слова были менее выражены, чем в случаях эксплицитного выражения «слишком»-значения. Эта закономерность прослеживается в основном у параметрических прилагательных с размерным значением: вероятность появления ударения на флексии зависит от наличия/отсутствия «слишком»-значения и от способа выражения этой семы — эксплицитно или имплицитно, например:

1) *Надо было быть очень внимательным, улицы были тесны́ (52%) от экипажей; при обгоне умело лавировать, а обогнать обязательно* (без «слишком»-значения);

2) *Ботинки мне тесны́ (84%), носить их я все равно не смогу, отдам брату* (имплицитно выраженное «слишком»-значение);

3) *После родов брюки стали слишком тесны́ (100%), но признавать это не хотелось* (эксплицитно выраженное «слишком»-значение).

Другой ситуацией, при которой разным значениям многозначных прилагательных приписываются в кратких формах разные акцентные типы, являются слова, в семантической структуре которых сосуществуют прямые и переносные значения. Так, многие современные лексикографы указывают на возможность противопоставления разных значений полисемичных слов с помощью разных акцентных вариантов, в первую очередь в форме мн. ч., реже в форме ср. р., например, *глухой*¹ ‘лишенный слуха; равнодушный, неотзывчивый’ — *глуха́, глу́хо, глу́хи*, но *глухой*² ‘приглушенный, неясный; сплошь заросший, дикий’ и др. — *глуха́, глу́хо, глу́хи* и допуст. *глухи́; немой*¹ ‘лишенный способности говорить’ — *нема́, néмо, néмы*, но *немой*² ‘безмолвный, исполненный тишины’ — *нема́, néмо, néмы* и допуст. *немы́; острый*¹ ‘свойство колющего, режущего предмета и (перен.) форма предмета’ — *остра́, остро́, остры́* и допуст. *остро́, остры́*, но *острый*² ‘об уме, взгляде и др.; тонкий, пронизательный, остроумный, язвительный; о вкусе, запахе’ — *остра́, остро́, остры́* и мн. др. [Еськова 2014].

Нельзя не отметить, что информация подобного рода, встречающаяся в различных словарях, во многих случаях приводится непоследовательно, при этом возникают два вопроса — во-первых, на каких основаниях определяется круг прилагательных, допускающих варианты ударения в зависимости от значения, и, во-вторых, как разные акцентные типы ударения кратких прилагательных распределяются по разным значениям полисемичных слов. Постановка этих вопросов обусловлена, в частности, тем, что разные авторы для конкретных слов предлагают разные решения.

Интересно, что в словарях, описывающих произносительную норму на предыдущих орфоэпических срезах, для всех типов значения многозначных прилагательных указываются одинаковые акцентные варианты: *глуха́, глу́хо, глу́хи; нема́, néмо, néмы; остро́, остро́, остры́; полна́, полно́, полны́* и т. д. [ТС]. Это можно объяснить двумя причинами: либо наличие вариантов, «привязанных» к тому или иному значению слова, просто не попадало в фокус внимания лингвистов, либо норма изменилась.

Для изучения этого вопроса была проведена третья серия экспериментов для исследования закономерностей постановки ударения в кратких формах 20 многозначных прилагательных, в структуре которых имеются первичное прямое значение и вторичные, возникшие на основе метафорического переноса (*близкий, важный, великий, верный, высокий, глухой, мелкий, мертвый, мягкий, неверный, неважный, недалекий, нежный, немой, низкий, общий, острый, полный, простой, широкий*). 34 информанта двух возрастных групп — старшей и младшей, начитали на магнитофон тексты, включающие анализируемые слова в разных значениях. Тексты предлагались для чтения в произвольном порядке. Например, для проверки места ударения в форме мн. ч.:

Глухой

1. *Старики часто бывают глухи, это не должно раздражать окружающих, надо просто приспособиться и говорить громче* ('лишенный слуха').
2. *Многие дети глухи к чужому несчастью и боли, иногда это проходит под воздействием воспитания, иногда остается грустной чертой характера на всю жизнь* ('равнодушный, неотзывчивый').
3. *Звуки рояля были глухи и ненавязчивы, приходилось напряженно вслушиваться, и почему-то это доставляло Наде особое удовольствие* ('неясный, незвонкий').

Близкий

1. *Удивительно, что в этих деревушках, которые территориально близки друг к другу — всего-то пять километров, можно обнаружить столько различий в произношении согласных* ('находящийся на небольшом расстоянии').
2. *Братья всегда были очень близки друг другу; соперничество и ревность не были свойственны им с самого детства* ('связанный общением, дружбой, любовью').
3. *Эти две теории очень близки друг другу, разница между ними скорее терминологическая, чем содержательная* ('сходный, похожий по содержанию').

Результаты исследования показали, что в форме мн. ч. в большинстве проанализированных слов фиксируются акцентные варианты с преобладанием ударения на флексии, но вероятность флексийного ударения достоверно выше в переносных значениях слов по сравнению с прямыми. Приведем несколько примеров:

глухой

- 1) 'лишенный слуха' — *глу́хи* (96% ст.; 88% мл.) и *глухи́* (4% ст.; 12% мл.);
- 2) 'неясный, незвонкий' — *глу́хи* (90% ст.; 88% мл.) и *глухи́* (10% ст.; 12% мл.);
- 3) 'равнодушный, неотзывчивый' — *глу́хи* (50% ст.; 12% мл.) и *глухи́* (50% ст.; 88% мл.);

близкий

1. ‘находящийся на небольшом расстоянии’ — *блízки* (ст. 52%, мл. 38%) и *близкí* (48% ст., 62% мл.);

2) ‘связанный общением, дружбой, любовью’ — *блízки* (22% ст., 8% мл.) и *близкí* (78% ст., 92% мл.).

3) ‘сходный, похожий по содержанию’ — *блízки* (ст. 32%, мл. 0%) и *близкí* (68% ст., 100% мл.);

мягкий

1) ‘легко поддающийся давлению, сжатию, малоупругий’ — *мyгки* (64% ст.; 60% мл.) и *мягкí* (36% ст.; 40% мл.);

2) ‘плавный, размеренный’ — *мyгки* (72% ст.; 44% мл.) и *мягкí* (28% ст.; 56% мл.);

3) ‘не очень строгий, снисходительный’ — *мyгки* (34% ст., 12% мл.) и *мягкí* (66% ст., 88% мл.).

Таким образом, можно констатировать, что у кратких прилагательных в форме мн. ч. незначительно увеличивается количество ударений на флексии при наличии переносного метафорического значения. Но необходимо заметить, что эта тенденция проявляется не одинаково ярко у разных слов, а у некоторых изученных в эксперименте прилагательных не удалось установить достоверного различия в акцентных вариантах при первичном и переносных значениях (*мёртвyй*, *немой* и др.). Все значения этих прилагательных демонстрируют увеличение ударений на флексии от поколения к поколению.

Эксперимент показал, что в формах ж. р. и ср. р. ед. ч. вообще не выявлены различия в акцентных типах между прямыми и переносными значениями многозначных прилагательных.

7. Формы простого компаратива

В систему подвижного ударения прилагательного традиционно включаются и формы сравнительной степени с суффиксом *-ее*, поэтому они также стали объектом настоящего исследования. В исконной системе такие компаративы имели ударение на корне, если были образованы от прилагательных, относящихся к парадигме *a*, и на суффиксе — если были образованы от прилагательных парадигм *b* и *c* (подобно тому, как в нечленной форме ж. р. ед. ч. в парадигме *a* ударение падало на основу, а в парадигмах *b* и *c* — на окончание). С. В. Бромлей писала: «Процесс унификации места ударения в формах сравнительной степени несомненно следует рассматривать в связи с параллельным процессом в нечленных формах женского рода, тем более, что причины того и другого были, по существу, общие» [Бромлей 1955: 32].

Данные НКРЯ показывают, что уже в XVIII в. соответствие места ударения в кратких формах ж. р. и сравнительной степени не было стопро-

центным. Например, у прилагательных *бурный*, *нужный*, *старый* сравнительная степень как минимум до XIX в. сохраняла следы исконной акцентной парадигмы *а*: *бурнее*, *нужнее*, *старее*, тогда как в формах женского рода в то время уже было широко распространено флективное ударение. Например:

Нет-с, **ста́рее** меня по корпусу найдутся,
Я с восемьсот девятого служу...

(А. С. Грибоедов)

Перед далью молодою
Развернется предо мною
Небо выше и лазурней,
Сердце радостнее, **бу́рней**
Вспыхнет в трепетной груди,
Наше счастье впереди...

(А. Н. Поморский)

Однако до сих пор при формулировке правила ударения в компаративе большинство словарей и грамматик ориентируется на краткую форму ж. р.: либо ударение в обеих формах на корне: *зло́бна* — *зло́бнее*, либо на окончании и суффиксе: *ми́лá* — *ми́лэе*). Указывают и «исключения, связанные с проявляющейся в формах сравнительной степени тенденцией иметь ударение на суффиксе *-ее*, независимое от ударения краткой формы женского рода, иначе говоря, осуществлять подвижность ударения “с опережением” по отношению к кратким формам» [Еськова 2014: 467]; см. также [ОС: 673]. Между тем, наблюдения над литературным языком показывают, что в современном произношении несовпадение акцентуации компаративов и соотносительных кратких форм ж. р. ед. ч. перестает быть исключением.

Данные проведенного эксперимента показали, что даже в речи респондентов старшего поколения зависимость между местом ударения в формах сравнительной степени и ж. р. во многих случаях оказывается нарушена. Например, представители старшей группы произнесли: *бу́йна* (50%) и *буи́на* (50%), но только *буи́нее*; *ды́мна* (20%) и *дымна́* (80%), но *ды́мнее* (60%) и *дымне́е* (40%); *свя́та* (90%) и *святá* (10%), но только *святэ́е* и др. Число таких несоответствий увеличивается от поколения к поколению. Так, из 27 прилагательных, у которых была исследована форма простого компаратива с суффиксом *-ее*, зависимость между местом ударения в формах сравнительной степени и ж. р. отсутствует у 10 прилагательных в старшей группе, у 11 — в средней, у 14 — в младшей.

В целом следует отметить, что, так же как и краткие формы ж. р., компаративы характеризуются высокой степенью вариативности. Безысключительно на суффиксе отмечено ударение только у шести словоформ: *буи́нее*, *мрачнэ́е*, *мутнэ́е*, *наглэ́е*, *святэ́е*, *смуглэ́е*. Практически равноправны следующие акцентные варианты: *бу́рнее* и *бурне́е*, *дро́бнее* и *дробне́е*, *ды́мнее* и *дымне́е*, *ла́днее* и *ладне́е*, *ле́стнее* и *лестне́е*, *лю́днее* и *людне́е*,

ми́рнее и *мирне́е*, *не́рвнее* и *нервне́е*, *сы́тее* и *сытее́*, *це́льнее* и *цельне́е*. Орфоэпический словарь кодифицирует только один из вариантов, в подавляющем большинстве случаев — с ударением на суффиксе: *бу́рнее*, *дро́бнее*, *ды́мнее*, *ла́днее*, *ле́стнее*, *лю́днее*, *ми́рнее*, *не́рвнее*, *сы́тее*, *це́льнее*, что, по данным эксперимента, не соответствует речевому узусу.

Необходимо учитывать и тот факт, что форма простого компаратива в принципе выпадает из парадигмы имени прилагательного, что ограничивает возможности грамматической аналогии с другими формами. Неслучайно компаратив зачастую выводится за рамки словоизменения. Традицию рассмотрения простых сравнительных степеней как качественно специфических образований, не сводимых ни к прилагательным, ни к наречиям, заложил еще А. М. Пешковский; положительную и сравнительную степени прилагательных рассматривают как разные лексемы и многие другие лингвисты, подробнее см. [Качура 1991: 5; Князев 2007: 249–251].

8. Приведенный выше материал свидетельствует о том, что основным источником акцентного варьирования в синхронной языковой системе служат различные видоизменения старых парадигматических различий, формирование на их основе новых закономерностей. Однако этот процесс не приводит к глобальному изменению всей системы: по сути, материал, полученный в ходе проведенного эксперимента, по выражению Ю. А. Клейнера, «не создает нового синхронного среза, характеризующегося специфическими для него чертами», а сам процесс модификации акцентной системы кратких прилагательных не является собственно «языковым изменением» [Клейнер 2006: 134]. При этом очевидно, что существующую вариативность нельзя объяснять только действием актуальных тенденций развития грамматической системы русского языка, описываемых грамматистами: для кратких прилагательных — это актуализация противопоставления формы ж. р. всем остальным формам кратких прилагательных, акцентная дифференциация полных и кратких форм, а также возможное противопоставление формы мн. ч. формам ед. ч. Языковой материал обязательно нужно рассматривать и в диахроническом ключе, что позволит при выработке нормативных рекомендаций по-новому взглянуть на существующие языковые факты.

Анализ экспериментальных данных позволил сделать, помимо интересных теоретических выводов, выводы прикладного характера, касающиеся, в первую очередь, рекомендаций в орфоэпических словарях. Оказывается, серьезный разрыв между словарными рекомендациями и узуальными нормами постановки ударения в звучащей речи образованных людей обусловлен не только и не столько изменениями, происходящими в языке, сколько устаревшим подходом к кодификации акцентологических норм. Оказалось, что ряд акцентных вариантов, рекомендованных словарями, не устарел, а попросту никогда не существовал, при этом другие варианты существуют уже не одно столетие, однако почему-то так и не были признаны

нормативными. Проникновению таких несуществующих вариантов в словари, на наш взгляд, способствуют два фактора: во-первых, отсутствие масштабных социолингвистических исследований, и, во-вторых, игнорирование диахронических данных, которые, как было показано, помогают понять суть синхронических языковых явлений. Один раз попав в авторитетное издание, несуществующий акцентный вариант начинает свое шествие из одного словаря в другой, пополняя и без того немалый список словоформ, которые необходимо заучивать.

Все это говорит о том, что сам подход к принятию словарных рекомендаций в области акцентных норм требует серьезного пересмотра.

Л и т е р а т у р а

Аванесов, Ожегов 1955 — Русское литературное ударение и произношение: Опыт словаря-справочника / Под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова, М., 1955.

БОС 2012 — М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и её варианты. М., 2012.

Бромлей 1955 — С. В. Бромлей. К истории места ударения в формах сравнительной степени в русском языке // Доклады и сообщения института языкознания АН СССР. № 8. М.; Л., 1955. С. 24–41.

Горбачевич 1978 — К. С. Горбачевич. Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978.

Дыбо 1981 — В. А. Дыбо. Славянская акцентология: Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981.

Еськова 2014 — Н. А. Еськова. Словарь трудностей русского языка. Ударение. Грамматические формы. М., 2014.

Зализняк 2010 — А. А. Зализняк. Труды по акцентологии в 2-х томах. М., 2010.

Зализняк 2008 — А. А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. М., 2008.

Зарва 2001 — М. В. Зарва. Русское словесное ударение. Словарь. М., 2001.

Каленчук 2016 — М. Л. Каленчук. Нормы произношения в живой речи и в словарях // Труды Отделения Историко-филологических наук РАН / Отв. ред. В. А. Тишков. М., 2016. С. 262–270.

Касаткина 2000 — Р. Ф. Касаткина. Об изменениях в просодической системе русского литературного языка в последние десятилетия // Слово в тексте и в словаре: Сб. статей к семидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна / Отв. ред. Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин. М., 2000. С. 289–294.

Качура 1991 — А. В. Качура. Семантика степеней сравнения прилагательных в русском языке (семиологический аспект). Автореферат дисс.... канд. филол. наук. Киев, 1991.

Клейнер 2006 — Ю. А. Клейнер. Языковые изменения и динамика языка // Филология. Русский язык. Образование: Сборник статей, посвященных юбилею профессора Л. А. Вербицкой. СПб., 2006. С. 126–136.

Князев 2007 — Ю. П. К н я з е в. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М., 2007.

Колесов 2010 — В. В. К о л е с о в. Русская акцентология. Т. 1. СПб., 2010.

Кузнецов 1998 — С. А. К у з н е ц о в. Большой толковый словарь. СПб., 1998.

Кустова 2005 — Г. И. К у с т о в а. Ситуативная норма в значении прилагательных, наречий, предикативов: семантика и конструкции // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог-2005». М., 2005. С. 316–320.

Макеева 2010 — И. И. М а к е е в а. Акцентная микросистема русского иноческого сборника XVII века // Русский язык в научном освещении. 2010. № 1(19). С. 18–62.

ОС — Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Р. И. Аванесова. Изд. 6. М., 2014.

Резниченко 2008 — И. Л. Р е з н и ч е н к о. Словарь ударений русского языка. М., 2008.

Суханова 1981 — М. С. С у х а н о в а. Ударение прилагательных в акцентной системе современного русского словоизменения. Автореферат дисс.... канд. филол. наук. М., 1981.

ТС — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.

Шведова 2007 — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007.

Штудинер 2016 — М. А. Ш т у д и н е р. Словарь трудностей русского языка для работников СМИ. Ударение, произношение, грамматические формы. М., 2016.

Шульга 2003 — М. В. Ш у л ь г а. Развитие морфологической системы имени в русском языке. М., 2003.

Ukiah 2000 — N. U k i a h. Mobile stress in the four-part paradigms of modern Russian verbs and adjectives // Russian Linguistics. 24. P. 117–147.

Резюме

В статье показано, что основным источником появления акцентных вариантов имен прилагательных в синхронной языковой системе русского языка служат различные видоизменения старых парадигматических различий и формирование на их основе новых закономерностей. Очевидно, что существующую вариативность нельзя объяснить только действием актуальных тенденций развития грамматической системы русского языка: синхронный материал обязательно нужно рассматривать и в диахроническом ключе, что позволит при выработке нормативных рекомендаций по-новому взглянуть на существующие языковые факты.

Ключевые слова: русский литературный язык, орфоэпия, акцентуация, вариативность, имя прилагательное.

Получено 13.04.2017

MARIA L. KALENCHUK, DMITRY M. SAVINOV, EKATERINA S. SKACHEDUBOVA

**ACTIVE PROCESSES IN THE PROSODIC SYSTEM
OF THE RUSSIAN LANGUAGE: ACCENTUATION OF ADJECTIVES**

The article shows that the main source of accentual variants of adjectives in synchronic system of the Russian language are modifications of old paradigmatic differences and reformulations on the basis of new laws. It is obvious that the existing variability cannot be explained only by current trends in the development of the grammatical system of Russian language: synchronous material needs to be examined diachronically. This will help create a new perspective on the existing linguistic facts while working out regulatory recommendations.

Keywords: Russian standard language, orthoepy, accentuation, variability, adjective.

Received on 13.04.2017

Г. М. ЗЕЛЬДОВИЧ

**РУССКАЯ ВОЗВРАТНАЯ ДАТИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ:
НЕВЫРАЗИМЫЙ СУБЪЕКТ,
ДЕФОКУСИРОВАНИЕ СОСТАВЛЯЮЩИХ СИТУАЦИИ
И ПРОБЛЕМА КОМПОЗИЦИОНАЛЬНОСТИ**

1. Предварительные замечания

Известно, что русские возвратные глаголы распадаются на огромное число типов. Среди них исследователи выделяют, в частности, возвратный пассив (*Машина ремонтируется механиками*), декаузатив (из представления о ситуации устранен субъект-каузатор, как, например, в *Окно открылось*), собственно рефлексив (*Иван моется*), взаимно-возвратные глаголы (*Иван и Мария ругаются*), косвенно-возвратные глаголы (*Иван держится за поручень*), активно-безобъектные глаголы (*Собака кусается*), глаголы, требующие дополнения в дательном падеже (*Мне не работается*), и еще многочисленный ряд иных классов; см., например, [Янко-Триницкая 1962; Gerritsen 1990].

Картина осложняется тем, что нередко и в границах одного класса при тщательном анализе обнаруживается множество подклассов более мелких, вплоть до отдельных изолированных лексем (см. там же). Скажем, как хорошо известно, собственно-возвратным глагол может быть и во вполне каноническом смысле ‘субъект и объект действия идентичны’ (так дело обстоит в *Иван моется*), и в смысле отчасти условном, так сказать, «предоставительном» ‘субъект позволяет какому-то иному субъекту совершить над ним соответствующее действие’ (ср. *Иван моется у превосходного банщика*). Отчасти аналогичным образом, страдательное значение у возвратных глаголов может быть и страдательным в узком смысле слова (глагол на *-ся* сигнализирует только о том, что подлежащее является не субъектом, а объектом действия), и страдательно-модальным, которое в первом приближении можно описать так: ‘объект, названный подлежащим, может быть подвергнут данному действию и/или есть внешние условия, чтобы над объектом-подлежащим совершить данное действие’; ср. *У меня книга пишется* ≈ ‘я пишу книгу; есть (внутренние, внешние или те, и другие) условия, чтобы я ее писал’.

Геннадий Моисеевич Зельдович, Варшавский университет

Кроме того, отдельные традиционно постулируемые типы возвратных глаголов не только обнаруживают тенденцию к внутреннему дроблению, но и границы между самими этими типами тоже в ряде случаев оказываются крайне неопределенными.

Например, одной из давних нерешенных проблем остается разграничение между пассивным и декаузативным значением возвратного глагола. Теоретически рассуждая, разница совершенно ясна: в первом случае каузатор в семантической структуре есть, а во втором он полностью устранен, — однако установить, с каким из двух вариантов мы имеем дело в том или ином конкретном предложении, бывает отнюдь не легко. Обычно пользуются простым правилом: поскольку страдательная форма на *-ся* без натяжек образуется только от глаголов несовершенного вида, то недопустимость совершенного вида в соответствующей конструкции свидетельствует о ее страдательном характере, а допустимость — о характере декаузативном; см., например, [Падучева 2001]. Недостаток этого подхода в том, что при определенных условиях пассив на *-ся* все-таки успешно образуется (ср. приемлемое *Смета составит (компьютером) за час; Белье в машине до завтра постирается; Книга написалась*; субъект здесь из концептуальной структуры вовсе не элиминирован, так что это ни в коем случае не декаузатив; см. многочисленные другие примеры в [Перцов 2003]; несомненно существующие ограничения на образование такого пассива мы пытались объяснить в [Зельдович 2010]). Поэтому названный критерий можно считать лишь весьма приблизительным. Главное здесь даже не в том, что он найден неудачно, а в глубинном изначальном подобии между пассивом и декаузативом, которые оба предназначены для того, чтобы устранить субъект действия с главного когнитивного плана, — и это их подобие, скорее всего, будет затруднять и всякую иную попытку строгого их разграничения.

Того же рода диффузность обнаруживается и между классом возвратных пассивных конструкций и конструкций безличных дативных. Так, модальные пассивные конструкции типа *У меня пишется книга* и возвратные дативные типа *Мне хорошо пишется* роднятся своим модальным значением вроде 'у субъекта есть возможность (нет возможности) совершать данное действие' (хотя характер модальности может быть и неодинаковый; во втором случае модальность «внутренняя», речь идет о собственных ресурсах субъекта, а в первом она может быть и «внутренней», и «внешней», относясь к объективным условиям, в которые он поставлен). Кроме того, для некоторых авторов отдельным синтаксическим типом является и пассив (или — квазипассив) с дативным субъектом, как в *Мне видится книга; Мне слышатся странные звуки; Ивану думались тяжелые думы*. От пассива здесь присутствие подлежащего, на которое в том или ином смысле направлено действие, от безличной дативной конструкции — экспериментер в дательном падеже. См. обо всем этом подробнее в статье А. Б. Летучего [2014].

Первое, что должен почувствовать лингвист при взгляде на такую картину, — это желание ее упростить, найти единство в столь непохожих с виду возвратных глаголах, увидеть все или по крайней мере многие их особенности как результат взаимодействия между одинаковой во всех случаях семантикой постфикса *-ся* и его специфическим в каждом случае окружением.

Иными словами, стремиться несомненно следует к композиционному анализу возвратных глаголов. Такой подход соответствует и общенаучной методологии, предписывающей минимизировать число используемых в описании сущностей («бритва Оккама»), и иконическому принципу «одна языковая форма — одно значение», согласно которому гипотеза об однозначности интересующей нас языковой единицы имеет априорное преимущество перед допущением о полисемии и должна быть оставлена только в случае, если окажутся безуспешными серьезные опыты унитарного анализа.

Нам кажется, предпринятые до сих пор попытки так интерпретировать возвратность не были достаточно последовательными. Изучавшие ее лингвисты сосредоточивались преимущественно на различиях между рефлексивами, а когда речь заходила об их единстве, ограничивались достаточно туманными обобщениями, не позволяющими понять, как именно из семантики постфикса *-ся* и из его взаимодействия с семантикой основы и с морфосинтаксическим окружением возникает значение каждой конкретной возвратной конструкции. Например, при требовательном подходе к делу мало что объяснит нам традиционный тезис о том, что постфикс *-ся* указывает на замкнутость действия в сфере субъекта. Явно не дает ключа к решению задачи и отстаиваемый Н. Герритсен [Gerritsen 1990] постулат, что субъект возвратной конструкции принципиально «двупостасен» — скажем, выступает в собственно-возратном варианте и как инициатор действия, и как его пациенс, а в активно-безобъектном (*Собака кусается* и т. п.) — и как инициатор действия, и как предмет характеристики. Дело в том, что само понятие подобного «двоеролия» слишком расплывчато, и остается неясным, какое совмещение ролей допускается, а какое исключается постфиксом *-ся*. Наконец, существует множество важных и интересных работ, в которых даже не предпринята попытка четко определить инвариантное значение этого постфикса — то есть не делается даже первый шаг к композиционному анализу рефлексивов; таково, к примеру, исследование [Летучий 2014].

Решить столь масштабную задачу в нынешней статье мы, разумеется, не можем, однако представляется, что даже и относительно частный анализ, если он подтвердит композиционное устройство того или иного типа возвратных глаголов, хотя бы немного приблизит нас к цели. В этой связи мы хотим обратить внимание на одну особенность возвратных дативных конструкций (ВДК): в ряде случаев здесь только с трудом допустим или даже почти недопустим эксплицитный субъект. Вот некоторые примеры (более представительная их подборка будет дана позднее; часть приводимых здесь и ниже примеров, иногда с неприципиальными изменениями, заимствована у А. Б. Летучего [2014]): *Любите, пока (вам) любитесь; Иди,*

пока (?тебе) идетя; Да разве же постыдно петь, когда (?вам; ?тебе) поется, да разве же любить постыдно, когда любовь приходит, ниспосланная Богом на веку? (Ч. Айтматов); *Хочу написать еще несколько слов о г-же Гумберт, покуда (?мне) пишется* (В. В. Набоков).

Хотя ниже предметом рассмотрения будет русская возвратная дательная конструкция, полезно помнить, что подобная конструкция есть и в иных славянских и неславянских языках, например в польском, испанском и др., причем главные ее свойства почти всюду достаточно близки к свойствам русской ВДК: в центр внимания ставится внутреннее состояние субъекта, в такой конструкции как правило нужно отрицание либо иной модификатор и т. д. (об этих свойствах см. ниже). Мы отдаем себе отчет в том, что реальное употребление такой ВДК в отдельных языках может быть разным; скажем, в польском отрицательная конструкция типа русского *Мне не спится* маргинальна (хотя утвердительные типа *Мне хорошо спалось* широко распространены), не употребляется ВДК типа *Мне думается* и т. д. Тем не менее, по нашим данным, такого рода предложения даже в нейтральном или нулевом контексте вполне понятны для носителей польского языка и интерпретируются точно так же, как русскоговорящими. Поэтому можно думать, что в наиболее частом случае расхождения между языками объясняются особенностями узуса, что вовсе не противоречит гипотезе о композиционном характере ВДК: просто из определенного пространства возможностей каждый язык может выбирать лишь некоторые, а некоторые отвергать или воспринимать как маргинальные по причинам исторического либо прагматического характера¹. Подобная ситуация дале-

¹ Так, например, вместо русской конструкции типа *ему подумалось, что...* в польском языке употребительна предельно близкая по смыслу конструкция *pomyślał sobie, że...*, букв. ‘подумал себе, что...’, которая в русском крайне редка.

Очевидно, не противоречит сказанному и тот факт, что исторически значения возвратного показателя нередко развиваются в направлении «собственно возвратность — декаузативность — пассивность». Судя по всему, прагматическая доступность у собственно-возвратной интерпретации выше, чем у декаузативной, а у последней — выше, чем у страдательной. В частности, наиболее прототипическая и когнитивно доступная нам ситуация транзитивна, в ней есть субъект и объект, на который первый воздействует; см., среди огромной литературы, например [Norreg, Thompson 1980; Slobin 1982; Croft 1994]. Субъект и объект оба, хотя и не вполне тривиальным образом, присутствуют в собственно-возвратной конструкции, в декаузативе же субъекта-каузатора нет вовсе, а пассив обладает тем свойством, что соответствующую ситуацию можно мыслить в отвлечении от субъекта (см. подробнее [Зельдович 2010]). Таким образом, и декаузатив, и пассив оба отходят от морфосинтаксического прототипа серьезнее, нежели собственно рефлексив, причем пассив — некоторым особенно изысканным, так сказать, двойственно-диалектическим образом.

Поэтому вполне допустимо считать, что потенциально все названные смыслы (как и ряд других) присутствуют в значении возвратного постфикса, но могут не все быть востребованы данным языком на данном этапе его развития по прагматическим причинам.

ко не редка; достаточно вспомнить в качестве постороннего примера страдательный залог, который, по мнению большинства исследователей, имеет везде одну и ту же природу (понижается синтаксический ранг субъекта; см., например, [Мельчук 2004]), однако закономерности его употребления далеко не одинаковы в разных языках; см. особенно [Siewierska 1984], где представлены разнообразные и в принципе способные меняться от языка к языку прагматические функции пассива. Например, в польском весьма распространены некоторые страдательные конструкции, невозможные для русского, как, например, конструкция типа *Jestem szantażowany*, букв. 'я шантажируюсь' (по-русски — *Меня шантажируют*), или возможные в русском, но звучащие неестественно, как, например, *Jestem oszukany*, букв. 'я обманут' (естественнее по-русски — *Меня обманули*). Кроме того, в свете современной теории залога вполне композиционным выглядит и значение так называемого безличного пассива, типа «Прочитано книгу», где понижается в ранге подлежащее, но не повышается прямое дополнение, — однако есть языки, в том числе русский, в которых эта конструкция аграмматична.

Безусловно, в отдельных языках, располагающих возвратной дативной конструкцией (например в болгарском), она имеет существенно иное значение и иные свойства (скажем, фраза, буквальный перевод которой был бы «мне курится», в болгарском значит нечто вроде «хочется курить» и не требует ни отрицания, ни иного модификатора), однако на общем фоне такие случаи скорее выглядят как результат переосмысления и фразеологизации.

Возвращаясь теперь к русской возвратной дативной конструкции, подчеркнем, что, хотя на первый взгляд невыразимость субъекта в ней² может представляться обстоятельством случайным или малозначительным, при вдумчивом рассмотрении она дает нам интересное и весомое свидетельство композициональности ВДК.

Однако к ВДК с невыразимым субъектом мы обратимся только в п. 3. Дело в том, что в [Zeldovich 2011; Зельдович 2012: 296–354] мы уже предлагали композициональный анализ ВДК, и, поскольку он далеко не безразличен для нашего дальнейшего изложения, здесь есть смысл коротко его воспроизвести.

2. О композициональном анализе возвратных дативных конструкций

Нашим главным аргументом в пользу композициональной природы ВДК было то, что значение ВДК удастся вполне убедительно объяснить, опираясь на некоторые общие правила и на достаточно простое и интуитивно достоверное представление о семантике постфикса *-ся*.

² Термином «невыразимость» мы пользуемся в немалой степени условно, подразумевая под ним не только невыразимость как таковую, но и неловкость, нежелательность эксплицитного субъекта, осязаемую предпочтительность его нулевой формы.

В [Zeldovich 2011; Зельдович 2012: 304–324] мы писали, что *-ся* понижает уровень агентивности или/и повышает уровень пациентивности подлежащего либо, когда подлежащего нет, иного наиболее высокого рангом актанта, по сравнению с тем уровнем, какой наиболее высокий рангом актант имел в соответствующей невозвратной конструкции.

Прототипический агенс и пациенс обладают следующими чертами (опираемся на классическую работу [Dowty 1991]):

Прототип агенса:

- (а) волитивен, то есть вовлечен в ситуацию по собственной воле (например, *Иван избегает Марии*)³;
- (б) это живое существо (*Иван ненавидит Марию*);
- (в) каузирует событие, в наиболее простом случае вызывает изменение в ином участнике ситуации (обычно это прямой объект: *Экономическая депрессия вызвала безработицу*)⁴;
- (г) движется (относительно другого участника: *Пуля обогнала стрелу*);
- (д) существует независимо от данной ситуации (пример Д. Даути: *John needs a new car*).

Прототип пациенса:

- (а) с ним происходят изменения (таков *камень* в *Иван катит камень*);
- (б) он является «мерой» действия (то есть действие благодаря этому объекту оказывается предельным; *Иван наполнил стакан*);
- (в) другой участник ситуации каузирует в пациенсе изменение (частный случай — каузирует возникновение пациенса: *Курение вызывает рак*);
- (г) не движется относительно иного участника (*Пуля настигла цель*);
- (д) его существование не независимо от данной ситуации (такова машина в *John needs a new car*).

Понизить агентивность актанта мы можем, лишив его одной или нескольких прототипически агенсных черт или ослабив хотя бы одну из них (речь идет о волитивности, которая является не бинарным, но градуируемым признаком; см. ниже), а повысить пациентивность — придав ему дополнительно одну или несколько черт пациенсного прототипа.

Пояснение 1. Впрочем, черты эти, как легко заметить, в ряде случаев симметричны, так что устранение соответствующей агенсной черты нередко равносильно приобретению пациенсной: ср. хотя бы подвижность агенса и неподвижность пациенса, самостоятельное существование перво-

³ Наши примеры похожи на оригинальные примеры Д. Даути и подобраны так, чтобы была видна взаимная независимость перечисляемых свойств: в каждом случае у агенса имеется только одно иллюстрируемое свойство и нет других.

⁴ В более точном виде формулировка Д. Даути такова, что субъект вызывает изменения в ином участнике ситуации или (если изменений нет) является инициатором ситуации. Последним вариантом здесь можно пренебречь.

го и несамостоятельное второго; можно было бы также показать, что тот, кто вызывает изменения в другом участнике ситуации, с трудом концептуализируется в языке как сам претерпевающий изменения, поэтому свойство агенса изменять другого участника ситуации и свойство пациенса самому изменяться тоже скорее комплементарны. Такая взаимоотраженность между прототипом агенса и прототипом пациенса у Д. Даути не должна особенно удивлять, ибо он рассматривает (прототипическую) агентивность и (прототипическую) пациентивность не как два разных феномена, но как две крайние точки на одной шкале, то есть крайние «значения» одного и того же по сути параметра, который можно, в первом приближении, определить как уровень активности участника ситуации.

Пояснение 2. По только что названной причине данная выше формулировка, согласно которой *-ся* сигнализирует о более низкой агентивности актанта или/и о его более высокой пациентивности, формально содержа в себе дизъюнкцию, в сущности не дизъюнктивна. Известно, что дизъюнктивные толкования вообще могут вызвать немало контrovers, ибо представляют как одно два разных — пускай и близких — значения, но в нашем случае этот упрек неправилен.

Наше истолкование постфикса *-ся* хорошо подходит и к основным, наиболее представительным классам возвратных глаголов, и к большинству их периферийных, слабопродуктивных разновидностей, нередко вплоть до отдельных изолированных случаев. Подробные иллюстрации даны в [Зельдович 2012: 304–324], здесь же ограничимся лишь несколькими примерами.

Пример 1. При переходе от действительного залога к пассиву, в частности к пассиву возвратному, место подлежащего начинает занимать семантический объект, а у него пациенсных черт очевидным образом больше, чем было у подлежащего в соответствующей действительной конструкции; обычно у него меньше и агенсных черт, особенно если подлежащее в последней относилось к волитивному одушевленному субъекту. Ср. хрестоматийное *Рабочие строят дом* (действительный залог) и *Дом строится рабочими* (страдательный залог). В первом случае у подлежащего есть все пять черт агенсного прототипа — и ни одной из черт пациенсного; во втором, наоборот, все пять черт пациенсного и ни одной агенсной черты. Другая иллюстрация: *Жара вызывает жажду* и *Жажда вызывается жарой*. В первом случае у подлежащего есть две черты агенсного прототипа — жара выступает как каузатор и обладает независимым существованием — и ни одной из черт пациенсного. В возвратной конструкции *жажда* не обладает независимым существованием, является объектом каузации и, вероятно, «мерой» действия (если считать, что оно предельное и жажда на жаре возникает постепенно) — то есть обнаруживает две или три черты пациенса и ни одной агенсной.

Сказанное ни в коем случае не означает, будто страдательное значение создается постфиксом *-ся*: «идея страдательности» существует в языке не-

зависимо от него; достаточно вспомнить, как часто в русском языке и вообще в языках мира страдательный залог имеет невозвратную форму. Для нас важно лишь то, что семантика этого постфикса, как мы ее определили, прекрасно согласуется с особенностями пассивной конструкции.

Добавим, кстати, что в том же композиционном ключе можно анализировать и особые случаи пассива, например модальный пассив типа *У меня файл открывается*. При переходе от действительного залога *Я открываю файл* к обычному страдательному, с субъектом в творительном падеже, *Мной открывается файл*, подлежащее становится менее агентивным и более пациентивным и таким образом удовлетворяются уже все требования, налагаемые на конструкцию самим постфиксом *-ся*. Далее, однако, каноническая для пассива инструментальная форма субъекта меняется на препозитивную с предлогом *у*, обладающую необычайно широким, расплывчатым значением. Примечательно то, что хотя *-ся* к этой трансформации уже не имеет никакого отношения, она тоже дает композиционный по характеру результат. С одной стороны, канонический субъект высокоагентивен, с другой же — неканоническая форма субъекта уместна там, где в каком-то смысле он отходит от канона. В данном случае отступление от канона должно состоять в том, что субъект (частично или полностью) теряет свою волиитивность и, возможно, даже не воздействует на объект — как будто бы действие совершалось самопроизвольно. И тем, и другим порождается то представление о зависимости субъекта от определенных внешних либо внутренних обстоятельств, которое и придает всей конструкции модальный оттенок. См. о таких конструкциях в [Летучий 2014]⁵.

Пример 2. Такого же рода анализ возможен для декаузатива, где «бывшее» прямое дополнение, называющее объект, превращается в подлежащее. Этот объект более пациентивен и менее агентивен, нежели субъект действия, который был в производящей конструкции подлежащим, но здесь переводится в «закадровую» роль.

Пример 3. В собственно-возвратных конструкциях подлежащее-субъект становится также и семантическим объектом, отчего число его пациентивных черт возрастает: субъект этот не только является источником воздействия, но и подвергается воздействию и, как правило, в результате действия изменяется.

Пример 4. Подобным же образом, во взаимно-возвратных конструкциях каждый субъект действия становится еще и объектом, отчего повышается его пациентивность.

⁵ Заметим, кстати, что приведенный анализ объясняет еще одну исключительно важную черту «модального пассива»: то, что он образуется, как правило, от высокоагентивных глаголов. Действительно, если верно, что конструкции типа *У меня файл открывается* содержат указание на неканоничность субъекта, то наиболее информативны они будут там, где в соответствующей активной конструкции субъект именно канонический, то есть высокоагентивный.

Пример 5. В активно-безобъектных (медиальных) конструкциях, наподобие *Собака кусается*, субъект выступает дополнительно еще и как объект характеристики, таким образом приобретая дополнительное пациенское свойство (ср. [Gerritsen 1990: 99 и др.]).

Пример 6. Обращаясь к определенно непродуктивным типам возвратности, можно в качестве примера вспомнить глагол *белеться*. Повидимому, различие между *парус белеет* и *парус белеется* в том, что во втором случае парус не просто виден наблюдателю, но видящий его человек специально в г л я д ы в а е т с я туда, где находится парус, то есть прилагает определенные усилия, на этот парус направленные, — и оттого пациенсивность *паруса* возрастает⁶.

Теперь посмотрим, как же формируется значение возвратных дативных конструкций.

Реально встречаемые ВДК практически все относятся к одному из двух типов. Во-первых, это ВДК, образованные от личной конструкции, в которой глагол безусловно волитивен: будет ли совершать данное действие субъект, зависит только от его выбора; таковы по умолчанию действия *писать, читать, гулять, идти* и мн. др. Во-вторых, это ВДК, в невозвратной конструкции-«источнике» которых субъект обладает умеренной волитивностью: от него данное действие зависит, но не в полной мере. Таковы действия *спать, простить, любить, думать, слышать, чувствовать*. По своему усмотрению субъект не всегда может их совершать, но в некоторых случаях может приложить к этому старания (*Старался уснуть/простить/любить, Старался думать, что друг его не предал* и т. п.) и может приложить старания к тому, чтобы, наоборот, от этих действий воздержаться (*Старался не спать / не думать / не слышать / не чувствовать*).

Очевидно, у двух этих типов ВДК есть важная общность: изначально в производящей невозвратной конструкции субъект обладает некоторым ненулевым уровнем волитивности.

Перед лицом этого обстоятельства возникает соблазн подумать, что в ВДК волитивность субъекта должна снижаться без всяких посредствующих звеньев. Это, однако, было бы ошибкой, ибо, с одной стороны, волитивность — градуируемый параметр, с другой же стороны, и в русском, и в других языках действует (возможно, полный, если же нет, то очень серьезный) запрет на грамматикализацию чисто количественных различий; см. подробно [Зельдович 2012: 327–332].

Вместе с тем, для того, чтобы понизить волитивность субъекта в ВДК, есть и другой, хорошо доступный путь.

⁶ Согласно [Gerritsen 1990: 40–42], глагол *белеть* предполагает, что мы сразу распознаем соответствующий объект, а глагол *белеться* — что сначала видим его цвет, а распознавание объекта уже требует дополнительных усилий. Очевидно, что наш анализ *-ся* способен это предсказать, так как наблюдатель будет склонен направлять особые усилия именно на тот объект, который уже заметил, но еще не вполне его рассмотрел.

Какое бы волитивное (полуволитивное) действие человек ни совершал, ему для этого нужны определенные внутренние — физические и психоментальные — ресурсы, которые практически невозможно исчерпывающим и четким образом охарактеризовать. Скажем, чтобы писать стихи, нужны силы, вдохновение, замысел и проч., однако, сколь бы длинный список этих ресурсов мы ни задали, всегда остается место для «чего-то еще», без чего полноценное сочинение стихов неосуществимо. Ср.: *Вот хочу писать стихи, и силы есть, и вдохновение, и замысел — а все равно ничего не выходит (не пишется)*. Аналогичным образом, чтобы хорошо спать, как будто нужно быть усталым, нужно расслабиться и успокоиться, отбросить мысли и проч., но даже при соблюдении сколь угодно большого числа подобных условий все равно остается допустимым текст такого типа: *Вот устал, и спокоен, и мысли не тревожат, и т. п. — а все не сплю (не спится)*.

Иными словами, чтобы субъект совершил хоть сколько-нибудь волитивное действие, он должен, помимо рационализируемых внутренних ресурсов, получать откуда-то еще ресурсы *н е р а ц и о н а л и з и р у е м ы е*, а получать их он способен только от какой-то тоже плохо рационализируемой, ускользающей от ясных определений силы (которая, конечно, может принадлежать и самому субъекту; важно только, что и в таком случае она ему неподвластна и не интегрирована с его ментально-волевыми аспектами). Поэтому представление о ней всегда присутствует в нашей концептуализации волитивного действия.

В прототипическом случае названная сила остается на очень далеком когнитивном плане, остается для нас «незаметной», и по умолчанию мы трактуем волитивный субъект так, будто бы он ее действию не подвергался. Именно эта «деконтекстуализация» позволяет видеть в субъекте полноценный агент, располагающий всеми необходимыми для данного действия физическими и психоментальными ресурсами и сам выбирающий, совершать действие или нет⁷. Если же названное представление вывести на первый план, то субъект в своем поведении окажется для нас более зависим и оттого потеряет часть своей волитивности.

⁷ Стоит заметить, что подобное игнорирование первого звена в причинно-следственной цепи «воздействие неопределенной силы на субъект — действия субъекта — переток энергии от субъекта к объекту (возможно, через опосредующий инструмент или иное средство) — изменение в объекте» имеет принципиальную важность для всего нашего языкового сознания — ибо без этой своеобразной «языковой слепоты» нельзя было бы противопоставить субъект и объект столь радикальным образом, каким они противопоставлены в образцовом, предусмотренном даутианскими прототипами случае, — противопоставить как «начальную точку» действия его «финальной точке». Между тем, чем резче они друг другу противопоставлены, тем проще нам расчленить соответствующую ситуацию на отдельные составляющие, а это процедура, лежащая в основе почти любого мыслительного процесса.

Именно такой способ осмысления постфикса *-ся* и приводит к возникновению ВДК, чье значение можно представить следующим образом:

X-у P-ся (например, *X-у пишется*) = ‘на X-а действует неподконтрольная ему неясная сила, дающая ему внутренние ресурсы, чтобы совершать действие P’.

Первым свидетельством в пользу этого композиционного анализа ВДК является то, что он прямо предсказывает главную смысловую особенность подобных конструкций: пониженную ответственность субъекта за действие и то, что внутреннее состояние субъекта зависит от неподконтрольной ему не вполне ясной, «стихийной» силы, — особенность, которую отмечали практически все исследовавшие ВДК авторы; см., например, [Wierzbicka 1981; Pariser 1982; Gerritsen 1990; Israeli 1997; Ackerman, Moore 2001]; в [Pariser 1982] см. также обзор литературы XIX — пер. пол. XX века⁸.

Вполне ясно, откуда во многих случаях возникает у ВДК и их модальный оттенок ‘субъект хочет (должен) совершить данное действие’. С прагматической точки зрения, ставить вопрос о том, есть ли у субъекта необходимые внутренние ресурсы, чтобы совершить данное действие, в нормальном случае имеет смысл лишь тогда, когда от субъекта данное действие ожидается или может ожидаться — то ли ввиду собственных желаний субъекта, то ли ввиду определенных обстоятельств, принуждающих его действовать, то ли в силу тех или иных наших стереотипов, предписывающих в данной ситуации поступать именно таким образом.

Кроме того, наш подход к ВДК позволяет предсказать и ее многообразные идиосинкратические особенности.

Например, ВДК, как правило, требует модификатора — отрицания или наречия типа *хорошо*, *плохо*, *с удовольствием* и т. п.; ср. правильные конструкции *Мне не пишется*; *Мне не спится*; *Мне хорошо (плохо, с удовольствием) пишется/спится* и странные ^{??}*Мне пишется*; ^{??}*Мне спится*. Дело в том, что, как мы говорили выше, само присутствие дающей субъекту внутренние ресурсы неясной силы в высокой степени тривиально: если известно, что действие состоялось, то заведомо имела и такая сила. С другой стороны, ВДК типа ^{??}*Мне пишется*; ^{??}*Мне спится*, будь они приемлемы, несомненно означали бы, что данное действие осуществляется. По-

⁸ Согласно [Летучий 2014], в редких случаях ВДК относится не к внутренней, а к внешней, объективной возможности. В подтверждение автор приводит иллюстрации типа *Давно не ездилось мне общественным транспортом*, которые, по его мнению, надо толковать как ‘давно у меня не было возможности (надобности) ездить общественным транспортом’. Нас эти примеры не убеждают: они крайне редки и носят характер художественного приема, смысл которого именно в том, чтобы внешнюю модальность представить как внутреннюю, то есть, в приведенном случае, сказать ‘давно у меня не было внутренних ресурсов (желания, настроения) ездить общественным транспортом’, лишь п о д р а з у м е в а я, что говорящий не ездил в силу объективных причин.

этому в утвердительной ВДК без модификатора может оставаться не вполне понятным, зачем фокусировать внимание на обсуждаемой тут силе. Однако если мы говорим об отсутствии либо недостаточности этой силы или характеризуем ее по ее «качеству» — как благоприятную или неблагоприятную для данного действия, — то тривиальным такое сообщение уже не является, и отсюда «спасительная» роль модификатора. (Примечательно, что из модификаторов в ВДК допустимы только те, которые способны сказать нам что-то о «свойствах» названной силы, а, допустим, такой не имеющий к ней отношения модификатор, как *с карандашом в руке*, для искомой детривиализации недостаточен, и соответствующая ВДК требует либо дополнительного модификатора, либо оказывается малоприемлемой. Ср. ⁹*Мне читалось с карандашом в руке; Мне отменно читалось с карандашом в руке*)⁹.

В некоторых случаях, например в конструкциях с предикатом психоментального или физического состояния — вроде *Мне думается, что...*, *Мне зеваётся* — модификатор не нужен, однако и здесь имеются свои, более тонкие механизмы детривиализации, описанные нами в [Зельдович 2012: 347–349].

Далее, если, согласно нашему анализу, в случае ВДК говорящего интересуется не столько само действие, сколько внутреннее состояние субъекта, совершенно очевидно, почему в ВДК субъект чаще всего оказывается в фокусе эмпатии (см., например, [Israeli 1997: 138–141]; впрочем, ниже мы еще встретим исключения из этого правила) и почему речь в ВДК может идти только о действии, полноценное осуществление которого в большой мере зависит от внутреннего состояния субъекта [Там же: 133–134].

Объяснимо и то, почему глагол в ВДК практически всегда (для многих авторов — просто всегда) агентивный (ибо иначе эту агентивность, точнее, ее волитивный компонент, нельзя редуцировать), и то, почему в ВДК избегаются слишком агентивные глаголы, такую редукцию изначально не допускающие (по той же причине не употребляются в ВДК и прямо указывающие на очень высокую агентивность обстоятельства типа *напряженно*, *сосредоточенно*, *энергично*; см. [Апресян 2005: 9]).

Предсказуемо также и особое взаимодействие ВДК с отрицанием и с наречиями типа *хорошо*, *плохо* и т. п., в сферу действия которых попадает именно выдвинутое здесь в фокусную позицию представление о ресурсах, получаемых субъектом от неясной трудноопределимой силы; поэтому, например, *Мне не пишется* значит, что говорящий не получает соответствующих ресурсов или не получает всех необходимых ресурсов, а *Мне хорошо спится* — что соответствующие ресурсы обладают, условно говоря, «хорошим качеством». Подробнее см. [Зельдович 2012: 343–344].

⁹ Кажется ошибочным мнение Н. Герритсен, будто оборот *с карандашом в руке* по своей семантике несовместим с ВДК. Он с ней вполне совместим, но его недостаточно, чтобы «исправить» последнюю.

Наконец, коль скоро субъект в ВДК концептуализируется как получатель ресурсов, своего рода бенефициант, совершенно ясно, почему он выступает в дательном падеже.

3. Почему субъект в возвратных дативных конструкциях бывает невыразимым? Дефокусирование как «грамматический императив» таких конструкций

Теперь мы готовы сосредоточиться на нашем главном вопросе.

Как мы уже говорили, существуют предложения, которые, с одной стороны, интуитивно воспринимаются как принадлежащие к ВДК, но в то же время формального дативного субъекта в них нет и эксплицитное его выражение по меньшей мере проблематично; ср.: *Любите, пока (ʹвам) любитесь; Иди, пока (ʹтебе) идется; Я хочу его простить, но (ʹмне) не прощается; Да разве же постыдно петь, когда (ʹвам; ʹтебе) поется, да разве же любить постыдно, когда любовь приходит, ниспосланная Богом на веку?* (Ч. Айтматов); *Хочу написать еще несколько слов о 2-же Гумберт, откуда (ʹмне) пишется* (В. В. Набоков).

Это явление кажется парадоксальным, ибо в семантической структуре подобных предложений субъект безусловно есть. Конечно, лингвистам известны такие случаи, когда в смысловой структуре предиката имеется определенный актант, но он не может быть прямо назван в пределах той синтаксической группы, вершину которой данный предикат составляет. Хрестоматийным стал пример с глаголом *промахнуться* — название цели, по которой ведется стрельба, практически не способно выступать как его синтаксическое зависимое; можно вспомнить слово *ультиматум*, в чьей семантике присутствуют две валентности, соответствующие предлагаемой оппоненту альтернативе («или ты сделаешь то-то и то-то, или я сделаю то-то и то-то»), но на поверхностном уровне выразить их допустимо не как синтаксически подчиненные слову *ультиматум* составляющие, но только в виде отдельных, формально автономных конструкций; ср. *Полиция предъявила ультиматум: либо мы сдаемся, либо нас захватят силой*; о слове *ультиматум* см. [Богуславский 1985: 16–18]; ряд иных важных примеров см. в [Плунгян, Рахилина 1998]. Однако, с другой стороны, такого типа невыразимость определенно является исключением из правил и обнаруживается лишь у немногочисленных изолированных лексем — в то время как ВДК в целом представляет собой весьма продуктивную синтаксическую модель, и на фоне огромного числа подобных конструкций, где эксплицитный субъект допускается без малейшей натяжки, невозможность или затрудненность его экспликации выглядит куда более странно, чем невыразимая валентность у единичного слова.

Еще парадоксальнее то, что зачастую легкое изменение контекста уже позволяет эксплицитно выразить субъект ВДК; ср. примеры, где экспли-

цитный субъект либо безупречен, либо, во всяком случае, намного уместнее, чем в приведенных выше: *Пока вам любится, вы будете веселы и счастливы; Пока тебе идетя, все трудности кажутся мелочью; Всю жизнь мне предписывают прощать врагов, но мне как-то не прощается; Когда мне поется, я пою; Пока мне пишется, напишу несколько слов о 2-же Гумберт.*

Это обстоятельство должно предостеречь нас от попыток отделить подобные предложения с невыразимым субъектом от более привычных ВДК и считать их особым типом возвратных конструкций — как, судя по всему, склонен это сделать А. Б. Легучий [2014]. Здесь особенно хорошо видно, что невыразимость субъекта является не чертой той или иной конструкции в целом, но чертой данного конкретного предложения в данном конкретном контексте.

Впрочем, в подобном «единое разрознивающим» шаге нет надобности, ибо описанное явление все-таки можно объяснить, не умножая число морфосинтаксических сущностей.

Начнем издалека. Известно, что значение практически всякой языковой единицы внутренне иерархизировано, что в ней самой и/или в ее контексте обычно присутствует информация о том, как наше внимание должно распределяться между элементами ее смысла; см. особенно [Talmy 2010]. Скажем, в семантике слова обычно выделяются ассерция и пресуппозиция, из которых первая в определенном смысле более важна. Предложение состоит из темы и ремы (с возможными их дальнейшими более тонкими членениями), причем рема коммуникативно доминирует, а тема ей подчинена. В дискурсе как целом в общем случае также выделяется первый и второй план (также с возможным дальнейшим нюансированием): скажем, в нарративном тексте к первому плану принадлежит, как правило, главная повествовательная линия, а все прочее находится на втором; см. в первую очередь [Norreg, Thompson 1980].

Существенно, что такого рода иерархия не задана раз навсегда, но носит подвижный характер: в определенных условиях низший по рангу смысловой элемент может выводиться в более высокую позицию (будем это явление называть *фокусированием*), и наоборот, высший по рангу элемент может оттесняться на менее заметный когнитивный план (*дефокусирование*). Так, с помощью особой интонации и особого контекста пресуппозицию часто удается сделать ассерцией; скажем, если во фразе *Иван бросил пить* смысл 'Иван раньше пил' презумптивен, то в контексте *Иван бросил пить, а не был трезвенником с самого начала* он ассертивизируется: ведь лишь ассертивные смыслы способны входить в контраст того типа, который здесь представлен (так называемый элиминативный контраст; см. [Bogusławski 1977]). Существуют повествовательные тексты, где главным оказывается не сюжет, а разного рода описания, мотивировки и т. п. (так называемая орнаментальная проза). Если в целом в значении слова *компромисс* на первом плане скорее находится идея примирения между конфликтующими сторонами, то есть в конечном счете идея «общего

блага», то в контекстах типа *компромисс с совестью, постыдный компромисс* подчеркивается, напротив, предосудительность соответствующих действий (подробный разбор этого и других интересных примеров см. в [Ирисханова 2014]).

Исчислить все приметы, свойственные в общем случае фокусированным либо, наоборот, дефокусированным элементам смысла, не представляется возможным. Тем не менее, вполне убедительными кажутся следующие в дальнейшем важные для нас положения.

Во-первых, участник ситуации, обладающий заведомым, бесспорным существованием, при прочих равных условиях лучше доступен нашему когнитивному аппарату, нежели участник, реально не существующий, либо участник, в чьем существовании можно усомниться. Поэтому, например, во фразе *Я мечтаю о машине* представление о машине обладает более высоким рангом, если предполагается, что соответствующая желанием говорящего машина реально существует, и рангом менее высоким, если мы в ее существовании не уверены. Аналогичным образом, если кто-то сказал *Слышу странные звуки*, то представление о звуках будет для нас более важным, когда мы знаем об их реальном существовании или предполагаем это существование, и менее важным, когда считаем их галлюцинацией говорящего: в таком случае именно на нем наше внимание сосредоточится в первую очередь.

Полезно помнить, что языком существование чего-то трактуется скорее не как бинарная категория (существует или нет), но как категория континуальная, предполагающая шкалу типа «существует — скорее всего существует — возможно, существует — скорее всего не существует — не существует», где всякая более высокая ступень при прочих равных условиях связана с большей когнитивной «явленностью». Иными словами, если мы хотя бы отчасти сомневаемся в существовании участника ситуации, то ранг его при прочих равных условиях ниже, чем ранг участника, чье существование бесспорно. Скажем, в паре фраз *Белеет парус* и *Белеется парус* или в паре *Вдали видны пароходы* и *Вдали виднеются пароходы* вторая предполагает несколько более низкий ранг своего субъекта, но не потому, что он тут заведомо не существует, а лишь потому, что позволительно в его существовании немного усомниться — в то время как первая фраза в каждой паре такую возможность исключает. Поэтому текст ⁷*В море белеет парус. Или, возможно, это такое облако* звучит менее естественно, чем текст *В море белеется парус. Или, возможно, это такое облако*, а текст ⁷*Вдали видны пароходы. А может быть, это вовсе и не пароходы, а что-то другое* — менее естественно, чем *Вдали виднеются пароходы. А может быть, это вовсе и не пароходы, а что-то другое*¹⁰.

¹⁰ Сказанное хорошо согласуется с уже знакомым нам сравнительным анализом глаголов *белеть* и *белеться*, который предлагает Н. Герритсен (см. примеч. 6). Судя по всему, между *быть видным* и *виднеться* разница аналогичная: в первом случае в центр внимания попадает объект как целостность, а во втором — отдельные его зрительно воспринимаемые атрибуты, такие, как цвет и очертания.

Сказанное, разумеется, можно отнести и к ситуации в целом. Как показали П. Хоппер и С. Томпсон, если о ситуации известно, что она действительно имеет место, то ее когнитивная «явленность» выше, чем если о ней это не известно с полной достоверностью или же известно, что ее не было [Hopper, Thompson 1980]. Отсюда следует также, что ситуация выше по рангу, если она определенно имеет место на всем релевантном временном интервале, и теряет в ранге, если о каких-то участках этого интервала неизвестно, присутствует она на них или нет.

Во-вторых, при прочих равных условиях именная группа с конкретной референцией имеет более высокий ранг, чем та же группа с референцией экзистенциальной (ср. [Hopper, Thompson 1980]). Скажем, если предполагать, что во фразе *Я мечтаю о машине* имеется в виду конкретный, уже выбранный экземпляр автомобиля, ранг имени *машина* выше, чем когда говорится о еще не идентифицированной машине.

В-третьих, при прочих равных условиях именная группа с конкретной референцией по рангу выше, чем группа с референцией обобщенной (универсальной или генерической). Скажем, субъект во фразе *Иван говорит о Марии странные вещи* лучше фокусирован, чем во фразе *Люди говорят о Марии странные вещи*, а объект во фразе *Иван пишет новую книгу по ботанике* — лучше, чем во фразе *Иван пишет книги*. В частности, первую фразу можно перестроить так, чтобы субъект стал контрастной ремой (ср. *Странные вещи о Марии говорит Иван*, с сильным ударением на *Иван*), а вторую так перестроить не удастся (плохо ^{??}*Странные вещи о Марии говорят люди* — хотя вполне приемлемо с конкретно-референтным субъектом *Странные вещи о Марии говорят эти люди*). Во многом сходным образом, сильное ударение на объекте в *Иван пишет новую книгу по ботанике* более вероятно, чем в *Иван пишет книги*.

Наконец, смысловой элемент ниже по рангу, если из поверхностной структуры высказывания устранен его формальный показатель (как, например, устраняется эксплицитное наименование субъекта во фразе *Дом построен* или объекта во фразе *Иван пишет*), и еще ниже по рангу, если вместе с этим смысловой элемент устраняется также и из соответствующей концептуальной структуры (как, например, устранен агенс из декаузативной конструкции наподобие *Дверь открылась*).

Что касается возвратных дативных конструкций, то в оформлении их значения и даже поверхностной структуры фокусирование/дефокусирование играет колоссальную роль.

Напомним, что на первый план тут выводится представление о некоторой стихийной, трудноопределимой силе, под влиянием которой пребывает субъект и от которой он получает внутренние ресурсы¹¹. Важно здесь

¹¹ Подчеркнем, во избежание недоразумений: хотя выше мы изложили наш особый взгляд на то, что же делает это представление первоплановым (потребность снизить агентивность субъекта, вытекающая напрямую из семантики пост-

то, что представление о подобной силе можно связать с любым сколь угодно волитивным действием, и поэтому оно очень тривиально. Очевидно, что чем тривиальнее смысловой элемент, тем труднее его поставить в центр нашего внимания и тем большие когнитивные затраты для этого требуются¹². С другой стороны, поскольку, чтобы фокусировать один элемент смысла, практически всегда необходимо дефокусировать другой (ср. примеры выше и в [Talmy 2010; Иришханова 2014]), постольку выразиться эти затраты должны в отчетливом и даже нарочитом дефокусировании иных компонентов присущего ВДК смысла.

Поэтому можно ожидать, что в ВДК и субъект, и само действие, и объект (как прямой, так и косвенный), если он есть, будут так или иначе понижены в своей значимости.

Факты прекрасно согласуются с этим прогнозом. Что касается субъекта, то, как хорошо известно, наиболее каноничной его формой является номинатив (см., например, [Croft 1991; 1994]), и поэтому уже сам перевод субъекта в дательный падеж должен рассматриваться как средство дефокусирования, средство указать, что субъект этот не вполне соответствует тому прототипу субъекта, который предусматривает, среди прочего, его высокую волитивность и самостоятельность, способность действовать по своему выбору, не подвергаясь влиянию неподконтрольных ему сил.

Далее, как мы уже упоминали, элиминация какого-то элемента из поверхностной структуры несомненно его дефокусирует. Между тем субъект в ВДК не получает формального выражения гораздо чаще, нежели в личных предложениях действительного залога. Выбрав из современных прозаических текстов 300 предложений последнего типа (в том числе и с обобщенным по семантике субъектом, для которого поверхностная невыраженность весьма характерна), мы обнаружили, что субъект получал в них нулевое выражение только в 72 случаях, а в трехстах ВДК имплицитный субъект встретился 140 раз, то есть оказался практически вдвое более частотным.

Наконец, даже там, где сказанное в ВДК по сути относится к явствующему из контекста вполне конкретному, определенному лицу, имплицитный субъект все равно с легкостью приобретает обобщенное значение. На-

фикса *-ся*), сам факт его первоплановости, судя по всему, беспорен для любого исследователя ВДК. С другой стороны, в наших дальнейших рассуждениях именно этот факт и будет важен — *н е з а в и с и м о* от того, из какого конкретного источника первоплановость берется. Поэтому все сказанное далее логически не зависит от наших прежних, представленных в п. 2 аргументов и должно рассматриваться как самостоятельное, отдельное свидетельство в пользу композициональности ВДК.

¹² Безразличным может быть и обстоятельство, названное выше, в примеч. 8: наши представления о прототипическом (высокоагентивном) субъекте основаны на допущении, что он ни в каком релевантном смысле не подвергается постороннему воздействию. Здесь, вероятно, еще одна причина, почему затруднено фокусирование обсуждаемой стихийной силы.

пример, в тексте *Еду в Крым писать роман. Там хорошо работается* вторую фразу вполне допустимо прочесть и как ‘мне там хорошо работается’, и как ‘там всякому (писателю) хорошо работается’. вполне очевидным образом, обобщенность субъекта тоже при равных прочих условиях делает его менее фокусированным.

Аналогичному дефокусированию в наиболее типичном случае подвергается и само описываемое в ВДК действие.

Если невозвратные утвердительные конструкции типа *Я пишу/работаю / сплю* совершенно однозначно указывают на то, что данное действие реально совершается, а отрицательные, вроде *Я не пишу / не работаю / не сплю*, — на отсутствие данного действия, то в ВДК с отрицанием, как давно замечено, эта определенность исчезает. Фразы вроде *Мне не пишется / не работается / не спится* совместимы и с предположением, что говорящий, соответственно, не пишет, не работает, не спит, и с предположением, что он все-таки это делает — только не так успешно, как хотелось бы, и, вероятно, урывками. Иными словами, подобные конструкции оставляют нас в неведении, имела или не имела место ситуация, а если имела, то на всем ли релевантном временном отрезке или только на отдельных его подинтервалах¹³.

Как мы говорили выше, при подобном положении вещей когнитивная «явленность» ситуации существенно ослабляется; см. [Hopper, Thompson 1980].

Неверно думать, будто бы это дефокусирование глагола касается только отрицательных ВДК. Известно, что утвердительное предложение информативно постольку, поскольку оно исключает из числа истинных все состояния мира, которые описывались бы соответствующим отрицательным предложением. Поэтому отрицательный коррелят утвердительного высказывания представляет собой его постоянную, неустранимую «тень» и свойства утвердительного в высокой степени зависят от свойств отрицательного (и наоборот). В частности, чем менее определенным будет смысл у отрицательного предложения, тем менее информативен будет и его утвердительный коррелят.

Дополнительным доводом в пользу сказанного может быть и то, что используемые в ВДК глаголы — обычно несовершенного вида. Несовершенный вид в общем случае представляет действие как протяженное, а без этой протяженности невозможен его «мерцающий», «пунктирный» характер, нельзя его себе представлять как присутствующее на одних подинтервалах релевантного временного отрезка и отсутствующее на других. Коль

¹³ Это сопряжено с тем, что у отрицания здесь особая сфера действия, в нее попадает представление о влияющей на субъект стихийной силе, но не попадает сам глагол. Понятно, что если сила эта влияет на субъект благоприятным образом, то с большой вероятностью действие реально осуществляется, а если неблагоприятным, то скорее нет, однако о таких взаимосвязях мы можем лишь более или менее уверенно догадываться.

скоро тенденция к употреблению несовершенного вида в ВДК исключительно сильна, это значит, что очень настоятельна и потребность мыслить действие «пунктирно», то есть, в конечном счете, как дефокусированное, хуже опознаваемое нашим когнитивным аппаратом, или, если позволено использовать поэтическое выражение, в меньшей степени обладающее своим «внятным бытием».

Далее, в ВДК дефокусируется и прямой объект. Во-первых, он не может быть назван прямым дополнением и вообще не может быть назван эксплицитно (ср. аномалию в **Мне хорошо писалось книгу; *Маше не готовилось суп*). Поскольку русские возвратные глаголы практически никогда не бывают переходными, это обстоятельство достаточно тривиально, но так или иначе оно ведет к дефокусированию объекта. Еще важнее, однако, то, что объект этот в большинстве случаев приобретает обобщенное значение, в результате чего глагол в ВДК оказывается уже не способным обозначать целенаправленное предельное действие: как хорошо известно, изначально предельный переходный глагол в составе ВДК мигрирует в семантический класс «занятий».

Полезно понимать, что элиминация прямого объекта из поверхностной структуры и его обобщение суть два разных — пускай прототипически и сопряженных — процесса. Например, в тексте *Мне велели прочитать рассказ И. Бунина. Я сел к столу, но мне не читалось* ВДК безусловно относится именно к данному конкретному объекту: если бы автор прочел какой-то рекламный буклет или что-нибудь еще в таком роде, то от этого приведенный текст вовсе не стал бы неуместным. Аналогично дело обстоит в тексте *Меня просили говорить окружающим только «Здравствуйте, очень рад вас видеть»*. *Я пытался, но мне как-то не говорилось: сразу перешел на личности и со всеми разругался*, где, как явствует из первой фразы, подразумеваемый в ВДК объект тоже в высокой степени определенный¹⁴.

Наконец, нетрудно убедиться, что и косвенный объект в ВДК (который, в отличие от прямого, с легкостью получает поверхностное выражение) тоже подвергается дефокусированию.

¹⁴ Исключительно интересным материалом для анализа могли бы стать конструкции с перцептивными глаголами и глаголами ментального действия, наподобие таких: *Мне видится контур корабля; Мне слышатся странные звуки; Мне чувствуется в его поведении какой-то подвох; Мне думаются тяжелые думы*. Здесь объект из производящей невозвратной конструкции становится подлежащим, и можно было бы показать, что уровень его «явленности», в частности его готовность к конкретной референции, к тому, чтобы быть описанным с дополнительными подробностями, к тому, чтобы играть роль в дальнейшем развитии событий и повторно упоминаться, — существенно ниже, чем в производящей невозвратной конструкции. Сложность, однако, в том, что подобные предложения без специальной аргументации нельзя признать возвратно-дативными (см. [Летучий 2014], где им в этом скорее отказывается), а аргументация эта будет весьма непростой, так что от обращения к подобным примерам мы предпочли воздержаться.

Сравним пару примеров, где первый представляет собой невозвратную конструкцию с косвенным объектом, а второй — производную от нее ВДК:

- (1) а. *Иван думал о покупке загородного дома, но этот дом решил купить Петр;*
 б. *Ивану думалось о покупке загородного дома, но этот дом решил купить Петр.*

Из контекста видно, что *дом* обладает определенной референцией, однако в ВДК *Ивану думалось о покупке загородного дома* была бы предпочтительной референция экзистенциальная, при которой ранг *дома* чуть ниже, поэтому текст (б) проигрывает в естественности перед (а). По аналогичной причине неловким кажется второй текст и в парах (2) и (3):

- (2) а. *Я думаю о покупке дома. Я его вам покажу;*
 б. *Мне думается о покупке дома. Я его вам покажу.*
- (3) а. *Я вспомнил о моем двойнике. Необходимо его разыскать;*
 б. *Мне вспомнилось о моем двойнике. Необходимо его разыскать.*

Если упоминается чей-то двойник и прямо не оговорено иное, то мы обычно предполагаем, что двойник этот у данного человека единственный. Поскольку обладатель двойника является здесь референциально определенным, таков должен быть и двойник — и это как раз и нарушает правильность текста (б).

В тяготении косвенного объекта ВДК к неконкретному денотативному статусу коренится и контраст между (4а) и (4б):

- (4) а. *Иван мечтает о новой машине — о красном «Ягуаре» с самым мощным двигателем. Эту же машину хочу и я;*
 б. *Ивану мечтается о новой машине — о «Ягуаре» с самым мощным двигателем. Эту же машину хочу и я.*

В принципе оборот *эта же машина* может значить и ‘тот же самый экземпляр данного автомобиля’, и ‘произвольный автомобиль с такими же свойствами’. В первом случае референция конкретная, во втором экзистенциальная. Легко видеть, что если оба эти прочтения в равной мере уместны для (4а), то в (4б) вполне естественным оказывается только второе — то, при котором когнитивный ранг *новой машины* менее высок.

Сходным образом дело может выглядеть и там, где дополнение выражено инфинитивным оборотом; ср.:

- (5) а. *Иван вздумал отправиться на озеро среди ночи. Мы безусловно пойдем вместе с ним: отпускать его одного слишком рискованно;*
 б. *Ивану вздумалось отправиться на озеро среди ночи. Мы безусловно пойдем вместе с ним: отпускать его одного слишком рискованно.*

Во втором предложении каждого текста — во многом благодаря слову *безусловно* — предполагается, что Иван действительно идет на озеро, однако такая уверенность не вполне совместима с ВДК *Ивану вздумалось отправиться на озеро среди ночи*, ибо здесь представление о походе на озеро несколько понижено в ранге и поход этот воспринимается скорее как гипотетический, а не реальный, и отсюда ощутимый недостаток связности у текста (б).

Наконец, дефокусированию может подвергаться в ВДК и косвенное сентенциальное дополнение, только средство дефокусирования тут другое: дополнение просто становится невыразимым в рамках ВДК. Ср. аномальное предложение

(6а) **Мне не писалось о том, что виноват во всем мой друг*

и безупречный текст

(6б) *Мне велели написать о том, что виноват во всем мой друг. Я сел к столу, но мне не писалось.*

В (6б) речь идет о том, что говорящий не мог, не хотел и т. п. написать именно о вине друга. Если бы он охотно и удачно написал нечто иное, то приведенный текст от этого не стал бы неправильным.

Теперь нетрудно догадаться, почему субъект ВДК бывает невыразимым. Как мы помним, главная особенность ВДК в том, что в фокус выводится представление о воздействующей на субъект и дающей ему внутренние ресурсы неподконтрольной ему неясной силе — представление, которое можно обнаружить в концепте всякого сколько-нибудь волитивного действия, но которое в норме глубоко имплицитно и практически «незаметно» для нашего сознания. Если субъект ВДК принудительно опускается и, следовательно, дефокусируется, делается это для того, чтобы таким образом дополнительно фокусировать названную неподвластную ему силу. Очевидно, потребность в дополнительном фокусировании последней возникает тогда, когда по каким-то причинам оказываются слишком фокусированы иные элементы ВДК (само действие и/или его объект) или же фокусирование этой силы затрудняется какими-то добавочными обстоятельствами. Так или иначе, опущение субъекта в ВДК носит, судя по всему, «альтруистический», компенсаторный характер.

Посмотрим, как это объяснение справляется с уже известными нам и некоторыми дополнительными примерами. Вот первый из них:

(7) *Любите, пока (ʹвам) любится.*

Одна важная для нас особенность этого предложения состоит в том, что глагол *любить* повторяется тут дважды, причем в обоих случаях он несомненно рематичен. Вообще-то повторение одного и того же глагола не такая уж редкость, но, когда это происходит, обычно он сначала выступает

как рема, а затем тематизируется, становясь своего рода глагольной анафорой; ср. *Я любил Марию. Любил долгие годы; Я написал книгу под названием «Кое-что о пчелах». Написал ради удовольствия.* Если же в (7) это достаточно твердое правило текстопостроения нарушается, то, значит, при втором своем появлении глагол *любить* должен привлечь к себе особое внимание, оказаться фокусированным, то есть в ВДК ([?]вам) *любится* должно оказаться фокусированным представлением о соответствующем действии.

Во-вторых, как хорошо известно, повелительное наклонение почти не используется, когда адресат заведомо не в состоянии совершить данное действие, а потому императив *любите* в начале (7) несет пресуппозицию, что у адресата(ов) есть возможность любить вообще и, в частности, есть соответствующие внутренние ресурсы. Кроме того, союз *пока* P_1 , P_2 представляет ситуацию P_1 как заведомо имеющую место. Поэтому в ВДК ([?]вам) *любится* наличие соответствующих ресурсов становится презумптивным, а презумпция по природе тяготеет к меньшей фокусированности, нежели ассерция. В результате фокусирование влияющей на субъект неясной силы дополнительно затрудняется.

Таким образом, здесь имеются сразу два фактора, отвлекающих внимание от этой силы, — и как раз в качестве противодействия им должен быть опущен, дефокусирован субъект.

Обратим внимание, что факторы эти должны действовать одновременно: если первый из них устранить, то субъект становится легко выразимым. Например, так происходит при перемене местами двух частей (7): *Пока вам любитесь, любите (и будьте счастливы)*; первое появление глагола *любить*, когда он имеет полное право быть ассертивным, приходится здесь на ВДК, а возникающая при втором его появлении эмфаза к ВДК уже не имеет прямого касательства. Ср. также вполне правильную конструкцию, из которой императивная форма *любите* и соответствующая эмфатизация вообще исключены: *Мир прекрасен, пока вам любите.*

Судя по всему, условие совместного действия двух факторов далеко не случайно: в приводимых ниже примерах (8–13), как и в большом числе иных ВДК с невыразимым субъектом, обнаруживаются по крайней мере по две разные причины, затрудняющих его экспликацию. Можно предположить, что с одним отвлекающим от воздействующей на субъект неподконтрольной ему неясной силы обстоятельством русский язык, как правило, мирится (впрочем, в ряде примеров это не так, см. ниже), когда же обстоятельств подобного рода два или три, требует почти неперемного включения компенсаторных механизмов. (Кажется, более детально обсуждать эту тему было бы удобнее всего в терминах теории оптимальности.)

Здесь требуется одно пояснение. Как следует из сказанного, конструкции типа *Любите, пока любите*, обладают ярким прагматическим своеобразием. Если во второй их части, собственно ВДК, представление о том, что субъект располагает нужными для действия внутренними ресурсами,

презюмптивно, то не может не возникнуть вопрос, ради чего надо его фокусировать. Очевидно, чем выше по коммуникативному рангу тот или иной элемент смысла, тем отчетливее его противопоставленность обратному, контрадикторному смыслу (идеалом тут является ассертивный статус, ибо сама природа утверждения — в прямом исключении всякого иного, не соответствующего утверждаемому смыслу, положения вещей; см. особенно [Bogusławski 1977]). Поэтому, когда в интересующей нас ВДК фокусируется идея ‘у субъекта есть нужные ресурсы’, это помогает резко ощутить, что когда-то, по мнению говорящего, их не будет, то есть резко ощутить столь важный здесь смысл, передаваемый союзом *пока* или иным сходным союзом, имплицитующим, что ситуация в определенный момент прекратится, и по крайней мере потенциально подчеркивающим контраст между ее наличием и отсутствием¹⁵.

Таким образом, между примерами типа (7) и наиболее частыми в нашей речи ВДК типа *Мне не пишется* имеется серьезное прагматическое отличие. Последние призваны сообщать, в какой мере субъект способен совершить соответствующее действие, то есть какого характера внутренними ресурсами он располагает: ресурсы могут квалифицироваться как хорошие (*Мне хорошо/легко пишется*), плохие (*Мне плохо пишется/пишется*) — или же может сообщаться об их отсутствии (*Мне не пишется*). Что касается конструкций типа *Любите, пока любится*, то здесь в центр внимания попадает существенно иная мысль — что способность субъекта к данному действию ограничена во времени. Этим объясняется, почему круг глаголов, которые употребляются в ВДК типа *Любите, пока любится*, шире, чем круг глаголов, допустимых в обычных ВДК. В последнем случае то, что успешность действия предопределяется наличными у субъекта ресурсами, должно ощущаться намного более определенно, и потому о действиях, которые изначально слабо зависят от этих ресурсов, с помощью обычных ВДК мы обычно не говорим (см. [Israeli 1997: 133–134]). Например, не требуется ни особых усилий, ни исключительной сосредоточенности, ни бодрости и т. д., чтобы слушать радио. Поэтому плохо звучит ВДК в текстах [?]*Я включил радио и хотел послушать, но мне не (плохо) слушалось; Я включил радио. [?]Слушалось сегодня великолепно.* Тем не менее вполне приемлем текст вроде *Что, слушаешь радио? Ну, слушай, пока слушается.* То же самое касается такого нетребовательного к внутренним ресурсам действия, как *болтать (языком)*. Поэтому очень странно ^{??}*Мне не болтается*, но вполне приемлемо *Болтай, болтун, пока болтается.*

¹⁵ Здесь, между прочим, видно, что, хотя в конструкциях типа *Любите, пока любится* нет ни эксплицитного модификатора типа *хорошо, плохо* и т. п., ни эксплицитного отрицания, отрицание имплицитное, как бы «наведенное» союзом *пока*, в них все же присутствует, так что в данном отношении они не так уж отличны от обычных ВДК, которые, как мы уже говорили выше, чаще всего нуждаются в модификаторе или отрицании.

Наш следующий пример вполне аналогичен тексту (7):

(8) *Иди, пока (? тебе) идетя.*

Здесь снова один и тот же глагол употреблен дважды, причем каждый раз в рематической роли, и его второе появление в этом тексте приходится на ВДК, так что в последней представлении о соответствующем действии фокусируется, а вдобавок, благодаря императивной форме этого глагола в начале текста и благодаря союзу *пока*, наличие соответствующих ресурсов в ВДК становится заведомым, и, чтобы на них и на неподконтрольной субъекту неясной силе, от которой он их получает, все-таки сосредоточить главное внимание, субъект нужно опустить. Так же, как и в предыдущем случае, это предложение с эксплицитным субъектом звучит намного лучше, если поменять его части местами: *Пока тебе идетя, иди (и не унывай)*.

Вот пример несколько иного рода:

(9) *Сел писать книгу о нашем путешествии, но (? мне) не пишется.*

Вновь, тут в рематической позиции повторяется глагол *писать*, причем во второй раз он входит в ВДК. Сверх этого, в нормальном случае тот, кто сел писать книгу, располагает всеми необходимыми внутренними ресурсами, так что во второй части (9) представление об их наличии как будто должно стать заведомым, презумптивным. В действительности, однако, это не так: по своему прямому значению, ВДК (? мне) *не пишется* их наличие как раз отрицает, и потому соответствующий смысл здесь не может не быть ассертивным. Вероятно, именно для того, чтобы по крайней мере отчасти нейтрализовать давление контекста, стремящегося понизить этот смысл в коммуникативном ранге, здесь и требуется опустить субъект.

Показательно, что хотя бы в какой-то степени исправить положение можно, заменив в (9) первое *писать* (квази)синонимом *сочинять*: формальное несовпадение двух глаголов не может не ослабить интересующий нас эмфатический эффект, и потому эксплицитный субъект в конструкции (10) явно лучше, чем в (9):

(10) *Сел сочинять книгу о нашем путешествии, но мне не пишется.*

Есть и другой хорошо предсказуемый с наших позиций способ сделать субъект в рассматриваемой ВДК выразимым: добавить слова типа *что-то* или *почему-то*:

(11) *Сел писать книгу о нашем путешествии, но мне что-то (почему-то) не пишется.*

Поскольку *что-то* и *почему-то* привлекают внимание к причинам соответствующего положения дел (и, конечно, к неясности этих причин), здесь должна в определенной мере ослабляться наша сосредоточенность на обозначаемом глаголом действии, а тем самым должен хотя бы частично

нейтрализоваться тот эмфатический эффект, который связан с повторением глагола¹⁶.

Аналогичный результат — нейтрализацию названного эффекта и возможность эксплицитно назвать деятеля — мы получим, если о мешающих последнему обстоятельствах скажем отдельно в конце интересующей нас конструкции:

- (12) *Сел писать книгу о нашем путешествии, но мне не пишется: то телефон зазвонит, то посторонние мысли нахлынут.*

Наконец, субъект станет эксплицитным, если сказать:

- (13) *Надо писать книгу о нашем путешествии, но мне не пишется.*

Из *надо писать* еще не следует, что субъект обладает соответствующими ресурсами, и потому здесь устраняется другой из двух названных выше факторов, чье совместное действие препятствует экспликации субъекта.

Достаточно сходен с конструкциями (7–9) и пример (14):

- (14) *Да разве же постыдно петь, когда (?вам; ?тебе) поется, да разве же любить постыдно, когда любовь приходит, ниспосланная Богом на веку? (Ч. Айтматов).*

Коль скоро в начале этого предложения обсуждается, постыдно или не постыдно петь, сама возможность пения — в том числе внутренняя «подготовленность» субъекта — предполагается наперед. Сверх этого, если глагол *петь* повторен тут дважды, то в наиболее простом, немаркированном случае он должен был бы в первый раз быть рематическим, а во второй — принадлежать теме. Поскольку, однако, в (14) все обстоит обратным образом — сначала представление о пении оказывается темой, а затем в ВДК оно рематично, — постольку и здесь само действие в ВДК подвергается дополнительному фокусированию. Этим, по всей вероятности, объясняется потребность в особых мерах, хотя бы в какой-то степени противодействующих отвлечению внимания от влияющей на субъект неподвластной ему неясной силы, самой же очевидной из таких мер является опущение субъекта¹⁷.

К этой же группе надо причислить пример, предлагаемый А. Б. Летучим:

- (15) *Прочитала недавно книжку Оксаны Робски «Эта ТЕТА» про инопланетян на Рублевке. Читалось (*мне) быстро.*

¹⁶ Дополнительное благоприятное обстоятельство заключается тут, видимо, в том, что, поскольку названные причины связаны прежде всего с внутренним состоянием субъекта, прямое упоминание о них уже само по себе должно повышать наш интерес к этому состоянию.

¹⁷ Здесь, как и в примерах (7–8), прагматически более важным становится не «качество» наличных у субъекта внутренних ресурсов (либо их отсутствие), но их переходящая природа, так что и текст (14) имеет все тот же общий смысл «*carpe diem*».

Если некоторое волитивное действие совершилось, то по умолчанию мы принимаем, что субъект располагал внутренними ресурсами необходимого качества и в необходимом количестве, случай же, когда наблюдался дефицит этих ресурсов (у субъекта не было желания, не было энергии, так что он действовал вопреки своим предпочтениям и/или через силу), — сугубо маркированный, и об этом дефиците надо сказать прямо. Поскольку, однако, в тексте (15) сразу говорится, что книга прочтена, и не говорится о мешавших это сделать обстоятельствах, в ВДК *Читалось быстро* наличие соответствующих ресурсов предполагается наперед¹⁸.

С другой стороны, объект (*книжку Оксаны Робски «Эта ТЕТА» про инопланетян на Рублевке*) обладает здесь референциальной определенностью, что, вообще говоря, не характерно для ВДК и что делает его более фокусированным, нежели типичный (семантический) объект в подобных конструкциях.

Можно предположить, что два названных обстоятельства в своей совокупности отчасти мешают фокусировать представление о действующей на субъект неподконтрольной ему неясной силе, и отсюда потребность в дефокусировании самого субъекта.

Аналогичным образом дело обстоит и в примере (16). С одной стороны, оборот *хочу написать* значит здесь, по сути, ‘намереваюсь написать’, и потому наличие у автора соответствующих внутренних ресурсов становится несомненным еще прежде, чем в тексте появляется ВДК *...покуда пишется*, с другой же стороны, слова, которые автор хочет написать, по крайней мере для него самого, вполне определенные, и отсюда крайняя нежелательность эксплицитного субъекта *мне*:

(16) *Хочу написать еще несколько слов о 2-же Гумберт, покуда (?? мне) пишется* (В. В. Набоков).

Еще одной вариацией на ту же тему является пример (17):

(17) *Уставшему, разбитому человеку спать нужно, и уж одиннадцать часов, а (ему) все спится и спится... Оригинально (?? ему) спится, я вам доложу! Сапоги мешают, пояс впился под ребра, ворот душиит, и кошмар уселся лапками на груди* (М. А. Булгаков).

Здесь имеются сразу две близкие по смыслу ВДК, *...а все спится и спится...* и *Оригинально спится...*, причем в первой эксплицитный субъект *ему* выглядел бы совершенно естественно, а во второй — нет. Причина

¹⁸ Что касается вопроса, ради чего же фокусировать заранее известный смысл ‘субъект обладает нужными ресурсами’, то ответ в данном случае достаточно очевиден: выдвинуть его на первый план необходимо для того, чтобы эти ресурсы к в а л ф и ц и р о в а т ь — как такие, которые способствовали быстрому чтению, квалификация же эта никак не предсказана началом данного текста и сугубо нетривиальна. Аналогичный прагматический мотив стоит и за использованием ВДК в следующем примере.

опять-таки в том, что после первой ВДК наличие у субъекта соответствующих внутренних ресурсов становится заведомо известным, а вместе с тем и субъект этот скорее всего приобретает референциальную определенность — поэтому возникает потребность его дефокусировать (исключить из поверхностной структуры).

Иного характера пример (18), с легким изменением заимствованный нами из статьи А. Б. Летучего:

(18) *Хочу его простить, но (^{??}мне) не прощается.*

По всей видимости, свою роль играет здесь уже известный нам повтор глагола, причем второй раз — и именно в ВДК — глагол *прощать* выступает в недвусмысленно рематической функции, однако неуместность эксплицитного субъекта в данном случае еще более ошутима, чем в большинстве предыдущих, и тому есть две дополнительные причины.

Во-первых, объект глагола *прощать* здесь не может быть обобщенным или экзистенциальным, но обладает заведомо конкретной референцией: речь непременно должна идти о совершенно определенном человеке, который провинился или считается таковым.

Во-вторых, как мы говорили выше, в общем случае для ВДК с отрицанием характерна не вполне определенная, как бы «мерцающая» временная отнесенность глагола. Скажем, фраза *Ему ночью не спалось* совместима и с ситуацией, когда герой вообще не спал, и с ситуацией, когда он то спал, то не спал, возможно, впадал в дремоту, о которой вообще трудно сказать, сон это или нет; фраза *Мне не писалось* — и с ситуацией, когда говорящий в соответствующее время вообще не писал, и с ситуацией, когда на каком-то отрезке релевантного временного интервала писал, а на каком-то нет (а также с ситуацией, когда писал на протяжении всего интервала, но писание было неприятным, малопродуктивным и т. п.). В ВДК (*Мне*) *не прощается*, если речь идет об одном конкретном человеке, это исключено. Поскольку действие *простить* таково, что при отсутствии соответствующих внутренних ресурсов совершить его (искренне, по-настоящему) невозможно, постольку оно на релевантном временном интервале просто не присутствует нигде¹⁹. Поэтому действие, о котором сообщает эта ВДК,

¹⁹ Кроме того, однажды простив человеку данный проступок, никак нельзя простить его снова. Поэтому если бы мы, осмысляя интересующую нас ВДК, предположили, что данное действие совершилось на одном отрезке релевантного интервала, то оно уже в принципе не могло бы совершаться на прочих, так что соответствующая информация стала бы совершенно тривиальной. Чтобы избежать подобной тривиальности, мы должны были бы принять, что речь идет только об одном конкретном временном отрезке, на котором могло бы совершиться прощение. В результате и отсутствие этого прощения имело бы смысл приурочивать только к одному конкретному временному отрезку, что, опять-таки, делает временную соотношенность действия *не прощается* куда более определенной, нежели «мерцающая» соотношенность в приведенных выше примерах.

более определенное, нежели обычно, а оттого представление о нем имеет большее, чем обычно, право попадать в фокус нашего внимания.

Таким образом, выступающая в примере (18) ВДК (^{??}Мне) не прощается отличается тем, что здесь и объект, и действие, по сравнению с наиболее типичными случаями, заметно повышены в ранге, и потому, если мы, как предполагается самой природой ВДК, хотим сообщить особый ранг представлению о неясной силе, дающей субъекту внутренние ресурсы, то остается понизить в ранге сам субъект, сделав его формально нулевым.

Подтверждением этого анализа может быть уже знакомый нам пример *Всю жизнь мне предписывают прощать врагов, но мне как-то не прощается*, где тоже присутствует ВДК, подобная ВДК в (18), однако попытка эксплицировать субъект не сталкивается здесь ни с малейшим сопротивлением. Объяснение состоит в том, что здесь не действует ни один из двух только что названных блокирующих выражение субъекта факторов: тут нет определенного объекта, а действие представлено как потенциально итеративное, то есть обладающее именно той «мерцающей» временной соотношенностью, которая так благоприятна для ВДК.

Отчасти сходен, по-видимому, и пример *Надо презирать, но (^{??}мне) не презирается*, на который по другому поводу обращает внимание А. Израэли [Israeli 1997: 134]. Здесь, во-первых, в ВДК тоже появляется повторяющийся и рематический глагол; во-вторых, действие таково, что трудно приписать ему «прерывистый» характер; в-третьих, поскольку презрение требует относительно мало внутренних ресурсов, их наличие у субъекта оказывается почти заведомым, близким к презумптивному, отчего фокусировать воздействующую на субъект неясную силу становится труднее, — и в своей совокупности эти обстоятельства делают крайне желательным исключение поверхностного субъекта.

Иногда субъект ВДК бывает невыразимым и по причине существенно иного рода. Рассмотрим примеры:

- (19) *Поехал бы в те теплые края, где (^{??}людям) работается и любит-ся.*
- (20) *Длинна и благодатна осенняя ночь, благодатна прежде всем тем, что ни комар, ни муха тебя не беспокоят, спишься ([?]тебе) на холоду, к утру в особенности, так крепко, что и чувствуешь: продрог, замерз, надо бы встать и поджечь едва тлеющий костер, но нет сил совладать со сном...* (В. Астафьев).

Имея в виду приблизительно одно и то же, можно сказать *края, где работают и любят*, и можно сказать *края, где люди работают и любят*. Поскольку, однако, субъект здесь обобщенный, а для обобщенного субъекта в русском языке более канонична нулевая форма, постольку второму варианту свойствен немного эмфатический оттенок, привлекающий к субъекту особое внимание. Очевидно, это-то как раз и нежелательно для ВДК, ибо

тогда субъект будет «перетягивать» к себе внимание от дающей ему внутренние ресурсы силы²⁰.

Что касается примера (20), то здесь субъект *тебя* назван непосредственно перед ВДК *спится на холоду*, и называть его снова, вообще говоря, нет надобности. Поэтому, появившись такая повторная номинация, она тоже воспринималась бы как своего рода избыточность, возбуждающая дополнительный интерес к субъекту и отвлекающая от главного, на чем призвана сосредоточить наше внимание ВДК.

Здесь, кстати, мы находим более предметное, нежели приводилось выше, объяснение тому факту, что нулевой субъект в ВДК примерно втрое чаще нулевого субъекта в невозвратных предложениях. Всякий раз, когда субъект уже подсказан предтекстом (а бывает так весьма часто), его ненулевая номинация имеет высокие шансы создать эмфатический эффект, который антагонистичен основному смыслу ВДК.

4. Заключение

Возвратная дативная конструкция, как это признается практически всеми исследовавшими ее авторами, в фокус внимания помещает представление о воздействующей на субъект и дающей ему внутренние ресурсы неясной силе. Поскольку представление это весьма тривиально (ибо при желании усмотреть действие такой силы можно в каждом случае, когда мы имеем дело с волитивным действием), ее фокусирование требует определенных когнитивных затрат, прежде всего — того, чтобы были дефокусированы иные компоненты данной ситуации. Именно ради этого прямой объект в ВДК формально опускается и, как правило, приобретает обобщенную референцию; ради этого теряет в своей конкретности и «явленности» косвенный объект; поэтому глагол в ВДК часто имеет «пунктирную», не вполне определенную временную соотношенность.

Отдельных случаях эти меры неосуществимы (скажем, объект заведомо конкретен по своей референции) или недостаточны (имеются дополнительные факторы, еще больше затрудняющие привлечение главного внимания к названной неясной силе), и тогда в порядке компенсации невыразимым делается субъект.

Хотя до сих пор мы таким образом объясняли только относительно частные факты, описанные закономерности необычайно важны и в теоретическом плане.

²⁰ Разумеется, подобного рода причину невыразимости можно усматривать, наряду с названными выше другими причинами, также и в примерах типа *Любите, пока любится*, но только при условии, что мы предположим тут обобщенное значение, что, впрочем, далеко не обязательно — ибо сказать нечто подобное вполне допустимо и по отношению к совершенно конкретным субъектам.

Если бы возвратная дативная конструкция была в русском языке уже «готовой» морфосинтаксической моделью с наперед установленным значением — так, как это предполагается в подавляющем большинстве посвященных ей работ, — то и первоплановое место воздействующей на субъект неподвластной ему неясной силы было бы зафиксировано в семантике ВДК с полной определенностью и соответствующие предложения оказывались бы безупречны независимо от того, насколько присутствие этой силы тривиально и какие иные элементы их значения могут с ней соперничать за наше внимание.

В действительности же, как показывают наши примеры, это вовсе не так, и распределение внимания между названной силой, объектом (если таковой имеется), самим действием и субъектом представляет собой живой динамический процесс, результат которого обуславливается сразу множеством факторов и отнюдь не предрешен наперед.

Здесь мы находим хотя и частный, но достаточно веский новый аргумент и в пользу тезиса о композиционной природе ВДК, и в пользу тезиса более общего — о том, что значение возвратных глаголов в целом тяготеет к композициональности.

5. Postscriptum

Напоследок мы хотели бы заметить, что описанный феномен, когда актант получает нулевое выражение ради того, чтобы придать больше коммуникативного веса какому-то другому смысловому элементу, характерен, судя по всему, не только для возвратных дативных конструкций и сам по себе нуждается в серьезном изучении.

В качестве примера очень коротко рассмотрим одну закономерность, наблюдающуюся при выборе между синтаксическим нулем, местоимением и именем существительным при анафорическом обращении к референту.

В нескольких современных прозаических текстах мы выделили 400 референтов, удовлетворяющих следующим условиям: (1) референт в тексте уже активирован — он уже назывался ранее и последнее упоминание о нем было в одном из трех предложений, предшествующих анализируемому; (2) референт этот не вступает в референциальный конфликт с иным недавно упомянутым референтом (то есть, проще говоря, будь данный референт назван местоимением или нулем, нет опасности спутать его с другим референтом); (3) референт этот может без труда называться полным именем (тут исключаются из рассмотрения референты *я, мы, ты, вы*, для которых полное наименование вроде *автор этих строк, ваш покорный слуга* редко употребляется и создает ощутимые дополнительные прагматико-стилистические эффекты).

Что касается прочих обстоятельств, которые могут повлиять на способ анафоризации (синтаксическая функция антецедента, его семантическая роль, его дискурсивная «устойчивость», то есть общее число обращений к

нему в данном тексте, и т. д.), то на них при поиске примеров не налагались никакие ограничения, так что, надо думать, по этим своим особенностям референты распределились в нашей выборке случайным образом и потому она представляет некую усредненную картину, то есть тот фон, с которым надо соотносить отдельные частные явления.

Выяснилось, что среди интересующих нас референтов нулевое выражение получили 48 (12%), местоименное 225 (56%), номинативное — 127 (32%).

Существенно иным, однако, оказалось распределение обсуждаемых типов номинации для так называемого актанта-«получателя» (бенефицианта) у глаголов передачи — *дать*, *передать*, *подарить*, *одолжить*²¹.

Выбрав из того же самого корпуса текстов и с соблюдением оговоренных выше условий 56 примеров с глаголом *дать*, мы обнаружили, что «нулевых» бенефициантов 17 (30%), «местоименных» 30 (54%), «именных» 9 (16%). Для глагола *подарить*, чей бенефициант соответствовал описанным условиям в 50 случаях, цифры, соответственно, 12 (24%), 32 (64%) и 6 (12%). Для глагола *передать* таких случаев было 18, и получатель не был назван 9 раз (50%), был назван местоимением 3 раза (17%) и полным именем 6 раз (33%). Наконец, глагол *одолжить* появился в материале четырежды, и во всех случаях бенефициант обозначался местоимением.

В целом в 128 примерах нулевые формы для бенефицианта использовались 38 раз, то есть их было почти 30%; местоименных форм нашлось 69 (54%), именных 21 (16%).

Таким образом, если число местоимений тут близко к среднестатистическому (54% против 56%), то именных форм вдвое меньше (16%, а не 32%), зато нулевых в два с половиной раза больше (30% вместо 12%).

Чем же обусловлено колоссальное изобилие нулевых форм у бенефицианта?

Известно, что бенефициант у подобных глаголов тяготеет к хорошей дискурсивной предсказуемости: он, во-первых, как правило, уже появлялся в тексте, причем в последний раз недавно, во-вторых, появлялся в такой роли, которая делает вероятным его новое упоминание; см. особенно [Rosa, Arnold 2017] с дальнейшей литературой. К сожалению, однако, предсказуемостью бенефицианта описанный эффект едва ли можно объяснить. Для хорошо предсказуемых референтов в русском языке наиболее канонична местоименная форма, а нулевая достаточно редка (вспомним их совершенно несоизмеримые доли в нашей выборке: 56% и 12% соответственно), и не видно причин, почему здесь эта закономерность должна была бы нарушаться.

Нам кажется, самое простое и одновременно убедительное решение выглядит так. У глаголов передачи бенефициант и собственно передаваемый объект (пациенс) очень близки по своей смысловой роли. На них обоих —

²¹ Разумеется, таких глаголов гораздо больше, но для предварительной проверки мы ограничились этими четырьмя.

пусть и на каждого по-своему — направлена деятельность передающего (агенса), и оба они в результате нее так или иначе изменяются. Самым наглядным проявлением этой близости является то, что в ряде языков, например в английском, и бенефициант, и пациенс могут — притом одновременно, в одном и том же предложении — оформляться как прямой объект (ср. *John gave Mary a book*; в англоязычной традиции принято называть такие глаголы дитранзитивными, то есть как бы «двупереходными»; см., например, [Ditransitivity 2007]).

С другой стороны, бенефициант, как мы уже упоминали, обычно уже известен из предтекста, а пациенс — обычно нет; поэтому он чаще бывает в предложении главной ремой и, следовательно, главным предметом нашего интереса, то есть наиболее фокусированным элементом.

Вместе с тем, присутствие бенефицианта, вообще говоря, должно мешать его фокусированию, так как бенефициант хоть прототипически и не рематичен, зато может претендовать на высокий коммуникативный статус в силу иных причин: во-первых, в силу своей ролевой близости к пациенсу, во-вторых, потому что он практически всегда одушевленный, тогда как передаваемый объект одушевленным бывает лишь в редких случаях.

Надо думать, что этот конфликт как раз и смягчается столь частым нулевым выражением бенефицианта, которое дефокусирует его точно так же и с такой же целью — «альтруистически» обеспечить более высокий ранг иному элементу предложения, — с какой дефокусировался имплицитный субъект в рассмотренных выше возвратных дативных конструкциях²².

Литература

Апресян 2005 — Ю. Д. А п р е с я н. О Московской семантической школе // Вопросы языкознания. 2005. № 1. С. 3–30.

Богуславский 1985 — И. М. Б о г у с л а в с к и й. Исследования по синтаксической семантике. М., 1985.

Зельдович 2010 — Г. М. З е л ь д о в и ч. Синтетический пассив совершенного вида на *-ся*: Почему его (почти) нет? // Вопросы языкознания. 2010. № 2. С. 3–36.

Зельдович 2012 — Г. М. З е л ь д о в и ч. Прагматика грамматики. М., 2012.

Ирисханова 2014 — О. К. И р и с х а н о в а. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М., 2014.

Летучий 2014 — А. Б. Л е т у ч и й. Между пассивом и декаузативом: Русские модальные пассивы // Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистиче-

²² Здесь мы находим объяснение и еще одному названному выше интересному обстоятельству. Если референт может получить нулевое или местоименное выражение, но реально выступает в форме полного имени, то таким «утяжелением» номинации ранг его повышается. Если же у интересующих нас глаголов повышать ранг бенефицианта по изложенной причине нежелательно, становится понятным, почему его полная номинальная форма столь последовательно избегается, употребляясь вдвое реже обычного (16% случаев против «нормальных» 32%).

ских исследований РАН. Т. X. Ч. 3. *Studia typologica octogenario Victori Khrakovskij Samuelis filio dedicata*. Типологические исследования. Посвящается 80-летию Виктора Самуиловича Храковского. СПб., 2014. С. 365–395.

Мельчук 2004 — И. А. М е л ь ч у к. Определение категории залога и исчисление возможных залогов // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. М., 2004. С. 286–314.

Падучева 2001 — Е. В. П а д у ч е в а. Каузативные глаголы и декаузативы в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 52–79.

Перцов 2003 — Н. В. П е р ц о в. Возвратные страдательные формы русского глагола в связи с проблемой существования в морфологии // Вопросы языкознания. 2003. № 4. С. 43–71.

Плунгян, Рахилина 1998 — В. А. П л у н г я н, Е. В. Р а х и л и н а. Парадоксы валентностей // Семиотика и информатика. Т. 36. С. 108–119.

Янко-Триницкая 1962 — Н. А. Я н к о - Т р и н и ц к а я. Возвратные глаголы в русском языке. М., 1962.

Ackerman, Moore 2001 — F. A c k e r m a n, J. M o o r e. Proto-Properties and Grammatical Encoding: A Correspondence Theory of Argument Selection. Stanford, 2001.

Bogusławski 1977 — A. B o g u s ł a w s k i. Problems of the Thematic-Rhematic Structure of Sentences. Warszawa, 1977.

Croft 1991 — W. C r o f t. Syntactic Categories and Grammatical Relations: The Cognitive Organization of Information. Chicago, 1991.

Croft 1994 — W. C r o f t. Voice: beyond control and affectedness // Voice: Form and Function / P. Hopper, B. Fox. (eds.). Amsterdam, 1994. P. 89–117.

Ditransitivity 2007 — Functions of Language. Vol. 14. No. 1. Ditransitivity. Special Issue / A. Siewierska, W. Hollman (eds.). 2007.

Dowty 1991 — D. D o w t y. Thematic proto-roles and argument selection // Language. 1991. Vol. 67. № 3. P. 547–619.

Gerritsen 1990 — N. G e r r i t s e n. Russian Reflexive Verbs: In Search of Unity in Diversity (Studies in Slavic and General Linguistics, 15). Amsterdam; Atlanta, 1990.

Hopper, Thompson 1980 — P. H o p p e r, S. T h o m p s o n. Transitivity in grammar and discourse // Language. 1980. Vol. 56. No. 2. P. 251–299.

Israeli 1997 — A. I s r a e l i. Semantics and Pragmatics of the “Reflexive” Verbs in Russian. München, 1997.

Pariser 1982 — J. P a r i s e r. Dative-reflexive constructions in contemporary Russian. PhD Thesis. Los Angeles, 1982.

Rosa, Arnold 2017 — E. R o s a, J. A r n o l d. Predictability affects production: Thematic roles can affect reference form selection // Journal of Memory and Language. 2017. Vol. 94. P. 43–60.

Siewierska 1984 — A. S i e w i e r s k a. The Passive. London, 1984.

Slobin 1982 — D. S l o b i n. The origin of grammatical encoding of events // Syntax and Semantics. 15. Studies in Transitivity / P. Hopper, S. Thompson. (eds.), N.Y., 1982. P. 409–422.

Talmy 2010 — L. T a l m y. Attention phenomena // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics / D. Geeraerts, H. Cuykens (eds.). Oxford, 2010. P. 264–293.

Wierzbicka 1981 — A. W i e r z b i c k a. Case marking and human nature // Australian Journal of Linguistics. 1981. Vol. 1. P. 43–80.

Zeldovich 2011 — G. Z e l d o v i c h. On Russian Dative Reflexive Constructions: Accidental or Compositional? // Studies in Polish Linguistics. 2011. N 6. P. 153–171.

Резюме

Непосредственная цель работы состоит в том, чтобы объяснить, почему в ряде русских возвратных дативных конструкций (типа *Мне не пишется*) субъект оказывается невыразимым; ср. *Любите, пока (вам) любится*; *Я хочу его простить, но (мне) не прощается*. В статье показано, что, поскольку подобная конструкция фокусирует внимание на стихийной неясной силе, действию которой подвергается субъект и от которой он получает (либо не получает) требуемые данным действием внутренние ресурсы, постольку иные компоненты ситуации должны быть тем или иным образом дефокусированы, и при определенных условиях единственным способом дефокусирования оказывается опущение субъекта.

Описанные в статье закономерности являются свидетельством тому, что возвратная дативная конструкция не представляет собой жесткой морфосинтаксической модели с наперед заданным значением, но смысл ее формируется композиционным путем.

Ключевые слова: возвратные глаголы, возвратные дативные конструкции, фокусирование, дефокусирование, композициональность.

Получено 02.02.2017

GENNADIJ M. ZELDOWICZ

RUSSIAN DATIVE REFLEXIVE CONSTRUCTION: INEXPRESSIBLE SUBJECT, BACKGROUNDING OF THE CONSTITUENTS OF SITUATION, AND THE PROBLEM OF COMPOSITIONALITY

The immediate concern of the paper consists in explaining, why in a range of Russian dative reflexive constructions (such as *Mne ne pišetsja* 'I do not feel like writing', lit. 'to me it does not write') the subject is formally inexpressible; cf. *Ljubite, пока (vam) ljubitsja* 'love, while you can love'; *Ja xocu ego prostit', no (mne) ne proščaetsja* 'I would like to forgive him, but I cannot do so'. It is claimed that, as far as such a construction foregrounds some uncontrolled force which exerts influence on the subject and gives (or otherwise) her/him the inner resources necessary for the relevant action to be performed, other constituents of the situation must be backgrounded, and under certain conditions the best possibility to do so is null instantiation of the subject.

The regularities described in the paper are witness to the fact that dative reflexive construction is not a rigid syntactic model the meaning of which is fixed in advance, and, in spite of what is widely claimed, is compositional.

Keywords: reflexive verbs; dative reflexive construction; foregrounding; backgrounding; compositionality.

Received on 02.02.2017

И. Б. ИТКИН

ОБ ОДНОМ НЕВЕРОЯТНОМ ИНФИНИТИВЕ И О СКЛОНЕНИИ НЕКОТОРЫХ РУССКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ*

Предположение о том, что в языке, характеризующемся такой степенью изученности и настолько развитой кодификацией, как русский, могут существовать лексемы (не из числа чрезвычайно редких архаизмов или диалектизмов, недавних заимствований и т. д.), особенности словоизменения которых не вполне известны исследователям и не имеют точного отражения в словарях, на первый взгляд кажется невероятным. Тем не менее такие слова действительно существуют, и мы решаемся представить на суд читателя заметки, касающиеся четырех из них.

Выбор в качестве предмета четвертой из предлагаемых заметок существительного *любовь* не следует считать случайным.

Об одном невероятном инфинитиве

Неопределенная форма глагола, образованного с помощью приставки *вы-* от глагола *грызть*, во всех известных нам словарях и других справочных изданиях, разумеется, выглядит как *выгрызть*. Такой же вид она имеет и в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ): всего отмечено 7 вхождений. Между тем поиск в Интернете обнаруживает, что эта форма может выглядеть и иначе — как *выгрызти*. Общее число примеров исчисляется как минимум сотнями, причем речь идет не только о некодифицированных текстах интернет-пользователей, ср., в частности:

* Впервые опубликовано на сайте в честь 80-летия академика А. А. Зализняка, см. <http://inslav.ru/zalizniak80/congratulations/Itkin.pdf>. Печатается с незначительными изменениями.

а) художественные произведения:

*Народ в колоннах марширует, / Пытаясь **выгрызти** свое* (И. Иртеньев. Власть, как положено, ворует...);

*...(Э)то же сколько камня нужно **выгрызти** в толще горы и вывезти, но без страха* (Г. Орловский. Ричард Длинные Руки — конунг);

*Она готова была **выгрызти** собственную норку в граните общества своими мелкими зубками...* (А. Дашков. Жилец);

б) репортажи в бумажных и электронных средствах массовой информации:

*Вероятно, как и Бергер, рисковала, стараясь **выгрызти** каждую секунду* (Спорт-Экспресс, 2 марта 2013 г.);

*За 1,5 километра до финиша Алиса перешла на третью строчку протокола, но все же на финише смогла, как говорится, «**выгрызти**» второе место* (infpol.ru, 31 января 2014 г.);

*Команда, у которой нет ни воли, ни страсти, чтобы на последних минутах **выгрызти** гол...* (Спорт-Экспресс, 17 ноября 2014 г.);

в) справочные статьи:

*Гусеницы способны **выгрызти** отверстие, повредить листья, могут — скелетировать, полностью съедают листовые пластины, за исключением одних черешков* (Луговой мотылек и эффективные меры борьбы с ним).

Форма *выгрызти* определенно не является случайной ошибкой. Об этом свидетельствует, в частности, ее сравнение с такими инфинитивами, как ^(*)*вычести*, ^(*)*выкрасти* или ^(*)*выпрясти*: все они встречаются значительно реже и практически не представлены в текстах, прошедших какую бы то ни было литературную обработку. Причиной появления у инфинитива *выгрызть* варианта *выгрызти*, несомненно, послужило уникальное для русского языка соотношение *лезть* — *вылезть* ~ *вылезти*. Существенно при этом, что, хотя словари характеризуют варианты *вылезть* и *вылезти* как равноправные, в действительности второй из них намного употребительнее первого: 431 вхождение в НКРЯ против 134, причем по крайней мере на протяжении последних 200 лет частотность варианта с *-и* устойчиво растет, а частотность варианта с *-ь* — медленно падает. Удивительным образом, возникновение формы *выгрызти* позволяет сформулировать не имеющее исключений морфологическое правило: «*Хз-ть* — *вы-Хз-ть* ~ *вы-Хз-ти*» (третий русский глагол на *-ть*, а именно, *отверзть*, не сочетается с префиксом *вы-*, поскольку сам является приставочным).

По нашему мнению, степень распространенности и морфологическая примечательность инфинитива *выгрызти* таковы, что эта форма должна найти отражение в словарях — либо в «пуристском» («*выгрызть*, ! неправ. *выгрызти*»), либо даже в «лояльном» («*выгрызть* и доп. разг. *выгрызти*») варианте.

Второй родительный падеж у слова среднего рода: *пивку*

Второй родительный падеж (P₂) — форма с окончанием *-у (-ю)*, омонимичная форме дат. п., но синтаксически и семантически представляющая собой род. п. Эта форма встречается у существительных м. р. II склонения, как правило, неисчисляемых, в том числе представляющих собой названия веществ и субстанций: *смеху, толку, мармеладу, сахару, чаю* и т. д. [Грамм.: 70–71].

Существительные ср. р. не имеют формы P₂. Однако в современном разговорном языке и в некодифицированном языке Интернета получила некоторое распространение форма *пивку*, которая с морфологической и синтаксической точки зрения не может быть интерпретирована иначе, нежели как форма P₂ существительного ср. р. *пивко*. Эта форма не режет слух по крайней мере части носителей русского языка (в том числе автору этих строк, являющемуся убежденным абстинентом; ср. также последний из примеров ниже) и встречается в контекстах, не предполагающих языковой игры, а лишь характеризующихся неформальностью стиля, ср.:

А мне бы пивку и воблу побольше...

Вот народ, лишь бы пивку выпить, а где, куда, с кем?!

2 дня назад мой друг заплатил кругленькую сумму за то, чтобы не отобрали права. А всего-то вечером выпил пивку.

Эх, хотел бы я оказаться на месте этого детенка, токмо с кружечкой холодного пивку!

Вышел я как-то на улицу погулять, сел на солнышке на скамеечке, дернул пивку и думаю, а дай-ка я напишу реферат...

Семейное положение: влюблён в Бутылочку Пивку (sic! — И. И.).

К сожалению, не пью пива, правда, иногда сидишь и думаешь, час (sic! — И. И.) бы пивку! и потом оп, я же его не пью!¹

Механизм возникновения формы *пивку* вполне понятен. Она обязана своим появлением формам *чайку, кофейку, кваску*, в отличие от большинства форм P₂ употребляющихся значительно чаще соответствующих форм стандартного родительного падежа на *-а* [ОСРЯ: 667–668]; так, в НКРЯ форма *кваску* встретилась почти 100 раз, а форма *кваска* вообще не отмечена.

При этом даже и в разговорном языке форма *пивку*, очевидно, является в настоящее время единственной формой P₂ у существительного ср. р. (и в этом качестве, на наш взгляд, заслуживает фиксации в словарях — например, с пометой «доп. разг.»): формы род. (не дат.!) п. **молочку, *винцу* (не говоря уже о таких формах, как ***молоку, **вину* или ***пиву*) в речи носителей русского языка практически не встречаются.

¹ Все примеры — из Интернета с нормализацией пунктуации и исправлением явных опечаток.

Род. п. мн. ч. слова *раз*

Существительное *раз* традиционно относится к немногочисленной группе слов м. р., у которых форма род. п. мн. ч. имеет нулевое окончание и совпадает с формой им. (или им.-вин.) п. ед. ч. — таких, как *ботинок, глаз, грузин, сапог, солдат* и некоторые другие. Как представляется, такое описание не точно. Форма *раз* является нормативной в сочетаниях с числительными, а также словами *сколько, несколько, много* и т. п. Примеры типа *сколько разов, пять разов* и т. д. также встречаются (особенно часто — в случае инверсии, ср., например: — ⟨...⟩ Дворник-то уж **разов пять** меня пытал о тебе... (Г. И. Успенский. Кой про что (1885))), но практически всегда представляют собой имитацию диалектной или неграмотной речи. Напротив, в «индивидуализированных» контекстах (как правило, таких, где форме род. п. мн. ч. слова *раз* предшествует определение) обычным является употребление формы *разов*, причем такая ситуация устойчиво сохраняется по крайней мере с XIX в. (более ранними данными мы не располагаем).

Степень жесткости данной тенденции сильно варьирует в зависимости, во-первых, от стиля текста, а во-вторых, от конкретного словосочетания. Объем настоящей работы заставляет нас ограничиться лишь очень краткими и предварительными соображениями на этот счет.

В литературном языке рассматриваемое противопоставление выдерживается достаточно строго. Так, в НКРЯ встретились сочетания *с первых (же) разов* (9 раз), *прошлых ~ былых разов* (в общей сложности 3 раза), *тех ~ этих ~ таких ~ эдаких разов* (по 1 разу каждое), ср., например:

*Теперь дело пошло врукопашную: одного-то боярина, что поменьше ростом, с **первых разов** повалили; да зато другой так наших варом и варит!* (М. Н. Загоскин. Юрий Милославский, или русские в 1612 году (1829));

*С **первых же разов** пошел шум и гам, дым коромыслом* (Н. П. Вагнер. Сказки Кота-Мурлыки (1872));

*Только **вкуриться** нужно — с **первых разов** не пробирает* (С. Каледин. Записки гробокопателя (1987–1999));

*Но теперь эта мысль, в отличие от **былых разов**, ⟨...⟩ заставила его покраснеть...* (Булат Окуджава. Путешествие дилетантов (Из записок отставного поручика Амираана Амилахвари) (1971–1977));

*Противу **прошлых разов** сегодня больше отнесено соли* (Ф. М. Решетников. Где лучше? (1868));

*Ай для **эдаких разов** нарочно осколки-то приготавливаешь?* (А. И. Левитов. Целовальничиха (1861));

*Но желаю Вам больше никогда не иметь **таких разов** :* (Красота, здоровье, отдых: Красота (форум) (2005)).

Интересно, что, если сочетание «прилагательное + *раз* (род. п. мн. ч.)» целиком входит в состав количественной группы, числительное может «перевешивать», и употребляется форма с нулевым окончанием:

*Сто тысяч **первых раз** повторяется одна и та же схема литературного лженеваторства, и все так же сто тысяч людей, лишенных чувства нормы, беснуются от восторга и восхищения!* (Л. Гумилевский. Судьба и жизнь (1969) // «Волга», 1988);

*Как в прошлый раз, как в **двадцать прошлых раз**, Юлия вышла и направилась к Москве, и старый карла заковылял за ней* (А. В. Чаянов. Юлия, или Встречи под Новодевичьим (1928)).

Без учета таких контекстов случаи употребления формы род. п. мн. ч. *раз* с какими-либо из перечисленных выше определений представлены в НКРЯ единственным примером:

*И становился в этом курсе совершенно другой Александр Петрович и **с первых же раз** возвещал, что доселе он требовал от них простого ума, теперь потребует ума высшего* (Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842)).

В языке Интернета (для спонтанной устной речи такого рода конструкции, как представляется, не очень характерны) в силу огромного количественного преобладания конструкций типа *сколько раз*, форма с нулевым окончанием нередко распространяется и на сочетания с определениями. При этом, как уже говорилось выше, разные сочетания подвержены этому явлению в разной степени. Так, сочетание [?]*в один из этих раз* представлено в Интернете всего примерно вдвое реже, чем более естественное *в один из этих разов*, а сочетание ^{??}*в один из таких раз* гораздо менее часто.

Имеются также контексты несколько другого типа, в которых замена *разов* на *раз* кажется полностью невозможной, ср. пример из Газетного подкорпуса НКРЯ (о росте цен): И рост был в проценты, но вот сейчас они добежали **до разов** тоже (Разразится ли бензиновый кризис? // Комсомольская правда, 2006.08.07).

Таким образом, слово *раз* входит в группу существительных типа *вольт*, *ампер*, *ватт* и т. д., которые, согласно концепции, представленной в [ОСРЯ: 670–671], имеют особую счетную форму мн. ч., ср. *пять вольт* (счетная форма), но *Не знаю никаких вольтов* (род. п. мн. ч.); отметим, что в [Зализняк 1967] и [Грамм.: 43] наличие подобного противопоставления не усматривается и счетная форма множественного числа (в отличие от единственного) у русских существительных не выделяется. При этом если у слов типа *вольт* формы с окончанием *-ов* имеются лишь потенциально (и их реальность может оспариваться), то слово *раз* представлено с этим окончанием достаточно широко. Поскольку выделение счетной формы не является для русского языка общепризнанным, лексикографическое отражение особенностей слова *раз* может быть различным, но сам факт отсутствия в словарях формы *разов* нельзя не признать недоразумением.

Множественное число существительного *любовь*

В [Грамм: 513] существительное *любовь* имеет помету «ж 8*b'», т. е. возможность сохранения беглой гласной перед последующим VC у этого слова (в отличие от имени собственного *Любовь*) для литературного языка не отмечается. В [ОСРЯ: 239] склонение данного существительного представлено несколько иначе: «**любóвь**, любóви, *тв.* любóвью || *в худож. речи возм. ед.* любóви, *мн.* любóви, -ей».

Можно показать, однако, что статус форм с сохранением беглого *о* в современном русском языке совершенно различен для ед. и мн. ч.

В ед. ч. такие формы представляют собой явное и сознательное нарушение языковой нормы. Так, в известной песне Михаила Щербакова «Ковчег неутомимый» (1988) строки «...То это все ни для какой нужды, / А только ради смерти и любви» соседствуют с упоминанием «Проблемы вечной — быть или не быть». Напротив, во мн. ч. формы с сохранением *о* в последние десятилетия являются существенно преобладающими.

Так, в род. п. мн. ч. формы *любвей* и *любостей* встречаются в НКРЯ одинаково часто (36 и 37 вхождений соответственно), но график частотности формы *любвей*, впервые отмеченной в «Обрыве» И. А. Гончарова (1869), демонстрирует плавное снижение, а график частотности формы *любостей*, вне стихотворных цитат впервые появляющейся в прозе Марины Цветаевой (1929), — стремительный рост. В период с 1990 г. по настоящее время соотношение форм *любвей* и *любостей* составляет 2:15.

В дат. п. соотношение составляет 5:3, но все 5 вхождений формы *любвям* приходятся на XIX — начало XX века, а все 3 вхождения формы *любобьям* — на середину XX — начало XXI в.

В твор. п. это соотношение равно 5:10, причем все 5 примеров без *о* опять-таки относятся к XIX в., а все 10 примеров с *о* — к XX–XXI вв.

В предл. п. соотношение составляет 7:6, при этом после 1990 г. — 0:4.

Для им.-вин. п. мн. ч. точные данные получить трудно из-за омонимии, однако ручной просмотр примеров, датированных XXI в., показывает, что форма *любви* значительно чаще (ориентировочное соотношение — 17:4) встречается как форма мн. ч. (а среди примеров ее употребления в ед. ч. имеется, например, такой: «Год 1791-й еще только начался, а уж был Николай Петровичем намечаем к постановке балет италианца Пиччини: “Трумф любви” (Борис Евсеев. Евстигней // «Октябрь», 2010)»²). Показательно, что сборник новелл чешского писателя Милана Кундеры «Směšné lásky» в русском переводе Н. М. Шульгиной получил название «Смешные любви».

² Возможно, речь идет об авторской фантазии. Мы не располагаем никакими сведениями об этой постановке; более того, среди многочисленных произведений итальянского композитора Никколо Пиччинни нам не удалось найти балета или иного сочинения с таким или похожим названием.

Лексикографически точное отражение нынешней ситуации со склонением слова *любовь* могло бы выглядеть примерно следующим образом: «любо́вь, любви́, тв. любо́вью; мн. (несвоб.) любóви, любóвей и т. д. и **доп. устар.** любви́, любвේй и т. д.».

Л и т е р а т у р а

Грамм. — А. А. З а л и з н я к. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Изд. 4-е, испр. и доп. М., 2003.

Зализняк 1967 — А. А. З а л и з н я к. Русское именное словоизменение. М., 1967.

ОСРЯ — Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1989.

Резюме

В работе рассматриваются нестандартные особенности словоизменения четырех русских слов: наличие у глагола *выгрызть* конкурирующей формы инфинитива *выгрызти*, наличие формы второго родительного падежа у существительного среднего рода *пивко*, наличие у существительного *раз* формы родительного падежа множественного числа *разов*, сохранение беглой гласной в формах множественного числа существительного *любовь*. Обсуждается вопрос о возможном лексикографическом отражении соответствующих фактов.

Ключевые слова: русский язык, морфология, нестандартные формы словоизменения.

Получено 08.05.2017

ILJA B. ITKIN

ON AN INCONCEIVABLE INFINITIVE AND ON THE DECLINATION OF SOME RUSSIAN NOUNS

In the article we regard nonstandard word-inflexion features of four Russian words: the alternate form *vygryzti* together with a standard infinitive *vygryzt'*, the partitive genitive of a neutral noun *pivko*, the genitive plural form *razov* of the noun *raz*, and the preservation of mobile vowel in plural forms of the noun *ljubov'*. We discuss the possible lexicographic representation of these features.

Keywords: Russian, morphology, nonstandard word-formation features.

Received on 08.05.2017

Г. САЯМА

ВЛИЯНИЕ ОБЪЕМА КОРПУСА НА ОПРЕДЕЛЕНИЕ НАИБОЛЕЕ ЧАСТО УПОТРЕБЛЯЕМЫХ СЛОВ: АНАЛИЗ ЧАСТОТНЫХ ДАННЫХ ИЗ ПЯТИ КОРПУСОВ

1. Введение

1.1. Частотные данные из корпусов и языковые исследования

Подходы к исследованию языка могут опираться на интуицию и тексты. Большое количество текстов — корпус — может служить для описания каких-либо отдельных языковых явлений [Копотев, Мустайоки 2008], и на основе его анализа можно делать выводы о структуре языка [Толдова и др. 2011]. На сегодняшний день частотные словари, основанные на корпусах, служат источником информации о том, какие слова или словосочетания более частотны, чем другие. Корпуса используются для преподавания языков, научных исследований и многих других целей [Ляшевская, Шаров 2009: V]. В частности, корпусные данные представляют собой стандартный инструмент для создания словарей [Garrett et al. 2015; Kilgarriff et al. 2006; O’Keeffe et al. 2007: 17].

Корпуса необходимы для составления словарей, которые, согласно работе А. Килгаррифта, должны быть основаны на частотных данных [Kilgarriff 2010]. Для русского языка было составлено несколько частотных словарей [Засорина 1977; Лённгрен 1993; Ляшевская, Шаров 2009; Штейнфельд 1963; Brown 1996; Sharoff et al. 2013]. Словарь Э. А. Штейнфельда [1963] создан на основе небольшого числа текстов, их объем составляет 400 тысяч словоупотреблений. Частотные словари Л. Н. Засориной [1977], Л. Лённгрена [1993] и Н. Дж. Брауна [Brown 1996] построены на коллекциях размером в миллион словоупотреблений. Для того, чтобы достоверно отражать данные о частоте, корпуса частотных словарей должны быть значительными по объему и хорошо сбалансированными по жанровому составу текстов. С этой точки зрения корпусная база вышеуказанных четырех словарей считается небольшой. Напротив, словари [Ляшевская, Шаров 2009] и [Sharoff et al. 2013] основаны на большом количестве текстов: объем первого составляет около 92 миллионов, а объем второго — 150 миллионов.

Корпусные данные также позволяют определить наиболее часто употребляемые слова (далее НЧУС): НЧУС определяются как слова из частотного словаря с высоким рангом. Ранг — это порядковый номер слова в списке, выстроенном по убыванию частоты слова¹. Например, самым употребляемым словом в русском языке является союз *и*, далее идут *в*, *не*, *на*, *я*, *быть* [Ляшевская, Шаров 2009: 1064; Sharoff et al. 2013: 13]. Согласно закону Ципфа [Zipf 1935], ранг слова обратно пропорционален его частоте, т. е. частота слова с рангом 1 в два раза выше, чем частота слова с рангом 2, в три раза выше, чем частота слова с рангом 3 и т. д. Дистрибуция Ципфа предсказывает, что лишь небольшое количество лексикона обладает большой частотой в корпусе.

НЧУС используются в научных исследованиях, в которых изучается поведение языковых единиц, в частности в прикладной лингвистике: частотные данные применяются при составлении учебных словарей и играют важную роль для отбора часто употребляемых слов [Kilgarriff 2013; Kilgarriff et al. 2014]. Например, в Оксфордских словарях для удобства обучения лексике специально отмечены часто встречающиеся слова, потому что НЧУС необходимы для студентов любых специальностей [Nation, Hwang 1995; Sinclair, Renouf 1988]. Помимо этого, в английском языке существуют словари, рассчитанные на широкую аудиторию учащихся, такие как «The Teacher's Word Book of 30,000 words» [Thorndike, Lorge 1944], «General Service List» [West 1953], «New General Service List»², и словари узкоспециальной лексики, такие как «University Word List» [Xue, Nation 1984], «Academic Word List» [Coxhead 2000], «New Academic Word List»³ и др., которые составлены с помощью частотных данных. При составлении словарей тестирования русского языка как иностранного [Андрюшина 2011] частота слов также является одним из критериев отбора лексических единиц.

1.2. Объем корпуса и определение состава наиболее часто употребляемых слов

Возникает следующий вопрос: корпус какого объема требуется для определения 1000, 2000, 3000 НЧУС? Достаточно ли 400 тысяч — 1 миллиона словоупотреблений для описания, например, 2000 НЧУС? Хватит ли миллиона словоупотреблений для получения достоверной информации о частотных данных? По поводу объема корпуса, необходимого для определения НЧУС, нет единого мнения. Насколько нам известно, не существует работ, напрямую посвященных вышеуказанным вопросам.

¹ В некоторых частотных словарях слова с одинаковой частотой получают одинаковый ранг, в других словарях используется упрощенная схема, при которой ранг каждого следующего такого слова увеличивается на единицу. Однако для изучения частотного ядра языка эти различия непринципиальны.

² См. подробности на сайте: <http://www.newgeneralservicelist.org/>.

³ См. подробности на сайте: <http://www.newgeneralservicelist.org/>.

Однако многие исследователи в своих работах упоминают о связи размера корпуса и качества языкового анализа. Дж. Синклер отмечает, что корпус должен быть как можно бóльшим по объему [Sinclair 1991: 18]. Ч. Дж. Филлмор считает, что, каким бы большим ни был корпус, в него не могут входить все лексические единицы языка [Fillmore 1992: 35]. По мнению Д. Бибера, объем корпуса определяется предметом исследования, и для изучения редко встречающихся языковых особенностей требуется большой размер корпуса [Biber 1993: 248–253]. Кроме того, доказано, что для анализа частотных данных недостаточно ста миллионов словоупотреблений, а необходим корпус объемом в миллиарды словоупотреблений [Pomikalek et al. 2009: 4–5].

В работах В. Н. Франсиса и Г. Кеннеди можно найти более четко высказанное мнение об объеме корпуса для отбора НЧУС. Как отмечает В. Н. Франсис, для их анализа теоретически требуется более 50 миллионов словоупотреблений [Francis 1982: 14]. Напротив, Г. Кеннеди утверждает, что достаточен объем от 500 тысяч до 1 миллиона словоупотреблений [Kennedy 1998: 68].

В нескольких частотных словарях русского языка говорится о требуемом размере для определения НЧУС. Э. А. Штейнфельд считает, что 400 тысяч словоупотреблений позволяют установить 1 000–1 300 НЧУС [Šteinfeldt 1973: 14]. Р. Г. Пиотровский и др. [1972] математически доказали, что для достоверного описания 1 600–1 700 наиболее частотных слов достаточно использовать корпус размером в 400 тысяч словоупотреблений. С другой стороны, О. Н. Ляшевская и С. А. Шаров [2009: VII–VIII] предполагают, что для составления частотных словарей недостаточно 400 тысяч — 1 миллиона словоупотреблений. Аналогично, в работе [Sharoff et al. 2013: 4] отмечается, что на сегодняшний день корпус размером в один миллион словоупотреблений считается недостаточным.

В. П. Захаров и Л. Ю. Щипицина также частично касаются вопроса о размере корпуса: «В настоящее время считается, что объем общезыкового корпуса должен быть не меньше 100 млн словоупотреблений» [Захаров 2005: 5]; «корпус, представляющий собой размеченное собрание текстов с объемом слов не менее 100 млн, дает широкие возможности как для прикладных (работа над принципами автоматической разметки), так и для исследовательских целей» [Щипицина 2015: 62].

1.3. Цель исследования

Как следует из вышеуказанных работ, ученые по-разному относятся к вопросу о минимальном объеме корпуса, необходимого для определения НЧУС. Учитывая данную ситуацию, в настоящей работе мы поставили следующую цель:

Выяснить, сколько НЧУС можно определить при использовании частотных данных корпуса размером в **один миллион словоупотреблений**.

Для ответа на этот вопрос создано пять корпусов, каждый объемом в один миллион словоупотреблений (далее — миллионные корпуса), представляющих примерно одну сотую долю объема разножанровой коллекции текстов Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ). Подробности создания пяти корпусов и их сравнение с НКРЯ описаны во втором разделе. Далее, в третьем разделе, проводится анализ этих корпусов. Проблема, сколько НЧУС можно определить при помощи миллионных корпусов, обсуждается в разделе 3.2.

Возникает вопрос: почему выбран объем корпуса именно в один миллион словоупотреблений? Как упомянуто выше, по современным стандартам он довольно мал. Однако таков объем корпусов предыдущих поколений. В 1960-е гг. появился корпус Брауна (англ. *Brown Corpus*) размером в один миллион словоупотреблений. Его структура оказала значительное влияние на последующие корпуса — английского языка (например, *Lancaster-Oslo-Bergen Corpus*, *Freiburg-Brown Corpus of American English*, *Freiburg-LOB Corpus of British English*) [McEnery et al. 2005: 61—62] и Упсальский корпус русского языка [Захаров 2005: 4], также размером в миллион словоупотреблений. Частотные словари русского языка Н. Дж. Брауна [Brown 1996], Л. Н. Засориной [1977], Л. Лённгрена [1993] тоже составлены с использованием корпусов объемом в миллион словоупотреблений.

Создание корпуса такого размера по силам одному человеку. Однако составление более крупного сбалансированного корпуса без помощи компьютерной программы, вручную оказывается либо крайне сложным, либо невозможным. В этом отношении большое значение имеет сравнительное исследование частотных данных, представленных в пяти миллионных корпусах: кроме ответа на поставленный вопрос, их анализ дает представление о достоверности частотных данных в словарях, основанных на корпусах размером в миллион словоупотреблений, при отборе НЧУС.

2. Создание пяти корпусов и статистические данные

2.1. Репрезентативность корпусов:

НКРЯ в качестве образца миллионных корпусов

Пять корпусов, созданных автором, представляют каждый примерно одну сотую коллекции НКРЯ, использованной в частотном словаре [Ляшевская, Шаров 2009]. Функционально-жанровая структура пяти миллионных корпусов основана на тех же принципах, что и НКРЯ. Иными словами, каждый из них представляет собой миниатюризованный НКРЯ.

Идея предложенного метода заключается в том, чтобы сравнить пять миллионных корпусов с корпусом частотного словаря [Ляшевская, Шаров 2009] и проанализировать состав НЧУС. Количественный метод широко используется в лингвистических исследованиях, однако его применение «целесообразно только в том случае, если ожидается, что из полученных

данных можно сделать содержательные (качественные) выводы. «...» ибо простой подсчет тех или иных явлений ничего раскрыть не может» [Зиндер, Строева 1968: 121]. Результат количественного анализа должен быть интерпретирован качественно, так как отсутствие теоретической интерпретации лишает его смысла [Москвин 2015: 82]. Для сопоставления корпусов, имеющих разный объем, и получения содержательных выводов в них должна быть соблюдена одинаковая пропорция функциональных стилей текстов.

Почему в качестве эталона сравнения выбран НКРЯ? По нашему мнению, НКРЯ представляет самую точную информацию о частотности слов. Современный подкорпус НКРЯ, использованный для создания частотного словаря [Ляшевская, Шаров 2009], репрезентативен в отношении объема корпуса и сбалансированности функционального состава текстов: он значителен по объему (количество орфографических слов — 92 миллиона), превосходя корпуса предыдущего поколения. Тем не менее существуют и более объемные корпуса. В интернет-корпусе [Sharoff et al. 2013] содержится 150 миллионов словоупотреблений, приблизительно в полтора раза больше, чем в НКРЯ⁴. Интернет-корпус *ruTenTen 2011* имеет несравненно больший объем (примерно 14,5 миллиардов словоупотреблений)⁵. Таким образом, НКРЯ уступает по объему последним двум корпусам. Однако НКРЯ лучше других подходит для анализа частотных данных письменного русского языка с точки зрения репрезентативности. При построении репрезентативного корпуса теоретические исследования должны всегда предшествовать организации корпуса и фактическому сбору текстов; в частности, это касается и определения баланса [Viber 1993]. При составлении НКРЯ баланс входящих в него текстов был спланирован заранее, а тексты отбирались вручную [Савчук 2005].

В частотном словаре НКРЯ представлен срез всего потенциально бесконечного множества текстов, функционирующих в современном русском языке [Ляшевская, Шаров 2009: V]. В отличие от НКРЯ, отбор текстов для Интернет-корпуса *ruTenTen 2011* и словаря [Sharoff et al. 2013] проводился автоматически, и при этом жанровому балансу текстов не уделялось должного внимания: в корпусы попали все тексты, обнаруженные компьютерной программой на пространстве Рунета. Доля текстов разных жанров и стилей в веб-корпусах неизвестна, что крайне усложняет воспроизведение их структуры с помощью миллионных корпусов.

Таким образом, на сегодняшний день, по нашему мнению, из всех существующих русских корпусов НКРЯ наиболее надежно отражает информацию о самых частотных элементах письменного языка, поэтому наше

⁴ Подробности метода сбора текстов см. в работе [Sharoff et al. 2013: 2—3].

⁵ Корпус *ruTenTen 2011*, тексты которого собраны из Рунета SpiderLing в 2011 году, представляет собой мониторинговый корпус. О его детальном статистическом модуле и стратегии его составления см. [Jakubiček et al. 2013; Suchomel, Pomikálek 2012].

исследование построено на сопоставлении с НКРЯ. В следующем разделе приводятся статистические данные о функционально-стилевом разнообразии текстов НКРЯ и созданных миллионных корпусах⁶.

2.2. Сбалансированность по жанру: доля функциональных сфер текстов

Репрезентативный корпус создается в процессе отбора текстов, который осуществляется на основе определенных критериев, устанавливаемых в зависимости от исследуемого предмета. В такой выборке, т. е. подмножестве из некоторого доступного составителя множества текстов, должны отражаться те или иные параметры целевого языкового явления в определенной пропорции [Толдова и др. 2011]. Необходимо тщательно спланировать выборку включаемых в него текстов.

В частотном словаре НКРЯ приводятся данные о распределении текстов по функциональным сферам [Ляшевская, Шаров 2009: VI] (см. табл. 1).

Таблица 1

Доля и размер функциональных сфер в НКРЯ

Функциональный стиль	Доля	Размер подкорпуса, токенов	Размер подкорпуса, орф. слов	Кол-во текстов
Художественная литература	39,04%	45 150 317	35 150 521	2 418
Публицистика	42,21%	48 818 173	39 739 644	27 390
Другая нехудожественная литература, в т. ч.:	16,96%	19 618 518	15 478 151	7 495
учебно-научная	11,30%	13 067 152		3 994
официально-деловая	1,62%	1 872 482		1 075
электронная коммуникация	1,49%	1 727 363		133
церковно-богословская	1,44%	1 664 804		488
реклама	0,57%	659 707		1 232
бытовая	0,48%	556 291		439
производственно-техническая	0,26%	295 206		134
Устная непубличная речь	0,88%	1 017 568	758 407	1 005
Другое (в т. ч. смешанный стиль)	0,90%	1 037 468	827 580	61
Итого	100%	115 642 044	91 954 303	38 369

⁶ В качестве образца миллионных корпусов мы выбрали НКРЯ размером примерно в 92 миллиона словоупотреблений, на котором основан частотный словарь [Ляшевская, Шаров 2009]. Однако необходимо отметить, что объем корпуса нынешнего НКРЯ составляет приблизительно 265 миллионов словоупотреблений, что в 3 раза больше, чем предыдущая версия (на сентябрь 2016 года). Проблема заключается в том, что внутреннюю структуру актуальной версии НКРЯ крайне сложно воспроизвести с помощью доступной информации на сайте: в нем можно подсчитать количество словоупотреблений по функциональным стилям, однако их сумма не совпадает с общим объемом актуальной версии НКРЯ.

Функциональная сфера — самая общая типологическая характеристика текста [Савчук 2005: 70—71]. Для описания текстов выделено десять функциональных сфер⁷. По количеству словоупотреблений и текстов лидируют художественная литература, публицистика, учебно-научная сфера.

Миллионные корпуса, созданные в ходе нашего исследования, воспроизводят данное распределение функциональных сфер. Что же касается других типовых особенностей текстов (ср. такие разновидности, как роман, сказка, дневник, заметка и т. п., см. метапризнаки типов текста в НКРЯ⁸), то мы также ставили задачу по возможности соблюдать их баланс. Однако в корпусе столь малого объема сделать это крайне сложно⁹.

Как видно в последней колонке, миллионные корпуса созданы с учетом требований к количеству текстов по функциональным сферам. В случае, если корпуса в качестве предмета сравнения сильно отличаются по количеству текстов, полученные результаты не всегда могут быть основаны на значимом измерении сходства между корпусами [Kilgarriff 1997: 235]. Данный контроль необходим для подтверждения сходства миллионных корпусов, так как далее сравнивается доля покрытия текстов НЧУС, зафиксированная в них.

Требуется оговорить, что под термином «словоупотребление» в настоящей работе подразумевается орфографическое слово. При подсчете общего объема корпусов исключаются знаки препинания (запятая, точка и др.). Если взять из вышеуказанных данных НКРЯ одну сотую долю, у нас получится следующий результат (см. табл. 2).

Опираясь на показатели из табл. 2, мы собрали тексты для наших миллионных корпусов. В следующем разделе будет рассказано, каким образом отобраны тексты разных жанров.

2.3. Выборка текстов, входящих в миллионные корпуса

Тексты, включенные в пять миллионных корпусов, собраны тремя способами: с помощью 1) извлечения с интернет-сайтов, 2) сканирования, 3) ручного ввода. Для удобства чаще всего использовался первый способ. Источником отбора текстов художественной сферы является сайт под на-

⁷ Подробнее об отдельных функциональных сферах текстов в НКРЯ см. [Савчук 2005: 70—73].

⁸ См. подробности на сайте: <http://www.ruscorpora.ru/corpora-parameter.html>

⁹ Информация о том, какой баланс типов текста установлен в корпусе частотного словаря [Ляшевская, Шаров 2009], недоступна. Однако такой баланс в миллионных корпусах основан на частотном распределении типов текстов в нынешнем НКРЯ, объем которого составляет 265 401 717 словоупотреблений. Например, в рамках функциональной сферы публицистики по количеству типов текстов лидируют статья, заметка и очерк. Однако сложно выдержать баланс менее частотных типов. По той же причине распределение тематик текста, таких как «экономика», «спорт», «религия», не может быть проконтролировано.

Таблица 2

**Одна сотая доля баланса словоупотреблений и количество текстов
по функциональным сферам в пяти миллионных корпусах**

Функциональный стиль	Доля	Размер подкорпуса, орф. слов	Кол-во текстов
Художественная литература	39,04%	390 400×5	24×5
Публицистика	42,21%	422 100×5	274×5
Другая нехудожественная литература, в т. ч.:	16,96%	169 600×5	75×5
учебно-научная	11,30%	113 000×5	40×5
официально-деловая	1,62%	16 200×5	11×5
электронная коммуникация	1,49%	14 900×5	1×5
церковно-богословская	1,44%	14 400×5	5×5
реклама	0,57%	5 700×5	12×5
бытовая	0,48%	4 800×5	4×5
производственно-техническая	0,26%	2 600×5	1×5
Устная непубличная речь	0,88%	8 800×5	10×5
Другое (в т. ч. смешанный стиль)	0,90%	9 000×5	1×5
Итого	100%	1 000 000×5	383×5

званием «Lib.Ru: Библиотека Максима Мошкова». Тексты устной непубличной речи автор получил из Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, подписав контракт на их использование. Наконец, тексты остальных сфер собраны преимущественно на интернет-сайтах.

В НКРЯ принято решение включать только целые тексты [Савчук 2005: 68–70], так как распределение лексических единиц может быть разным в зависимости от их расположения в тексте (начальная, средняя и конечная часть). В большинстве случаев мы также включали целые тексты в миллионные корпуса. Однако при построении сравнительно малых корпусов, таких как наши, проблеме объема текстов должно быть уделено особое внимание. Нельзя допустить, чтобы какой-то один большой текст превалировал над остальными, поэтому в некоторых случаях были извлечены тексты только в виде начальных, средних и конечных фрагментов (к примеру, глава, предисловие и др.).

В НКРЯ время создания текстов охватывает XVIII–XXI вв. [Коптев, Мустайоки 2008: 16], и в этом отношении пять миллионных корпусов отличаются от НКРЯ. Тексты XIX–XX вв. доступны пониманию читателей нашего времени, за исключением устаревших слов и выражений, а тексты начала XVIII в. гораздо труднее понимать неспециалисту [Оскольская 2009: 46–47]. Поэтому из миллионных корпусов исключены тексты XVIII–XIX вв., почти все входящие в них тексты созданы в XXI в., причем боль-

шинство из них написано в 2010—2016 гг.¹⁰. Причина заключается в их доступности в интернет-источниках и малом размере данных корпусов: миллионные корпуса не настолько велики, чтобы включать тексты прошлых веков. Размер миллионных корпусов, намного меньший, чем размер НКРЯ, не позволяет учесть баланс текстов по времени создания.

2.4. Методика подсчета слов

Подсчет объема миллионных корпусов и их лемматизация¹¹ произведены с помощью программы *SketchEngine*¹². В следующем разделе сравниваются частотные данные по леммам в НКРЯ и пяти миллионных корпусах. Поскольку НКРЯ и пять миллионных корпусов имеют небольшие отличия в способе лемматизации, это оказывает влияние на частотные данные. При более точном сравнении частотных данных НКРЯ с миллионными корпусами должны быть учтены следующие важные расхождения.

В настоящей работе методика подсчета слов в пяти миллионных корпусах (по результатам лемматизации *SketchEngine*) адаптирована к стратегии НКРЯ.

1) Числительные в виде арабских цифр: в отличие от НКРЯ, в *SketchEngine* они исключаются при подсчете словоупотреблений, поэтому это различие исправлено автором.

2) Сокращения: в НКРЯ «сокращения, которые по правилам русского языка записываются со строчной буквы и с точкой на конце, расшифровываются» [Ляшевская, Шаров 2009: XIII]. В миллионных корпусах такие сокращения расшифрованы вручную на основе ГОСТ Р 7.0.12-2011 [Григорьева, Прусакова 2012]. Общепринятые сокращения, пропущенные в данном списке, также раскрыты автором.

3) Слова, записанные латиницей: в НКРЯ и *SketchEngine* они не исключаются при подсчете словоупотреблений, но удалены из лексического состава частотного словаря НКРЯ, поэтому мы не анализируем их в третьем разделе.

¹⁰ Приблизительно 70–80% текстов в пяти миллионных корпусах созданы в этот период.

¹¹ Лемматизация (англ. lemmatisation) представляет собой процесс приведения всех словоформ слова к исходной форме, обычно к заглавному слову [O’Keefe, McCarthy 2010: 432]. Лемма включает исходную форму слова и все формы, которые принадлежат той же части речи и имеют ту же грамматическую основу, т. е. формы словоизменения [Francis, Kučera 1982: 3–4]. К примеру, следующие словоформы входят в лемму *ЯЗЫК*: *язык, языка, языку, язык, языком, языке, языки, языков, языкам, языки, языками, языках*. Заметим, что аналитические грамматические формы типа *буду делать* могут трактоваться по-разному: в НКРЯ такие формы рассматриваются как две леммы — лемма глагола *быть* и лемма глагола *делать* [Ляшевская и др. 2005].

¹² *SketchEngine* является многофункциональной системой, с помощью которой осуществляются создание корпусов, лемматизация, составление коркорданса и др. (см. [Kilgarriff et al. 2014; Tiberius, Kilgarriff 2009]).

Кроме того, есть еще несколько более мелких отличий между разметкой НКРЯ и миллионных корпусов.

4) Орфографическая норма: в НКРЯ случайные опечатки, как правило, отсутствуют в списках частотного словаря, поскольку они не преодолевают установленного частотного порога в 0,4 ipm [Ляшевская, Шаров 2009: XIII]. В миллионных корпусах они есть и приводятся без исправлений. Однако, поскольку они имеют крайне низкую частоту, это не оказывает влияния на состав НЧУС.

5) Сложные слова: в НКРЯ слова, записанные через дефис, лемматизируются или как одна единица, или как две. То или иное решение обусловлено входением в словарь, который во многом совпадает со списком «Грамматического словаря» [Зализняк 1977]. При лемматизации в миллионных корпусах с помощью *SketchEngine* все слова с дефисом трактовались как одно слово. Мы привели лемматизацию этих слов к стандарту НКРЯ, однако, поскольку работа производилась вручную, сложные слова, не включенные в состав НЧУС, не были учтены.

6) Словоформы, приобретающие особую функцию в предложениях: определенные словоформы могут получать нестандартную функцию в предложениях, ср. такие словоформы, как *может*, *кажется*, *меньше*. В НКРЯ эти случаи считаются самостоятельными лексическими единицами, получают новую частеречную трактовку и исключаются из состава своих исходных лемм (ср. *мочь*, *казаться*, *маленький/малый/мало*, соответственно). Напротив, в *SketchEngine* такие словоформы суммируются вместе с другими в одну лемму. Поскольку *SketchEngine* не предоставляет информации о частотных данных словоформ такого рода, мы исключаем их из предмета анализа. Таким образом, в следующем разделе проверяется доля совпадения лексических единиц в НКРЯ и пяти миллионных корпусах, но при этом мы не учитываем такие самостоятельные словоформы. Ошибки лемматизации, обнаруженные автором в *SketchEngine*, исправлены вручную.

Итак, расхождения в методике составления частотных словников НКРЯ и миллионных корпусов значительно уменьшены. Ниже в табл. 3 приведен объем словоупотреблений каждого из пяти корпусов по функциональным сферам.

Числа в каждой колонке показывают объем словоупотреблений, а числа в скобках — количество текстов. Например, в Корпус_1 включены 277 публицистических текстов, и их общая сумма составляет 432 433 словоупотреблений. Всего в Корпусе_1 содержится 383 текста, и их общий объем — 1 016 122 словоупотребления. Как видно из табл. 3, в целом пять миллионных корпусов построены по единому плану (ср. табл. 2).

2.5. Показатель Доля покрытия текста

Доля покрытия текста (далее ДПТ; ср. англ. text coverage) указывает на долю 1 000, 2 000 и т. д. первых по частотности слов в текстах. Если речь идет о прикладной лингвистике, это говорит о том, сколько слов учащиеся

Таблица 3

**Объем словоупотреблений пяти миллионных корпусов
по функциональным сферам**

Функциональный стиль	Корпус_1	Корпус_2	Корпус_3	Корпус_4	Корпус_5
Художественная литература	390 556 (24)	404 145 (24)	396 611 (24)	391 967 (24)	394 475 (24)
Публицистика	432 433 (277)	421 425 (277)	429 837 (277)	431 646 (277)	426 851 (277)
Учебно-научная	116 811 (40)	115 109 (40)	117 838 (40)	119 135 (40)	115 423 (40)
Официально-деловая	16 964 (11)	16 224 (11)	17 021 (11)	17 546 (11)	16 822 (11)
Электронная коммуникация	17 662 (1)	16 981 (1)	16 849 (1)	16 721 (1)	17 540 (1)
Церковно-богословская	16 456 (5)	15 051 (5)	15 397 (5)	15 063 (5)	13 888 (5)
Реклама	5 651 (12)	5 816 (12)	6 056 (12)	5 654 (12)	5 817 (12)
Бытовая	5 349 (4)	4 282 (4)	5 004 (4)	4 794 (4)	4 804 (4)
Производственно-техническая	2 430 (1)	2 904 (1)	2 876 (1)	2 552 (1)	2 910 (1)
Устная непубличная речь	11 810 (8)	11 021 (8)	9 425 (8)	10 433 (8)	9 758 (8)
Итого	1 016 122 (383)	1 012 958 (383)	1 016 914 (383)	1 015 511 (383)	1 008 288 (383)

Таблица 4

**ДПТ определенным количеством НЧУС в НКРЯ
и в пяти миллионных корпусах¹³**

Кол-во слов	НКРЯ (Основной корпус)	Миллионные корпуса					
		Корпус_1	Корпус_2	Корпус_3	Корпус_4	Корпус_5	All
1 000 слов	60,94%	62,55%	62,34%	62,52%	63,26%	63,16%	62,25%
2 000 слов	69,37%	71,89%	71,74%	72,02%	72,64%	72,77%	71,49%
3 000 слов	74,06%	77,12%	76,95%	77,27%	77,80%	78,06%	76,60%
4 000 слов	77,18%	80,55%	80,41%	80,75%	81,22%	81,53%	79,96%
5 000 слов	79,47%	83,07%	82,93%	83,29%	83,73%	84,02%	82,42%

¹³ Единицей подсчета первых 1 000, 2 000 и т. д. слов является лемма.

должны знать при чтении текста или другой речевой деятельности. Ниже сравнивается ДПТ в НКРЯ и в пяти миллионных корпусах. Предполагается, что между пятью миллионными корпусами и НКРЯ теоретически должно наблюдаться достаточное сходство ДПТ, так как они сопоставимы друг с другом по своей структуре.

Как и предполагалось, табл. 4 показывает общую тенденцию в НКРЯ и пяти миллионных корпусах. ДПТ в пяти миллионных корпусах выше примерно на 2–4%, чем в НКРЯ: в НКРЯ 1 000 НЧУС покрывают 60,94% текстов, 2 000 НЧУС — 69,37%, 3 000 НЧУС — 74,06%. А в Корпусе 1 62,55% покрыто 1 000 НЧУС, 71,89% — 2 000 НЧУС, 77,12% — 3 000 НЧУС. В остальных корпусах наблюдается та же статистика, что указывает на успешно реализованную структуру.

Во всех пяти корпусах значительную ДПТ покрывает малое количество слов в диапазоне первой тысячи. В отличие от нее, слова в диапазоне со второй по пятую тысячу уже вносят небольшой вклад в увеличение ДПТ. Данный результат указывает на то, что очень небольшое количество слов довольно часто встречается в корпусе, а остальное большинство слов — редко, что соответствует дистрибуции Ципфа.

Причина различий в ДПТ скорее всего заключается в малом количестве текстов, из которых состоят миллионные корпуса. Корпуса большего размера содержат в себе больше лексических единиц, чем корпуса малого, что приводит к разнице ДПТ между двумя корпусами. Если интегрировать все пять корпусов и создать корпус размером в пять миллионов словоупотреблений (All в табл. 4), то, действительно, в нем уменьшается ДПТ определенным количеством НЧУС (см. последнюю правую колонку).

3. Сходство корпусов: анализ пересечения состава лексических единиц в НКРЯ и миллионных корпусах

Третий раздел посвящен анализу совпадения лексических единиц попарно в НКРЯ и каждом миллионном корпусе. Чтобы определить этот параметр, мы выделяем среди 3 000 НЧУС подмножества по 500 рангов и анализируем долю их совпадения в корпусах на основе метода А. Килгаррифта [Kilgarriff 1996]. По нашей гипотезе, если в результате сравнения НКРЯ с миллионными корпусами будет обнаружена большая доля совпадения лексического состава в пределах некоторого частотного ранга, то можно будет считать, что для задачи определения НЧУС достаточно корпуса в миллион словоупотреблений. Не существует единого ответа на вопрос, достаточно ли миллиона словоупотреблений вообще для определения НЧУС; здесь же в фокусе должно быть число, показывающее, сколько НЧУС позволяет описать корпус объемом в миллион словоупотреблений. С целью получения ответа на данный вопрос мы проводим анализ с использованием показателя доли совпадения лексических единиц.

3.1. Анализ доли совпадения лексических единиц в НКРЯ и миллионных корпусах

Есть несколько методов анализа сходства двух корпусов, и причина, по которой мы ссылаемся на метод А. Килгаррифта [Kilgariff 1996] для анализа НЧУС, следующая: корпусные данные широко применяются для исследования сходства и различия между двумя или более корпусами. Например, разделив корпус на два подкорпуса и расположив тексты в них без разбора, можно составить частотный список для каждого из них, рассчитать критерий хи-квадрат для их различия после нормализации и повторения его проверки, а затем интерпретировать полученные результаты [Kilgariff 1997]. В работе Д. Бибера [Biber 1993] частотными данными объясняется сходство и различие между корпусами разных функциональных сфер не только по грамматическим, но и по лексическим особенностям. Помимо этого, Д. Бибер [Biber 1991] и С. Сэкинэ [Sekine 1997] также уделяли внимание сходству и различию корпусов (подкорпусов, текстов различных жанров), подсчитывая частотные данные зафиксированных в них языковых явлений. В отличие от вышеуказанных работ, здесь анализируются частотные данные двух корпусов — НКРЯ и каждого миллионного корпуса, одинаковых по доле текстов функциональных сфер (см. раздел 2.2).

В исследовании А. Килгаррифта [Kilgariff 1996] Британский национальный корпус (British National Corpus; далее BNC) был разделен на две части (далее *half-1* и *half-2*) с целью выявления сходства между двумя равными по размеру и критериям отбора текстов корпусами (см. табл. 5).

Таблица 5

Доля совпадения НЧУС в *half-1* и *half-2*

		Rank order in half-1						
		1–500	500–1000	1001–1500	1501–2000	2001–2500	2501–3000	over 3000
Rank order in half-2	1–500	482	17	1	0	0	0	0
	500–1000	18	440	39	2	0	1	0
	1001–1500	0	43	400	51	3	0	3
	1501–2000	0	0	56	356	79	5	4
	2001–2500	0	0	4	79	314	87	16
	2501–3000	0	0	0	9	81	303	107
	over 3000	0	0	0	3	23	104	

Согласно А. Килгарриффу, если все слова из какого-нибудь рангового множества в *half-1* входят в соответствующее ранговое множество в *half-2*, такое состояние дел означает полное сходство двух корпусов в данном частотном диапазоне. Например, из пятисот слов ранга (1–500) подкорпуса *half-2* 482 слова входят также и в *half-1*, что подразумевает большую близость *half-1* и *half-2* в лексическом составе. Несмотря на то, что количество

слов одного рангового диапазона, не включенных в соответствующий диапазон другого подкорпуса, увеличивается с ростом ранга, все же можно отметить, что два подкорпуса почти не отличаются по лексическому составу в диапазоне ⟨1–2 500⟩ (расхождение между подкорпусами — примерно 20 слов). Что же касается частотного диапазона ⟨2 501–3 000⟩, то между подкорпусами отмечено уже большее расхождение в лексическом составе (104 и 107 слов).

Большая доля совпадения *half-1* и *half-2* может быть обусловлена тем, что они довольно большого объема и хорошо сбалансированы при выборе текстов. Из этого может следовать, что 50 миллионов словоупотреблений достаточно для выбора 2 500 наиболее часто употребляемых английских слов.

Учитывая характеристику созданных корпусов, полагаем, что метод А. Килгаррифта [Kilgarriff 1996] является наиболее подходящим для анализа НЧУС. Применяв предложенный им метод к имеющимся данным, мы сравнили НКРЯ и миллионные корпуса в шести ранговых диапазонах. На следующем этапе было выявлено, какое количество НЧУС может быть отобрано с использованием корпуса размером в один миллион словоупотреблений. Ниже приведены результаты анализа доли совпадения лексических единиц в НКРЯ и первом миллионном корпусе.

Таблица 6

Доля совпадения НЧУС в НКРЯ и Корпусе_1

Ранг		Корпус_1						
		1–500	501–1 000	1 001–1 500	1 501–2 000	2 001–2 500	2 501–3 000	Более 3 000
НКРЯ	1–500	424	63	4	2	0	0	7
	501–1 000	59	290	113	24	5	1	8
	1 001–1 500	10	98	197	115	44	15	21
	1 501–2 000	3	26	96	149	111	48	67
	2 001–2 500	2	8	37	84	115	104	150
	2 501–3 000	2	3	16	50	75	88	266
	Более 3 000	0	12	37	76	150	244	

Как показывает табл. 6, среди лексических единиц диапазона ⟨1–500⟩ в НКРЯ 424 слова входят в соответствующий ранг Корпуса_1. Далее доля совпадений в каждом следующем диапазоне уменьшается, составляя 290 слов в диапазоне ⟨501–1 000⟩, 197 слов в диапазоне ⟨1 001–1 500⟩, 149 слов в диапазоне ⟨1 501–2 000⟩, 115 слов в диапазоне ⟨2 001–2 500⟩, 88 слов в диапазоне ⟨2 501–3 000⟩.

Доля совпадений лексических единиц в НКРЯ и Корпусе_1 значительно меньше, чем в двух подкорпусах BNC. Кроме того, чем ниже ранг слов, тем больше количество непересекающихся лексических единиц. Необходимо отметить, что рост расхождений очень высок и их итоговая сумма велика. Например, количество непересекающихся слов в *half-1* и *half-2* увеличивается в порядке ⟨0, 0, 3, 4, 16, 107⟩, и в итоге их сумма составляет

всего лишь 130. В НКРЯ и Корпусе_1 число непересекающихся слов вырастает более быстрыми темпами: (7, 8, 21, 67, 150, 266), в итоге составляя 519.

Результат сопоставления НКРЯ и четырех других миллионных корпусов показывает ту же самую тенденцию (см. табл. 7—10).

Таблица 7

Доля совпадения НЧУС в НКРЯ и Корпусе_2

Ранг		Корпус_2						
		1–500	501–1 000	1 001–1 500	1 501–2 000	2 001–2 500	2 501–3 000	Более 3 000
НКРЯ	1–500	421	65	6	1	0	0	7
	501–1 000	64	281	118	23	3	2	9
	1 001–1 500	11	96	193	120	34	22	24
	1 501–2 000	0	32	90	134	112	62	70
	2 001–2 500	2	13	40	78	120	100	147
	2 501–3 000	1	1	20	50	70	75	283
	Более 3 000	1	12	33	94	161	239	

Таблица 8

Доля совпадения НЧУС в НКРЯ и Корпусе_3

Ранг		Корпус_3						
		1–500	501–1 000	1 001–1 500	1 501–2 000	2 001–2 500	2 501–3 000	Более 3 000
НКРЯ	1–500	414	74	4	2	0	0	6
	501–1 000	65	273	126	22	3	4	7
	1 001–1 500	11	92	203	112	48	14	20
	1 501–2 000	1	25	74	156	114	57	73
	2 001–2 500	2	15	42	82	111	94	154
	2 501–3 000	2	4	22	44	66	89	273
	Более 3 000	5	17	29	82	158	242	

Таблица 9

Доля совпадения НЧУС в НКРЯ и Корпусе_4

Ранг		Корпус_4						
		1–500	501–1 000	1 001–1 500	1 501–2 000	2 001–2 500	2 501–3 000	Более 3 000
НКРЯ	1–500	420	68	3	2	1	0	6
	501–1 000	67	270	119	30	5	3	6
	1 001–1 500	8	104	189	118	38	16	27
	1 501–2 000	0	29	88	149	99	60	75
	2 001–2 500	2	8	45	78	115	95	157
	2 501–3 000	1	6	18	41	79	76	279
	Более 3 000	2	15	38	82	163	250	

Таблица 10

Доля совпадения НЧУС в НКРЯ и Корпусе_5

Ранг		Корпус_5						
		1–500	501–1 000	1 001–1 500	1 501–2 000	2 001–2 500	2 501–3 000	Более 3 000
НКРЯ	1–500	404	81	6	1	1	0	7
	501–1 000	76	256	118	28	9	1	12
	1 001–1 500	9	97	162	120	57	23	32
	1 501–2 000	2	36	84	126	111	61	80
	2 001–2 500	2	11	53	85	90	84	175
	2 501–3 000	2	4	26	38	64	83	283
	Более 3 000	7	15	51	102	168	248	

Как видно из табл. 7—10, в НКРЯ и остальных четырех миллионных корпусах наблюдается общая тенденция: резкое увеличение количества пересекющихся слов и их большая итоговая сумма. По нашему мнению, такая картина в значительной степени обусловлена объемом корпуса. Общий размер словоупотреблений *half-1* и *half-2* — 50 миллионов, что в 50 раз больше, чем размер пяти наших миллионных корпусов, поэтому предполагается, что доля совпадения лексики в двух корпусах стабилизируется с увеличением их размера. В настоящей работе данный вопрос рассматривается путем интеграции всех пяти корпусов в один (общая сумма словоупотреблений — пять миллионов; Корпус_ALL), и подсчетом доли совпадений с НКРЯ.

Таблица 11

Доля совпадения НЧУС в НКРЯ и Корпусе_All

Ранг		Корпус_All						
		1–500	501–1 000	1 001–1 500	1 501–2 000	2 001–2 500	2 501–3 000	Более 3 000
НКРЯ	1–500	430	59	3	2	0	0	6
	501–1 000	61	300	111	16	3	1	8
	1 001–1 500	5	104	207	125	28	12	19
	1 501–2 000	0	26	91	166	114	49	54
	2 001–2 500	2	5	42	79	147	102	123
	2 501–3 000	1	2	21	39	78	102	257
	Более 3 000	1	4	25	73	130	234	

Из 500 слов по рангу <1–500> в НКРЯ 430 включены в соответствующий ранг <1–500>, далее 300, 207, 166, 147 и 102. Данный анализ показывает увеличение доли совпадения лексики в каждом диапазоне двух корпусов. Итоговая сумма не включенных в них слов значительно уменьшается и составляет 467. Полученный нами результат может служить доказательством того, что доля совпадения лексики зависит от размера корпуса.

3.2. Определение наиболее часто употребляемых слов

В предыдущем разделе мы выяснили, что для получения стабильного совпадения необходим большой по объему корпус. Между НКРЯ и пятью миллионными корпусами можно увидеть немалое расхождение в лексическом составе, и оно увеличивается с понижением частотного ранга НЧУС. Здесь мы рассматриваем вопрос, какое количество НЧУС можно определить с использованием частотных данных из корпуса размером в **один миллион словоупотреблений**. Ответ на данный вопрос определяется полученными ранее результатами о доле совпадения лексики. Необходимо выяснить, до какого ранга наблюдается большая доля лексических пересечений в НКРЯ и пяти миллионных корпусах или начиная с какого ранга — большое расхождение. Таким образом может быть установлен порог определения НЧУС с помощью корпуса объемом в один миллион словоупотреблений. Ниже показан график, в котором приводится информация о количестве слов, не включенных в НКРЯ, и о накопленной сумме расхождений (график основан на данных из табл. 6).

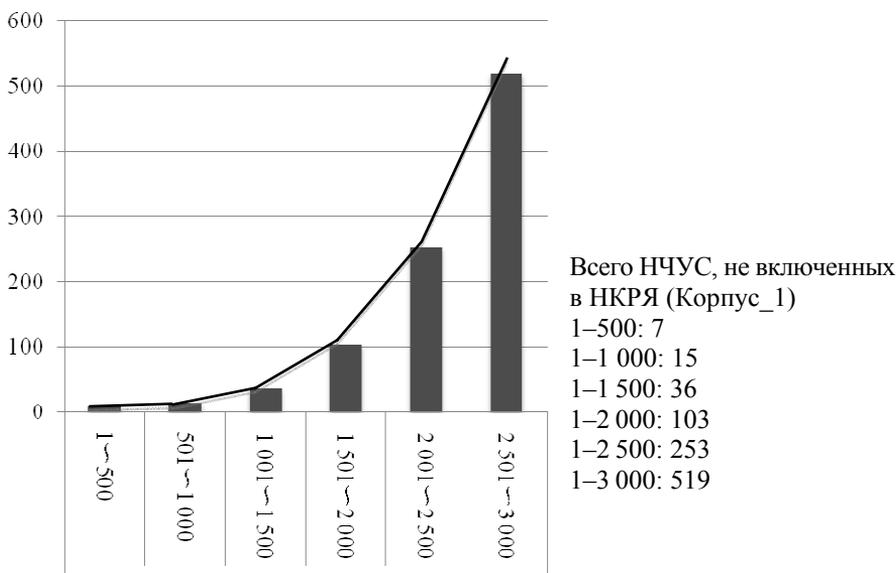

График 1. Количество НЧУС, не включенных в НКРЯ (Корпус_1)

Графики расхождений между НКРЯ и Корпусами_2, 3, 4 и 5 выглядят аналогично. Как показано в графике 1, лексические единицы в диапазоне <1–1 500> стабильно входят в НКРЯ. Из 1 500 НЧУС в НКРЯ отсутствуют 36 слов Корпуса_1. С другой стороны, НКРЯ и пять миллионных корпусов

расходятся все больше и больше в отношении лексических единиц 1 500-го ранга и дальше: в диапазоне ⟨1 501–2 000⟩, ⟨2 001–2 500⟩ и ⟨2 501–3 000⟩ насчитывается соответственно 67, 150, 266 непересекающихся слов (см. табл. 6), и их итоговая сумма — 103, 253, 519. Как видно из графика, начиная с рангового диапазона ⟨1 501–2 000⟩ наблюдается точка перелома, то есть резко увеличивается количество не входящих в НКРЯ слов из миллионных корпусов. То же самое наблюдается во всех остальных корпусах: НЧУС в диапазоне ⟨1–1 500⟩ стабильно входят также и в НКРЯ, а стабильность лексического состава в диапазоне ⟨1 501–2 000⟩ и далее не прослеживается.

4. Вывод

Цель настоящей работы заключается в проверке гипотезы, насколько точно можно определить НЧУС с использованием частотных данных корпуса объемом в один миллион словоупотреблений. Для получения ответа на данный вопрос были созданы пять корпусов объемом в один миллион словоупотреблений каждый. Входящие в них тексты собраны с учетом баланса функциональных сфер в НКРЯ. Поэтому мы считаем, что эти пять корпусов являются миниатюризованным НКРЯ. Путем сравнения частотных списков лемм в НКРЯ и миллионных корпусах проанализирована доля совпадения лексического состава, а затем определен порог стабильности НЧУС. Выяснилось, что 1 500 НЧУС в пяти миллионных корпусах стабильно входят также и в состав НЧУС НКРЯ. Поскольку данные результаты получены для всех пяти миллионных корпусов, они могут послужить доказательством того, что один миллион словоупотреблений достаточен для определения 1 500 НЧУС.

Л и т е р а т у р а

Андрюшина 2011 — Лексический минимум по русскому языку как иностранному. I сертификационный уровень. Общее владение / Н. П. Андрюшина (ред.). Изд. 5-е, испр. и доп. СПб., 2011.

Григорьева, Прусакова 2012 — Библиографическая запись: сокращение слов и словосочетаний на русском языке / М. В. Григорьева, В. Н. Прусакова (ред.). М., 2012.

Зализняк 1977 — А. А. З а л и з н я к. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Изд. 4-е. М., 1977.

Засорина 1977 — Частотный словарь русского языка: около 40000 слов / Л. Н. Засорина (ред.). М., 1977.

Захаров 2005 — В. П. З а х а р о в. Корпусная лингвистика: Учебно-метод. пособие. СПб., 2005.

Зиндер, Строева 1968 — Л. Р. З и н д е р, Т. В. С т р о е в а. К вопросу о применении статистики в языкознании // Вопросы языкознания. 1968. № 6. С. 120–123.

Копотев, Мустайоки 2008 — М. В. К о п о т е в, А. М у с т а й о к и. Современная корпусная русистика // *Slavica Helsingiensia*. № 34. 2008. С. 7–24.

Лённгрэн 1993 — Частотный словарь современного русского языка / Л. Лённгрэн (ред.). (With a Summary in English: A Frequency Dictionary of Modern Russian). Uppsala, 1993.

Ляшевская, Шаров 2009 — О. Н. Л я ш е в с к а я, С. А. Ш а р о в. Частотный словарь современного русского языка на материалах Национального корпуса русского языка. М., 2009.

Ляшевская и др. 2005 — О. Н. Л я ш е в с к а я, В. А. П л у н г я н, Д. В. С и ч и н а в а. О морфологическом стандарте Корпуса современного русского языка // *Научная и техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы*. 2005, № 6. С. 2–9.

Москвин 2015 — В. П. М о с к в и н. Методы и приемы лингвистического анализа: монография. М., 2015.

Оскольская 2009 — С. А. О с к о л ь с к а я. Корпус письменных текстов XIX века, Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы, СПб., 2009. С. 46–52.

Пиотровский и др. 1972 — Р. Г. П и о т р о в с к и й, К. Б. Б е к т а е в, А. А. П и о т р о в с к а я. Математическая лингвистика. М., 1972.

Савчук 2005 — С. О. С а в ч у к. Метатекстовая разметка в Национальном корпусе русского языка: базовые принципы и основные функции // *Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы*. М., 2005. С. 62–88.

Толдова и др. 2011 — С. Ю. Т о л д о в а, А. В. А р х и п о в, Е. А. Л о г и н о в а, Д. П. П о п о в а. Корпусная лингвистика. Фонд знаний «ЛОМОНОСОВ»: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:01210:article>.

Штейнфельд 1963 — Э. А. Ш т е й н ф е л ь д. Частотный словарь современного русского литературного языка. Таллин, 1963.

Щипицина 2015 — Л. Ю. Щ и п и ц и н а. Информационные технологии в лингвистике: Учебное пособие. Изд. 2-е. М., 2015.

Biber 1991 — D. B i b e r. Variation across speech and writing. Cambridge, 1991.

Biber 1993 — D. B i b e r. Representativeness in Corpus Design // *Literary and Linguistic Computing*. 8 (4). 1993. P. 243–257.

Brown 1996 — N. J. B r o w n. Russian learners' dictionary: 10,000 words in frequency order. London; New York, 1996.

Coxhead 2000 — A. C o x h e a d. A New Academic Word List // *TESOL Quarterly*. 34 (2). 2000. P. 213–238.

Fillmore 1992 — C. J. F i l l m o r e. Corpus linguistics or Computeraided armchair linguistics, *Directions // Corpus Linguistics*. 82. 1992. P. 35–60.

Francis 1982 — W. N. F r a n c i s. Problems of assembling and computerizing large corpora // *Computer corpora in English language research* edited by S. Johansson. Bergen, 1982. P. 7–24.

Francis, Kučera 1982 — W. N. F r a n c i s, H. K u č e r a. Frequency analysis of English usage: lexicon and grammar. Boston, 1982.

Garret et al. 2015 — E. G a r r e t t, N. W. H i l l, A. K i l g a r r i f f, R. V a d l a p u d i, A. Z a d o k s. The contribution of corpus linguistics to lexicography and the future of Tibetan dictionaries // *Revue d'Etudes Tibétaines*. 32. 2015. P. 51–86.

Jakubiček et al. 2013 — M. Jakubiček, A. Kilgarriff, V. Kovář, P. Rychlý, V. Suchomel. The TenTen Corpus Family. 7th International Corpus Linguistics Conference. Lancaster, 2013.

Kennedy 1998 — G. Kennedy. An introduction to corpus linguistics. London; New York, 1998.

Kilgarriff 1996 — A. Kilgarriff. Putting frequencies in the dictionary // International Journal of Lexicography. 10 (2). Oxford, 1996. P. 135–155.

Kilgarriff 1997 — A. Kilgarriff. Using Word Frequency Lists to Measure Corpus Homogeneity and Similarity between Corpora // Proceedings of the 5th ACL SIG-DAT Workshop on Very Large Corpora. Beijing; Hong Kong, 1997. P. 231–245.

Kilgarriff 2010 — A. Kilgarriff. Comparable Corpora Within and Across Languages, Word Frequency Lists and the KELLY Project // Proceedings of the 3rd Workshop on Building and Using Comparable Corpora at LREC. Malta, 2010. P. 1–5.

Kilgarriff 2013 — A. Kilgarriff. Using corpora as data sources for dictionaries? // The Bloomsbury Companion to Lexicography, ed. by H. J. Bloomsbury. London, 2013. P. 77–96.

Kilgarriff et al. 2006. — A. Kilgarriff, M. Rundell, E. Uí Dhonnchadha. Efficient corpus development for lexicography: building the New Corpus for Ireland // Language Resources and Evaluation Journal. 40 (2). 2006. P. 127–152.

Kilgarriff et al. 2014 — A. Kilgarriff, F. Charalabopoulou, M. Gavrilidou, J. B. Johannessen, S. Khalil, S. J. Kokkinakis, L. Rober, S. Sharoff, R. Vadlapudi, E. Volodina. Corpus-based vocabulary lists for language learners for nine languages // Language Resources and Evaluation. 48. 2014. P. 121–163.

McEnery et al. 2005 — A. McEnery, R. Xiao, Y. Tono. Corpus-Based Language Studies: An Advanced Resource Book. London; New York, 2005.

Nation, Hwang 1995 — I. S. P. Nation, K. Hwang. Where would general service vocabulary stop and special purposes vocabulary begin? // System. 23 (1). Oxford; New York, 1995. P. 35–41.

O’Keeffe, McCarthy 2010 — The Routledge handbook of corpus linguistics / A. O’Keeffe, M. McCarthy (edt.). London, 2010.

O’Keeffe et al. 2007 — A. O’Keeffe, M. McCarthy, R. Carter. From corpus to classroom: language use and language teaching. Cambridge, 2007.

Pomikalek et al. 2009 — J. Pomikalek, P. Rychly, A. Kilgarriff. Scaling to Billion-plus Word Corpora // Advances in Computational Linguistics. Special Issue of Research in Computing Science. 41. 2009. P. 3–14.

Sekine 1997 — S. Sekine. The domain dependence of parsing // Proceedings of the Fifth Conference on Applied Natural Language Processing. Washington DC, 1997. P. 96–102.

Sharoff et al. 2013 — S. Sharoff, E. Umanskaya, J. Wilson. A Frequency Dictionary of Russian: core vocabulary for learners. Oxford, 2013.

Sinclair 1991 — J. Sinclair. Corpus, concordance, collocation. Oxford, 1991.

Sinclair, Renouf 1988 — J. Sinclair, A. Renouf. A lexical syllabus for language learning // Vocabulary and language teaching / R. Carter, M. McCarthy (eds). London, 1991. P. 140–160.

Steinfeldt 1973 — E. A. Šteinfeldt. Russian word count: 2500 words most commonly used in modern literary Russian: guide for teachers of Russian. M., 1973.

Suchomel, Pomikálek 2012 — V. Suchomel, J. Pomikálek. Efficient Web Crawling for Large Text Corpora. Conference WWW. Lyon, 2012.

Thorndike, Lorge 1944 — E. L. Thorndike, I. Lorge. The Teachers Word-Book of 30,000 words. New York, 1944.

Tiberius, Kilgarriff 2009 — C. Tiberius, A. Kilgarriff. Sketch Engine for Dutch with the ANW corpus // Fons Verborum. Feestbundel voor prof. dr. A.F.M.J. (Fons) Moerdijk / E. Beijck, L. Colman, M. Göbel, F. Heyvaert, T. Schoonheim, R. Tempelaars & V. Waszink (red.). Leiden; Amsterdam, 2009.

Xue, Nation 1984 — G. Xue, I. S. P. Nation. A university word list // Language Learning and Communication. 3 (2). New York, 1984. P. 215–229.

West 1953 — M. West. A General Service List of English Words. London, 1953.

Zipf 1935 — G. K. Zipf. The Psycho-biology of Language: An Introduction to Dynamic Philology, Boston, 1935.

Резюме

Настоящая статья посвящена определению понятия «наиболее часто употребляемых слов», которое востребовано в преподавании иностранных языков и в лингвистических компьютерных технологиях. Цель работы заключается в том, чтобы определить размер частотного ядра лексикона по данным из корпуса. Был разработан метод определения этого ядра с помощью нескольких выборок объемом в один миллион словоупотреблений и оценена устойчивость словарного состава.

Создано пять корпусов размером в один миллион словоупотреблений, каждый из которых представляет примерно одну сотую коллекции Национального корпуса русского языка, использованной в частотном словаре. Национальный корпус русского языка является значительным по объему и сбалансированным по жанровому отбору текстов. Он предоставляет достаточно достоверную информацию о частоте слов в письменном языке. Пять наших корпусов воспроизводят баланс жанров частотного словаря и, таким образом, представляют собой миниатюризованный Национальный корпус русского языка. В настоящей работе посредством сравнения частотных данных из этих корпусов с данными Национального корпуса русского языка проанализирована доля совпадения лексических единиц в них на основе метода А. Килгаррифа. В результате выявлено, что миллион словоупотреблений достаточен для описания около 1 500 первых слов, упорядоченных по частотному рангу. Иначе говоря, первые по рангу 1 500 слов стабильно входят во все корпуса. Анализ также указывает на то, что для определения лексического ядра частотным рангом более 1 500 требуется корпус размером более одного миллиона.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, размер корпуса, миллион словоупотреблений, частотные данные, часто употребляемые слова, доля покрытия текста.

Получено 13.12.2016

GOTA SAYAMA

THE EFFECT OF CORPUS SIZE ON IDENTIFYING THE HIGHEST FREQUENCY WORDS: AN ANALYSIS OF FREQUENCY DATA FROM FIVE CORPORA

This paper is focused on defining the concept of highest frequency words used in foreign language teaching and computer linguistic technology. The aim of this paper is to establish the range of core lexical items using data from corpora. A method of specifying

this core has been developed on the basis of sample selections, each one including one million tokens, and stability of vocabulary in them has been evaluated.

We created five corpora, each containing one million running words and constituting about one-hundredth of the Russian National Corpus collection used in the frequency dictionary. The Russian National Corpus is considerable in size and well-balanced in genre coverage, thus presenting fairly plausible information about word frequency in the written language. Our five corpora represent the genre balance of the frequency dictionary and thus provide a miniature Russian National Corpus. In the present paper the overlapping proportion of lexical items was analyzed by comparing the frequency data from these five corpora with the data taken from the Russian National Corpus, using the method of A. Kilgarriff. It was found that one million tokens are sufficient to describe about 1,500 first words in the frequency rank order.

Keywords: corpus linguistics, corpus size, one million tokens, frequency data, highest frequency words, text coverage.

Received on 13.12.2016

С. И. ПЕРЕВЕРЗЕВА

О ЗНАЧЕНИИ И УПОТРЕБЛЕНИИ ГЛАГОЛА *ОРИЕНТИРОВАТЬСЯ**

Введение

Одной из перспективных научных задач, стоящих перед исследователями мультимодальности, к которым причисляет себя автор настоящей работы, является изучение того, как интеллектуальная, или ментальная, и эмоциональная системы человека (см. о них в [Апресян 1995б]) взаимодействуют с его телесной сферой и как это взаимодействие отображается в естественном языке и языке тела. Между тем очевидно, что решить подобную задачу невозможно, если не опираться на описания каждой из этих систем по отдельности.

Существует большое количество работ, посвящённых анализу русских эмоциональных и ментальных концептов, а также соответствующих им лексических единиц (см., например, [Иорданская 1970; 1972; ЛАЯ 1999; Вежбицкая 2001; Гладкова 2010] и др.). Однако работы, в которых изучались бы наивные представления носителей русского языка о процессе ориентирования на местности, нам неизвестны. Не лучше, на наш взгляд, обстоят дела и с описанием глагола *ориентироваться* в толковых словарях: его значения представлены в них недостаточно полно. Так, нигде не отмечается значение ‘поворачиваться в определённом направлении’, ср.: *Солнечные элементы автоматически ориентируются на Солнце* [М. Колтун. Гелиостанции: топливо-солнечные лучи // «Химия и жизнь», 1969]¹;

* Настоящая работа выполнена в рамках проекта «Телесные манифестации ментальной и психической деятельности человека», поддержанного грантом РГНФ № 16-34-00023. Автор выражает благодарность своим анонимным рецензентам, а также И. Б. Иткину, Л. А. Хесед, руководителю семинара по невербальной семиотике Г. Е. Крейдлину и участникам этого семинара за ценные замечания при обсуждении основных положений работы.

¹ Если в ссылке на источник указаны автор, произведение и год написания текста, а сама ссылка заключена в квадратные скобки, это означает, что пример цитируется по Национальному корпусу русского языка (далее — НКРЯ). Если же

несмотря на то, что данная лексема характерна в основном для научного подязыка, она не является узкоспециальным термином. Кроме того, известные нам словари не дают возможности проследить чётко ощущаемую носителями языка разницу между сочетаниями вида *ориентироваться на что-л.* и *ориентироваться по чему-л.* — как правило, в отдельной зоне словарной статьи указывается только один из этих предлогов (исключение составляет разве что словарь [Дм.], выделяющий оба предлога, но довольно непоследовательно).

Настоящая статья, предметом которой является семантика глагола *ориентироваться* и его сочетаемость с предлогами *на* и *по*, управляющими названиями ориентиров, призвана в той или иной мере восполнить эти лексикографические лакуны и представить материал для дальнейших исследований языковой — и, шире, семиотической² — концептуализации пространственного ориентирования.

В статье описываются четыре глагольные лексемы: *ориентироваться 1* (*Штурман ориентировался на маяк*), *ориентироваться 2.1* (*Продавцы ориентируются на внутренний рынок*), *ориентироваться 2.2* (*Раньше люди легко ориентировались во времени по солнечным часам*) и *ориентироваться 3* (*Магнитная стрелка компаса ориентируется на север*). Каждой лексеме посвящён отдельный раздел.

За пределами настоящей работы остаются приставочные дериваты глагола *ориентироваться* (главным образом с приставками *с-* и *пере-*), а также примеры с пассивным залогом типа *Самолеты ориентируются радиосигналами станции* [Ушак.].

1. *Ориентироваться 1*

1.1. Толкование и способы замещения переменных

X ориентируется 1 на/по Q на/в³ Y — ‘Двигаясь в пространстве *Y* к некоторой цели, *X* определяет направление своего движения в зависимости от расположения или направления *Q* или руководствуясь сведениями об *Y*, источник которых — *Q*’.

Штурман (X) ориентировался на маяк (Q); В степи (Y) мы (X) могли ориентироваться только по солнцу (Q).

источник примера какой-то другой, то в круглых скобках приводится информация об авторе и названии произведения (если удаётся её найти), а также (в обязательном порядке) об источнике примера (как правило, это Интернет).

² О понятии семиотической концептуализации см. в работе [Крейдлин, Переверзева 2010].

³ Семантические свойства имён пространств, определяющие выбор предлога *на* или *в* для каждой конкретной предложно-падежной группы, описаны в ряде работ по семантике предлогов (см., например, статью [Селиверстова 2000] и литературу к ней).

Переменные X, Q и Y могут замещаться следующими языковыми единицами.

X — это имя существа (чаще всего человека или животного), способного перемещаться в пространстве и реагировать на внешние или внутренние стимулы. Метонимически эта позиция нередко заполняется именем артефакта, которым управляет X (чаще всего транспортного средства, ср. *Корабль/самолёт ориентируется на маяк*).

В роли Q — того, что помогает X-у определить направление своего перемещения, — могут выступать имена артефактов, природных объектов, эманаций, сторон света, свойств пространства, устройств, специально предназначенных для ориентирования, и т. д. Основные типы Q мы перечислим ниже в п. 1.5.

Y — имя физического пространства, в котором находится X.

1.2. Смысл 'движение' в пресуппозиции толкования

Компонент 'X движется в пространстве Y' включён в пресуппозицию толкования на том основании, что лексема *ориентироваться* I, как правило, встречается в таких контекстах, где речь идёт о перемещении X-а (это практически всегда так, если X движется «в зависимости от Q»), и довольно часто — если X выбирает маршрут, руководствуясь некоторыми сведениями). Это перемещение может не иметь прямого выражения в тексте (ср. *Петя умел хорошо ориентироваться и быстро нашёл правильную дорогу*), но обычно оно передаётся при помощи глаголов движения (*идти, бежать, плыть* и под.) или каузации движения.

Интересно, что при наличии во фразе таких глаголов в финитной форме глагол *ориентироваться* в большинстве случаев употребляется в форме деепричастия (*Мы шли на запад, ориентируясь по косым лучам заходящего солнца*)⁴. На этот факт обратил наше внимание Г. Е. Крейдлин и, обсуждая предложенное нами толкование, предположил, что именно конструкцию, или схему, вида *X V на/в Y, ориентируясь I на/по Q* (где V — глагол движения или каузации движения) следует считать первичной по отношению к конструкции *X ориентируется I на/по Q на/в Y*, а не наоборот, и тогда толкование лексемы *ориентироваться I* должно выглядеть следующим образом:

X V на/в Y, ориентируясь I на/по Q — 'X V в Y к некоторой цели, определяя направление своего движения в зависимости от расположения или направления Q или руководствуясь сведениями об Y, источник которых — Q'.

⁴ Заметим, что обратная ситуация, на которую обратил наше внимание анонимный рецензент, — *ориентироваться* в финитной форме + глагол движения в форме деепричастия (*Идя на запад, мы ориентировались по косым лучам заходящего солнца*) — в реальных текстах представлена гораздо реже. Видимо, причина состоит в том, что указание на способ ориентирования прагматически не так значимо, как указание на направление движения (проще говоря, обычно важнее, куда идти, чем каким способом находить дорогу).

Это предположение кажется нам заслуживающим внимания; тем не менее, описывая значение лексемы *ориентироваться I*, мы приводим конструкцию с личной формой глагола *ориентироваться* (т. е. *X ориентируется I на/по Q на/в Y*) в качестве основной из соображений единообразной подачи материала.

1.3. Две стратегии пространственного ориентирования

Дизъюнкция в приведённом толковании ('X определяет направление своего движения в зависимости от... Q или руководствуясь сведениями об Y, источник которых — Q') призвана отразить наличие двух стратегий ориентирования в ситуациях, описываемых лексемой *ориентироваться I*.

Первая стратегия («направление движения X-а зависит от Q») состоит в следующем: X решает, каким образом он должен двигаться относительно Q, чтобы оказаться в нужном месте. В самом простом случае это может быть движение по направлению к Q, ср.

- (1) *Еще вчера, идя к саксаулу, <...> я **ориентировался на одну вершину на ССЗ и шел по направлению к ней...*** [П. К. Козлов. Географический дневник Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. № 5 (1926)].

Возможны и другие, более сложные варианты — например, движение параллельно Q:

- (2) *А потом четыре часа шла до ближайшей деревни, чтобы вызвать подмогу, она падала в реку, плыла и все же шла вперёд, **ориентируясь по течению реки...*** (Интернет)

— или такое движение, при котором X всё время находится на каком-то расстоянии или с какой-то стороны от Q:

- (3) *Дует сильный западный ветер, и дождь барабанит мне в левую щёку. Уже не смотрю на компас — **ориентируюсь по дождю: если дождь и ветер с левой стороны слабеют, значит, отклонился*** [В. Колбин. Одиночная экспедиция // «Наука и жизнь», 2008].

Когда X использует данную стратегию, ему необязательно анализировать Q, более того, он даже может ничего не знать о пространстве, в котором находится. Единственное, что важно знать X-у, — это, в общем случае, местоположение или направление Q.

При второй стратегии ориентирования («направление движения определяется сведениями X-а об Y, источник которых — Q») X посредством Q узнаёт то, что ему требуется знать для перемещения в нужном направлении, анализирует эти сведения, делает выводы и, руководствуясь ими, намечает свой путь. Тем самым, Q позволяет X-у получить важную для него информацию о пространстве Y, не указывая напрямую, в каком направлении X-у нужно двигаться. Вторая стратегия используется, например, при ориентировании по компасу, картам и указателям; примеры, иллюстрирующие её, см. в п. 1.5.2.

1.4. Ориентироваться *1* на что-л. vs. по чему-л.

Выбор между предложениями *на* и *по* при лексеме *ориентироваться 1* обусловлен наличием **тесной связи между объектом Q и целью движения X-а** (как правило, цель движения X-а расположена там, где Q).

При ориентировании *на что-л.* X, стараясь достичь своей цели, движется так, чтобы приблизиться к Q, и его маршрут можно описать просто: по направлению к Q⁵; сам объект Q при этом, как правило, неподвижен (ср. *Ориентируясь на собор / *по собору Василия Блаженного, мы вышли на Красную площадь*). При ориентировании *по чему-л.* цель движения X-а не связана с Q напрямую. Q лишь помогает X-у определить траекторию перемещения, которая может быть как простой, так и сложной.

Рассмотрим подробнее, как выражения вида *ориентироваться на Q* и *ориентироваться по Q* соотносятся с двумя стратегиями ориентирования. Очевидно, что в ситуации ориентирования *на Q* X всегда использует первую стратегию ориентирования. Вторая стратегия, предполагающая получение новой информации при помощи Q, здесь не применяется в силу бессмысленности: если Q дано X-у в ощущениях и цель X-а — к нему приблизиться, то никаких дополнительных соображений о том, куда следует двигаться, X-у просто не нужно.

Что касается ориентирования *по Q*, то здесь возможны обе стратегии. В самом деле, в одних случаях X определяет направление своего движения относительно Q (при том что у него нет намерения стать ближе к Q) — и это первая стратегия, ср.

- (4) *Наконец он сообразил, что надо **ориентироваться по копру шахты № 5**, видневшемуся далеко в степи, и, когда он пошел улицей, глядевшей прямо на копер, он сразу нашел домик Осьмухиных [А. А. Фадеев. Молодая гвардия (1943–1951)].*

В других случаях X анализирует сведения, полученные с помощью Q, — и это вторая стратегия (ср. *Вася нашёл мой дом, ориентируясь по карте / *на карту*)⁶.

Таким образом, в ситуации ориентирования, обозначаемой предложением *по*, варианты перемещения X-а в целом более разнообразны, прихотливы и

⁵ Ср. описание одного из значений предлога *на* в электронной версии [БТС]: «Указывает на предмет, место, явление, лицо и т. п., на которые направлено действие. (...) *Двигаться на свет*».

⁶ Отметим, что двум стратегиям ориентирования, представленным выражениями с предлогом *по*, соответствуют разные значения этого предлога, выделяемые в толковых словарях, ср., например, толкования из [БТС]: «5. Употр. при обозначении предмета, следуя направлению которого совершается, происходит действие. (...) *Идти по ветру. Идти по следу зверя. Плыть по течению.* (...) 9. Употр. при обозначении предмета, посредством которого или при помощи которого совершается действие. (...) *Ориентироваться по компасу*».

чаще требуют от X-а наличия каких-то специальных навыков ориентирования, чем в ситуации, обозначаемой предлогом *на*. По этой причине потенциальное значение для сочетаний с предлогом *на* практически недопустимо (ср. **Вася ориентируется на просвет между деревьями* в значении ‘Вася умеет ориентироваться на просвет между деревьями’), но вполне нормально для сочетаний с предлогом *по* (ср. *Вася ориентируется по карте* ‘Вася умеет ориентироваться по карте’)⁷. Ср. также пример из НКРЯ:

- (5) *В горно-лесистой местности и днем, и ночью бойцы разведспецгруппы обязаны уметь ориентироваться по высоким ориентирам, местным предметам, по карте и компасу, по звездам и луне* [Особенности разведки в горно-лесистой местности. Часть IV. Тактический поиск (2004) // «Боевое искусство планеты», 2004.12.09].

В этой фразе замена предлога *по* на предлог *на* явно невозможна.

1.5. Основные типы Q

Мы выделили восемь типов объектов, которые могут использоваться в ситуации пространственного ориентирования. Любопытна их связь с двумя стратегиями ориентирования, с одной стороны, и с предлогами *на* и *по* при глаголе *ориентироваться*, с другой стороны. Проиллюстрируем её в виде таблицы:

	<i>по</i>	<i>на</i>
1-я стратегия («направление движения X-а определяется Q»)	1. любой достаточно заметный для X-а объект; 2. эманация (звук, запах, свет...)	
	3. то, что имеет направление (ветер, течение реки и под.)	4. (редко) сторона света
2-я стратегия («направление движения X-а определяется сведениями, источник которых — Q»)	5. «природный компас» (солнце, звёзды, пни, муравейники и т. п.);	—
	6. артефакт, предназначенный для ориентирования;	
	7. значимое свойство пространства (часто — воды: цвет, температура, солёность и т. п.);	
	8. система восприятия (слух)	

Из таблицы видно, что с первой и со второй стратегией связаны совершенно разные типы Q⁸. Далее мы остановимся подробнее на этих восьми

⁷ О регулярной многозначности типа ‘действовать’ — ‘уметь действовать’ см. в [Апресян 1995а: 210].

⁸ Заметим, однако, что некоторые объекты, имеющие направление (тип 3), можно соотнести и с первой, и со второй стратегией ориентирования. Так, ориентируясь по ветру, человек может просто следовать его направлению или идти против него (например, если он хочет выйти к морскому берегу, и ветер с моря дует

типах, соотнося их со стратегиями ориентирования и указывая в скобках, с каким предлогом, *на* или *по*, может употребляться имя данного типа. Каждый тип Q в сочетании с предлогами *на* и *по* иллюстрируется примерами.

1.5.1. Основные типы Q

при первой стратегии ориентирования
(«направление движения X-а определяется Q»)

1) Q — (*на*, *по*) — достаточно заметный для X-а объект.

X ориентируется на Q:

- (6) **Огонь на той стороне** сослужил мне неоценимую службу. **Ориентируясь на него**, я довольно легко, не блуждая в тумане, переехал за реку... [Ф. Абрамов. Деревянные кони (1969)];
- (7) К месту падения машины не прошли, «РАФы» запарковались вдоль шоссе, и все пошло в лес, **ориентируясь на столб дыма** (А. Звонков. Ворожея. (Интернет));

ср. также выше (1) *Еще вчера, идя к саксаулу, <...> я ориентировался на одну вершину на ССЗ и шел по направлению к ней...* [П. К. Козлов. Географический дневник Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. №5 (1926)].

Во всех этих случаях X движется так, чтобы оказаться ближе к Q (огню, столбу дыма, горной вершине).

X ориентируется по Q:

- (8) На борту капитан поясняет: оказывается, за время нашего поиска судно слегка дрейфовало и мы, **ориентируясь по нему**, все время также смещались [И. Семенов. «Лев Берг» выходит в море // «Спортсмен-подводник», 1965];
- (9) Есть сведения, что в 1816 году на её [церкви] месте была освящена часовня Святого Ильи и моряки при подходе к порту днём **ориентировались по купольному кресту**, а ночью — **по свету свечей**, горевших в алтаре [С. Аксентьев. Огонь на скале (Феодосийский маяк) // «Наука и жизнь», 2008];
- (10) Мы идем в сумерках, **ориентируясь по светлой полоске асфальта** среди скрытой зарослями свалки [М. Петросян. Дом, в котором... (2009)];

ср. также выше (4) *Наконец он сообразил, что надо ориентироваться по копру шахты № 5, видневшемуся далеко в степи, и, когда он пошел ули-*

ему в лицо) — и это будет первая стратегия. Но иногда с помощью ветра можно определить расположение сторон света — тогда ветер служит своего рода «природным компасом» (объект типа 5), и используется вторая стратегия. То же верно и в отношении некоторых рек. Но, поскольку подобных примеров на вторую стратегию в нашем материале немного, мы сочли возможным связать объекты типа 3 именно с первой стратегией ориентирования.

цей, глядевшей прямо на копер, он сразу нашел домик Осьмухиных [А. А. Фадеев. Молодая гвардия (1943–1951)].

В приведённых примерах именно Q (судно, купольный крест часовни и свет свечей, светлая полоска асфальта и копёр шахты) определяет направление движения X-а, но цель перемещения X-а не связана с Q напрямую.

К данному типу Q принадлежат, среди прочего, объекты, обычно называемые *ориентирами* (ср. толкование из [БТС]: «хорошо заметный на местности неподвижный предмет, помогающий определять направление движения, находить цель»), см. примеры (1), (4), (9), но не объекты типа компаса, которые было бы естественнее обозначить термином *инструменты* (для) ориентирования (примеры таких объектов см. в п. 1.5.2).

2) Q — (*на, по*) — эманация (звук, запах, свет...).

X ориентируется на Q:

- (11) *Прижимаясь к стенам домов и то и дело замирая в глубокой тени, они следовали за колонной, **ориентируясь на слитное шарканье сотен ног*** [Ю. Буйда. Рассказы о любви // «Новый Мир», 1999];
- (12) *Он пересек улицу, **ориентируясь на запах сырой разбитой земли, нырнул в каменную арку Довмонтова города, и среди седых морщинистых стен, у островерхой башни увидел черный раскоп, мелкие лужицы воды среди обугленных бревен*** [А. Проханов. Господин Гексоген (2001)];
- (13) *Но как только она открыла дверь и оказалась в коридоре, а потом, **ориентируясь на свет**, прошла в комнату, <...> как ей тут же пришлось вспомнить о нем* [А. Берсенева. Полет над разлукой (2003–2005)].

X ориентируется по Q:

- (14) *При этом выносливые и вязкие псы часами мчались по следу, загоня зверя до изнеможения, в то время как верховые охотники, **ориентируясь по голосам гончих**, скакали следом, чтобы ударом копыта или кинжала завершить охоту* (Интернет);

ср. также выше (3) *Дует сильный западный ветер, и дождь барабанит мне в левую щёку. Уже не смотрю на компас — **ориентируюсь по дождю**: если дождь и ветер с левой стороны слабеют, значит, отклонился* [В. Колбин. Одиночная экспедиция // «Наука и жизнь», 2008].

В примере (14) X движется туда, где слышит голоса гончих, в примере (3) — параллельно полосе дождя, но ни в одном из этих случаев цель X-а не состоит в том, чтобы приблизиться к этим объектам.

Заметим, однако, что для группы эманаций границы между употреблением *на* и *по* размыты; в частности, предлог *по* может употребляться там, где, как нам представляется, по контексту было бы естественнее ожидать предлог *на*:

- (15) *Ощупью, ориентируясь по стонам раненых, добрался я до холмика с громким названием «штаб Корниловского полка» почти на линии окопов [А. И. Деникин. Очерки русской смуты. Том II. Борьба генерала Корнилова (1922)];*
- (16) *В чёрном, как сама чернота, колодце, ориентируясь только по звуку шагов впереди, Ласкин с трудом поднялся ещё на один этаж [Н. Н. Шпанов. Домик у пролива (1930)].*

3) Q — (только *по*) — то, что имеет направление (ветер, течение реки, след(ы) и под.).

- (17) *Если вечером кого-нибудь не хватало — палили из ружей, трубили в рог, зажигали костры... Отставший не мог ориентироваться даже по следу — трава почти чудесным образом распрямлялась... [В. Песков, Б. Стрельников. Земля за океаном (1977)];*
- (18) *Мы шли с Учителем, Тихоном Арконовым, к морю, ориентируясь по слабому ветру [Д. Логинов. Люди каменной книги // «Наука и религия», 2008];*
- (19) *Ориентируясь по течению горной речушки и движению дороги вдоль неё, мы направились в сторону подъёмника (Интернет).*

В данных примерах речь идёт о движении X-а, которое совпадает с направлением (или параллельно направлению) Q (следа, течения реки, ветра). Очевидно, что в подобных случаях цель X-а не состоит в том, чтобы оказаться ближе к Q. Впрочем, употребление предлога *по* здесь может объясняться семантикой самого предлога, ср. процитированное выше в сноске 6 толкование из [БТС]: «употр. при обозначении предмета, следуя направлению которого совершается, происходит действие». Тем самым, для предлога *по* характерна сочетаемость с именами объектов, имеющих направление⁹, — а именно такие объекты и представляют данный тип Q.

4) Q — (только *на*) — сторона света (редко; НКРЯ — 0 примеров).

- (20) *Продравшись сквозь непроходимые заросли и проплутав какое-то время, ориентируясь на восток, почему-то ушла на север. Видимо, мох в лесу неправильный (Интернет);*
- (21) *Вот тут нам навигатор подкинул проблем, поведя через старый город с узенькими улочками, где куча односторонних дорог, чего не знает навигатор. В итоге я интуитивно «продирался» через него, просто ориентируясь на север (Интернет);*
- (22) *Как правильно спуститься с неё [вершины горы], мы опять же не нашли, мы шли, ориентируясь на юг и г. Пересыпь (Интернет).*

⁹ Или, точнее говоря, с именами объектов, имеющих переменное направление, — см. об этом в замечании к п. 2.1.2.

Когда в роли Q выступает сторона света, единственный способ перемещения X-а — это двигаться в её направлении (хотя, строго говоря, стать при этом ближе к данной части света X не может, и, вероятно, в этом и есть причина редкого употребления такого типа Q при лексеме *ориентироваться* 1).

1.5.2. Основные типы Q
при второй стратегии ориентирования
(«направление движения X-а определяется
сведениями, источник которых — Q»)

5) Q — (только *по*) — материальный объект, как правило, естественно-ного происхождения, по которому люди обычно узнают, где находятся стороны света (солнце, звёзды, пни, муравейники и т. п.). Этот тип Q мы условно обозначили в приведённой выше таблице как «природный компас».

- (23) *Дороги никакой. Шли по тундре, ориентируясь по солнцу* [И. М. Дьяконов. Книга воспоминаний. Часть вторая. Глава пятая (1944–1945) (1995)];
- (24) *Южные ветви деревьев длиннее северных, но ориентироваться по ним бесполезно* [Р. Б. Ахмедов. Промельки (2011)];
- (25) *Я купил лодку за 200 долларов, взял с собой 17-летнего племянника, и мы, ориентируясь по звездам, поплыли на юг* [Ю. Вишневецкая. Измена Родины // «Русский репортер», 2013].

6) Q — (только *по*) — артефакт, специально предназначенный для получения людьми информации о своём местонахождении, о расположении на местности тех или иных значимых объектов или о расположении сторон света.

- (26) *Но степь была глуха и непроглядна. Зажигали спичку и ориентировались по компасу* [А. Н. Толстой. Хожение по мукам / Книга третья. Хмурое утро (1941)];
- (27) *Ориентируясь по карте, я надеялся посетить небольшую деревушку, которая обозначалась южноамериканским названием: «Боливия»* [А. Шиманский. Австралия глазами русского, или Почему верблюды там не плюются // «Звезда», 2002];
- (28) *Для начала определим, где центр участка, и встанем в этой точке с компасом в руке (можно мысленно, ориентируясь по плану)* [Н. Наумова. Все в сад! (2002) // «Домовой», 2002.05.04];
- (29) *На старт надо выходить уже с умением ориентироваться по навигатору* (Интернет).

Хорошая сочетаемость имён Q, принадлежащих к типам 5 и 6, с предлогом *по*, как и в случае с Q типа 3, может объясняться семантикой *по*: одно из его словарных толкований, которое мы рассматривали выше, — «употр. при обозначении предмета, посредством которого или при помощи которого совершается действие» [БТС].

Как уже говорилось выше, объекты, принадлежащие к этим двум типам, можно назвать *инструментами* для ориентирования.

7) Q — (только *по*) — значимое для X-а свойство пространства (часто — воды: цвет, температура, солёность и т. п.)

- (30) *Как умеют за тысячи миль находить свой остров в океане... Ведь плывут они не стадом, а поодиночке. Каждый себе и капитан, и штурман. — Может, они ориентируются по температуре и солёности воды? — предположил я [В. Бурлак. Хранители древних тайн (2001)];*
- (31) *Капитан решил обойтись без провожатых. Положившись на чутье, ориентируясь по цвету воды, он сам вел икхуну [Л. Юзефович. Костюм Арлекина (2001)];*
- (32) *Пилоты не имели топографических карт. Ориентировались по признакам: гора самая высокая, наши позиции справа и т. д. [В. И. Аблазов. Дневник (1980)].*

Такие свойства пространства можно условно назвать «выделенными (относительно ориентирования)»¹⁰.

8) Q — (*по*) — система восприятия (обычно слух, редко — осязание¹¹, обоняние и зрение).

- (33) *Он умел замирать и ждал, пока глупые животные не выползут из своих нор, главное было не смотреть им в глаза — ориентироваться по слуху он научился у бабкиной козы [П. Алешковский. Жизнеописание Хорька (1990–1993)].*

Примеры, где в роли Q выступают другие системы восприятия, немногочисленны и довольно экзотичны:

- (34) *Навигаторами не пользуюсь принципиально, стараюсь ориентироваться по нюху (Интернет).*
- (35) *Ориентироваться по зрению было бесполезно — окна, видимо, были занавешены плотными шторами, сквозь которые с улицы не пробивался ни один лучик (Интернет).*

Отметим, что в примере (35) речь идёт о плохой видимости, и в данном случае говорить об ориентировании *по зрению* естественно; вообще же фраза ^{??}*Он ориентировался по зрению* вне контекста воспринимается как аномальная, поскольку ориентирование в пространстве при помощи зрения является для человека нормой¹².

¹⁰ О понятии выделенного признака (применительно к телесным объектам) см. в статье [Клыгина, Крейдлин 2012].

¹¹ Выражение *ориентироваться на оцупь* мы не рассматриваем, поскольку слово *оцупь* не употребляется иначе, как с предлогом *на* или в форме *оцупью*, и сочетание *на оцупь*, таким образом, по сути представляет собой наречие.

¹² Подробнее об отсутствии языкового маркирования для нормы см. в [Арутюнова 1999: 65—73].

1.6. Модификация конструкции *X ориентируется I на/по Q на/в Y*

Несмотря на то, что глагольная лексема *ориентироваться I* имеет две семантические валентности — на объект Q, относительно которого происходит ориентирование, и на пространство Y, в котором находится субъект X, — в текстах обычно выражается только одна из них. Рассмотрим те случаи, когда выражается только валентность Y, а именно фразы, построенные по схеме *X ориентируется I на/в Y* (*Вася хорошо ориентируется в лесу*; *Внезапно свет погас, и Васе пришлось ориентироваться в темноте*).

При семантическом описании сочетаний, построенных по данной схеме, следует учитывать, что в исходном толковании зачёркиваются все компоненты, связанные с Q¹³, а именно оба члена дизъюнкции ('в зависимости от расположения или направления Q или руководствуясь сведениями, источник которых — Q').

Таким образом, *X ориентируется I на/в Y* — 'Двигаясь в пространстве Y к некоторой цели, X определяет направление своего движения в Y'¹⁴.

Приведём два примера, иллюстрирующие употребление разных предлогов в данной конструкции:

- (36) *Планируется, что нововведение поможет людям, путешествующим на машине, лучше **ориентироваться на дорогах*** [М. Клапатнюк. Двигайтесь по стрелке (2013.05.28) // «Новгородские ведомости», 2013];
- (37) *Там темно. Я ещё плохо **ориентируюсь в этой школе**. Выхода не найду* [А. Геласимов. Фокс Малдер похож на свинью (2001)].

1.7. Устойчивое выражение *ориентироваться по сторонам (странам) света*

В известных нам толковых словарях выражение *ориентироваться по сторонам (странам) света* не описывается как отдельная языковая единица. Возможно, авторы словарей придерживаются мнения, что в этом выражении употребляется та же лексема *ориентироваться I*, о которой речь шла выше, и при этом её значение не подвергается никаким семантическим модификациям. Иначе говоря, *X ориентируется по сторонам (странам) света* должно означать нечто вроде 'X определяет направление своего движения в зависимости от сторон света'. Ряд примеров, действительно, допускает такую интерпретацию:

¹³ О зачёркивании компонентов толкования см. [Апресян 1995а: 84—88].

¹⁴ Лексема *ориентироваться I* в выражениях вида *X ориентируется I на/в Y* (так же, как и в описанных выше выражениях вида *X ориентируется I по Q*) часто употребляется в потенциальном значении 'уметь ориентироваться', ср. *Вася ориентируется в тайге* = 'Вася умеет ориентироваться в тайге'. В толковых словарях это употребление нередко подаётся как отдельное значение глагола *ориентироваться*.

- (38) *Константин решил, что для самостоятельной охоты я уже «созрел»: неплохо знаю участок, научился продвигаться в тайге, хорошо **ориентируюсь по странам света**, могу разжечь костер в любую погоду и вполне здоров* (В. Горневский. В дебрях урманы (Интернет));
- (39) *Пришлось самим вычислять путь к Дикому лесу, **ориентируясь по сторонам света*** (А. Басов. Травинка на холодном ветру (Интернет));
- (40) *Дети идут в поход, пользуясь картой и компасом, **ориентируясь по сторонам света*** (В. А. Зебзеева. Программы экологического образования детей дошкольного возраста (Интернет)).

Тем не менее, есть и такие примеры, которые плохо подходят под предложенное толкование:

- (41) *Он должен **ориентироваться по сторонам света** с помощью небесных светил, по растительности и другим признакам...* (Интернет);
- (42) *Многолетние наблюдения за звездами помогли египтянам хорошо **ориентироваться по странам света**. Египетские пирамиды, например, ориентированы с очень большой точностью, между тем компаса в те времена не было* (Г. И. Годер. Методическое пособие по истории древнего мира (Интернет));
- (43) *Правда, она в сотни раз лучше, чем Лихонин, умела на улице, в саду и в комнате **ориентироваться по странам света**, — в ней сказывался древний мужицкий инстинкт, — но она упорно отвергала сферичность земли и не признавала горизонта...* [А. И. Куприн. Яма (1915)].

В примере (41) речь идёт о том, что X, используя различные инструменты ориентирования, узнаёт, как расположены относительно него стороны света, тогда как предложенное выше толкование предполагает, что расположение сторон света X-у уже известно. Что касается примера (42), то в нём нет никакой идеи о том, что египтяне, строившие пирамиды, хотели куда-то переместиться и именно для этого определяли расположение сторон света. Идея направленного движения отсутствует и в примере (43).

Оставляя в стороне вопрос о том, представлено ли в данном устойчивом выражении значение ‘ориентироваться 1’ или лексема с другим производным от него значением, мы предлагаем следующее толкование, которое, как нам кажется, подходит ко всем приведённым выше примерам:

X ориентируется по сторонам (странам) света — ‘X определяет, где находятся стороны света’.

1.8. Конструкция X V на/по Q и ограничения на переменную Q

В русском языке есть конструкция со значением направленного перемещения *X V на/по Q* \approx ‘X V в направлении Q или в соответствии с Q’ (*зверь идёт на запах, шофёр едет по навигатору*), где V — глагол движения или каузации движения. Она описывает круг ситуаций, очень близких к тем, которые обозначаются лексемой *ориентироваться 1*.

Интересно, что ограничения на замещение переменной Q в этой конструкции несколько отличаются от рассмотренных выше. Так, название стороны света очень часто заполняет место Q, тогда как в конструкциях с лексемой *ориентироваться* I оно встречается сравнительно редко, ср. данные НКРЯ: *идти, ориентируясь на север* — 0, *идти на север* — более 100 вхождений. Напротив, названия выделенных свойств пространства и систем восприятия выступать в роли Q в данной конструкции не могут. Класс заметных для X-а объектов в приложении к данной конструкции оказывается неоднородным: имена одних объектов могут легко замещать Q (см. примеры (44)–(47)), тогда как имена других в этой позиции выглядят довольно странно (см. группу примеров (49)). Объект «деревья» в примере (48) занимает, как нам представляется, промежуточное положение на этой шкале.

- (44) *Чтобы после ЯРА и поста попасть на Курскую окружную, надо **идти** прямо на Воронеж, игнорируя указатели на Саратов и Ростов* (Интернет);
- (45) *Ветер был очень сильный, и, пока надували лодку, ее чуть не унесло, так что в тот день на веслах **идти на маяк** было нереально* (Интернет);
- (46) *Следует предварительно привести, чтобы набрать максимальную скорость, затем сделать поворот фордевинд и **идти** прямо на знак* (П. Эльвстрем. Искусство плавания под парусами (Интернет));
- (47) *Очень удобные указатели и непосредственно в ТЦ, и в метро. На улице вообще **идешь на вывеску*** (Интернет);
- (48) *Принцип старта прост: подкарауливаешь ветер, взлетаешь и сразу же **идешь на деревья**...* (Интернет);
- (49) **Дальше идите на торец дома / на первый подъезд / на приоткрытую дверь ('идите в направлении торца дома / первого подъезда / приоткрытой двери')*.

Указанное ограничение может быть обусловлено несколькими факторами, основной из которых — это назначение объектов-ориентиров. Различаются, с одной стороны, объекты, стандартно используемые в качестве ориентиров (включая предметы, специально созданные для этой цели), — населённые пункты (в том числе потому, что при них часто бывают дорожные указатели), маяки и знаки для кораблей, вывески и т. п., с другой стороны — нетипичные ориентиры. Имена стандартных ориентиров могут свободно замещать переменную Q в конструкции *X V на Q*; употребление имён нетипичных ориентиров в данной конструкции в литературном языке затруднено, хотя может быть допустимо в профессиональном жаргоне или в разговорной речи.

Среди других возможных факторов назовём специальные слова, уточняющие направление движения (*точно, ровно, строго, прямо* и под., ср. примеры (44) и (46)). Наличие этих слов при глаголе движения делает примеры с нетипичными ориентирами более допустимыми, ср. несколько

жаргонный пример (48) и пример (50) *Идем на запад (налево к лесу и чуть вниз спускаемся) от Милдрю, идем довольно долго — в лесу есть скрытый проход — надо идти прямо на деревья* (Интернет), который благодаря слову *прямо* уже не выглядит как стилистически маркированный.

Что же касается других Q, рассмотренных выше (эманации, то, что имеет направление, и инструменты ориентирования), то их имена могут свободно употребляться в конструкции *X V на/по Q* в соответствии с теми же принципами, что и в конструкции с лексемой *ориентироваться I*:

- (51) *Война мерит вещи своею мерой, и они шли на смертельные звуки разрывов и пулеметной трескотни так же нетерпеливо, как в другое время идут люди на голос жизни...* [К. Симонов. Живые и мертвые (1955–1959)];
- (52) *Доски сцены чуть скрипят под ногой, и слышны шорохи в зале — ты идёшь на этот звук, словно на зовущий тебя голос* (Интернет);
- (53) *И уж опять нельзя идти по ветру — снегу наметы впереди...* [Б. С. Житков. Метель (1930)];
- (54) *Теперь ефрейтор двигался по компасу строго на восток* [С. Наумов. Красная ракета (1977)];
- (55) *Мы быстро заблудились и потеряли всякий ориентир. Наш главный пират не умел ходить по солнцу, так как оно, как известно, по небу передвигается* [И. М. Дьяконов. Книга воспоминаний. Глава шестая (Коктебель) (1995)].

2. Два переносных значения глагола *ориентироваться*

Ниже мы рассмотрим два переносных значения глагола *ориентироваться*, получившихся из прямого в результате метафорического перехода от физического пространства к пространству нелокативному¹⁵, точнее говоря, от идеи нахождения нужного пути в какой-то местности к идее нахождения нужного способа действий в той или иной ситуации. Прежде чем привести толкования соответствующих лексем, сделаем несколько предварительных замечаний о механизме образования данных переносных значений.

Основное различие между лексемами *ориентироваться 2.1* и *2.2* вытекает из того, что их значения производны от разных семантических компонентов исходной лексемы — тех, которые соответствуют разным стратегиям ориентирования: лексема *ориентироваться 2.1* семантически связана с первой стратегией, а *ориентироваться 2.2* — со второй.

Поясним сначала связь между первой стратегией и лексемой *ориентироваться 2.1*. Напомним, что человек X, следуя первой стратегии ориентирования, выбирает себе некий ориентир Q и решает, как он будет относи-

¹⁵ О различных видах пространств см. [Крейдлин 1994: 19–20].

тельно него перемещаться (чаще всего — по направлению к Q, поскольку именно там находится цель X-а, ср. *Лётчики ориентировались на посадочные огни*). Аналогичным образом, в ситуации, описываемой лексемой *ориентироваться 2.1*, человек X выбирает себе ориентир Q¹⁶ и решает, каким образом Q будет определять его действия. Как и в случае пространственного ориентирования, очень часто X своими действиями хочет достичь Q (ср. *ориентироваться на улучшение своих результатов*) или в некотором смысле стать ближе к Q (ср. *ориентироваться на непрофессиональную аудиторию; ориентироваться в своих поступках на старших товарищей*).

Что касается лексемы *ориентироваться 2.2*, то её связь со второй стратегией ориентирования проявляется в следующем: *ориентироваться 2.2* предполагает, что у человека X есть некий источник Q, с помощью которого он получает важную информацию о не совсем ясном для него объекте Y, ср. (56) *«Труды» были уложены безо всякой системы, и Марина (X) пыталась ориентироваться в прожитых временах (Y) по почерку (Q), который менялся, вырослел вместе с автором...* [К. Яхонтова. Смятение Анастасии (1996–1998)]. То же самое происходит и в стандартной ситуации, когда используется вторая стратегия ориентирования: в распоряжении X-а есть инструмент Q, с помощью которого X узнаёт, например, где находятся стороны света или как расположены относительно X-а разные части пространства Y.

Любопытно, что метафорический переход от прямого к переносным значениям глагола *ориентироваться* (равно как и существительного *ориентир*) нередко используется авторами текстов как вполне осознанный риторический приём, ср.:

(57) *Ориентируясь на неподвижные звезды, на примеры Данте и Рильке, <...> Ольга Седакова выбрала твердую верность аристотелевскому принципу философского изумления...* [С. С. Аверинцев. Метафизическая поэзия как поэзия изумления // «Континент», 2004];

(58) *Нам нужен ориентир алмазной прочности, а это и есть правда. Она может быть неполной, но она не может быть искаженной сознательно даже ради самой высокой цели. Иначе все развалится... Мореплаватель не может ориентироваться по падающим звездам...* [Ф. Искандер. Кролики и удавы (1982)].

2.1. Ориентироваться 2.1

2.1.1. Толкование и способы замещения переменных

X ориентируется 2.1 на / по Q — ‘Стремясь к некоторой цели, X определяет свои действия в зависимости от Q’.

¹⁶ Существительное *ориентир* здесь имеет точно такой же переносный смысл, как и глагол *ориентироваться*.

Продавцы (X) ориентируются на внутренний рынок (Q); Давая рекламные объявления, фирма (X) ориентируется на домохозяек (Q); Не имея хорошего плана, Вася (X) решил ориентироваться по обстоятельствам (Q); Следует одеваться, ориентируясь по погоде (Q).

Переменные X и Q могут замещаться следующими языковыми единицами: X — имя человека или группы людей, способного (способных) оценивать ситуацию и действовать в соответствии с какими-то соображениями.

На место Q может быть подставлено имя более или менее любого объекта, значимого для X-а. Построить классификацию всех таких объектов едва ли возможно, поэтому мы ограничимся тем, что перечислим шесть основных типов Q:

1) Q — социальная группа, предпочтения которой значимы для X-а.

(59) *Естественно, что драматург, живущий и работающий в Москве, ориентируется на московские театры и, прежде всего, на Художественный театр им. Горького* [В. Соловьев. В порядке обсуждения. Театр и драматург (1938.01.30) // «Советское искусство» Орган Всесоюзного комитета по делам Искусств при Совнаркомоме Союза ССР № 12 (418), 1938];

(60) *Сила у СМИ есть тогда, когда они ориентируются только на читателя и больше ни на кого* [М. Спиричева. Деньги, выброшенные на слова (2003) // «Богатей» (Саратов), 2003.10.09];

(61) *Любое издание встало перед необходимостью ориентироваться на новую аудиторию, новую общественную ситуацию, когда многим уже не до разговоров на кухне о судьбах русской интеллигенции* [А. Краевский. Журналы и поклонники // «Октябрь», 2003].

2) Q — то, что X при осуществлении своих действий принимает для себя за образец.

(62) *Пушкин, создавая свои сказки, ориентировался на фольклорную дикицию взрослых* [К. И. Чуковский. От двух до пяти (1933)];

(63) *Прикрепите цветки на пуловере спереди и на верхней части рукавов вручную, ориентируясь на фото* [Л. Колесникова. Для тех, кто вяжет // «Наука и жизнь», 2009];

(64) *Русский протестант в российской глубинке ориентируется на пример своих единоверцев в Южной Корее...* [Р. Лункин. Христианский ответ обществу потребления // «Эксперт», 2013].

3) Q — цель действий X-а.

(65) *Эти страны всегда ориентировались только на вывоз сырья...* [С. Минаев. Экономический подъем в Азии / Таиланд (1996) // «Коммерсантъ-Daily», 1996.01.27];

(66) *Конструкторы сохранили в самолете идеи, воплощенные еще в МИГ-1 и МИГ-3: скорость — скороподъемность — высота, что*

позволяло летчику **ориентироваться на** ярко выраженный **наступательный бой** [В. Бабич. МИГи в локальных войнах (из книги «Российское оружие: война и мир») (1997)];

- (67) «Винючник торжества» **перестает ориентироваться на результат**, становится зависимым от похвалы: «Бабуля, почему ты меня еще не хвалила, ведь я уже все сделал!» [Е. Мухортова. Ласковое слово и кошке приятно (1997) // «Здоровье», 1997.12.15].

Отметим, что данная разновидность Q имеет стандартное языковое выражение вида *то* + целевое придаточное предложение с союзом *чтобы*, ср.

- (68) *Даже не желая солгать или прихвастнуть и приукрасить, мы выбираем, что сказать и как сказать, **ориентируемся на то, чтобы** не наскучить и не надоест...* [А. Битов. Колесо (записки новичка) (1969–1970)];
- (69) *Аркадий Онищик был нашим ровесником и, как всякий прирожденный педагог, **ориентировался на то, чтобы** его понимали менее способные участники семинара* [Р. М. Фрумкина. О нас — наискосок (1995)].

4) Q — ожидаемое X-ом событие или положение дел.

- (70) *Все расчеты минобороновской концепции реформы армии **ориентировались на благоприятную экономическую ситуацию в стране...*** [В. Баранец. Генштаб без тайн. Книга 1 (1999)];
- (71) *И мы **ориентируемся на подъем**, предполагая, что в течение года будет устойчивый рост* [Лидеры на рынке размещения (2000) // «Наружная реклама России», 2000.08.17];
- (72) *Если **ориентироваться на побочные эффекты**, которые потенциально могут возникнуть через десятки лет или в следующих поколениях, нельзя будет разрешить ни один из новых препаратов* [коллективный. Форум: Освободите науку от этики! (2011)].

5) Q — некоторый вариант, который X считает для себя предпочтительным.

- (73) *Родители в основном **ориентируются на ту школу**, что ближе к дому.* [О. Балла, Б. Дубин. «Учеба — одно, а жизнь — другое» // «Знание-сила», 2013].
- (74) *При прочих равных условиях предлагаю **ориентироваться на 8 июня*** (из частного письма).

К таким Q относятся, в частности, предпочтительные для X-а свойства объекта, который X принимает во внимание:

- (75) *Они {...} осторожны, избегают финансовых рисков, при выборе банка **ориентируются на его надёжность...*** [В. В. Солодников, Д. Г. Цыбикова. Особенности потребительского кредита в России // «Вестник РАН», 2009];

- (76) «Мастер делового администрирования» (...), «офис-менеджер» или «политолог», может быть, для кого-то и приятнее на слух, чем инженер, агроном или учитель. Однако серьёзный жизненный выбор следует делать, **ориентируясь не на «приятность» слов, но на ту реальность, которая за этими словами стоит** [И. Г. Милославский. Говорим правильно по смыслу или по форме? (2013)].

Языковые выражения с Q данного типа обычно описывают **ситуацию выбора**, в которой X рассматривает некоторое множество альтернатив. Такая ситуация может отобразиться в языке и несколько иначе, а именно на месте Q может быть не название одной конкретной, наиболее желательной для X-а альтернативы, а имя всего множества, часто — имя признака (цвет, размер, возраст и т. п.). Ср. фразы (77а) *Она выбирала себе украшения, ориентируясь на зелёный цвет* (Q = *зелёный цвет*, название конкретного значения признака) и (77б) *Она выбирала себе украшения, ориентируясь на цвет* (Q = *цвет*, название самого признака). Помимо степени конкретности, эти фразы различаются также ограничениями на выбор предлога, о которых речь пойдёт ниже (п. 2.1.2).

Таким образом, можно указать ещё один тип Q, тесно связанный с данным:

б) Q — множество вариантов, которые рассматривает X, определяя свои действия.

- (78) *Ахматова, Гумилев, Зенкевич, Нарбут, Лозинский были в подвале желанными гостями. Но на Мандельштама и Георгия Иванова, друживших с нами, Пронин посматривал косо. Он, бедняга, слабо разбирался в тонкостях литературных направлений и поневоле ориентировался на побочные признаки* [Б. К. Лившиц. Полутораглазый стрелец (1933)];
- (79) *Изложенную им технику Спиридонов классифицирует на «основную» и «вспомогательную», ориентируясь по степени надёжности применения приема в оперативной работе...* [Самбо. Мифы и реальность (2003) // «Боевое искусство планеты», 2003.12.08];
- (80) *Дело в том, что авиакомпании прежде всего ориентируются на соотношение спроса и предложения* [Н. Мерешко. Пассажиры ждут улетных цен // «Эксперт», 2014].

Данный тип Q соотносится с двумя видами ситуаций. Во-первых, это обсуждавшиеся выше ситуации выбора наиболее предпочтительного варианта Q_i из множества Q (таковы, например, не называемые напрямую побочные признаки в (78) или цвет в (77б)). Во-вторых, это ситуации, в которых для разных вариантов из множества Q (Q₁, Q₂, Q₃ и т. д.) предполагаются разные действия X-а (т. е. если имеет место Q₁, то X совершает одни действия, если Q₂ — другие действия и т. д.), см. примеры (79) (если степень

надёжности высокая, приём считается основным, в противном случае — вспомогательным) и (80) (продолжение этого текста: *Если пассажиры готовы платить больше — тарифы растут <...>. Напротив, в кризисные годы цены на билеты падали...*).

Для второго вида ситуаций целесообразно выделить также особый подтип Q — то, что **меняется** за относительно короткий промежуток времени (погода, обстоятельства, ситуация и т. п.). Каждое новое состояние Q_i представляет собой отдельный вариант из множества Q; таким образом, X определяет свои действия в зависимости **от того, каково Q в данный момент**:

- (81) *У девочек обязательно должен быть комплект — юбка+брюки, а там ориентируешься по погоде* [коллективный. Форум: Вы за или против школьной формы? (2007)];
- (82) *Слепые люди, следующие за собакой-поводырём, не подозревают, что, глядя на светофор, та не видит, как вспыхивает красный или зелёный свет. Тем не менее опытный пёс безошибочно ведёт доверившегося ему человека. Он ориентируется по тому, как меняется яркость глазков светофора...* [Когда светофор будет черно-белым? // «Знание — сила», 2003].

Отдельный класс примеров, иллюстрирующих данный подтип Q, составляют сочетания вида X *ориентуруется по ситуации/обстоятельствам*:

- (83) *Никто не призывает проводить «сценарное» интервью — четко «как написано», <...> но и ориентироваться «по ситуации» — тоже не выход.* [Н. Дядик. Без протокола (2002) // «Дело» (Самара), 2002.05.26];
- (84) — *По какому принципу вы подбираете репертуар? — Ориентируюсь по ситуации* [Хосе Каррерас: «По-русски я говорю только «kuda-kuda» и «Olga» (2001) // «Известия», 2001.11.20];
- (85) *Буду ориентироваться по обстоятельствам, потому что, честно говоря, сейчас, с ходу, не могу ничего придумать...* (Интернет)

Когда говорят, что X *ориентуется по ситуации/обстоятельствам*, как правило, подразумевают, что X не имеет заранее продуманного плана действий или сознательно отказывается от него. И то и другое обычно мыслится как вынужденное и в целом нежелательное для X-а поведение, ср.

- (86) *Порой в таком долгом и непредсказуемом туре приходится принимать решения на месте и ориентироваться по обстоятельствам* (Интернет);
- (87) *Мы, не знающие, где мы, с кем мы, в какой момент времени, в какой местности, вынуждены ориентироваться по обстоятельствам...* (Интернет).

2.1.2. Ориентироваться 2.1 на что-л. vs. по чему-л.

Для лексемы *ориентироваться 2.1* выбор между предложениями *на* и *по* определяется типом Q. Большинство Q (типы 1–5) может сочетаться только с предложением *на*, ср. *Издательство ориентируется на читателей / *по читателям младшего школьного возраста* (тип 1); *Университет ориентируется на западные образовательные стандарты / *по западным образовательным стандартам* (тип 2); *Ферма ориентируется на выведение / *по выведению новой породы овец* (тип 3); *Покупатели ориентируются на грядущую предновогоднюю распродажу / *по грядущей предновогодней распродаже* (тип 4); (80а) *Она выбирала себе украшения, ориентируясь на зелёный цвет / *по зелёному цвету* (тип 5).

Тип 6 («множество вариантов») занимает особое место в ряду других типов, поскольку для некоторых Q типа 6 допустимо (а иногда и единственно возможно) употребление предлога *по*. Тем самым, для типа 6 можно указать три случая.

1. Допустимы и *по*, и *на*, ср.

- (88) *Но как выбрать <...> специалиста, который чувствует душу деревьев и сажает цветы так, будто они сами выбрали место, чтобы расцвести одним прекрасным утром? Ориентируйтесь по ценам <...> и рекомендациям знакомых.* [Дача от «А» до «Я» (2002) // «Домовой», 2002.06.04];
- (89) *Если не нужны доп. функции, то для взбивания подойдёт любой. Ориентируйтесь на цену* [коллективный. Помогите выбрать миксер (2015.04.09)];

см. также выше (77б) *Она выбирала себе украшения, ориентируясь на цвет / ^(с)по цвету*¹⁷; ср. также пример для Q, обладающего свойством меняться во времени: *Одевайте малыша, ориентируясь по погоде / на погоду.*

2. Допустимо только *по*: *Действуйте, ориентируясь по обстоятельствам / по ситуации / *на обстоятельства / *на ситуацию.*

3. Допустимо только *на* (как и для других типов Q), ср. примеры (90а) и (90б), иллюстрирующие случаи, когда грамматически приемлемы оба предлога, но значения получившихся фраз несколько различаются:

- (90а) *Просматривая газету, читатели обычно ориентируются на заголовки статей* ≈ ‘желая найти что-то интересное или полезное для себя, читатели смотрят на заголовки статей и решают, будут они читать сами статьи или нет’;
- (90б) *Просматривая газету, читатели обычно ориентируются по заголовкам статей* ≈ ‘желая составить представление о содержании газеты, читатели по заголовкам статей стараются понять, о чём в них идёт речь’.

¹⁷ Некоторые носители считают вариант данной фразы с предлогом *по* менее удачным, чем с предлогом *на*, и находящимся на грани литературной нормы.

Мы считаем, что в примере (90б) представлено метафорическое значение ‘ориентироваться 2.2’, о котором речь пойдёт ниже.

З а м е ч а н и е. Возможно, что способность Q меняться во времени (частный случай Q типа 6) определяет выбор предлога *по* не только для метафорического ориентирования, но и для ориентирования на местности. Показательно в этом отношении соотнести тип 6, выделяемый для метафорического значения ‘ориентироваться 2.1’, и тип 3, выделяемый для исходного значения ‘ориентироваться 1’ (Q — то, что имеет направление, главным образом река, ветер, след(ы)). Объекты Q типа 3, как и объекты типа 6, обладают способностью меняться через относительно небольшое расстояние (говоря точнее, меняться может их направление), ср. *ветер переменился, извилистая река, следы петляют*, и нельзя исключать, что именно этот признак обуславливает употребление предлога *по* с именами соответствующих объектов.

2.2. Ориентироваться 2.2

2.2.1. Толкование и способы замещения переменных

X ориентируется 2.2 по Q в Y — ‘Стремясь разобраться в Y, X определяет свои действия, руководствуясь сведениями об Y, источник которых — Q’.

Раньше люди (X) легко ориентировались во времени (Y) по солнечным часам (Q); Поначалу мы (X) ориентировались в этой запутанной истории (Y) только по одному документу (Q).

Переменные X, Q и Y могут замещаться языковыми единицами со следующими значениями:

X — человек или группа людей;

Y — то, в чём X хочет разобраться;

Q — то, что X использует в качестве источника информации, чтобы разобраться в Y. В роли Q могут выступать:

1) значимое для X-а свойство Y-а, ср.

(91) *Если раньше интроскопы были в основном черно-белыми и сотрудники службы безопасности должны были сами догадываться, пистолет в сумке или кастрюля, ориентируясь по очертаниям видимых на мониторе предметов, то сейчас каждый предмет на экране переливается своим цветом...* [А. Грамматчиков. Лучи на букву «X» (2004) // «Парадокс», 2004.05.01];

(92) *Он пробовал поначалу ориентироваться по фонетике, резонно предполагая, что хорошую вещь ужасно не назовут, — но и этот принцип не приближает его к смыслу, поскольку на одной странице ужасно загнобляли, а на другой убарахтывали, не упуская случая возлизнуть* [Д. Быков. Орфография (2002)];

2) ощущения X-а, связанные с Y-ом, ср.

(93) *Часов в комнате не было (...). Во времени пришлось ориентироваться по собственным ощущениям* (Интернет);

- (94) *На то они и критики, а нам, зрителям, самим решать, **ориентируясь по своим ощущениям**, какую оценку поставить столь тонкому творению...* (Интернет).

Эти два типа Q в точности соответствуют типам 7 (Q — значимое для X-а свойство пространства) и 8 (Q — система восприятия X-а), представленным в контекстах с исходной лексемой *ориентироваться I*.

Остальные объекты, выступающие в роли Q, с трудом поддаются категоризации. Здесь мы ограничимся несколькими примерами с именами таких объектов:

- (95) *Как там у вас <...> в Косово <...>, воевать будем? Или не будем? Н. А черт его знает. Пока-то мы **ориентируемся по официальным заявлениям*** [В. Левашов. Заговор патриота (2000)];
- (96) — *Взрывали, скорее всего, из-под моста, — предположил Лукин, **ориентируясь по цепочке перекинутых через реку фонарей*** [Н. Дежнев. В концертном исполнении (1993)];
- (97) — *<...> Цифры помогут в два дня выявить всю картину. Рославлев отрезал: — Я привык **ориентироваться по людям у станков**, а не по цифрам на бумаге* [Г. Е. Николаева. Битва в пути (1959)].

2.2.2. Модификация конструкции *X ориентируется 2.2 по Q в Y*

В случае если при лексеме *ориентироваться 2.2* не выражается Q, мы получаем конструкцию *X ориентируется 2.2 в Y*, ср.

- (98) *В простых житейских ситуациях советский лидер еще **ориентировался** неплохо и живо реагировал* [О. Гриневский. Восток — дело тонкое (1998)];
- (99) *Мне это нужно было для того, чтобы **ориентироваться в обстановке** — и только* [В. Белоусова. Второй выстрел (2000)].

Значение данной конструкции можно представить следующим образом: ‘Стремясь разобраться в Y, X определяет свои действия, руководствуясь сведениями об Y’. Отметим, впрочем, что в предложениях, построенных по данной схеме (как и в предложениях с прямым значением глагола *ориентироваться*, построенных по схеме *X ориентируется I на/в/по Y*), часто реализуется потенциальное значение (*Петя ориентируется в сложных правовых вопросах* = ‘Петя умеет ориентироваться 2.2 в сложных правовых вопросах’).

2.2.3. *Ориентироваться 2.1 vs. 2.2:* основные отличительные признаки

Помимо того, что данные переносные значения связаны с разными исходными **стратегиями пространственного ориентирования**, к призна-

кам, отличающим одно значение от другого, относятся **свойства нелокативного пространства Y**.

Для *ориентироваться 2.1* Y — это произвольная ситуация, которая может быть никак не связана с целью X-а (и поэтому мы не включили переменную Y в толкование лексемы *ориентироваться 2.1*: очевидно, что человек всегда действует в какой-то ситуации, и в данном случае её конкретная разновидность не имеет значения. Если сравнивать с пространственным ориентированием, то человеку точно так же не обязательно иметь сведения о местности, если у него есть ориентир, к которому он направляется).

Для *ориентироваться 2.2* Y — это некий объект (в самом широком смысле слова), на который направлено внимание X-а, в котором X не понимает что-то важное, но хочет понять, и цель действий X-а состоит в том, чтобы понять про Y то, что ему нужно. Все эти пресуппозиции мы постарались отразить в толковании посредством деепричастного оборота «стремясь разобраться в Y».

Ещё один признак — это **соотношение между объектом Q и целью действий X-а**. В случае *ориентироваться 2.1* действия X-а довольно часто (хотя и не всегда) нацелены на достижение Q или приближение к нему. В случае *ориентироваться 2.2* действия X-а нацелены не на Q, а на Y (Q — лишь инструмент для получения информации об Y).

Наконец, лексемы *ориентироваться 2.1* и *2.2* противопоставлены друг другу по **характеру действий X-а**. Действия, которые совершает X, стараясь разобраться в Y (т. е. в случае *ориентироваться 2.2*), обычно не физические, а ментальные (как правило, X делает об Y некоторые выводы). В случае *ориентироваться 2.1* подобного ограничения не наблюдается.

3. Ориентироваться 3

X ориентируется 3 X'-ом на Q \approx 'X поворачивает свою часть X' в сторону Q'¹⁸.

Магнитная стрелка (X) компаса одним концом (X') ориентируется на север (Q).

Переменные X, X' и Q могут замещаться языковыми единицами со следующими значениями:

X — объект, который может поворачиваться (при этом, как правило, самостоятельно двигаться как-то иначе он не может), — чаще всего растение или искусственный прибор.

X' — часть объекта X, которая при его повороте обращается к Q.

¹⁸ Подробное описание смыслового инварианта предикатов пространственной ориентации, в число которых входит и данная глагольная лексема, см. в [Переверзева 2013: 45—52].

Q — некоторый объект, чаще всего солнце (или какой-то другой источник света) или магнитное поле. Как правило, положение Q относительно X-а не постоянно.

Сама конструкция *X ориентируется 3 X'-ом на Q* в реальных текстах встречается редко (см. приведённый выше пример); гораздо чаще употребляется её вариант *X' <X-a> ориентируется 3 на Q*¹⁹, ср.:

- (100) *Этот окрашенный кончик стрелки ориентируется на северный магнитный полюс Земли и показывает, где на местности находится север.* (Интернет);
- (101) *Оси цилиндров ориентируются на Солнце.* [К. Феоктистов. Траектория жизни (2000)].

Довольно широко представлены и конструкция с опущенной переменной X' (*X ориентируется 3 на Q*):

- (102) *Магнитная стрелка компаса на Аляске ориентируется не на север, а на восток* (В. Блаженков. Географические детективы (Интернет));
- (103) *Последующие исследования дополнили, что горох при невесомости растёт, ориентируясь на источник света, однако его корневая система менее развита по сравнению с контрольными образцами* [А. Камин. «Оазис» снова на орбите // «Техника - молодежи», 1977];
- (104) *Это знают даже подсолнухи, которые, когда ещё только набирают рост, всегда ориентируются на Солнце, то есть поворачивают свои бутоны строго вслед за движением Солнца по небосводу!* (Интернет).

Лексема *ориентироваться 3* встречается в основном в специальных научных и научно-популярных текстах, но не в бытовом языке. Возможно, именно по этой причине она не включена в известные нам толковые словари.

З а м е ч а н и е. В качестве любопытного дополнения к описанным выше значениям глагола *ориентироваться* упомянем особую лексему *ориентироваться 4*: *X ориентируется 4 на Y-e* (П. п. — sic!) ≈ 'X основывается на Y-e', которая встречается только в работах русских философов первой половины XX века:

- (105) *<...> философия всегда ориентируется на чем-либо, вне нее данным и для нее «преднаходимом»* [С. Н. Булгаков. Философия хозяйства (мир как хозяйство) (1912)];
- (106) *Таким образом, логика философии, в отличие от логики науки, ориентируется на мистической метафизике Плотина* [Н. А. Бердяев. Смысл творчества (1913–1914)];

¹⁹ Об этом варианте см., например, [Рахилина 2000: 263] и [Апресян 1967: 152].

- (107) *Ведь поступок мой (и чувство — как поступок) ориентируется именно на том, что обусловлено единственностью и неповторимостью моего места* [М. М. Бахтин. К философии поступка (1920–1921)];
- (108) *Самосознание ориентируется на конкретной памяти рода и предков, и в то же время оно ориентировано на потомков* [М. М. Бахтин. Формы времени и хронотопа в романе (1937–1938)];
- (109) *И я, зная, что вообще платонизм ориентируется на Культe, <...> я думал видеть в основных онтологических построениях древнего идеализма перенесение на небо — художественного творчества земных художников* [П. А. Флоренский. Иконостас (1922)].

Заканчивая описание значений глагола *ориентироваться*, приведём ниже синоптический список лексем и их толкований:

ориентироваться 1: X ориентируется 1 на/по Q на/в Y — ‘Двигаясь в пространстве Y к некоторой цели, X определяет направление своего движения в зависимости от расположения или направления Q или руководствуясь сведениями об Y, источник которых — Q’; *В степи (Y) мы (X) могли ориентироваться только по солнцу (Q)*;

ориентироваться 2.1: X ориентируется 2.1 на/по Q — ‘Стремясь к некоторой цели, X определяет свои действия в зависимости от Q’; *Продавцы (X) ориентируются на внутренний рынок (Q)*;

ориентироваться 2.2: X ориентируется 2.2 по Q в Y — ‘Стремясь разобраться в Y, X определяет свои действия, руководствуясь сведениями об Y, источник которых — Q’; *Поначалу мы (X) ориентировались в этой запутанной истории (Y) только по одному документу (Q)*;

ориентироваться 3: X ориентируется 3 X'-ом на Q ≈ X поворачивает свою часть X' в сторону Q’; *Магнитная стрелка (X) компаса одним концом (X') ориентируется на север (Q)*.

Заключение

В заключение скажем несколько слов о том, как настоящая работа может помочь в исследованиях мультимодальности, о которых говорилось в её начале. Предметом внимания специалистов в области невербальной семиотики становились диалоги, в которых один собеседник объясняет дорогу другому, используя разные невербальные знаки (см., например, [Striegnitz et al. 2009]). В то же время связь наивных представлений о пространственном ориентировании, отражённых в естественном языке, с жестовым поведением человека, намечающего свой маршрут в какой-то незнакомой местности, насколько нам известно, ранее не изучалась.

Представляется, что приведённая в нашей статье классификация объектов Q (ориентиров и инструментов ориентирования) может быть полезна для исследований такого рода. При этом значимые противопоставления на множестве Q для языка тела будут, по всей вероятности, отличаться от тех,

которые обсуждались выше. В качестве примера рассмотрим противопоставление объектов Q, «привязанных» к человеку X (компас, карта и т. п.), и объектов Q, «привязанных» к местности, в которой находится X (гора, муравейник и под.). В ситуации, когда объект «привязан» к местности, жестовое поведение ориентирующегося человека, как кажется, более предсказуемо, чем в ситуации, когда объект «привязан» к самому человеку: в первом случае естественно было бы ожидать, в частности, появление поисковых жестов²⁰ типа *оглядываться* или дейктических жестов рук, указывающих на объект Q. Таким образом, для русского языка тела данное противопоставление значимо, тогда как в русском языке, по-видимому, с ним не связано никаких важных закономерностей.

Л и т е р а т у р а

Апресян 1967 — Ю. Д. А п р е с я н. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967.

Апресян 1995а — Ю. Д. А п р е с я н. Избранные труды. Том I. Лексическая семантика. М., 1995.

Апресян 1995б — Ю. Д. А п р е с я н. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 348–388.

Арутюнова 1999 — Н. Д. А р у т ю н о в а. Язык и мир человека. М., 1999.

БТС — Большой толковый словарь / Ред. С. А. Кузнецов. СПб, 1998. Электронная версия. Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>.

Вежицкая 2001 — А. В е ж и ц к а я. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.

Гладкова 2010 — А. Н. Г л а д к о в а. Русская культурная семантика: Эмоции, ценности, жизненные установки. М., 2010.

Дм. — Толковый словарь русского языка / Ред. Д. В. Дмитриев. М., 2003. Электронная публикация. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/dmitriev/>.

Иорданская 1970 — Л. Н. И о р д а н с к а я. Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 13. 1970. С. 3–26.

Иорданская 1972 — Л. Н. И о р д а н с к а я. Лексикографическое описание русских выражений, обозначающих физические симптомы чувств // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 16. 1972. С. 3–30.

Клыгина, Крейдлин 2012 — Е. А. К л ы г и н а, Г. Е. К р е й д л и н. База данных «Тело и телесность в культуре и языке (идеология, структура и наполнение)» // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии (по материалам Международной конференции «Диалог 2012»). Вып. 11 (18). Том 1. М., 2012. С. 256–267.

Крейдлин 1994 — Г. Е. К р е й д л и н. Метафора семантических пространств и значение предлога // Вопросы языкознания. № 5. 1994. С. 19–27.

²⁰ В термин «поисковой жест» мы вкладываем тот же смысл, что Е. А. Гришина и её коллеги, — см., например, [Кудинов, Гришина 2009].

Крейдлин, Переверзева 2010 — Г. Е. Крейдлин, С. И. Переверзева. Семиотическая концептуализация тела и его частей. I. Классификационные и структурные характеристики соматических объектов // Вопросы филологии. 2010. № 2 (35). С. 42–51.

Кудинов, Гришина 2009 — М. С. Кудинов, Е. А. Гришина. Инструменты полуавтоматической разметки для Мультимедийного русского корпуса (МУРКО) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии (по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009»). Вып. 8 (15). М., 2009. С. 248–261.

ЛАЯ 1999 — Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / РАН. Ин-т языкознания / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М., 1999.

Переверзева 2013 — С. И. Переверзева. Семиотическая концептуализация тела в русском языке и русской культуре: признак «ориентация». Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2013.

Рахилина 2000 — Е. В. Рахилина. Когнитивный анализ предметных имён. М., 2000.

Селиверстова 2000 — О. Н. Селиверстова. Семантическая структура предлога *на* // Исследования по семантике предлогов / Отв. ред. Д. Пайар, О. Н. Селиверстова. М., 2000. С. 189–242.

Ушак. — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Ред. Д. Н. Ушаков. М., 1935–1940.

Striegnitz et al. 2009 — K. Striegnitz, P. Tepper, A. Lovett, J. Cassell. Knowledge Representation for Generating Locating Gestures in Route Directions // Spatial Language and Dialog / K. R. Coventry, T. Tenbrink, J. Bateman (eds.). Oxford, 2009. P. 147–165.

Резюме

В статье описываются четыре значения глагола *ориентироваться*: ‘ориентироваться 1’ (*Штурман ориентировался на маяк*), ‘ориентироваться 2.1’ (*Продавцы ориентируются на внутренний рынок*), ‘ориентироваться 2.2’ (*Раньше люди легко ориентировались во времени по солнечным часам*) и ‘ориентироваться 3’ (*Магнитная стрелка компаса ориентируется на север*). Рассматриваются две наивные стратегии пространственного ориентирования (первая — субъект определяет свой маршрут в зависимости от местоположения или направления ориентира; вторая — субъект определяет свой маршрут, руководствуясь информацией, которую он получает из некоторого источника) и анализируется влияние этих стратегий на возникновение метафорических значений глагола *ориентироваться* (2.1 и 2.2). Выделяются основные типы ориентиров; показана связь между типом ориентира и предлогами *на / по* (*ориентироваться на что-л. / по чему-л.*). Формулируются также правила выбора между предлогами *на* и *по* в зависимости от конкретных свойств ориентира (нахождение в пространстве рядом с целью, к которой стремится субъект; способность менять направление).

Ключевые слова: пространственная ориентация, стратегии ориентирования, ориентир, толкование, правила выбора предлога, метафорические значения.

Получено 01.12.2016

SVETLANA I. PEREVERZEVA

MEANING AND USAGE OF THE VERB *ORIENTIROVAT'SJA*

In the present paper we describe four meanings of the verb *orientirovat'sja*: 'orient 1' (*Штурман ориентировался на маяк*), 'orient 2.1' (*Продавцы ориентируются на внутренний рынок*), 'orient 2.2' (*Раньше люди легко ориентировались во времени по солнечным часам*) and 'orient 3' (*Магнитная стрелка компаса ориентируется на север*). We identify two naïve strategies of finding one's way. Following the first strategy, the subject makes his or her way towards a landmark or in some direction. Following the second, the subject plans his or her route relying on the information received from some source. We analyze how these strategies influence metaphorical meanings of the verb *orientirovat'sja* (meanings 2.1 and 2.2). We outline the main types of orienting points and show the connection between them and the choice of preposition in the collocations *ориентироваться на что-л. / по чему-л.* We formulate rules for choosing preposition *на/по* based on specific features of the given orienting point (closeness to the destination and ability to change direction).

Keywords: spatial orientation, wayfinding strategies, landmark, explanation of meaning, rules of choice between prepositions, metaphorical meanings.

Received on 01.12.2016

Т. В. КРЫЛОВА

**О ЗНАЧЕНИИ И УПОТРЕБЛЕНИИ ВЫРАЖЕНИЯ
НЕ МУДРСТВОВАТЬ ЛУКАВО,
А ТАКЖЕ СЛОВ *МУДРСТВОВАТЬ* И *УМСТВОВАТЬ*
В ДИАХРОНИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ***

1. Введение

Задача данной статьи состоит в том, чтобы изучить историю возникновения выражения *не мудрствуя лукаво* и описать изменения в его семантике и в употреблении, которые имеют место в современном языке, а также попытаться дать им объяснение. При описании многозначности глагола *мудрствовать* мы будем пользоваться понятием лексемы, принятым в Московской семантической школе, понимая под этим слово, взятое в определенном значении. В целях упорядочения каждой из лексем приписывается определенный цифровой индекс, отражающий ее место в системе многозначности данного слова, связь с другими значениями и пр. При этом, учитывая важность для нашего исследования диахронического аспекта, при присвоении индекса мы будем считать основными те значения, которые исторически являются исходными, даже если они являются неупотребительными в современном языке.

2. Полисемия глагола *мудрствовать* в современном языке

Глагол *мудрствовать* относится к разряду слов, которые связаны со сферой интеллекта и при этом выражают отрицательную оценку (см. об этом в [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005; Wierzbicka 1992]). Отрица-

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ на 2016-2018 г. № 16-04-00302 «Подготовка третьего выпуска Активного словаря русского языка», гранта Программы фундаментальных научных исследований РАН на 2013—2020 гг., проект «Основной лексический фонд русского языка как элемент русской культуры: системная организация лексики и ее отражение в словаре».

тельная оценка распространяется на оба значения, которые *мудрствовать* имеет в современном языке — *мудрствовать 1* и *мудрствовать 2*. Можно привести следующие сокращенные толкования соответствующих лексем: *мудрствовать 1* — ‘многословно рассуждать на абстрактные темы’ (*Он, как обычно, принялся мудрствовать на тему судьбы; Надоело слушать, как он мудрствует*)¹; *мудрствовать 2* — ‘слишком долго размышлять перед принятием решения’ (*Он решил, не мудрствуя, поступать в техникум*). Обе описываемые лексемы являются стилистически отмеченными: *мудрствовать 1* — книжная, *мудрствовать 2* — необходимая.

Различия между описываемыми лексемами прослеживаются не только на уровне семантики, но и на других языковых уровнях — они касаются системных связей, сочетаемости, когнитивных особенностей, управления и пр. Перечислим некоторые из них. 1) Прежде всего, *мудрствовать 1* и *мудрствовать 2* имеют разные синонимы и аналоги: в первом случае это слова *умствовать, философствовать, рассуждать, разглагольствовать*², во втором — устойчивое выражение *недолго думая*. 2) *Мудрствовать 1* почти не употребляется в сочетании с *лукаво*, тогда как для *мудрствовать 2* такие сочетания более чем характерны. Кроме того, *мудрствовать 2* встречается исключительно в контексте отрицания, что для *мудрствовать 1* менее обязательно. 3) Лексема *мудрствовать 1*, как и близкие к ней глаголы *умствовать, философствовать, рассуждать, разглагольствовать*, способна управлять предложно-именными группами *на тему* + РОД и *о* + ПРЕДЛ, заполняющими валентность темы, что для *мудрствовать 2* невозможно. Ср. нормальное *мудрствовать* (*умствовать, философствовать, рассуждать, разглагольствовать*) *на тему судьбы* (*о смысле жизни*) при менее естественном *Не мудрствуя лукаво на тему их предложения* (*о их предложении*), *он согласился*.

В современном языке из двух описываемых лексем более употребительной является лексема *мудрствовать 2*. Так, по данным Национального корпуса, в текстах, созданных в промежутке с 1970 по 2000 год, встречаются всего 64 примера на употребление слова *мудрствовать*, из них на *мудрствовать 2* приходится 41 пример, а на *мудрствовать 1* — 23 примера. При этом как минимум 4 из 23 примеров на *мудрствовать 1*, которые встречаются в тексте, представляют собой стилизацию, подобно следующему:

- (1) — *Не мудрствуйте!* — *перебил Фет. — Вверьтесь своей душе, а не глупым книжкам. Что там у вас, анатомия какая-нибудь?* (Ю. Нагибин).

В текстах с 2000 по 2010 г. доминирование *мудрствовать 2* над *мудрствовать 1* является еще более явным: их соотношение доходит до 45/16. Это вполне согласуется со стилистической окраской *мудрствовать 1*:

¹ См. об этом также в статье [Крылова 2017].

² Первые три слова — синонимы *мудрствовать 1*, последнее — скорее его аналог.

эта лексема в современном языке воспринимается не только как книжная, но и как уходящая.

Теперь рассмотрим значение вышеназванных лексем более подробно.

2.1. Употребление лексемы МУДРСТВОВАТЬ 1 в современном языке

Лексема *мудрствовать 1* указывает на чрезмерную склонность субъекта к рассуждениям на абстрактные темы и является точным синонимом лексемы *умствовать 1*.

Можно предложить следующее толкование лексем *мудрствовать 1*, *умствовать 1*: ‘Человек А1 многословно рассуждает на абстрактные темы, не приходя ни к какому конкретному выводу; говорящий отрицательно оценивает излишнюю сложность, отвлеченность и непродуктивность рассуждений субъекта’.

Обе вышеназванные лексемы, безусловно, следует толковать через глагол *рассуждать*. Проблема состоит в том, что последний является многозначным. Хотя он в обоих своих значениях совмещает указание на речевую и интеллектуальную деятельность, эти значения различаются тем, какой тип деятельности находится на первом плане: одно из них предполагает акцент на интеллектуальном процессе, другое — на речевом. Ср. *Я рассуждал так: если вы не успели на поезд, то вернетесь ночевать домой; Мы будем рассуждать так...* [здесь представлена «ментальная» лексема *рассуждать 1*, которую можно истолковать как ‘строить умозаключение’ (формулировать посылку и вывод из нее); ее синоним — *размышлять*] vs. *Мы сидели на кухне и рассуждали на тему судьбы; Он любил рассуждать на тему искусства* [здесь представлена «речевая» лексема *рассуждать 2*, которую можно истолковать так: ‘в ходе беседы с другим человеком говорить на абстрактные темы А2, высказывая свои суждения об А2 и приводя умозаключения на тему А2’; ее синоним — уже упомянутый глагол *философствовать*, аналог — *разглагольствовать*]. Именно через эту лексему следует толковать *мудрствовать 1* и *умствовать 1*; как раз такие контексты для них характерны в первую очередь (ср. *Они сидели на кухне и мудрствовали (умствовали) на тему судьбы; Он любил мудрствовать (умствовать) на тему искусства; Неприязнь к этому человеку вновь зашевелилась в нем: философствует, мудрствует, а по существу дела до сих пор ни хрена не сказал* (Э. Володарский)). Таким образом, обе эти лексемы в своем основном режиме употреблений обозначают в первую очередь речевую деятельность; указание на интеллектуальную деятельность, хотя и входит в их значение (ср. смыслы ‘суждение’, ‘умозаключение’), находится на втором плане.

При этом следует отметить, что наряду с основным режимом употреблений, в котором *мудрствовать 1* и *умствовать 1* обозначают речевую деятельность, для этих лексем возможны сдвинутые употребления, в которых они обозначают ментальную деятельность; в этом случае компонент ‘многословно рассуждает’ заменяется на компонент ‘слишком много раз-

мышляет³. Ср. следующий контекст, в котором описывается работа актера над образом:

- (2) *Нужно попытаться, не мудрствуя, поближе быть к пьесе, постараться реставрировать роль, не стесняясь повтора, если это на благо образу, если это искренне* (Л. Гурченко).

Зачастую между двумя этими режимами употреблений трудно провести четкую границу; ср. примеры типа *мудрствующая интеллигенция*; *Нужно жить, а не мудрствовать* и пр., которые можно понять двояко.

Основная семантическая особенность *мудрствовать 1*, *умствовать 1*, а также их дериватов *умствования*, *мудрствования*³ состоит в том, что все они, характеризуя рассуждения (или же размышления) субъекта, подчеркивают их немотивированную усложненность; ср. следующие примеры:

- (3) *Сделайте записку короткой, легко читаемой. Только цифры и выводы. Не усложняйте, не мудрствуйте, все должно быть четко и ясно* (Л. Брежнев);
- (4) *Не мудрствовать; выражаться просто, но и ново — здесь Виктор Андреевич выступает наследником Прокофьева, который призывал композиторов к «новой простоте»* («Российская музыкальная газета», 2003.01.15).

Эти слова часто используются в контекстах противопоставления *мудрости* и *мудрого*, поскольку в языковой картине мира мудрость связывается с представлением о простоте⁴:

- (5) *Остерегайтесь умствовать там, где нужна простота мудрости* («Семейный доктор», 2002.01.15);
- (6) *Великолепная ясность народного искусства. Мудрое, а не умствующее. Из жизни* (Г. Козинцев);

³ Слова *умствование*, *мудрствование* имеют два значения. 1. *Умствование 1*, *мудрствование 1*. Соответствующие лексемы являются синтаксическими дериватами от *умствовать 1*, *мудрствовать 1* (*Режиссер предложил сыграть пьесу без умствования. Без многозначительности* («Театральная жизнь», 2004.06.28)). 2. *Умствования 2*, *мудрствования 2* (в форме МН) — ‘слишком сложные рассуждения на отвлеченную тему’ (*За все умствования Платона я бы и гроша ломаного не дал на этом берегу* (В. Голованов)). Эти пары лексем очень близки по значению, за исключением того, что *умствование 1*, *мудрствование 1* обозначают действие, а *умствования 2*, *мудрствования 2* — речевой продукт, возникающий в результате этого действия, поэтому в дальнейшем мы будем говорить только о второй паре лексем, как наиболее употребительной, имея в виду, что все сказанное относится и к первой.

⁴ Интересно, что *мудрость* и *мудрый* ассоциируются с простотой, тогда как большинство дериватов слова *мудрый*, напротив, указывают на чрезмерную сложность — ср. выше и ниже описания слов *мудреный*, *мудрить*, *мудрствовать*.

- (7) *Люблю стихи из его [Пастернака] книги «На ранних поездах», — стихи, которые мудры без мудрствования, прозрачны, как лучшие образцы классической поэзии* (Ю. Друнина).

Наряду с излишней сложностью рассуждений, *умствовать I*, *умствовывать I* и их дериваты часто указывают также на отрыв от реальности и пустое теоретизирование, увлечение абстракциями. Чаще всего это выражается в выборе темы, далекой от жизни: ср. типичное сочетание *отвлеченные (абстрактные) умствования (мудрствования)*.

- (8) *У нас, в конце концов, женский бытовой роман, а в подобном жанре важны не отвлеченные умствования о природе вещей (оставим их Аристотелю), а именно женщины и их (...) быт* (Т. Соломатина);
- (9) *Устройство [государства] (...) ее занимало, правду сказать, гораздо меньше восхитительно-отвлеченных мудрствований, вроде: «Для чего сделан космос?»* (М. Палей).

Наличие в значении лексем *умствовать I*, *мудрствовать I* и их дериватов указания на оторванность от жизни и отвлеченность рассуждений предопределяет следующие их семантические особенности:

1) Для этих лексем типично указание на отсутствие практического результата, непродуктивность рассуждений субъекта, которые не приводят ни к каким конкретным выводам и никак не могут помочь в реальной жизни. Это подтверждается сочетаниями типа *мудрствовать всуе, бесполезные (бесплодные) умствования (мудрствования)*.

2) *Умствовать I*, *мудрствовать I* и *умствования, мудрствования* часто подразумевают пассивность субъекта, неспособность к активным действиям; вследствие этого для них чрезвычайно характерны контексты, где склонность к рассуждениям противопоставляется действию. Ср. типичное сочетание *праздные умствования (мудрствования)*; ср. также следующий пример:

- (10) *Теперь, когда мы, наконец, освободились от марксистско-ленинской идеологии, можно отбросить теоретические умствования о первичности/вторичности материи/сознания и заняться делом* («Вопросы психологии», 2004.06.15).

Следующая важная особенность описываемых лексических единиц состоит в том, что они часто указывают на бессодержательность рассуждений, которая скрывается за внешней сложностью, многословием и словесными эффектами. Этим объясняется характерность для этих лексем сочетаний типа *пустые (пустопорожние) умствования (мудрствования)*, а также типичность их использования в контексте таких слов и выражений, как *словоблудие, разглагольствовать, витийствовать, фразер, краснобай* и пр. Ср. *велеречивые умствования (мудрствования)*; ср. также:

- (11) *А то, что они отбросили, оказалось пустой словесной шелухой, пригодной лишь для словоблудия некоторой части умствующих философов* (А. Зиновьев);
- (12) — *Вот вы и заговорили о счастье, — с торжеством сказал Тюрберт. — Философствовали, мудрствовали, иезуитствовали даже, а кончили гимном счастью* (Б. Васильев).

2.2. Употребление лексемы МУДРСТВОВАТЬ 2 в современном языке

Лексема *мудрствовать 2*, в отличие от *мудрствовать 1*, не включает указания на речевую деятельность, обозначая интеллектуальный процесс в чистом виде — в данном случае речь идет об обдумывании субъектом своих будущих действий, в частности, выборе способа достижения цели, которую он ставит перед собой. Ср. *Великий Армани, не мудрствуя лукаво, всю новую коллекцию сопроводил одним и тем же головным убором — в виде обтягивающего голову шлема, но выполненного из разных материалов: кожи, замши, атласа* («Известия», 2002.05.06).

Мудрствовать 2 можно толковать следующим образом: ‘Человек А1 перед тем, как совершить действие А2, очень долго размышляет и в результате выбирает тот способ достижения цели, который, с точки зрения говорящего, является слишком сложным’.

Рассматриваемая лексема, как уже отмечалось, всегда употребляется в контексте отрицания, при этом чаще всего она встречается в конструкции *не мудрствуя лукаво* (существенно, что наречие *лукаво* всегда стоит в позиции).

При отсутствии наречия *лукаво* деепричастие *мудрствуя* обычно употребляется в сочетании с интенсификаторами *особо*, *особенно*, хотя это не строго обязательно:

- (13) *Они были уверены, что любимая актриса должна испытывать к ним не менее теплые чувства, и, не особенно мудрствуя, с ходу приглашали в ресторан и очень обижались, когда их предложения бывали отклонены* (Н. Леонов, А. Макеев);
- (14) *Суд, не особо мудрствуя, приговорил к смертной казни* (Б. Евсеев).

Хотя *мудрствовать 2* тяготеет к конструкции *не мудрствуя лукаво*, для нее возможно употребление, в котором представлен только один из ее компонентов — либо ДЕЕПР, либо *лукаво*.

Так, в примерах (15), (16) *мудрствовать* стоит в форме деепричастия, при этом *лукаво* отсутствует:

- (15) *В 1944 году началось строительство <...> каскада из четырёх дамб в Южной Дакоте, превративших к 1960 году русло реки <...> в цепь водохранилищ, которые местные жители, не мудрствуя, называют «Великими озерами»* («Вестник США», 2003.10.01);
- (16) *Пошли к людям. <...> Не мудрствуя, постучались в первую же избу, им открыли* (З. Прилепин).

Наоборот, в примерах (17), (18) есть наречие *лукаво*, поэтому там может использоваться личная форма или инфинитив:

- (17) *Этот джаз не занимался изысканием новых путей в джазовой музыке, не подражал американским джазам и вообще не «мудрствовал лукаво»* (Ю. Елагин);
- (18) *Но молодые дипломаты решили не мудрствовать лукаво, а при написании записки в ЦК взять за основу справку двух министров — Славского и Малиновского, тем более что ее одобрил сам Хрущев* (О. Гриневский).

Наиболее редкими являются примеры, в которых данная лексема представлена инфинитивом или личной формой без *лукаво*. В этом случае значение *мудрствовать* сдвигается в сторону *мудрить 1* (ее упрощенное толкование — ‘действовать слишком сложными методами’). Ср.:

- (19) *Хотя можно не мудрствовать, а просто использовать «Пинокс», и тогда ваш шезлонг проживет долгую жизнь* («Сад своими руками», 2003.09.15); *Над первой машиной Ф-1 главный конструктор Matra Sport Бернар Бойер особо не мудрствовал* («Формула», 2001.02.15).

В данном случае можно говорить о небрежном употреблении, в результате которого происходит смешение *мудрствовать 2* и *мудрить 1*.

В сочетании с отрицанием, без которого *мудрствовать 2* не употребляется, эта лексема толкуется так: ‘Человек А1 перед тем, как совершить действие А2, не тратит много времени на размышления и прибегает к самому простому из доступных способов достижения цели’. Парадокс состоит в следующем: несмотря на то, что *мудрствовать 2* всегда выражает отрицательную оценку, наличие отрицания не обязательно меняет оценку на положительную. Рассмотрим возможные варианты оценки сочетания *не мудрствовать* (точнее, *не мудрствуя*, поскольку форма ДЕЕПР для данной лексемы является основной).

В большинстве случаев описываемое сочетание не выражает никакой оценки или оценивается слабо положительно; ср. пример (15), а также примеры (20)–(22):

- (20) *Зарубежные коллеги, не мудрствуя, назвали свое занятие КЕЙ-ВИНГ — от английского «save» — пещера, а себя — кейверами* (К. Серафимов);
- (21) *И, стало быть, речь уже волей или неволей идет о необходимости выделить специальную отрасль знания, которая изучала бы общественную жизнь в ее связи с Интернетом, выявляла проблемы, предлагала решения. Не мудрствуя лукаво, такую науку можно назвать социальной интернетикой* («Наука и религия», 2008);
- (22) *Услышал кто-то в далёкие времена этот голос и, не мудрствуя лукаво, назвал птицу стрижом* (Наука и жизнь, 2009).

Поскольку *не мудрствуя* обычно оценивается нейтрально или слабо положительно, это сочетание допускает употребление применительно к самому говорящему; см. примеры (23)–(27):

- (23) *Я не стал долго раздумывать над сюжетом рисунка и, не мудрствуя лукаво, изобразил ликующего китайского революционного солдата с винтовкой в руках, над которым победно реяло одноединственное слово «Шанхай!»* (Б. Ефимов);
- (24) *Не мудрствуя лукаво, автор этой публикации направился по указанным адресам и под видом озабоченного отца семейства, у жены которого только что сломалась стиральная машина, заглянул в прачечную* («Встреча» (Дубна), 2003.02.26);
- (25) *Задавшись таким вопросом, я придумал схему аппарата, судить о которой предоставляю читателям. Не мудрствуя лукаво, за основу взял обычный осевой вентилятор* (Техника — молодежи, 1978);
- (26) *Мы тогда решили, что прежде чем заняться, как обычно, «художественной самодеятельностью», нам надо, не мудрствуя лукаво, заглянуть в районную библиотеку* (С. Лунгин);
- (27) *Не мудрствуя лукаво, мы зашли в китайско-вьетнамский ресторанчик «Ки Фок» на Клиши и получили вполне приличный и недорогой обед* (Б. Левин).

Однако достаточно часто сочетание *не мудрствуя* выражает отрицательную оценку — в этом случае говорящий не одобряет легкости, с которой субъект принимает решение. Обычно это обусловлено тем, что субъект, стремясь найти самый простой выход из положения, не учел каких-то важных аспектов ситуации А2, проигнорировав ее сложность и неоднозначность (см. примеры (28)–(30)), или тем, что субъект, стремясь достичь цели самым простым путем, нарушил этические или этикетные нормы (см. (31)–(33), (13)):

- (28) *Учительница не стала разбираться и, не мудрствуя лукаво, поставила всем двойки;*
- (29) *В Иркутске тщедушного, серенького вождя не мудрствуя лукаво водрузили на роскошный императорский пьедестал, вырванный из-под ног самодержца* («Вечерний Екатеринбург», 2004.11.06);
- (30) *Решено было с начала 1988 года все научные учреждения перевести на самофинансирование. Не мудрствуя лукаво, махнули чохом по всем головам одним гребнем* («Горизонт», 1989);
- (31) *«Единороссы» же, не мудрствуя лукаво, решили придать инициативам СПС еще более популистский характер и при этом записать полученные очки на свой счет* («ПОЛИТКОМ.РУ», 2003.05.22);
- (32) *Когда подошло время перечислить часть прибыли в госказну, они решили не мудрствуя лукаво просто поиграть цифрами* («Вслух о...», 2003.07.01);

- (33) *Гражданину Ф. и несовершеннолетнему Б. приглянулся мотоцикл «Восход-3М» несовершеннолетнего Л. До такой степени приглянулся, что они, не мудрствуя лукаво, взяли да и отобрали (на официальном языке, «открыто похитили») у Л. его двухколесную моторную игрушку (Происшествия (2003) // «Встреча» (Дубна), 2003.05.07).*

Во всех этих случаях мы имеем дело, по сути, с раздвоением оценки. Говорящий передает позицию субъекта, как он ее видит: субъект отрицательно оценивает «мудрствования», считая, что проблема не стоит того, чтобы тратить на нее силы и время, или надеясь, что ему удастся достичь цели напрямую, проигнорировав существующие правила и запреты. Между тем, сам говорящий оценивает поведение субъекта отрицательно, считая его легкомысленным, безответственным или не вполне этичным.

Похожим образом употребляются разговорно-сниженные глаголы *заморачиваться, загоняться, париться*. При отсутствии отрицания все они выражают отрицательную оценку; ср. *Чего ты так заморачиваешься?; Вечно она заморачивается из-за пустяков; Она слишком заморачивается из-за болезни матери* [отрицательная оценка]. Между тем, при наличии отрицания (эксплицитного или имплицитного) оценка может быть любой — она всецело зависит от контекста, точнее, от заполнения валентности причины: ср. *Он не заморачивался из-за пустяков* [положительная оценка] vs. *Он не заморачивался из-за болезни матери* [скорее отрицательная, чем положительная оценка]. При этом характерно, что при отсутствии заполнения валентности причины оценка, как и ожидается, скорее положительная; ср. *Он не заморачивался*.

3. Употребление глагола *мудрствовать* и выражения *не мудрствуя лукаво* в XIX — начале XX в.

При сравнении современных употреблений слова *мудрствовать* с его употреблениями в текстах XIX — начала XX в. обнаруживается, что система значений этого слова существенно изменилась.

В это время у слова *мудрствовать* фиксируются три значения: *мудрствовать 0*, *мудрствовать 1* и *мудрствовать 2*.

3.1. Лексема МУДРСТВОВАТЬ 0 в XIX — начале XX в.

Первичным для *мудрствовать* является значение *мудрствовать 0*⁵ ('рассуждать 1⁶ или мыслить'), которое широко представлено в текстах

⁵ Мы выбрали такой индекс, чтобы подчеркнуть архаичность соответствующей лексемы и одновременно тот факт, что она является исходной для данного слова.

⁶ Имеется в виду «ментальное» значение *рассуждать*; см. 2.1.

XVIII в. Соответствующая лексема, церковнославянская по своему происхождению⁷, в отличие от других лексем данного слова не выражает отрицательной оценки. Знаменательно, что аналогичная лексема представлена также у глагола *умствовать* (*умствовать 0*). Ср. следующие примеры:

- (34) *Ты изрядно умствуешь, — сказал я ей, — и после моего просвещения, видно, доучивалась в благоустроенной школе?* (В. Т. Нарезный, 1814 г.);
- (35) *«Нельзя мне так это дело оставить, — подумал Данила, — эти оба священства теперь сильно заняты другим, (...) но ведь, кроме их, есть еще и другие патриархи, которые, может быть, иначе умствуют»* (Н. С. Лесков, 1888 г.);
- (36) *А святой Григорий Богослов тако мудрствует: «Кто я был? Кто я теперь? И чем я буду? Ни я не знаю сего, ни тот, кто обильнее меня мудростью...»* (А. И. Эртель, 1889 г.);
- (37) *Не нужно было читать газеты, как у афинян, которые также не нуждались в газетах, а жили, учились, мудрствовали и умственно наслаждались в портиках и на площади* (П. А. Вяземский, 1830—1870 гг.).

Именно это значение слова *мудрствовать* отражено в Словаре Академии Российской (1789–1794): «*умствую, имею какие мысли, мнение о чем*» [САР IV: 319].

Аналогичное значение выделяется у *умствовать*, *мудрствовать* в словаре Даля («*Умствовать*, мыслить, размышлять, думать, об(раз)думывать, сображать в уме, в мыслях, дуною, выводя заключение; философствовать; мечтать. Поумствуешь над Божьими делами — ум вскружится! В тиши и в глуши свободнее *умствуется*, *бзлч.*»; «Мудрствовать о чем, умствовать, рассуждать, философствовать» [Даль IV 495-496]). Хотя в качестве одного из синонимов здесь используется глагол *философствовать*, который является одновременно синонимом *умствовать 1*, тем не менее, примеры показывают, что речь идет именно о лексеме *умствовать 0*, которая, в отличие от *умствовать 1*, не выражает отрицательной оценки.

Лексемы *умствовать 0* и *мудрствовать 0* активно употребляются в XVIII в., однако уже для XIX в. описываемое значение *мудрствовать*, безусловно, является уходящим; в текстах 1830-1900 гг. на него приходится 13 вхождений из 62-х. Впоследствии соответствующие лексемы окончательно выходят из употребления. В начале XX в. *мудрствовать 0* сохраняется только в сочетании *горняя мудрствовати* в составе текстов на церковнославянском языке (или в текстах, стилизованных под церковнославянский).

⁷ Ср. следующий пример из Послания Колоссянам, который несколько раз встречается в текстах XIX в. качестве цитаты: *Ты должен мудрствовать горняя, идеже есть Христос одесную Бога сядя, а не мудрствовать о земном, ибо сего ради Христос на землю сниде, да нас на небеса возведет.*

(38) *Но благодарите Творца, что дал вам сердце высшее, способное такую мукой мучиться, горняя мудрствовати и горних искати, наше бо жителство на небесех есть* (Вяч. Вс. Иванов).

Во второй половине XX в. данная лексема полностью исчезает.

3.2. Лексема МУДРСТВОВАТЬ I в XIX в. — начале XX в.
Возникновение устойчивого выражения НЕ МУДРСТВУЯ ЛУКАВО
и его первоначальное значение

Следующей по времени возникновения является лексема *мудрствовать I*, синонимичная *умствовать I*. В целом в XIX в. значение этих двух лексических единиц было близко к современному⁸. Ср.:

- (39) *Я тебе скажу только то, что если ты еще будешь показывать свою рысь, да мудрствовать, то прикажу тебя по спине и по прочему так отстегать молодым березняком, что и в баню больше не нужно ходить* (Н. В. Гоголь);
- (40) *Рассказывал он мне как-то недавно одну из таких любимых своих историй и, не досказав, принялся по обыкновению мудрствовать, а я также по обыкновению должен был прервать его* (Г. И. Успенский).

Тем не менее можно выделить ряд семантических особенностей *мудрствовать I* и *умствовать I*, которые для XIX в. были актуальны, а впоследствии отошли на второй план.

а) Прежде всего, в XIX в. для вышеназванных лексем было типично указание на гипертрофию рационального начала, которое развито в ущерб эмоциональному и, так сказать, иррациональному. В текстах XIX в. *мудрствовать I* и *умствовать I* очень часто употребляются в ситуации, когда говорящий подчеркивает, что излишняя склонность субъекта к рассуждениям совмещается с недоразвитостью эмоциональной сферы и — в еще большей степени — с неспособностью к вере. Ср. *холодные умствования*; ср. также следующие типичные примеры:

- (41) *Бездушина она. Умствует, но не чувствует...* (М. Горький);
- (42) *Революционер он был до конца ногтей: он отдался революции, так, как отдаются религии, с полной верой, никогда не дерзал ни понимать, ни сомневаться, ни мудрствовать лукаво, а любил и верил* (А. И. Герцен) [в примерах (41),(42) *умствовать* и *мудрствовать* противопоставлено способности чувствовать];
- (43) *Массы этого «простого народа» спасаются без всякого богословия, и без всяких размышлений и культуры, и «спасаются» вряд ли*

⁸ Интересно, что в словаре Даля соответствующее значение («углубляться в отвлеченные суждения») выделяется только для *мудрствовать*, но не для *умствовать*.

не надежнее, чем умствующие и пытливые чрез меру интеллигенты (Г. Флоровский);

- (44) *Так случилось и с нами. Нам твердили: веруй, но не умствуй... Мы стали бояться мысли как греха, пытливого разума как соблазителя раньше, чем умели мыслить, чем пробудилась у нас пытливость* (В. О. Ключевский);
- (45) *Хотел доискаться всемирной истины, действительно спасительной веры, обращался с вопросами к духовным, но они (...) советовали ему не мудрствовать, а, положась на волю Божию, ходить усердно в церковь* (П. И. Мельников-Печерский [в примерах (43)–(45) *умствовать* и *мудрствовать* противопоставляются истинной вере]).

б) Кроме того, в текстах XIX в. (как и начала XX в.) лексема *мудрствовать I*, как и *умствовать I*, зачастую выражала более резкую оценку, чем в современном языке, поскольку ассоциировалась с несправедностью, соблазном, отклонением от правильного пути в сфере религии и нравственности, с нарушением этических и юридических норм. См. следующие примеры:

- (46) *Вся действенная, жизненно-творческая энергия национальной воли становилась духовно непросветленной, нравственно необузданной, превращалась в темное буйство злых страстей и бесплодно-отрицательного рассудочного умствования* (Л. Франк);
- (47) *Мы не мудрствовали, не разрушали основ, да-с, это такое теперь специальное занятие!* (П. Д. Боборыкин);
- (48) *Предоставь это решение тем, кто прямо заинтересован в этом деле, сам же не мудрствуй, не смущай умов и на закон не наступай!* (М. Е. Салтыков-Щедрин).

Не случайно *умствовать* и *мудрствовать* в описываемом значении часто используются в контексте слов *дерзкий*, *дерзость*, как в следующих примерах:

- (49) *Таковы произведения и новейших еретиков. Они исполнены адского кощунства, дерзких, ложных умствований, страшного бесстыдства и разврата* (Епископ Игнатий (Брянчинов));
- (50) *«Лучше невежество верующего, чем дерзость мудрствующего» — таков отныне девиз недавнего гуманиста»* (Б. Д. Порозовская).

Описываемые компоненты значения лексемы *мудрствовать I* возникли, очевидно, под влиянием оборота *не мудрствуя лукаво*, в составе которого она часто использовалась в XIX в. Действительно, наречие *лукаво* в XIX в. должно было вызывать ассоциации с *лукавым*, т. е. дьяволом; ср. церковнослав. *лукавный* ‘нечестивый, несправедный, греховный’ [СРЯ XI–XVII, 8: 298]. Не удивительно, что в XX в., когда прилагательное *лукавый* в этом значении практически вышло из употребления, *мудрствовать I*, как и *не мудрствуя лукаво*, утратило соответствующие компоненты значения.

в) Для текстов XIX в., по сравнению с современными, более типичен сдвиг значения в сторону ментальной деятельности; см. (41)–(45); ср. также:

- (51) *Да, мудрствовать, брат, не нужно! Коли дал тебе бог испытующий разум и ежели ты не можешь управлять им, то лучше уж не вникай* (А. П. Чехов);
- (52) *Знаешь, правда, Господь Бог создал человека для того, я думаю, чтобы не мудрствуя лукаво жить среди лесов и полей, трудиться здоровым трудом* (Н. Н. Семенов) [здесь *мудрствовать* — ‘предаваться ненужным размышлениям’].

Хотя в целом значение лексемы *мудрствовать 1* в XIX в. близко к современному, ее стилистическая окраска и место в системе языка в XIX в. были иными, чем в современном языке: если сейчас эта лексема является уходящей и встречается сравнительно редко, то для XIX в. и начала XX в. из всех лексем глагола *мудрствовать* она, безусловно, была основной. Так, в выборке текстов 1830 — 1900 г. на ее долю приходится 44 вхождения из 62.

Изменились и условия употребления данной лексемы: если в современном языке она практически не используется в сочетании с наречием *лукаво*, то в текстах XIX в. (и начала XX в.) она легко допускала оба типа употребления — и в сочетании с *лукаво* (в частности в конструкции *не мудрствуя лукаво*, в которой впоследствии закрепились лексема *мудрствовать 2*), и без *лукаво*.

Рассмотрим оба типа употребления.

а) Употребление *мудрствовать 1* без наречия *лукаво*.

- (53) *Умен я, святой отец, вот в чем мое горе: ум у меня дьявольский, тонкий, не терпящий противоречия; и раньше я других на противоречиях ловил, а теперь вот и сам попался! Попик укоризненно покачал головою. — Мудрствуешь? — То-то и беда, что мудрствую* (Л. Андреев); см. также (39), (40), (45), (47), (48), (50), (51).

б) Употребление *мудрствовать 1* в сочетании с *лукаво*. В данном сочетании глагол *мудрствовать*, как и сейчас, употреблялся главным образом в форме деепричастия (см. (52), (54), (57)–(62)), значительно реже — в личных формах (*Не мудрствуйте лукаво*; см. (55)) или в форме причастия (*мудрствующий лукаво*; см. (56))⁹.

- (54) *На это я уже вам сказал: живу просто, не мудрствуя лукаво, живу так, как нахожу правильным и честным* (И. Н. Потапенко);

⁹ Интересно, что под влиянием *не мудрствуя лукаво* могут иногда возникать варианты типа *мудрствовать да лукавить*, в которых происходит трансформация наречия в глагол: *Мы здесь мудрствуем да лукавим, и так прикинем, и этак примерим, а бог разом, в один момент, все наши планы-соображения в прах обратит* (М. Е. Салтыков-Щедрин).

- (55) *Знаю, что не веруется, — а вы лукаво не мудрствуйте; отдайтесь жизни прямо, не рассуждая; не беспокойтесь, — прямо на берег вынесет и на ноги поставит* (Ф. М. Достоевский);
- (56) *Вы хорошо это определили, но забыли еще про один вид — самый новый, — сказал Рачеев, — это — мудрствующие лукаво и выворачивающие свою душу наизнанку!* (И. Н. Потапенко).

При этом по своей частотности в текстах XIX в. рассмотренные режимы употребления *мудрствовать I* примерно равноценны: на 15 примеров *мудрствовать I* в сочетании с *лукаво* приходится 15 примеров употребления без этого наречия.

Конструкция *не мудрствуя лукаво* по своему происхождению представляет собой крылатое выражение, которое было введено в обращение А. С. Пушкиным в «Борисе Годунове»: «*Описывай, не мудрствуя лукаво, / Все то, чему свидетель в жизни будешь*». Одним из аргументов в пользу этого, на наш взгляд, является тот факт, что для данного выражения как в XIX, так и в XX в. чрезвычайно характерно употребление в контекстах, подобных контексту из «Бориса Годунова», в которых речь идет о порождении текста (или создании изображения, как аналога текста). Характерно, что во многих контекстах такого рода *не мудрствуя лукаво* заключается в кавычки (см. примеры (59), (60), (62)):

- (57) *Я хочу записывать все, что буду видеть; буду записывать не мудрствуя лукаво, а придерживаясь только правды, одной правды* (В. А. Сологуб, 1845);
- (58) *Эпический рассказчик простодушен, как дитя, повествует все, как было, не мудрствуя лукаво* (Ф. И. Буслаев, 1851);
- (59) *Точно то же самое и писатель. Клади краски, схватывай жизнь просто, «не мудрствуя лукаво»* (П. Д. Боборыкин, 1868);
- (60) *Повторяю: мое дело только видеть красоту — и простодушно, «не мудрствуя лукаво», отражать ее в создании...* (И. А. Гончаров, 1869);
- (61) *Начесть самому вжиться в эту жизнь, не мудрствуя лукаво, без всяких задних писательских мыслей* (А. Куприн, 1909);
- (62) *И об этом теперь пишу — лишь по фактам, «не мудрствуя лукаво»* (В. А. Теляковский, 1917).

Знаменательно, что в самых ранних из зафиксированных нами примеров на употребление данного выражения оно встречается как раз в контекстах, в которых речь идет о создании текста (см. примеры (57)–(60)).

Что касается времени появления выражения *не мудрствуя лукаво*, то оно подтверждает вышеприведенную версию: «Борис Годунов» был издан в 1831 г., а первые примеры употребления в текстах выражения *не мудрствуя лукаво* относятся к 40–50-м годам XIX в. (см. примеры (57) и (58) из текстов В. А. Сологуба и Ф. И. Буслаева, которые датируются соответственно 1845 и 1851 годами).

Как возникло сочетание *не мудрствуя лукаво* и почему оно оказалось жизнеспособным? Появление этого сочетания в «Борисе Годунове» естественно всего объяснить стремлением Пушкина к стилизации: здесь слово *лукаво*, скорее всего, употреблено в архаичном значении ‘извилисто’.

Судя по данным этимологических словарей [Фасмер II: 531-532], именно таким было исходное значение корня *лук-*, к которому восходит слово *лукаво*; соответствующий семантический компонент входит в значение таких слов, как *лукоморье*, *лук* (оружие), *излучина*, *лука* (седла)). На основе данного значения в результате метафорического переноса развилось значение ‘хитрый’, представленное в словах *лукавый*, *лукавить* (ср. древнерусское *лука* ‘хитрость, коварство’ [СРЯ XI–XVII 8: 297]). Переосмысление наличия/отсутствия изгиба как наличия/отсутствия хитрости, тайного умысла типично для русского языка; аналогичный механизм метафорического переноса мы обнаруживаем у слов с самыми разными корнями: ср. *прямой* в значении ‘бесхитростный’, ср. также выражение *кривить душой*, а также прилагательное *изворотливый*. Такой перенос может быть основан на том, что изогнутый, непрямой путь ассоциируется с обманом, наличием тайного умысла, желанием скрыть свою истинную цель.

В пушкинском тексте в сочетании с *мудрствовать* слово *лукаво* понимается метафорически, указывая на внешнюю сложность, многословие, наличие словесных эффектов. Сходный механизм метафорического переноса (и сходное значение) мы встречаем также у слов *витиевато*, *витийствовать*, *вития*, образованных от корня *вѣт-* ‘вещать, говорить’, но получивших вторичное *-и-* в корне по аналогии с корнем *вить* [РЭС 7: 46, 255], а также у слов *кудряво*, *кудрявый* (ср. *кудряво выразиться*). В данном случае перенос основан на том, что изогнутость линий ассоциируется с украшенностью, тогда как «прямызна», отсутствие изгиба ассоциируется с простотой, с отсутствием внешних излишеств.

Однако чем объяснить жизнеспособность этого сочетания, учитывая, что в живом языке XIX в. *лукаво*, как и сейчас, имело значение, близкое к ‘хитро’? Скорее всего, тем, что компонент ‘хитрость’, ‘наличие тайного умысла’ оказался поддержан семантикой лексемы *мудрствовать I*, а именно — компонентом ‘излишняя сложность рассуждений’.

Дело в том, что сложность рассуждений может вызывать представление о желании запутать адресата, обусловленном наличием у субъекта скрытой цели (обычно неблагоприятной). Поэтому «лукавое мудрствование» противопоставляется точности и правдивости изложения, верности фактам, как в примерах (57), (62), а также простодушию, отсутствию у субъекта скрытого умысла («задней мысли»), как в примерах (58), (60), (61).

Сходное значение может возникать у *мудрствовать* не только в сочетании с наречием *лукаво*, но и в контексте прилагательного *лукавый*. Ср.:

- (63) *Морозов грозно сдвинул брови. — Не лги, Елена. Не мудрствуй. Не умножай греха своего лукавою речью* (А. К. Толстой).

Очевидно, что описываемая интерпретация *не мудрствуя лукаво* как ‘не пытаюсь запутать сложными рассуждениями’ естественна в первую очередь для примеров, в которых идет речь о создании текста (таковы примеры (57)–(60), (62), а также пример из Пушкина). Это является дополнительным объяснением широкой употребительности *не мудрствуя лукаво* в контекстах, описывающих порождение текста (не говоря уже о влиянии цитаты из «Бориса Годунова»).

Вообще, как нам кажется, сближение смыслов «сложный» и «хитрый» для русского языка очень характерно. При этом могут возникать встречные процессы.

Во-первых, слова со значением ‘хитрый’, ‘имеющий тайный умысел’ способны развивать значение ‘сложный’ (такова лексема *хитрый 2*, которая представлена в сочетании *хитрое устройство*).

Во-вторых, слова, включающие в свою семантику компонент ‘сложный’, могут развивать значение, в котором этот компонент трансформируется в компонент ‘имеющий тайный умысел’, ‘имеющий целью ввести в заблуждение’. В качестве примера можно привести глагол *мудрить*.

В основном своем значении, реализуемом в лексеме *мудрить 1*, этот глагол может быть истолкован следующим образом: ‘Человек А1, выполняя действие А2 или пытаюсь достичь цели А2, действует слишком сложными методами; говорящий оценивает его действия отрицательно из-за неоправданно большой затраты усилий и времени, а также из-за того, что, по его мнению, действия А1 из-за своей сложности могут привести к плохому результату’. Ср. следующий пример:

(64) *Что ты там мудришь с замком? Смотри не сломай.*

Однако, наряду с рассматриваемой лексемой, у *мудрить* имеется также лексема *мудрить 2*, сближающаяся с *хитрить*, *темнить*. Ее приблизительное толкование таково: ‘человек А1 делает или говорит что-то непонятное говорящему; говорящий подозревает у него неблагоприятные цели и считает, что он намеренно стремится запутать его’; ср.:

(65) — *Это не важно, мам! Так сделаешь или нет? — Что-то ты мудришь, сынок. Что-то здесь не так* (М. Милованов).

3.3. Изменение значения выражения НЕ МУДРСТВУЯ ЛУКАВО в XIX — начале XX в.

Итак, первоначально выражение *не мудрствуя лукаво*, скорее всего, имело значение ‘не пытаюсь запутать адресата сложными рассуждениями’. Однако, судя по всему, достаточно рано смысл ‘запутать’, ‘ввести в заблуждение’ перестал вычленяться, так что все сочетание стало функционировать в значении ‘без многословных рассуждений на абстрактные темы’,

превратившись, по сути, в синоним *мудрствовать* ¹⁰. Уже в 80-90-х годах XIX в. среди примеров употребления сочетания *не мудрствуя лукаво* преобладают те, в которых указание на хитрость, наличие «задней мысли» совершенно не поддерживается контекстом и которые не связаны с ситуацией порождения текста; ср.:

- (66) *Оба живут, не мудрствуя лукаво, умея находить и смысл и наслаждение в самом процессе жизни* (М. Горький);
 (67) *А второе, жили мы без них, благодаря бога и не мудрствуя лукаво* (Д. Н. Мамин-Сибиряк).

Примерно в то же время наметилось еще одно направление семантической эволюции фраземы *не мудрствуя лукаво*: она стала употребляться в значении ‘не размышляя слишком долго перед принятием решения и выбрав самый простой из всех возможных способов достижения цели’ (ср. близкое по значению выражение *недолго думая*). Первые примеры такого рода появились в 80-90 годах XIX в. В текстах с 1830 по 1900 гг. на 62 примера употребления фраземы *не мудрствуя лукаво* приходится 7 примеров, допускающих такое понимание. Из них абсолютно однозначными по своей интерпретации являются только следующие три ¹¹:

- (68) *Совесть погнала меня назад в N., и я, не мудрствуя лукаво, покалялся перед Кисочкой, вымолил у нее, как мальчишка, прощение и поплакал вместе с ней* (А. П. Чехов, 1888 г.);
 (69) *Не мудрствуя лукаво, баллотируйся-ка ты в гласные, а мы помаленьку да полегоньку проведем тебя в члены управы, а потом в товарищи головы* (А. П. Чехов, 1895 г.);
 (70) *Андрюше оставался заложенный дом с огромным гербом, но со ржавою крышей и тысяч тридцать денег, которые он и проживал, не мудрствуя лукаво, надеясь впоследствии поправить дела выгодною женитьбой* (Е. Шаврова, 1897 г.).

При этом интересно, что к концу XIX в. новое значение данной фраземы уже отражено словарями: ср. Большой толково-фразеологический словарь М. И. Михельсона (1896 г.), где данное выражение толковалось следующим образом: ‘*не долго думая да разбирая (как бы видя спасение в мешканье)*’; *Господа... к чему тут мудрствовать лукаво? Пришла беда отворяй ворота. Боборыкин. Перевал. 8, 39; Не мудрствуя лукаво, она передала управление (делами) пожилому немцу* [Михельсон 2004].

Какие семантические механизмы могли привести к переосмыслению выражения *не мудрствуя лукаво*, вследствие чего смысл ‘без многословных рассуждений на абстрактные темы’ трансформировался в смысл ‘не раз-

¹⁰ При этом данное выражение по традиции продолжало использоваться в контекстах, описывающих создание текста.

¹¹ Существенно, что во всех этих примерах *не мудрствуя* оценивается нейтрально.

мышляя слишком долго перед принятием решения и выбрав самый простой из всех возможных способов достижения цели»? Можно высказать следующие предположения. Во-первых, компонент ‘сложные многословные рассуждения’ закономерным образом преобразовался в компоненты ‘большая длительность’, ‘сложный способ достижения результата’. Во-вторых, как нам кажется, некоторое влияние на значение рассматриваемого выражения могли оказать сдвинутые употребления *мудрствовать 1*, в которых эта лексема имеет значение ‘предаваться ненужным размышлениям’; их влияние могло привести к сдвигу значения *не мудрствуя лукаво* в сторону ментального действия.

4. Употребление глагола *мудрствовать* и выражения *не мудрствуя лукаво* в XX в.

Изменение значения сочетания *не мудрствуя лукаво* неизбежно должно было сказаться на семантике глагола *мудрствовать*, входящего в его состав: значение последнего сдвигалось в сторону *мудрствовать 2*¹². Сначала это значение реализовалось только в рамках данной конструкции, но уже в начале XX в. глагол *мудрствовать* в описываемом значении получил возможность употребляться и вне её. Ср. следующие примеры:

- (71) *Созданный по плану гоголевского Собакевича, над которым природа долго не мудрствовала, а тянула топором, и ладно, кавалер этот был точно вырезан, вернее, вырублен из крепкого дерева* (Н. Теффи);
- (72) *В дни величайших катастроф, сдвигов, перестановок мировой мебели, он и, быть может, только он не испугался, не растерялся, даже не мудрствовал. (...) Выйдя навстречу толпе, он гаркнул простое, понятное «хлебище дайте жрать ржаной»* (И. Эренбург);
- (73) *Здесь их крестили, давали имя и фамилию, какая на ум придет, но, впрочем, не мудрствовали, а более называли по имени крестного отца* (В. Гиляровский).

Наличие таких примеров свидетельствует о том, что к началу XX в. уже сформировалась полноценная лексема *мудрствовать 2*.

Постепенно «удельный вес» *мудрствовать 2* увеличивался. В текстах с 1900 по 1930 г. соотношение *мудрствовать 2* и *мудрствовать 1* составляет

¹² На то, что новое значение *мудрствовать* возникло именно на основе выражения *не мудрствуя лукаво*, указывает тот факт, что все ранние примеры на *мудрствовать 2* (в 1880–1890-х гг.) фиксируются исключительно в этом сочетании, тогда как впоследствии данная лексема получила возможность изолированного употребления (хотя оно для нее до сих пор намного менее типично, чем употребление в конструкции *не мудрствуя лукаво*).

14/44, в текстах с 1930 по 1970 г. — 15/27. Наконец во 2-й половине XX века произошла «решающая схватка» между описываемыми лексемами: начиная с семидесятых годов количество употреблений *мудрствовать 2* неуклонно росло, пока они не заняли доминирующее положение, оттеснив *мудрствовать 1* на периферию. При этом последняя лексема практически перестала употребляться в сочетании с *лукаво*. Таким образом, выражение *не мудрствуя лукаво* получило в языке однозначную интерпретацию: ‘не размышляя слишком долго перед принятием решения и прибегая к самому простому из возможных способов достижения цели’.

Интересно, что оценка, выражаемая сочетанием *не мудрствуя лукаво* в указанном значении, со временем менялась. Если в конце XIX — начале XX в. преобладали примеры, в которых оно выражало скорее положительную, чем отрицательную оценку, то постепенно, по мере своего распространения, оно получило возможность выражать отрицательную оценку.

Однако процесс семантического развития фраземы *не мудрствуя лукаво* на этом не завершился. Под влиянием наречия *лукаво* у описываемого выражения в последние десятилетия сформировалось новое значение ‘Человек А1 говорит А2 прямо и откровенно, не пытаясь запутать адресата, зная что-то или умолчать о чем-то’. В текстах с 1970 по 2016 г. нам встретилось 9 «чистых» примеров такого рода. Ср.:

(74) *На людей незамысловатых грубость нередко производит впечатление искренности. «Этот человек не мудрствует лукаво, — он выливает наружу все, что думает»* (Н. Васецкий).

Описываемое значение особенно часто реализуется в контекстах, когда субъект, вопреки ожиданиям говорящего, честно отвечает на щекотливый вопрос, или, наоборот, прямо спрашивает о чем-то, пренебрегая требованиями деликатности:

(75) *«Надеюсь, ваше предложение без всякого интима?» — спросила я. «Именно со всяким, — не мудрствуя лукаво, ответила бабуля* (А. Каледин);

(76) *И в больнице, когда его спросили о причине травм, он, не мудрствуя лукаво, подробно рассказал, как, при каких обстоятельствах получил черепно-мозговую травму доставленный больной* (В. Пронин);

(77) *Так не лучше ли, не мудрствуя лукаво, откровенно признаться в истине?* (Б. Васильев);

(78) *Я с почтением взглянул на него: «Волосы» — прославленная лента! Жановский перевел разговор на что-то другое. Но Наташа, не мудрствуя лукаво, спросила: — А разве «Волосы» снимал не Милош Форман? Жановский не моргнув глазом ответил: — И он снимал* (Р. Нахапетов).

Таким образом, в каком-то смысле круг замкнулся: в конце XX в. у выражения *не мудрствуя лукаво* развилось значение, близкое к тому, которое

существовало в XIX в., когда это выражение было заимствовано из «Бориса Годунова», пока смысл 'не пытаюсь запутать адресата' не перестал вычленяться и это значение не трансформировалось в значение 'без многословных рассуждений на абстрактные темы'. Отличие современного значения от того, которое существовало в XIX в., состоит главным образом в том, что в XIX в. соответствующее значение чаще всего реализовалось, когда речь шла о порождении текста (под влиянием пушкинского крылатого выражения), тогда как в современном языке это значение обычно реализуется, когда речь идет о конкретном речевом акте.

Л и т е р а т у р а

Даль IV — В. И. Даль. Словарь живого великорусского языка. Т. IV. СПб.; М., 1882.

Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005 — Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.

Крылова 2017 — Т. В. Крылова. Горе от ума: оценка ума в русской языковой картине мира // Вопросы языкознания. 2017. № 4. С. 33–51.

Михельсон 2004 — М. И. Михельсон. Большой толково-фразеологический словарь Михельсона. ETS Publishing House, 2004.

РЭС 7 — А. Е. Аникин. Русский этимологический словарь. Вып. 7. М., 2013.

САР IV — Словарь Академии Российской 1789 — 1794. Т. IV. М., 2004.

СРЯ XI–XVII, 8 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 8. М., 1981.

Фасмер II — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. II. М., 1986.

Wierzbicka 1992 — A. Wierzbicka. Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. N. Y., Oxford, 1992.

Резюме

Статья посвящена истории выражения *не мудрствуя лукаво*. Наша задача состояла в том, чтобы изучить его происхождение и семантическую эволюцию в XIX–XX вв. Прежде всего, мы рассмотрели систему значений глагола *мудрствовать* и его синонима *умствовать* в современном языке и сопоставили ее с системой значений, представленной в текстах XIX в., а затем высказали ряд предположений относительно того, как сформировалась современная система многозначности. Анализ употребления *мудрствовать* в XIX — XX вв. показал, что семантическая эволюция этого глагола и формирование его системы значений тесно связаны с историей фраземы *не мудрствуя лукаво*. Принято считать, что последняя по своему происхождению представляет собой крылатое выражение, которое было введено в обращение А. С. Пушкиным в «Борисе Годунове». Проанализировав примеры из текстов XIX в., мы привели ряд аргументов, доказывающих эту версию. Затем мы высказали гипотезу относительно того, каким было значение этого выражения в тексте Пушкина и сравнили его с тем, которое восстанавливается для текстов кон-

ца XIX в. Наконец, мы рассмотрели, как изменилось значение выражения *не мудрствуя лукаво* в текстах XX в. и пришли к выводу, что одно из его современных значений близко к исходному значению, которое было представлено в XIX в.

Ключевые слова: семантика, лексикография, эволюция, полисемия.

Получено 27.04.2017

TATIANA V. KRYLOVA

**ON THE MEANING AND USE OF THE EXPRESSION
NE MUDRSTVOVAT' LUKAVO 'NOT SUBTLY REASONING'
AND WORDS *MUDRSTVOVAT'* AND *UMSTVOVAT'*
IN A DIACHRONIC PERSPECTIVE**

The paper deals with the history of the expression *ne mudrstvuja lukavo*. Our task was to consider its origin and to study its semantic evolution over two centuries. First, we compare the system of meanings of the verb *mudrstvovat'* and its synonym *umstvovat'* in the modern language and in the language of the 19th century and investigate how the modern system of meanings was formed. We have found that the usage of the verb *mudrstvovat'* is closely connected with the history of the idiomatic expression *ne mudrstvuja lukavo*. It has been generally believed that this expression was coined by Pushkin in "Boris Godunov". Analyzing examples from 19th century texts we draw a number of arguments confirming this hypothesis. Then we try to determine the original meaning of this expression in Pushkin's text and compare it with its meaning in late 19th-century texts. Finally, we examine the semantic evolution of this expression in 20th century texts and come to the conclusion that one of its modern meanings is close to the original meaning in the 19th century.

Keywords: semantics, lexicography, evolution, polysemy.

Received on 27.04.2017

Е. В. УРЫСОН

**СЛОВАРЬ VS. ТЕКСТ:
АКТАНТНАЯ СТРУКТУРА СОЮЗА *ХОТЯ****

1. Постановка задачи

Объект предлагаемой работы — уступительный союз *хотя* в его основном значении, ср.:

(1) *Хотя дул холодный ветер (P), Пете было тепло (Q).*

Задача работы — описать актантную структуру этого союза.

Союзу *хотя* посвящена обширная литература. В русистике этот союз описывался как в рамках традиционного, «академического» подхода [Богомолова 1955; Эстрина 1968; Гречишникова 1971; Печенкина 1976; Перфильева 1985; Теремова 1986], так и с точки зрения современной семантики [Николаева, Фужерон 1999; Падучева 2001; Апресян В. 2000а; 2000б; 2015]. На первый взгляд, актантная структура данного союза как будто не представляет интереса. Действительно, в центральном случае любой союз, соединяющий две клаузы в составе предложения, является предикатом с двумя актантами — один актант выражается клаузой, вводимой союзом, а другой — второй клаузой из данного предложения. Союз *хотя* в центральном случае является подчинительным союзом; один его актант — это вводимое им придаточное уступительное, а второй актант — главное предложение. Однако в подобных утверждениях речь идет о синтаксических актантах союза: союз *хотя* действительно является предикатом с двумя синтаксическими актантами. Что касается семантических актантов союза *хотя*, то вопрос об их количестве и соотношении с синтаксическим актантами далеко не очевиден. Он и будет обсуждаться в работе.

Мы начнем с экскурса в довольно близкую историю русской грамматики.

В [Грамматика-54] справедливо утверждается, что в случаях типа (1) *Хотя дул холодный ветер (P), Пете было тепло (Q)* придаточное с сою-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект № 16-18-02054).

зом *хотя* описывает препятствие для ситуации, представляемой в главном предложении. Действительно, ситуация ‘дует холодный ветер’ в норме препятствует ситуации ‘субъекту тепло’.

В современном виде описание союза *хотя*, предлагаемое в [Грамматика-54], переписывается так (с учетом некоторых теперь очевидных вещей, на которых мы не останавливаемся):

- (I) *Хотя* (P, Q) =
 ‘[a] имеет место ситуация P;
 [b, пресуппозиция] обычно ситуация типа P влияет на имеющееся положение дел; в результате если имеет место ситуация типа P, то не имеет место ситуация типа Q;
 [c] в данном случае имеет место ситуация Q’.

Следующий логический шаг, по сравнению с [Грамматика-54], был сделан в диссертации [Богомолова 1955]. А. В. Богомолова рассуждает так. Коль скоро ситуация, описываемая главным предложением (Q), все-таки имеет место, значит есть некая причина, превосходящая данное препятствие. Это иллюстрируется следующим примером (из М. Горького):

- (2) *И хотя он был красив (P)* [препятствие действию], *она оттолкнула его (Q)* [действие], *потому что боялась отца (R)* [причина, превосходящая препятствие].

Пример (1) вполне допускает подобную интерпретацию, ср. его возможное продолжение:

- (3) *Хотя дул холодный ветер (P)*, *Пете было тепло (Q)*, *потому что теперь на нем был свитер (R)*.

Подобный подход развивается в целом ряде более поздних работ ([Эстрина 1968; Гречишникова 1971; Печенкина 1976; Перфильева 1985; Термова 1986]).

Если значение уступительного союза *хотя* действительно складывается из этих трех компонентов, то в его толковании должны быть упомянуты три ситуации. Первая — это ключевая ситуация Q, описываемая главным предложением. Вторая ситуация (P) — это препятствие к существованию ключевой; она выражается уступительным придаточным. Наконец, третья ситуация (R) — это «причина, превосходящая препятствие» (или, иначе, «фактор, благоприятствующий ключевой ситуации Q»), которая описывается, возможно, за пределами данного сложноподчиненного предложения, в достаточно широком контексте. Иными словами, уступительный союз *хотя* является семантически трехместным предикатом.

В современном виде такое описание союза *хотя* представляется так:

- (II) *Хотя* (P, Q, R) =
 ‘[i] имеет место ситуация P;
 [ii] имеет место ситуация R;

- [iii, пресуппозиция] обычно ситуация типа Р влияет на имеющееся положение дел; в результате если имеет место ситуация типа Р, то не имеет место ситуация типа Q;
- [iv, пресуппозиция] обычно ситуация типа R влияет на имеющееся положение дел; в результате если имеет место ситуация типа R, то имеет место ситуация типа Q;
- [v] в данном случае ситуация R влияет на положение дел больше, чем ситуация типа P; в результате:
- [vi] имеет место ситуация Q'.

Комментарий: 'Ситуация Р влияет на данное положение дел' = 'ситуация Р может быть или является причиной или условием того, что данное положение дел изменится' \approx 'из-за ситуации Р положение дел изменяется или может измениться'.

На первый взгляд, приведенное выражение (II) не имеет отношения к семантике союза *хотя*: ситуация R («причина, превосходящая препятствие», или, иначе, «фактор, благоприятствующий ситуации Q») — это компонент нашего логического рассуждения о причинно-следственных связях, но никак не компонент значения союза *хотя*. Однако оказалось, что дело обстоит не так просто.

Перед тем как двигаться дальше, ранжируем семантические актанты союза *хотя* по важности, т. е. снабдим их номерами. У союза *хотя*, как и у многих других союзов, семантические актанты выражаются клаузами. Условимся, что первый ранг имеет тот актант союза, выражение которого вводится данным союзом. У союза *хотя* таким актантом является «ситуация-препятствие» Р — она выражается придаточным предложением, вводимым союзом. Тогда второй ранг приписывается актанту, выражаемому главным предложением Q; назовем этот актант «ключевой ситуацией». На долю кандидата в актанты — «благоприятного фактора» R, остается третий ранг.

(III) *Хотя* (P, Q, R)

- Р «ситуация-препятствие»: 1.
- Q «ключевая ситуация»: 2.
- R «благоприятный фактор»: 3.

Семантические актанты Р и Q союза *хотя* выражаются клаузами, синтаксически непосредственно связанными с этим союзом. Действительно, в соответствии с русской грамматической традицией, придаточное предложение (Р) подчиняется главному (Q). Тогда естественно принять, что союз *хотя* синтаксически зависит от главного предложения Q и при этом подчиняет себе придаточное Р. Что касается предполагаемого третьего семантического актанта R союза *хотя*, то его выражение, т. е. соответствующая синтаксическая группа или клауза, синтаксически не связано с самим союзом. В терминологии Е. В. Падучевой, подобный семантический актант «находится за кадром». В терминологии модели «СМЫСЛ — ТЕКСТ», такой

семантический актант называется «невыразимым». Подчеркнем, что такой «невыразимый» актант вполне может быть выражен в тексте, однако важно, что он синтаксически не связан со своим предикатом.

2. Актантная структура союза *но*

Теперь сделаем основной шаг в нашем рассуждении — привлечем иной материал, который поможет уяснить актантную структуру союза *хотя*. Сравним союз *хотя* с союзом *но*. Семантическая близость этих двух союзов очевидна. Она проявляется в том, что предложения с *хотя* всегда можно трансформировать в равнозначное ему предложение с *но*. Ср. (2) и (2а), (3) и (3а):

(2а) *Он был красив (P), но она оттолкнула его (Q), потому что боялась отца (R).*

(3а) *Дул холодный ветер (P), но Пете было тепло (Q), потому что теперь на нем был свитер (R).*

Одно из основных и очевидных различий между союзами *хотя* и *но* состоит в том, что они по-разному ранжируют свои актанты. Напомним, что по нашему соглашению первый ранг получает тот семантический актант союза, который выражается клаузой, вводимой этим союзом. Тогда актантную структуру союза *но* можно представить следующим образом:

(IV) *P, но Q*

P «ситуация-препятствие»: 2.

Q «ключевая ситуация»: 1.

Для примеров типа (2а) и (3а) вполне справедливо рассуждение А. В. Богомоловой о высказываниях с союзом *хотя*: ситуация Q существует вопреки препятствию P, потому что это препятствие «побеждено» благоприятным для ситуации Q фактором R. Тогда относительно союза *но* можно сделать то же предположение, что и относительно союза *хотя*. А именно, можно предположить, что союз *но* имеет три семантических актанта. Ср.

(V) *Но (P, Q, R):*

P «ситуация-препятствие».

Q «ключевая ситуация».

R «благоприятный фактор».

Казалось бы, мы вернулись к задаче, поставленной для союза *хотя*, и никак не продвинулись в ее решении. Но это не так. Легко показать, что союз *но* действительно является предикатом с тремя семантическими актантами.

Сравним следующие примеры:

- (4) *Дул холодный ветер (P), но Пете было тепло (Q).*
 (5) *Дул холодный ветер (P), но теперь на Пете был свитер (R).*

В обоих примерах первое сочиненное предложение выражает ситуацию P, которая является препятствием для существования ключевой ситуации Q. В примере (4) клауза, вводимая союзом *но*, выражает актант Q, т. е. ключевую ситуацию. В примере (5) дело обстоит иначе: здесь союз *но* вводит фактор R, благоприятный для ситуации Q. Подобные примеры подробно описаны В. З. Санниковым [1989]. Мы интерпретируем эти факты следующим образом [Урысон 2001; 2002; 2011].

В примере (5) не названа ключевая ситуация Q — она выражена в более широком контексте или подразумевается. Ср. возможное продолжение примера (5):

- (5а) *Дул холодный ветер (P), но теперь на Пете был свитер (R). Поэтому ему было тепло (Q).*

Структуру примера (6) можно обобщенно представить так:

- (VI) *P, но R.*

В соответствии с нашими соглашениями актанты союза *но* в данном случае ранжируются так:

- P «ситуация-препятствие»: 2.
 Q «ключевая ситуация»: 3.
 R «благоприятный фактор»: 1.

Итак, благоприятный фактор R в данном случае является актантом, к тому же первым, союза *но*, а ключевая ситуация Q, напротив, «уходит за кадр» и часто лишь подразумевается.

Естественно считать, что союз *но* в случаях (4) и (5) имеет одни и те же три семантических актанта, однако они ранжируются по-разному, ср. (V) и (VI). Таким образом, союз *но* в примере (5) — это конверсив союза *но* из примера (4). С лексикографической точки зрения перед нами две разные «единицы описания»; можно привести аргументы в пользу того, что это — два разных значения (две разные лексемы) союза *но*. Союз *но*, представленный в (4), называем «*но* ненормального следствия»; союз *но*, представленный в (5), называем «*но* противодействия» (эти названия предложены в книге [Санников 1989]).

Заметим, что обе выделенные лексемы (оба выделенных типа контекстов) союза *но* предполагают нарушенное ожидание: ожидалась ситуация не-Q. Так, и (4), и (5) индуцируют ожидание: 'Пете холодно', которое затем опровергается. Это ожидание является отрицанием пропозиции Q. Соответственно, оно легко выводится из высказывания типа (4), где актант Q выражен. Что касается контекстов типа (5), где актант Q не выражен, то здесь ожидаемую ситуацию не-Q приходится выводить из широкого контекста и

общего знания. Поэтому в высказываниях с «*но* противодействия» ощущается «скрытый эллипсис», отсутствие «смыслового звена» [Левин 1970: 79]. Ср.:

- (6) *Костюм тебе идет, но платье значительно дешевле. (Поэтому давай купим платье).*

Ср. также примеры из работы [Левин 1970: 79]:

- (7) *Очень рано задумал ты жениться, но твоя невеста мне нравится;*
 (8) *Берега Невы прекрасны, но я не лягушка и не охотник до болот*
 (Н. Карамзин).

Высказывания с «*но* противодействия» характерны для разговорной речи, диалогов. Ср.:

- (9) *Да, фильм, наверно, интересный, но я очень занята;*
 (10) *Темно, но у нас есть фонарь.*

Итак, союз *но* имеет три семантических актанта: «ключевая ситуация Q», «препятствие P для ключевой ситуации», «благоприятный фактор R для ключевой ситуации». Двум из них соответствуют синтаксические актанты союза *но*, а оставшийся актант «уходит за кадр». При этом союз *но* допускает преобразование диатезы, так что за кадр может уходить либо актант R, либо актант Q.

В свете описания союза *но* предположение, что союз *хотя* может быть семантически треактантным предикатом, уже не кажется абсолютно беспочвенным. Закономерность этой гипотезы подтверждается некоторым другим материалом.

3. Фразовые частицы *как-никак* и *все-таки*

Рассмотрим пример:

- (11) *За Катей ухаживают (Q). Как-никак дочка директора (R).*

Этот текст подразумевает ожидание, что ситуация Q не имеет места по какой-то известной говорящему и адресату причине P. Эта причина не названа — она подразумевается или известна из широкого контекста. Выражена и вводится частицей *как-никак* ситуация R, благоприятствующая тому, чтобы Q имела место. Таким образом, частица *как-никак* имеет те же три семантических актанта, что и союз *но*, но ранжирует их по-своему: R=1, Q=2, P=3.

Аналогичный пример с частицей *все-таки*:

- (12) *В институт его зачислили (Q). Все-таки герой последней войны (R).*

Как и в предыдущем случае, здесь выражено ожидание, что ситуация Q не должна была бы иметь место по какой-то причине P, известной говоря-

щему и адресату. Однако фактор R «побеждает» эту причину, и ситуация Q имеет место. Частица *все-таки* — синоним частицы *как-никак* и имеет ту же актантную структуру.

Аналогичным образом ведет себя и частица *все же*.

Тот факт, что данные частицы имеют три семантических актанта, описан Е. В. Падучевой [2001] и особенно В. Ю. Апресян [2000а; 2000б; 2015].

При этом *все-таки* допускает такое преобразование диатезы, при котором ранг ключевой ситуации Q повышается до первого — т. е. данная частица вводит уже ключевую ситуацию, а ранг благоприятного фактора R понижается до второго. Ср.

(13) *Все-таки в институт его зачислили (Q). Ведь он — герой последней войны (R).*

Тем самым, наличие трех семантических актантов у частицы *все-таки* получает вполне формальное подтверждение: в противном случае не удастся естественно и экономно описать различие в поведении частицы *все-таки* в примерах (13) и (14). Признание у частицы *все-таки* трех семантических актантов позволяет интерпретировать различие между (13) и (14) как мену ее диатезы¹.

4. Актантная структура союза *хотя*

Теперь предположение о том, что союз *хотя* обладает тремя семантическими актантами не только не кажется неожиданным, но представляется в высшей степени правдоподобным. Действительно, это основной уступительный союз русского языка, и было бы странным, если бы он не был трехактантным. Представим, как могли бы ранжироваться семантические актанты союза *хотя*, если бы их было три.

В разобранных выше случаях первый ранг имеет ситуация-препятствие P, а второй ранг — ключевая ситуация Q. Можно думать, что второй ранг мог бы иметь актант R — фактор, благоприятный для ситуации Q. Тогда актант Q (ключевая ситуация) мог бы подразумеваться, т. е. иметь третий ранг.

И действительно, такие примеры можно найти в НКРЯ:

(14) *Хотя мы шли быстро [по леднику] (P), кошки не давали скользить (R)* (И. Черепов).

Подразумеваемая ключевая ситуация Q — ‘мы не скользили’. Союз *хотя* вводит ситуацию-препятствие P, а главное предложение выражает благоприятный фактор R, «побеждающий» влияние ситуации P.

¹ Мы отвлекаемся сейчас от того факта, что если частица *все-таки* не вводит «благоприятный фактор R», то обычно он вводится частицей *ведь*, выражающей объяснение существования ключевой ситуации.

- (15) [*Хозяйка сказала, что комната освободится утром*]. *Хотя и не понравилась мне эта комната (P), другой не было, а дешевле не найти (R)* (А. Морозов).

Подразумеваемая ключевая ситуация Q — ‘я снял эту комнату’. Ситуация Q-препятствие P — ‘эта комната мне не понравилась’. Фактор R, преодолевающий препятствие, — ‘другой, такой же дешевой комнаты не было’.

- (16) [*Жена говорит мне: «Иоганн (а по-немецки я Иоганн потому, что) хотя я Иван (P), но там это слово не то что ругательное, а нехорошее, вроде как у нас Фриц»*] (Ю. Домбровский).

Ключевая ситуация Q — ‘жена называет меня Иоганном’. Ситуация P, препятствующая ключевой — ‘меня зовут Иваном’. Ситуация R, благоприятствующая ключевой, — ‘Иван у немцев нехорошее слово, как у нас Фриц’.

Пример (14) шероховат, но (15) и (16) кажутся безупречными. По-видимому, для такого употребления союза *хотя* требуются особые условия, особое распределение семантических акцентов в контексте. Действительно, следующий пример, по крайней мере, вне контекста, неприемлем (выражает прагматически крайне странный смысл):

- (17) **Хотя дул холодный ветер (P), на Пете был теплый свитер (R)*.

Между тем, высказывание (17) получено конверсным преобразованием из примера (3) и, казалось бы, ничем не отличается от вполне приемлемых (15) и (16).

Описанное употребление союза *хотя* не фиксируется в словарях. Можно думать, что перед нами — потенциальная лексема союза *хотя*: она «не дотягивает» до статуса лексемы, поскольку подобных контекстов слишком мало и, возможно, не все носители языка сочтут их приемлемыми. В подробном лексикографическом описании союза *хотя* этот случай может быть представлен как употребление лексемы (различие между «значением слова» и его «употреблением» описано в работе [Апресян 2001]).

Существование примеров типа (14)–(16) — основной аргумент в пользу того, что уступительный союз *хотя* имеет три семантических актанта. Действительно, эти примеры естественно описывать как результат мены диатезы союза *хотя* в его основном уступительном значении: в «рокировке» участвуют три актанта — один «уходит за кадр», а два других повышаются в ранге.

Отсюда не следует, что все другие уступительные единицы обязательно имеют три семантических актанта. Например, частица *тем не менее*, в целом близкая частице *все-таки*, имеет два семантических актанта [Урысон 2011].

Разумеется, трехактантные союзы и частицы — *хотя*, *но*, *все-таки* и т. п. — имеют не только сходства, но и различия. Тонкая семантика фразовых частиц *как-никак* и *все-таки* описана в работах [Апресян 2000а; 2000б]. Сравнение семантики союзов *хотя* и *но* содержится в работе [Урысон 2011].

Теоретически можно представить себе еще две семантически трехактантные лексемы союза *хотя*, конверсные его основной лексеме, т. е. случаю (1) *Хотя дул холодный ветер (P), Пете было тепло (Q)*.

Один такой конверсив вводил бы ключевую ситуацию Q, а главное предложение P обозначало бы ситуацию-препятствие P. Семантические актанты этой лексемы ранжировались бы так:

Q (ключевая ситуация) = 1.

P (ситуация-препятствие) = 2.

R (благоприятный фактор) = 0.

Такая лексема союза *хотя* действительно существует, ср. пример (18), где представлена основная лексема *хотя*, и пример (19), где представлен данный конверсив:

(18) *Хотя такие туманные летние дни хороши [ситуация-препятствие P], охотники их не любят [ключевая ситуация Q]*.

(19) *Хороши такие туманные летние дни [ситуация-препятствие P], хотя охотники их не любят [ключевая ситуация Q]* [И. С. Тургенев].

Другой теоретически представляемый конверсив основной лексемы *хотя* вводил бы благоприятный фактор R, а главное предложение выражало бы ситуацию-препятствие P. Семантические актанты этой лексемы ранжировались бы так:

R (благоприятный фактор) = 1.

P (ситуация-препятствие) = 2.

Q (ключевая ситуация) = 0.

Однако такая лексема нам не встретилась. Действительно, основная функция союза *хотя* — вводить ситуацию, препятствующую существованию ключевой ситуации, но никак не благоприятный фактор.

Литература

- Апресян 1974 — Ю. Д. А пр е с я н. Лексическая семантика. М., 1974.
- Апресян 2000 — Ю. Д. А пр е с я н. Лингвистическая терминология словаря // Ю. Д. А пр е с я н, О. Ю. Богуславская, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, Е. В. Урысон и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй выпуск / Под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. М., 2000. С. XVIII–XLV.
- Апресян 2001 — Ю. Д. А пр е с я н. Значение и употребление // Вопросы языкознания. 2001. № 4. С. 3–22.
- Апресян В. 2015 — В. Ю. А пр е с я н. Уступительность. М., 2015.
- Апресян В. 2000а — В. Ю. А пр е с я н. Словарная статья «ВСЕ-ТАКИ 1» // Ю. Д. А пр е с я н, О. Ю. Богуславская, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, Е. В. Урысон и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй выпуск / Под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. М., 2000. С. 38–44.

Апресян В. 2000б — В. Ю. А п р е с я н. Словарная статья «КАК-НИКАК 1» // Ю. Д. А п р е с я н, О. Ю. Б о г у с л а в с к а я, Т. В. К р ы л о в а, И. Б. Л е в о н т и н а, Е. В. У р ы с о н и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй выпуск / Под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. М., 2000. С. 163–165.

Богомолова 1955 — А. В. Б о г о м о л о в а. Уступительные конструкции с союзом *хотя* (*хоть*) в современном русском литературном языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1955.

Грамматика-54 — Грамматика русского языка. Т. 2. Синтаксис. Часть 1. М., 1954.

Гречишников 1971 — Р. М. Г р е ч и ш н и к о в а. Сложное предложение с фразеологизирующимися средствами выражения уступительных отношений в современном литературном русском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1971.

Кухаревич 1955 — Н. Е. К у х а р е в и ч. Сложноподчиненное предложение с уступительной придаточной частью в современном русском литературном языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1955.

Левин 1970 — Ю. И. Л е в и н. Об одной группе союзов русского языка // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 13. М., 1970. С. 64–88.

Николаева, Фужерон 1999 — Т. М. Н и к о л а е в а, И. Ф у ж е р о н. Некоторые наблюдения над семантикой и статусом сложных предложений с уступительными союзами // ВЯ. 1999. № 1. С. 17–36.

Падучева 1998 — Е. В. П а д у ч е в а. Коммуникативное выделение на уровне синтаксиса и семантики // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998. С. 82–107.

Падучева 2001 — Е. В. П а д у ч е в а. Модальность сквозь призму дейксиса // Традиционное и новое в русской грамматике. Сборник статей памяти В. А. Белошапковой. М., 2001. С. 184–197.

Перфильева 1985 — Н. П. П е р ф и л ь е в а. Синтаксический статус уступительно-противительных конструкций (в сопоставлении с адверсативными конструкциями) // Структурно-функциональный анализ языковых единиц. Иркутск, 1985. С. 50–60.

Печенкина 1976 — Т. Г. П е ч е н к и н а. Синтаксическая категория уступительности и формы ее выражения в русском литературном языке второй половины XIX века. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1976.

Санников 1989 — В. З. С а н н и к о в. Русские сочинительные конструкции: семантика, прагматика, синтаксис. М., 1989.

Теремова 1986 — Р. М. Т е р е м о в а. Семантика уступительности и ее выражение в современном русском языке. Л., 1986.

Урысон 2001 — Е. В. У р ы с о н. Союз *ЕСЛИ* и семантические примитивы // ВЯ. № 4. С. 45–65.

Урысон 2002 — Е. В. У р ы с о н. Союз *ХОТЯ* сквозь призму семантических примитивов // ВЯ. 2002. № 6. С. 35–54.

Урысон 2011 — Е. В. У р ы с о н. Опыт описания семантики союзов. М., 2011.

Храковский 1999 — В. С. Х р а к о в с к и й. Универсальные уступительные конструкции // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 103–122.

Эстрина 1968 — Л. С. Э с т р и н а. Уступительные конструкции, формируемые местоименными словами с частицей НИ в современном русском литературном языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Орел, 1968.

E. König 1988 — E. K ö n i g. Concessive connectives and concessive sentences: cross-linguistic regularities and pragmatic principles // Explaining language universals / Ed. by J. A. Hawkins. Oxford, 1988. P. 145–166.

Резюме

Статья посвящена основному русскому уступительному союзу *хотя*. Продемонстрировано, что он имеет три семантических актанта. Аргументация базируется на анализе ранее не привлекавшихся к рассмотрению высказываний с *хотя*, специфику которых естественно интерпретировать как результат мены диатезы данного союза. Эта мена диатезы не представлена массовым материалом, а потому не отражается в лексикографических описаниях союза *хотя*. Актантная структура союза *хотя* сравнивается с актантной структурой союза *но*; рассматривается также актантная структура частиц *как-никак все-таки*.

Ключевые слова: уступительные союзы, союз *хотя*, союз *но*, семантический актант, синтаксический актант, мена диатезы, конверсив.

Получено 26.04.2017

ELENA V. URYSON

SEMANTIC ACTANTS OF THE RUSSIAN CONCESSIVE CONJUNCTION *KHOTJA* 'THOUGH' (LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION VS. REAL TEXTS)

The subject of the paper is the main Russian concessive conjunction *khotja* 'though'. I show that this conjunction has three semantic actants. Two of them are obvious: these are "the key situation" (expressed by the main clause), and "the obstacle for the key situation" (expressed by the subordinate clause). The third actant is "the cause for the key situation". Indeed, if the key situation exists in spite of the obstacle then there is a reason for this situation which is stronger than the obstacle. The cause is usually presupposed. Moreover, this cause is likely to be part of our common knowledge of the world but not an element of the meaning of the conjunction *khotja*. The point is that some utterances containing *khotja* demonstrate a change in its diathesis: the subordinate clause denotes "the obstacle for the key situation", the main clause expresses "the cause for the key situation", while "the key situation" is presupposed. Such utterances are not frequent (that is why they are ignored in grammars and dictionaries), but they are quite normal. The conjunction *no* 'but' and some concessive particles (*kak-nikak*, *vsio-taki* 'still') have the same three actants. Problems of lexicographic description of the word *khotja* 'though' are discussed.

Keywords: concessive conjunctions, the conjunction *khotia* 'though', the conjunction *no* 'but', semantic actant, syntactic actant, change of diathesis, conversion.

Received on 26.04.2017

М. В. ТУРИЛОВА

**РУССКАЯ ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА
В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ «БЕЗУМИЕ»***

Понятие безумия привлекает внимание исследователей: его изучение позволяет реконструировать представления о человеке, отраженные в языке. Лингвистические характеристики лексики, выражающей указанные значения, рассматриваются в статьях В. А. Плунгяна, Е. В. Рахилиной [Плунгян, Рахилина 1993], О. П. Ермаковой [2003], Л. В. Маркеловой [2014], монографии Е. В. Урысон [2003]. Сопоставление лексики различных языков проводится в работах В. Б. Ширшикова [2005; 2016], Е. Е. Стефанского [2007]. Этимологический анализ диалектной лексики со значением потери рассудка выполнен М. К. Амелиной [2008], Е. Л. Березович [2007], Ж. Ж. Варбот [2012], А. Ф. Журавлевым [2006; 2013], В. А. Меркуловой [1972; 1975; 1989], Т. В. Леонтьевой [2007], Д. Н. Лоскутовой [2010], С. А. Мельниковой [2012], Л. С. Нечаевой [2014], С. М. Толстой [2008], М. В. Туриловой [2010], М. В. Ясинской [2013] и др. Терминология психических расстройств в русских юридических памятниках XI–XIX вв. проанализирована в статье Н. А. Гречишкиной [2013]. Культурологические аспекты исследования концепта «БЕЗУМИЕ» представлены в работах С. В. Голяк [2016], А. Д. Железновского [2016].

В данной статье проанализирована лексика русских диалектов. Целью исследования является определение мотивационной структуры диалектной зоны лексико-семантического поля БЕЗУМИЕ в русском языке. Мотивационные модели развития названных значений, выделенные на основе «прозрачной» лексики, позволили реконструировать представления о потере рассудка. Полученные данные предоставили возможность этимологизировать некоторые «темные» лексемы.

Типы первичной мотивации объединены в более крупные блоки на основе единства образов, лежащих в основе переходов. Выделенные модели

* Хочу поблагодарить за замечания и ценные идеи Ж. Ж. Варбот, Е. Л. Березович, Т. В. Горячеву, О. В. Кукушкину, Л. В. Куркину, Т. В. Леонтьеву, А. В. Подсонова.

показали, что причины потери рассудка связываются как со свойствами ума, так и с качествами человека в целом. Некоторые модели включают в себя лексику двух типов. Ниже представлены модели, характеризующие человека в целом, вторая группа моделей будет представлена в другой публикации.

1. Пространственные представления и отступление от нормы

Семантика движения продуктивна. Семантический переход ‘(быстро) сдвинуться в сторону, с (правильного) места’ → ‘сойти с ума’ представлен карел. *скачнۇться* [СКар. 6: 108], мурман. *скренۇться* (север. *скренۇть* ‘сдвинуть, стронуть’, петерб. *скренۇться* ‘уйти, удалиться’) [СРНГ 38: 132], смол. *повихнۇться* [ССГ 8: 95], арх. *пошатнۇться* ‘повредиться умом’ [СРНГ 31: 25], дон. *рۇхнۇться* [СРНГ 35: 275], перм., курск. *рыхнۇться* [Там же: 323], *ряхнۇться*, ряз., пск., арх., груз. гов., омск., урал. *рехۇться* ‘терять рассудок, сходить с ума’, *рехнۇть* безл. ‘сделать безумным’ [Там же: 79–80], твер. *срехнۇться* [СРНГ 40: 324]. В современном языке эти глаголы употребляются без дополнения *ума*, *умом* и характеризуют действия, свойства человека в целом. Фасмер указывает на родство *рехнۇться* с болг. *рехам се* ‘брожу’ [Фасмер III: 477]. Ж. Ж. Варбот поддерживает это сопоставление, приводя в качестве доказательства русск. диал. *ряхнۇться* ‘тронуться, сойти с места’ (*лёд ряхнулся*) [Даль IV: 126] и относя болгарскую лексему и русск. *рушить*, *рохлый*, *рухлый*, *рыхлый* к праслав. **ръх-* ‘сдвигать, разрушать’, как и редкий вариант глагола *рехнۇться* — курск. *рыхнۇться* ‘сойти с ума’ [Там же: 119] с огласовкой корня в ступени удлинения редукции и вят. *порушиться* с тем же значением. Согласно этой версии, вокализм ступени редукции **ръх-* вторичен и появляется из **ръх-*, вторична и структура *решۇться* [Варбот 2012: 216]. Таким образом, значение ‘помешанный’ развивается на основе семантики ‘сдвинуться’, ср. новг., калуж. бран. *лататуй* ‘недоумок, дурачок’ и вост.-закам. *лататáхнутъ* ‘стремительно убежать’, смол. *лататой* ‘быстроногий, резвый’ [СРНГ 16: 287].

Вероятно, этот семантический переход лежит в основе южн., курск., свердл. *сгүзди́ть* ‘потерять рассудок’ [СРНГ 37: 21], которое можно считать свертыванием выражения **сойти с гүзду* при *гүзд* ‘память, разум’.

Перм. *стюшить*, тамб., тул., пенз. *стюшиться* ‘потерять рассудок’ [СРНГ 42: 121–122], тамб. *отюшиться* ‘обезуметь’ [СРНГ 25: 18] тоже, вероятно, связаны с обозначением движения в сторону (ср. влад. *стюхтитъ* ‘съесть что-л. без спроса’, т. е. *стащить*, волхов. *тюшечка*, *тюшка* ‘берестяной поплавок на рыболовной сети’, смол. *тюхать* ‘медленно, не торопясь идти, ехать’, ‘быстро пробежать куда-л.’ [СРНГ 46: 48]), как и семантика буйного поведения (тамб. *стюшиться* ‘потеряв контроль над собой, начать поступать не так, как следует’, дон. ‘сильно рассердиться, разбушеваться’).

Диал. *натрónуться* ‘потерять рассудок’ тоже должно быть отнесено к модели ‘сдвинуться в сторону, с (правильного) места’ → ‘сойти с ума’ (ср. прост. *трónуться головой*, ряз., урал. *трóгаться умóm*, карел. *с умóm трónуться*, волог., карел. *умкá трónуться* ‘стать психически ненормальным, повредиться в уме’ [СРНГ 45: 104–105]). В современном русском языке словом *трónутый* называют человека со странностями, не в себе, ср. *трónуться* (тж. *умóm, рассúдом, в умé, рассúдке*) совр. разг. ‘стать психически ненормальным, повредиться в уме’ [ССРЛЯ XV: 987], диал. *трóгаться* ‘приходить в ненормальное, болезненное состояние’, волог. *нёрвы трóгаются* при олон., волог., арх., карел., волог. *трóгаться* ‘подвигнуться’ [СРНГ 45: 104].

При этом *трónутый* — семантическая калька франц. *toqué* ‘помешанный’ от фр. *toquer* ‘легко ударить, дотронуться’ (отмечается в 1878 г.) [Арапова 2000: 242]. За пределами литературного языка, вне сознания носителя языка, владеющего, наряду с русским, французским языком, первичная мотивация ‘дотронуться’ утрачивается. Что примечательно, мотивационная модель ‘дотронуться’ → ‘причинить вред, вызвать болезнь’ в русских диалектах существует, ср. *трónуть* карел. ‘поразить человека, животного (о болезни)’ (на это указывают контексты употребления слова: «Паралич ее тронул, пока козу доила, а во вторник померла», *вётёр трóнет* карел. ‘о простуде’, «Устю-то тронул, не двигается и замешиваться стала»), безл. карел. *трóнуло, родíмец трóгает* карел. ‘о припадках эпилепсии’, тамб. *трónут* ‘испорчен глазом, колдовством’ при смол. *трóгаться на кого-л.* ‘вредить, наводить порчу на кого-л.’ [СРНГ 45: 105].

Вероятно, к модели ‘сдвинуться, склониться’ → ‘потерять рассудок’ относится новг. *крянúть* неперех. ‘обнаружить признаки умопомешательства (о человеке)’ («Он крянúвши») при новг. *крянúть, кренúть* ‘сдвинуть(ся)’ [СРНГ 15: 368–369].

Вариантом ее является переход ‘упасть, свалиться’ → ‘сходить с ума’: разг. *с умá свалíлся*, волог. *тúнкнуться* ‘сойти с ума’ при первом значении ‘упасть, свалиться’ [СРНГ 45: 251], симб. *обрóсить себя* ‘сойти с ума’ при первом значении глагола ‘упасть’ в том же говоре [СРНГ 22: 198], урал. *сбрóсить* ‘сходить с ума’ [СРНГ 36: 185].

Диал. *сбéдрить* ‘спятить’ [Даль IV: 140] с учетом значений костром., перм. ‘оробеть, отступить от чего-л.’, *сбéдриться* ‘передумать, отступить, оробев, отказаться от ч.-л.’, урал. ‘украсть, стянуть, стащить’ [СРНГ 36: 167] можно считать результатом метатезы согласных исходного влад. *сбéрдить*, свердл. *сбéрдить* с *умá* ‘сойти с ума, помешаться’, ср. другие значения лексемы: терск. ‘сместить, отстранить от должности, работы кого-л.’, яросл., волог., пск., твер., нижегор., влад., тул., орл., тамб., пенз., сарат., оренб., якут., урал. ‘струсить, испугаться, сбежать, улизнуть от чего-л.’ [Там же: 169].

Глагол *сбéрдить* (урал. *сбердúть с умá* ‘сойти с ума, потерять рассудок’ [СРНГ V: 111]) образован от *бердúть* (нижегор., пенз., симб., тамб.,

перм. ‘не надеяться на свои силы; трусить, уступать’, пск. ‘терять смелость, присутствие духа’), а тот, в свою очередь, от *бёрдо* «принадлежность ткацкого стана; род гребня, для приборя утока, для чего каждая нить основы продета в набор или зубья *берда*, вложенного в набилки» [Даль I: 82]. Такое значение глагола Даль объясняет следующим образом: «*Бердить* — подавшись вперед, пятиться, откачиваться назад, как *бердо*; пятиться от слова или дела» [Там же: 82], указывая на метафорическое представление нерешительности, промедления в деле в образе качающегося туда-сюда *берда* – детали ткацкого стана (модель ‘колебаться, отклониться, сдвинуться с нужного места’). Можно, впрочем, предположить переход ‘соскочить’ → ‘сойти с ума’, ср. также разг. *соскакивать с резьбы*, *соскочить с катушек*, диал. *соскочить с ума*, *с ума прыгнуть*, *спрыгнуть с курка* (Грибоедов).

Древней является мотивационная модель ‘терять путь, сбиваться с пути’ → ‘сходить с ума’, ср. смол. *блуд* ‘временное помрачение сознания, при котором человек теряет ориентир, плутает’ [ССГ 1: 192], диал. *колобрóда* ‘душевнобольной, помешанный’ при первом значении ‘тот, кто блуждает, сбившись с дороги’, *колобрóдить* ‘быть безумным, сумасшедшим’ [СРНГ 14: 146-147].

Названная модель связана с семантикой ‘ошибиться’: по последней развивается свое значение, к примеру, терск. *обмишу́литься* ‘лишиться рассудка, сойти с ума’ при нижегор., влад., самар., дон., калуж., свердл., урал., брян., курск., орл., смол., сиб. ‘обманываться, ошибаться, промахиваться’ [СРНГ 22: 130].

Еще одна группа моделей связана с представлениями о быстром, беспорядочном, запутывающем движении, кручении, верчении под враждебным воздействием нечистой силы (*вихрь*, *кру́ча*, *кру́тух* диал. ‘вихрь’, ‘нечистая сила’, *лихой кру́тит*, *лихо кру́жит*, *вертя́чка* ‘болезнь’). «Непрямое» поведение, повторяющиеся действия, движение по кругу наделяются негативными коннотациями [СД III: 13].

Активная модель ‘кружить(ся), крутить(ся)’ → ‘сходить с ума’ представлена дериватами этимологических гнезд **(s)kręg-* ‘кружить, вертеть’ (диал. карел. *кружéной*, *кружéный* ‘странный, ненормальный’ [СКар. 3: 34], терск. *кру́женный* ‘сумасшедший, бешеный’ [СРНГ 15: 311], твер. *кружнóй* ‘дурной, полоумный’ [Там же: 312], *круговóй* ‘шалльной, безрассудный, безумный’ [Даль II: 201], прибайк., иркут. *кружáлый* ‘полоумный’ [СРНГ 15: 308], сиб., колым. *окружáть* ‘одуреть, утратить память и сознание’, краснояр. ‘потерять разум’ при прикам. ‘закружиться (о голове)’, арх. безл. *окружéло* ‘потерять память, сознание’ [СРНГ 23: 166], *скружéться* камч., иван.-вознес. ‘сойти с ума, лишиться рассудка’ [СРНГ 38: 155], ворон. *круговóй* ‘помешанный’ при калуж, вят., куйбыш. ‘наполненный суетой, сбивающий с толку, головокружительный’, ‘больной вертячкой’ [СРНГ 15: 304], нижегор. *круговéня нашлá* ‘обезумел’ при твер. *круговéня* ‘кружной, обходной путь’ [Там же: 303]), **vřtěti* ‘вертеть’ (карел. *пере-*

вернуться ‘сойти с ума’ [СКар. 4: 433]), **krqt-* (смол. *закрут* ‘умопомешательство, сумасшествие’, *закрут тебя возьми* бран. [СРНГ 10: 167–168]).

Образ движения, соединенный с идеей *з а п у т ы в а н и я*, лежит в основе значений лексем *бунтоваться* латв. говоры ‘терять рассудок; чувствовать головокружение’, смол. *побунтовать* ‘помутиться, утратить ясность (о сознании, памяти)’ [СРНГ 27: 209], смол. *забунтовать* ‘сбить с толку’, ‘перепутать, смешать’ [СРНГ 9: 282], смол. *забунтоваться* ‘помешаться, сойти с ума’ [Там же: 282] при сиб. *бунт* ‘связка беличьих шкурок в определенное количество штук’, урал. *бунтовать* ‘путаться, спутываться (о нитках основы во время тканья)’, пск. *бунтовать* ‘взбалтывать, мешать, мутить’, смол. *бунтаніна* ‘беспорядок, путаница’ [СРНГ 3: 277].

Семантический переход ‘*мешать(ся), смешивать(ся), путать(ся)*’ → ‘*лишать рассудка*’ представлен дериватами гнезда **měšati*: карел. *мешаный* ‘психически больной, помешанный’, урал., карел. *мешательство* [СРГСУ II: 131; СКар. 3: 237], карел. *замешаться, замешательство* [СКар. 2: 157], новг., ворон., омск., кемер., иркут. *мешаться, помешаться* [СРНГ 18: 148], тул. *помешать* ‘сильно испугать кого-л., сделать психически ненормальным’ [СРНГ 29: 211], смол. *помешка* ‘помешательство, сумасшествие’ [Там же: 211], перм. *смешанный* [Перм. сл. 2: 357], яросл. *измешаться* ‘сойти с ума’ [СРНГ 12: 145], киров. *тихомешательство* ‘тихое помешательство’ [СРНГ 44: 145].

С близкими представлениями (‘*мутить, волновать*’ (о человеке) → ‘*лишать рассудка*’) связана семантика вят., киров. *помутиться* ‘сойти с ума’ [СРНГ 29: 233], урал. *смутиться* [СРНГ 39: 68], урал. *побаламутшной* [СРГСУ IV: 37; СРНГ 27: 185], карел. *баламутный* ‘психически ненормальный’ [СКар. 1: 34; СРНГ 2: 71–72], пск., твер., влад., калуж. ‘полоумный, придурковатый’ [СРНГ 2: 72], брян. *баламут* ‘дурак, полоумный’ [Там же: 71], *обаламутиться* пск., твер. ‘ошибиться, будучи не в себе, в душевном расстройстве’ [СРНГ 21: 345]. Последние лексемы образованы от *баламутить* ‘мутить, болтать, волновать, беспокоить, возмущать’ [Даль I: 41], пск., твер., орл. ‘мешать какому-л. делу’ и др. [СРНГ 2: 71] из праслав. **balamotiti*, сложения звукоподр. **bal(a)-* (в *балáкать* диал. ‘беседовать, болтать, калякать’ [Даль I: 41], пск. ‘разговаривать’ [ПОС 1: 99], арх. ‘говорить хорошо, толково, правильно (о грамотных людях)’, костр., барнаул. ‘говорить непонятно, неразборчиво’ [СРНГ 2: 70], *балагурить* прост. ‘шутить, острить, болтать’ [Там же: 69]) [Аникин 2: 117–119] и второй частью из **motiti* (к *мутить, омут*) [Там же: 121–123]. Таким образом, первичная семантика слова *баламутить*, на основе которой развивается значение сумасшествия, — это буквально ‘волновать, беспокоить, возмущать словом, разговорами’. Она изначально относится в сфере обозначений душевных состояний человека. Ворон. *оболуматиться* ‘прийти в неистовство, обезуметь’ [СРНГ 22: 169], вероятно, является результатом метатезы гласных предыдущей лексемы.

В терских говорах слово *забурунный* означает ‘бестолковый, с придурью’ [СРНГ 9: 284] и характеризует буйное, ненормальное поведение (ср. дон.

‘буйный’, ‘спорящий, вздорный’). Предполагаемая его производность от слова *бурун* ‘волна’ позволяет отнести его к мотивационной модели ‘покрываться волнами (о море)’ → ‘буйный’ → ‘с придурью, сумасшедший’ (ср. *волноваться* (о море и о человеке), свердл. *баруздить* ‘бредить, разговаривать во сне’ при пск. ‘о водной поверхности — быть беспокойной, покрываться рябью, небольшими волнами’ [СРНГ 2: 121]).

К модели ‘быстро, беспорядочно передвигаться’ → ‘сойти с ума’ относятся твер., тамб. *ошатеть* ‘ошалеть, обезуметь’, ряз., калуж. *ошатунеть* безл. ‘ошалеть; обеспамятить, обезумить’ [СРНГ 25: 81].

2. «Количественное» понимание безумия

Моделей, описывающих человека в целом, в этом разделе значительно меньше, чем тех, что характеризуют ум, рассудок как некий объект, имеющий определенный объем или количество.

Сумасшествие связывается с нехваткой, неполнотой, ср. ряз. *нехватун* ‘о состоянии психической неполноценности’ [СРНГ 21: 201], новосиб. *иметь недохват* ‘быть не в своем уме’, иркут., ряз. *недохватки* ‘психическая ненормальность’ [СРНГ 21: 35], перм., свердл., урал. *несовсемина* ‘о человеке со странностями’. Сюда же относятся многочисленные выражения с глаголом *не хватает* и синонимичными ему: иркут. *до рубля семь гривен не хватает* ‘о психически ненормальном или очень ограниченном человеке’ [СРНГ 37: 158], том. *маленько не совсем* ‘о ненормальном, помешанном человеке’ [СРНГ 17: 323], *не вовсе до конца* донск. ‘не в полном рассудке, не в здравом уме’ [СРНГ 14: 254]. Ср. др.-русс., русск.-цслав. *цъльи* ‘здоровый’, в том числе ‘имеющий здравый рассудок’: др.-русс., русск.-цслав. *цъльи* ‘здравый, ясный, светлый (о рассудке)’, др.-русс. *цъльимъ умомъ* ‘в полном разуме’ (формула при составлении заветаний) [Срезневский III: 1456].

При этом урал. *нехваткой*, свердл. *нехваткий* ‘психически ненормальный’ [СРГСУ II: 208] при разг. *хваткий, на лету схватывает* ‘о сообразительном, ловком человеке’ могут быть отнесены к модели ‘глупый, непонятливый, неловкий’ → ‘сумасшедший’.

Вероятно, компонент значения ‘чересчур много ума’ лежит в основе семантики ‘сойти с ума’ образного выражения сиб. *поперхнуться умом*, диал. *доумствовался до безумия* [Даль IV: 496], урал. *умоваться* [СРГСУ VI: 128], диал. *умовать* (в южнославянских языках продолжения праслав. **итовати* означают в том числе ‘мудрить, умничать’).

3. Представления о «качествах» сумасшедшего

Модель ‘не соответствующий норме, не свой’ → ‘сумасшедший’ представлена тул. *неправильный* bran. ‘с ненормальной пси-

хикой, слабоумный' [СРНГ 21: 124], *невормальный* 'ненормальный, больной' [СРНГ 20: 358] из *ненормальный* разг. 'психически больной', карел. *не в ладáх (быть)* 'потерять рассудок, помешаться', тобол. *трачений* 'страдающий нервным расстройством, истеричный вследствие порчи' [СРНГ 45: 17]. Сюда же, вероятно, можно отнести пск., смол. *врóдовать* 'юродствовать, блажить, безобразничать', 'юродствовать' [СРНГ 5: 194], предполагая его производность от *урóдивый, юрóдивый* (< 'тот, кто не в род, отличается от своих'), и эвфемизм *несамостоятельный* урал. 'потерявший разум, помешавшийся' [СРНГ 21: 148].

С представлениями о помрачении рассудка в старости связан семантический переход 'старый' → 'сумасшедший, потерявший рассудок': смол. *в́йнсеть* 'состариться, потерять разум от старости' [СРНГ 5: 335], смол. *в́йстариться* 'потерять от старости разум' при первом значении смол., пск. 'состариться' [СРНГ 6: 31], арх. *дрéвний, дрéвний* 'потерявший способность соображать от старости', арх., смол. *древить* 'бредить' [СРНГ 8: 180], смол. *задревить* 'начать бредить, забредить' [СРНГ 10: 67], арх. *дикáрь* 'поглупевший от старости, глупый человек', арх., пск. 'глупый, сумасшедший человек' [СРНГ 8: 55].

В основе семантики арх. *посолóнный* 'ненормальный' [СРНГ 30: 195] (от «движущийся *пóсолонь*», по ходу солнца) тоже лежат представления об отклонении от нормы (ср. словоупотребление *корова посолóнная* 'корова, которая ходит отдельно от стада'). Модель конкретизируется как 'еретический' ('старообрядческий') → 'сумасшедший', поскольку после никоновской реформы и унификации обрядов по греческим образцам *пóсолонь* совершали крестные ходы только старообрядцы. Мотивация 'посоленный' от *соль* менее вероятна, и вариант *посолённый* со значением 'глупый, непонятливый', следует считать результатом народной этимологии исходного *посолóнный*: в архангельских говорах распространена характеристика явлений и предметов «по солнцу», ср. арх. *посолóнное дéрево* 'дерево с искривленным на солнечную сторону стволом', арх. *посолоновать* 'идти стайей, косяком через Белое море к Терскому берегу (о сельди)' [Там же].

По активной модели 'сломаться' → 'сойти с ума' развивается семантика казач. *поломáться* 'потерять рассудок', вят. *пору́шиться* [Там же: 110], ряз. *похитический* 'психически неуравновешенный, больной' (с учетом нижегор. *похититься* 'прийти в негодность, попортиться, поломаться') [Там же: 347].

Влад. *посшибáться* 'сойти с ума', формально соответствуя модели 'получить удар, удариться' → 'лишаться рассудка', вероятно, реализует семантический переход 'сломаться' → 'лишиться рассудка' (ряз. *посшибáться* 'поломаться' [Там же: 254]).

Сохраняются лексемы, имеющие в своей основе представление о сумасшествии как о темноте, помрачении. К ним относятся образования этимологических гнезд **тъта* (волог. *тёмьне* 'временное помрачение сознания, полубомрок' [СРНГ 44: 23], арх. *тёмный человек*

‘психически нездоровый человек’ [СРНГ 44: 32]) и **mьrk-/mork-* (вят. *помрачѣнье* ‘потеря рассудка, сумасшествие’ при первом значении ‘затмение солнца, луны’ [СРНГ 29: 231], *помрачѣтель, помрачѣтельница, помрачѣник* ‘помраченный умом’ [Даль III: 275], дон. *омрачѣться* ‘сойти с ума’ [СРНГ 23: 205], брян., орл. *омра́к* ‘помрачение рассудка’ [Там же: 205], *па́морки* ‘невменяемость’ [ССГ 8: 11], смол. *па́морки напали, па́морок заше́л* ‘началось помрачение ума’, *па́морок во́дит* ‘о потере способности думать’. В последнем случае субъект враждебного воздействия (*па́морки, моро́ка*) персонифицируется. Для группы слов с корнем *морок-/мороч-* при определении типа мотивации, наряду с идеей темноты, следует учитывать современное значение глагола *морочѣться* ‘запутываться, в том числе в мыслях, обманываться’ (смол. *поморочѣться* ‘утратить ясность сознания, рассудка’ [ССГ 8: 169], пск., смол. *моро́ка* ‘обморок, припадок, омрачение ума’ [СРНГ 18: 273], сиб. *мо́рок* ‘что-л. помрачающее рассудок’, костр. ‘помрачение рассудка, припадок’, яросл. *мо́рок* ‘припадок’ [Там же: 273], смол., орл. *морочѣться* ‘терять рассудок, ум’ [Там же: 276]).

Вероятно, к модели ‘темнеть’ относятся пск., твер., смол., говоры Акмолинской области Казахстана *очмуревать* ‘терять соображение’, смол., пск. ‘сходить с ума’, пск. *очму́рить* ‘одурить, обморочить’, смол., пск. *очму́рѣлый* ‘одуревший’, производные от *чмур* ‘мрак, туман’ [СРНГ 25: 70].

По модели ‘мельтешить, мерещиться’ → ‘терять рассудок’ развивается семантика сиб. *ма́як* ‘человек, молчаливый и ничего не понимающий’ (при новг. *ма́ячиться* ‘болеть, быть нездоровым’, курск., том. *ма́ячиться* ‘мерещиться, казаться’, польск. *tajak* ‘бредовое видение’) [СРНГ 16: 61], перм., свердл. *блaзьнь* ‘галлюцинация’, урал. *блaзьнь нашла на кого* [СРНГ 3: 15].

С понятием ущербности, неполноты, пустоты связана группа гнезд, лексика которых входит в поле «БЕЗУМИЕ». Этимологически некоторые лексемы обозначают каритивность [Толстая 2008], т. е. отсутствие или нехватку существенного признака. Оппозиция «полный – пустой» является важной составляющей славянской картины мира: полнота связывается с добром, богатством, счастьем, жизнью, пустота – со злом, бедностью, несчастьем, смертью [СД IV: 145]. Словами со значением ‘пустой’ называется нечистая сила (смол. *лихач* ‘нечистая сила, черт, леший’, смол., брян., калуж. ‘болезнь эпилепсия’ [СРНГ 17: 75], полес. *пустэ* ‘зло, нечистая сила’) [СД IV: 146].

Большинство лексем, впрочем, развивает семантику или подвергается ремотивации по актуальным моделям. Так, в гнезде **lixъ(jь)* ‘остаток/избыток’ новг. *полиши́ться* [НОС VIII: 88], мордов. говоры *лиши́ться умом*, с учетом пск., твер. *заши́еть* ‘сделаться сильнее, тяжелее (о болезни)’, смол. *заши́еть на се́рдце* безл. ‘заболеть (о сердце)’, вероятно, мотивированы диал. *ли́хо* ‘худо, дурно (о болезненном состоянии)’ или ‘нечто плохое, опасное, беда’ [СРНГ 10: 211], ср. блр. *лі́ха* ‘эпи-

лепсия, падухая болезнь'. Однако др.-русск. *лишеникъ* 'безумец', совр. лит. *умалишённый* 'психически ненормальный, душевнобольной, сумасшедший', *лиши́ться ума́, ра́зума, рассу́дка* 'сойти с ума, стать безумным' представляют мотивационные модели 'нехватка (ума)' → 'потеря рассудка' и 'утрачивать (ум)' → 'сходить с ума'. Некоторые слова этого гнезда в других славянских языках обозначают ущербность, поврежденность: на основе этого значения (болг. диал. *лихо* 'о глиняном сосуде: шероховато, с щербинами') развивается семантика сумасшествия: болг. *ли́хо* 'ненормальный, слабоумный человек', *лиху́ть* 'слабоумный человек' [Силина 1977].

Слова с корнем *дур-* 'безрассудство, глупость' в современном языке образуют самостоятельное словообразовательное гнездо. Лексика с этим корнем, обозначающая сумасшествие, относится к модели 'глупый, неразумный' → 'сумасшедший': свердл. *дур* 'дурь, дурачество, блажь, сумасбродство', иркут., якут. 'бешенство, сумасшествие' [СРНГ 8: 262], сев.-двин. *дурить* 'сходить с ума, сумасшествовать' [Там же: 266], тамб., вят., сев.-двин., тобол., смол., хаб., волог. *дурной* 'сумасшедший, бешеный, ненормальный' [Там же: 270; Вологод. 114], яросл. *дуровать* 'сходить с ума, быть ненормальным, сумасшедшим' [СРНГ 8: 271], пск. *дуростный* 'бешеный, сумасшедший' [Там же: 272], том., енис., волог. *дурь* 'сумасшествие, помешательство, бешенство' [Там же: 273], влад. *подуруй* 'полусумасшедший человек' [СРНГ 28: 229], пск. *издуреть* 'лишиться рассудка' [ПОС 13: 229], пск., твер., перм. *вздуреть* 'одуреть, взбеситься, сойти с ума' [СРНГ 4: 261], новг., вят., прииртыш. *задуреть* 'одуреть' [СРНГ 10: 72], диал. *одуреть* 'стать безумным; впасть в беспамятство, в бессознательное состояние', курск., смол., пск. 'навести одурь, помешательство, лишить рассудка, сознания, одурманить' [СРНГ 23: 68], курск., смол., зап.-брян., пск. *одуривать* 'наводить на кого-либо одурь, помешательство, лишать рассудка, сознания' [Там же: 68], приоб. *сдуреть* 'лишиться рассудка' [ССП 121], *дуром дуреть* [СПрибайк. 1: 107], урал. *сдуреться*, сев.-двин. *сдуривать*, тамб., самар., симб., вят., свердл., урал. *сдури́ться* 'сойти с ума, лишиться рассудка', лит., латв., эст. говоры *сдурнеть*, яросл. *сдуровать* [СРНГ 37: 87–88], урал. *придурошной* 'сумасшедший, бешеный' [СРГСУ IV: 125]).

По этимологии, представляющейся достаточно убедительной, прасл. **durь(jь)* является одной из форм вторичного (ложного) апофонического ряда, образованного праславянским глаголом **dъrati* 'рвать' на базе нейтрализации редуцированных. Аргументами в пользу этой версии являются семантические параллели с другими этимологическими гнездами (**šal-*, **pust-* и др.) и пример из старорусского памятника XV в., в котором значение слова *дурьи* определяется как 'с дуплом, пустотой внутри' (о дереве). Таким образом, прилагательное **durь(jь)* означает 'пустой' и переносно 'глупый'. В основу развития семантики праславянского прилагательного легла мотивационная модель 'дырявый, с пустотой внутри' →

‘глупый, потерявший рассудок’. Утрата прилагательного **durь(jь)* и семантический отрыв ветви гнезда с корнем **dur-* (ср. лит. *dūrti* ‘колоть, жалить, ударить’) от исходного **der-* привели к затемнению этимологических связей [Меркулова 1972: 151–152].

Корневую морфему уральск. *ошутѣть* ‘сойти с ума’, вероятно, можно отождествить с праслав. **šut-* ‘дырявый, пустой’, реконструируя производящую лексему как **шутый*. Праслав. **šutь(jь)* – субстантивированное причастие с исходным значением ‘пустой, дырявый’ (версия Р. Якобсона, предполагающего первичность значения ‘пустой’ и ссылающегося на некоторые лексемы гнезда, например, болг. *шутка* ‘vulva’ [Фасмер IV: 492]; Г. П. Цыганенко реконструирует и.-е. праформу как **kseut-/ *ksout-* ‘обрубленный’ с корнем **kes-/ *kos-* ‘колоть, ударять’, ‘отламывать’ [Цыганенко: 495–496]). Обе версии позволяют выделить в качестве мотивирующего признак каритивности, в данном случае – отсутствия полноты, цельности, что подтверждают этнолингвистические материалы.

На Урале распространены легенды о *шутах* и *шутовках*: так называют проклятых родителями мужчин и женщин («во плоти», но «не полных людей»), а также чертей и русалок, жен и дочерей чертей (см., например, «Очерк быта Уральских казаков» писателя-этнографа И. И. Железнова, очерк «Уральский казак» В. И. Даля, известную работу Д. К. Зеленина о заложных покойниках). Таким образом, уральск. *ошутѣть* ‘сойти с ума’ значит ‘стать *шутым*’, последнее (тж. *шут*) отсылает к легендам о чёрте и проклятых.

Другой пример модели ‘пустой, дырявый’ → ‘глупый, сумасшедший’ — яросл. *поломан* ‘глуповатый, придурковатый человек’ (морфонетическое преобразование праслав. **polmę* с **pol-* ‘полый, пустой’ и суф. *-mę* [Варбот 2012: 61]), ср. диал. пинеж., арх. *ошутѣть* ‘иссякнуть (о силе, здоровье)’.

Лексико-семантические поля «БЕЗУМИЕ» и «НЕЧИСТАЯ СИЛА» пересекаются в семантических зонах ‘пустой’, ‘шалльной, бешеный’ и др. Лексемы с семантикой сумасшествия или их производные эвфемистически обозначают беса — **dikъ*, **ledъ*, **lixъ*, **pust-*, **šutъ* (прост. бран. *ляд* ‘бес’, арх. *дикоман* ‘дурак’, ‘шалльной, беспутный человек’ (праслав. **dikmę*), курск., волог., тобол. *лихоман* ‘дьявол, черт; неприятный человек, злодей’ (праслав. **lixmę*). Примером обратного семантического перехода (‘нечистая сила’ → ‘сумасшедший’) является пск., твер. *лѣший* ‘сумасшедший’.

В современном языке семантика дериватов праславянских гнезд **glumъ* и **glupъ* связывается со злой насмешкой, шуткой, издевательством [СРНГ 6: 210] и глупостью, которые представляются возможной причиной потери рассудка (арх. *оглупѣть* ‘лишиться рассудка, сойти с ума’ [СРНГ 22: 320]). Этимологически праслав. **glumъ* и **glupъ* (ср. арх. *заглупя́ть* ‘сойти с ума’ [СРНГ 10: 7]) – суффиксальные образования на базе усеченного **gluxъ* [ЭССЯ VI: 147–148]; значима семантика каритивности, признак ‘не способный воспринимать, закрытый

к восприятию» [Wojtyła-Świerzowska 1991; Толстая 2008]. Ср. *глумить* ‘беситься’, влад. *глумиться* ‘сходить с ума, терять ясность сознания’ [СРНГ 6: 210], влад. *поглумиться* ‘выжить из ума’ [СРНГ 27: 293], *глум* латв. гов. ‘сумасбродство, блажь, дурь’, *глум нашёл*, *глумной стал* ‘о помрачении рассудка’ [СРНГ 6: 209], влад. *глумливый* ‘ненормальный, умственно неполноценный’, калуж. *глумной* ‘выживший из ума’ (о стариках) [СРНГ 2: 211], брян. ‘выживший из ума’ [СБрян. 4: 22], яросл. *глумушка* ‘человек со странностями, умственно неполноценный человек’ [СРНГ 2: 212], пск., твер. *глумянный* ‘глуповатый, придурковатый, с придурью’, влад., яросл. ‘исступленный, необузданный’ [Там же: 212], яросл. *заглум* ‘человек со странностями; умственно неполноценный человек’ [СРНГ 10: 6], орл., курск., пск., смол., твер. *оглуметь*, курск., новг. *оглумнеть* ‘перестать соображать’, новосиб. ‘стать умственно неполноценным’, зап.-брян. *оглумить* ‘сильным ударом по голове лишить сознания рассудка; оглоушить; лишить способности соображать (шумом, криком, слишком длительным разговором)’, пск., твер. *оглумиться* ‘одуреть, ошалеть’, твер. ‘лишиться рассудка’ [СРНГ 22: 320], курск. *приглумнеть* ‘одуреть, ошалеть’ [СРНГ 31: 159].

Модель ‘не имеющий или потерявший способность чувствовать’ → ‘сумасшедший’ представлена вариантами: ‘не чувствовать’ (пск., арх. *очунеть* ‘потерять соображение, одуреть’ [СРНГ 25: 72] от *čiti* [ЭССЯ XXIV: 114]), ‘ослепнуть’ → ‘сойти с ума’ (смол. *ослепение* ‘ослепление, помрачение рассудка’ [СРНГ 24: 22], ср. урал. *осовъть* ‘одуреть, прийти в беспамятство, впасть в полубоморок’, ‘ослепнуть’ от *совá* [ЭССЯ XXX: 16]), перм. *тишинá* ‘нервный припадок’ [СРНГ 44: 149].

Семантический переход ‘неподвижный, окаменелый’ → ‘сумасшедший’ представлен вят., костр., пенз., перм. *остаметь* ‘потерять способность соображать’, приобск. ‘обезуметь’ (при влад., новг., костром., волог., Киров., олон., вост. ‘утратить чувствительность, гибкость, онеметь (от усталости, болезни), окоченеть (от холода, после смерти)’, нижегор., яросл., новг., волог., олон., Киров., вят., пенз., сарат., симб. ‘стать неподвижным от испуга, изумления, остолбенеть, оцепенеть’, краснояр. *остометь* ‘потерять чувствительность’ из праслав. **stamь* ‘нечто стоящее’ от **stati*) [СРНГ 24: 56; Фасмер III: 744–745; ЭССЯ XXX: 28–29]. Вероятно, к ней относится и волог. *окочурить* безл. ‘о потере рассудка’ при тул., костр. *окочуриться* ‘лишиться чувств, свалиться (от угара, болезни)’, диал. ‘затвердевать’, *кочёра* ‘суковатый ствол’ [Фасмер II: 358–359; ЭССЯ XXVII: 127] и *огуреть* арх. ‘ошалеть, одуреть; остолбенеть’ при другом значении в тех же говорах ‘успокоиться, перестать биться (о рыбе)’ [СРНГ 22: 364].

Психически больного человека могут назвать словом, обозначающим неполноценность значимого качества, прямо не связанного с рассудком человека: ср. *недоступ* волог. ‘человек, не вполне нормальный психически’ при яросл. *недоступ*, иркут. *недоступ* ‘качество лошади с коротким шагом, медленным ходом’ [СРНГ 21: 33].

4. Понимание безумия как болезни, слабости

Модель ‘больной’ → ‘сумасшедший’ представлена смол. *néduž* ‘потеря сознания’, твер., ряз. ‘болезнь, сопровождаемая припадками’ [ЭССЯ XXIV: 125–126], арх. *нерв* ‘нервное заболевание’, калуж. *нёрвенная* ‘нервное расстройство’ [СРНГ 21: 142]. Гнездо корня *псих-* активно пополняется экспрессивными суффиксальными дериватами: урал. *пси́ха* ‘психопатка, истеричка’, том. ‘психиатрическая больница’, горно-алт., перм., смол. *психова́тый*, Киров. *психозный*, дон. *психоза*, горно-алт. *психу́ша*, том. *психоводный*, смол. *психоподлый* ‘ненормальный, психически больной человек’ [СРНГ 33: 99].

Метафорическое гиперболизированное «уточнение» болезни лежит в основе пск., твер. *счуметь* ‘потерять соображение, одуреть, очуметь’ [СРНГ 43: 95], новг. *очуметься* ‘очуметь, ошалеть’, симб. *очумиться* ‘очуметь, ошалеть’ [СРНГ 25: 72]. Вероятно, к этой модели относится олон. *ошáветь* ‘осоветь, одуреть; ошалеть, потерять память’, ‘сойти с ума’ [Там же: 76], учитывая новг., пск., твер., олон. *пошáва*, тихвин. *пошóва* ‘эпидемия’ от *шáвать* ‘красться’ [Фасмер III: 349].

Семантический переход ‘плохой, слабый, немощный’ → ‘потеря рассудка’ представлен пск. *ледáщий*, *лядáщий* ‘шалевой, бешеный’ из ‘плохой, дурной, негодный’, одесск. *спóртиться* ‘сойти с ума, потерять разум’ [СРНГ 40: 233], перм. *гúрший* ‘дряхлый, немощный, слабо-сильный телом и умом’ [СРНГ 6: 175].

Семантика диал. *чамреть*, *чамра́*, *чемра́ идёт (стоит)*, безл. *чамрít* ‘терять рассудок’, *чамарóшной* ‘дикий, шалевой, психически неуравновешенный, ненормальный’ (**čamrěti* ‘слабеть, чахнуть’ от экспрессивного префикса **ča* + **mrěti* ‘умирать’) [ЭССЯ IV: 16] тоже развивается по модели ‘слабеть, чахнуть’ → ‘терять рассудок’, как и диал. *малахóльный* ‘помешанный’ [СРНГ 17: 319], восходящее к переосмысленному под влиянием лексем типа *малоумный* праслав. **mloxolь* (ср. сербохорв. *mlahav* ‘слабый’, *mlahaviti* ‘делать слабым’, *mlakav* ‘вялый, слабый’, из и.-е. **ml-āk-* ‘мягкий’), производному от **mel-/ml-* ‘молот, измельчать’ [Куркина 1978: 23–25; ЭССЯ XIX: 63–64]). От праслав. **mloxolь* образованы также дон. *малахтáрный* ‘дурной, глупый’, дон. *малахтáрь* ‘дурак, глупец’ [СРНГ 17: 319]. Вероятно, сюда же (в варианте ‘слабый, вялый’) относится орл. *малеть* ‘шалеть, глупеть’ [Там же: 324], родственное *млеть*, из праслав. **тъд(ь)лěti* ‘слабеть’ [ЭССЯ 20: 207–208].

В пермских говорах есть слово *бестóшный* со значением ‘неумелый, бестолковый; ненормальный’ [СРНГ 2: 281]. Вероятно, его можно считать родственным арх. *бэ́стóчная*, *бэ́стóчня* ‘добывание морского зверя, застигнутого на прибрежных льдах и отрезанного от воды’, арх. *бэ́стóчь* ‘место на прибрежных льдах, где бьют морского зверя, отрезав ему путь к воде’ [Там же] от *течь*. Как можно предположить, в пермских говорах

в основе характеристики человека лежит метафора: человек сравнивается с беспомощным морским животным, отрезанным от воды (модель 'беспомощный, слабой' → 'сумасшедший'); менее вероятен семантический переход 'бестолковая, неумелая работа' → 'сумасшедший', потому что подобный промысел требует большой ловкости (впрочем, такое впечатление может сложиться у «стороннего» человека, ведь производное значение зафиксировано не в архангельском, а в пермском говоре).

Думается, что представления о болезненном состоянии, дурноте лежат в основе семантического развития лексемы *запáриться* твер., влад., костром., олон., урал. 'сказать или сделать что-либо бессмысленное, одуреть' [СРНГ 10: 303].

В ряде случаев негативная оценка характеризует и ум, и самого человека. По версии Ф. Миклошича, Э. Бернекера, Ю. Покорного, Э. Френкеля, поддерживаемой недавним исследованием Л. П. Дроновой, к модели 'слабой, плохой' → 'сумасшедший' относится группа слов с корнем *благ-/блаж-* и значением 'помешательство': это смол., подмоск. *благóй* 'умственно неполноценный, слабоумный' (при смол. *блáгой* 'черт') [СРНГ 2: 306-308; Подмоск. 1: 42], *блажь* 'дурь, юродство, временное помешательство, сумасбродство, бред' [Даль I: 233; СРНГ 2: 312-313], *блажéть* вят., волог. 'сходить с ума, становиться блажным' [СРНГ 2: 311], *блажéть* бран. сиб., вят., арх., олон., новг., пенз., перм., том., краснояр., якут, волог., пск. 'вести себя ненормально, сходить с ума' [ССиб. 1: 70], 'кликушествовать', арх. 'бредить' [СРНГ 2: 311], *сблажáть* том., кемер., *сблажéть* пск., твер., *сблажéть* волог., том., сев.-двин. 'сойти с ума, потерять душевное равновесие' [СРНГ 36: 176-177], *поблажéть* пск., твер. 'потерять способность соображать, повести себя ненормально' [СРНГ 27: 196], новг., урал. *блажнiк* 'человек с причудами, сумасшедший' [НОС I: 58; СРГСУ I: 45], новг. *блажнóй* 'умственно отсталый' [НОС I: 58], урал. 'странный, помешанный' [СРГСУ I: 45], сиб. пренебр. 'психически неустойчивый' [ССиб. 1: 70], волог., арх., олон., вят. 'отличающийся умственной неполноценностью, ведущий себя не совсем нормально, придурковатый' [СРНГ 2: 311], *блажнiться, нашлá, взошлá блажь на кого-то*, уральск. *заблажiться* 'начать дурить, сумасбродничать (о человеке)' [СРНГ 9: 258], пск., твер. *ублажéнный* 'бешеный, шальной', *ублажéть* 'ошалеть, одуреть', *ублаженный* арх. 'помешанный, сумасшедший' [СРНГ 46: 127], брян. *благóумный* 'сумасшедший' [СБрян. 4: 33; СРНГ 2: 309], *благун, благунья* вят., *благуня* 'малоумный человек, дурачок' [Там же: 309-310], *взблагóвать* и *взблагóваться* костром. 'сойти с ума' [СРНГ 4: 240]. Эти слова признаются относящимися к гнезду **blag-* 'плохой, слабый' (и.-е. **bh(e)lāg-* 'слабый, плохой, негодный', к которому восходят также лат. *flaccus* 'вялый, слабый', греч. *βλάξ* 'вялый, расслабленный', ст.-лит. *blagnas* 'негодный, злой, плохой', лит. *blōgas* 'плохой, слабый', лтш. *blāgs* 'слабый, плохой, злой'), в отличие от праслав. **bolg-* 'добрый, хороший' (и.-е. *bhel(e)g-*) [Дронова 2006: 59].

В пользу этого свидетельствует также тот факт, что в древнерусском языке слово *благой* 'плохой' существовало раньше слов *блажённый* и *благой* со значениями 'взбалмошный, капризный, злой' [Порохова 1968: 186–187]. Образования с корнями *благ-*, *блаж-* в отрицательнооценочных значениях есть только в восточнославянских языках. След мордовско-балтийских контактов (заимствование лит. *blõgas* 'плохой', *blogybë* 'зло' в мордовской «коровайной песне», отсылающей к основному индоевропейскому мифу, в качестве характеристики 'злой, сердитый' мордовского бога грома *Purgíne-pas*) показывает хронологическую глубину рус. диал. *благой* 'плохой' и позволяет развести его с *благой* 'хороший', отклонив энантио-семию или табуистическое обозначение отрицательного качества словом с первичным значением 'хороший, сладкий' [Дронова 2006: 72].

Пск., твер. *оплошеть* 'стать дряхлым, хилым, никуда не годным, одуреть, помешаться' [ЭССЯ 28: 229], вероятно, развивает семантику потери рассудка на основе значения 'плохой', а волог. *исполóшить* 'в суеверных представлениях – повредить чье-либо здоровье, психику колдовством, заговором; испортить' при яросл., волог., костром. 'испугать, всполошить' можно считать результатом контаминации лексем с корнем *плох-/плош-* 'плохой' и *исполóшить* 'всполюшить' с корнем **polx-* 'страх' [СРНГ 12: 238].

Модель 'отравиться' → 'лишиться рассудка' представлена рост. *объётся бесилой/бесюки/бесила* 'обезуметь, объётся белены' [СРНГ 2: 267-268; 22: 275], пск., смол. *озялёнье* 'помутнение, помрачение сознания' [СРНГ 23: 103] при смол. *озелить* 'околдовывать знахарским зельем', 'оглушать, одурманивать (криком, шумом, болтовней)' и смол. *озёл* 'колдовство, чародейство', 'утомление от шума' [Там же: 88], *взбелениться* пск. 'одуреть, ошалеть', волог. 'с ума свести' [СРНГ 4: 239], калуж. *забелениться* 'взбелениться, прийти в крайнее раздражение; взбеситься' [СРНГ 9: 251], краснодар. *сбелениться* 'сойти с ума' (при влад., ульян., краснояр., сиб. 'взбеситься') [СРНГ 36: 168], пенз., нижегор., ряз., калуж. *омёжный/амёжный* 'сумасбродный, сумасшедший' (к *омёг*, *омёжная трава* 'вех, цикута; болиголов') [СРНГ 23: 198–199], ряз. *омяжный* 'бешеный, сумасбродный' [Там же: 212].

Модель 'ядовитое растение' → 'помрачение, потеря рассудка' иллюстрируется вят., сиб., камч. *мухомор* 'о том, кто находится в состоянии опьянения, в одурманенном состоянии' при первом значении 'ядовитый гриб' [ЭССЯ XX: 175–176]. Обратное направление развития значения представлено пск. *бешанец* 'ядовитое растение белена черная' при первом значении 'шалльной, сумасбродный человек' [СРНГ 2: 286].

К модели 'опьянеть' → 'сойти с ума' относится пенз. *алянчик нашёл* 'недоумение, забытье, беспамятство' [СРНГ 1: 248] при *аланец* 'непоседа', офенск. твер. *аланя, оланя, алáха* 'пиво, брага' [Там же: 231].

5. Мотив внешнего воздействия

Большая группа продуктивных моделей объединяется представлениями о внешнем воздействии как причине потери рассудка. Продуктивен в диалектах семантический переход 'ударить' → 'лишить рассудка'. Вероятно, любое страдательное причастие от глагола со значением 'ударить' может употребляться в значении 'сумасшедший': *удáряться* ряз. 'внезапно потерять сознание, лишиться рассудка', 'сойти с ума', одесск. 'упасть в обморок' [СРНГ 46: 279], симб. *наши́бло, наши́баёт* 'о временных приступах, припадках помешательства' [СРНГ 20: 297], урал. *пéхнутый* [СРГСУ IV: 25]; урал. *тра́хнуться* [СРГСУ VI: 101], карел. *страхну́ться* 'лишиться рассудка' [СКар. 6: 358]; карел. *встрéпанный* [СКар. 1: 248]; урал., хаб., прибайк. *трéхнуться*, хаб., прибайк. *трéхнутый* [СРГСУ VI: 104; СПриамур. 300; СПрибайк. 4: 76], якут. *стрехну́ться* 'сойти с ума' [СРНГ 41: 334], прибайк. *тряхану́ться* [СПрибайк. 4: 76], амур., волог., краснаяр. *тряхну́ться* [СПриамур. 303; СРНГ 45: 202], карел. *стрéхивать* [СКар. 6: 370], прибайк. *стрéх головы* [СПрибайк. 4: 47]; хабар., яросл. *трéкнутый* 'психически больной, сумасшедший' [СРНГ 45: 27], краснаяр., хабар., алт., яросл. *трéкнуться* 'сойти с ума' [Там же: 25], новосиб., бурят. *тряхону́ться* 'сойти с ума, стать психически ненормальным' [Там же: 203], волог. *тряхну́ть* безл. 'поразить сумасшествием' [Там же: 201], якут. *стряхну́ться* [СРНГ 42: 71], волог. *ту́нкнуться* 'сойти с ума, помешаться' [СРНГ 45: 251], новг. *сту́кнутый пýльным мешкóм, кúриком* [НОС X: 172], диал. *оглу́здить* 'приводить в беспамятство нравственным или физическим ударом' от диал. *глу́здить* 'бить, колотить', производного от *глу́зд* 'мозг, рассудок' ('уда- рить (по голове)' → 'лишить рассудка') [ЭССЯ 26: 211].

Сюда же относятся олон., арх. *ошеломило* безл. 'обезумило' при первом значении 'сильным ударом привести в состояние одурения, обалдения' [СРНГ 25: 84], арх. *содору* 'с помутненным сознанием, помешавшись', 'сгоряча' (также *содори*) [СРНГ 39: 213], производное от *одор (одорь)* 'состояние гнева, потеря самообладания' (гнездо **der-*), олон. *бритнуть* 'ошеломить, поставить в тупик' при первом значении 'быстро срезать, срубить' [СРНГ 3: 182], вят. *зашибáет пáмьят* безл. 'отшибает, отбивает память', арх. неперех. *зашибáет* безл. 'впадать в помешательство' [СРНГ 11: 188], арх., волог., олон., костр., новг. *обтурить, отурить, вят. оту- риться* безл. 'одурманить, лишить памяти, сознания', забайк. 'сделать бес- толковым, непонятливым, забитым', вят. 'прийти в замешательство, смя- тение, потерять чувство реального' (при волог. 'ударить') [СРНГ 24: 348]; а также производные продолжения праслав. **tlmīti* (волог., пенз., вят., сиб. *толмить, тольмить* 'твердить, долбить', смол. *отлүмленный* 'оглу- шенный' [Фасмер IV: 72]): смол., пск. *отлүмить* 'лишить возможности ясно мыслить, соображать; запутывать, сбивать с толку, одурачивать', смол. *отлүмиться* 'лишиться возможности ясно мыслить, соображать; прихо- дить в замешательство', смол. *отлүмлэние* 'упомощение' [СРНГ 24:

231–232], смол. *затлуміть* ‘сбить с толку’, смол. *затлумливаться* ‘сбиваться с толку’ [СРНГ 11: 95]. Вероятно, по модели ‘бить, ударять’ → ‘лишать рассудка’ идет семантическое развитие курск., калуж., ряз., тул., твер. *оголѣть* ‘ошалеть, одуреть’ [СРНГ 22: 337] при ряз. *голтáть* ‘бить’, вят. *оболучѣть* ‘одуреть’ [Там же: 169] при *лучіть* *‘бить, ударять’ (свердл. *лучить* ‘глушить рыбу’ [СРНГ 17: 211], *лучáть* смол. ‘целиться, метить’ [СРНГ 17: 209]).

Сохраняются представления о нечистой силе, одержимости и подобных явлениях, отражающиеся во внутренней форме лексем и в их употреблении в безличных конструкциях. Весьма «широкая» по конкретным реализациям модель ‘нападать, надвигаться’ → ‘сводить с ума’ представлена иркут. *находит* ‘о периодическом проявлении приступов ненормального психического состояния, помешательства’ [ЭССЯ XXII: 84], ряз. *наѣзживый* [СРНГ 19: 263], ряз. *накáточный* ‘страдающий припадками’ [СРНГ 19: 310], *напáдок* ‘припадок, приступ болезни’ (Даль) [СРНГ 20: 60], яросл. *наряшійть* (*наряшило на кого-либо*) ‘нашло на кого-либо (о психическом состоянии человека, сопровождающемся странными, нелепыми выходками)’ [Там же: 147], новг. *напу́щенный* ‘в суеверных представлениях – падающая и истерические припадки от порчи’ [Там же: 114].

Сумасшествие представляется следствием о б м а н а: ср. диал. *луд* стар. ‘безумный, глупый, шальной’ при *лудіть* ‘обманывать, мошенничать’ [Даль II: 271], являющееся восточнославянской параллелью к южнославянским лексемам с тем же значением (болг. *луд*, сербохорв. *луд*, *луда*, словен. *lúd*, *lúda* ‘сумасшедший, слабоумный, глупый’ вместе с чеш. *lud* ‘дурак’). Славянские лексемы продолжают заимствованное на праславянском этапе гот. *liuts* ‘лицемерный, ханжеский’, *liutai* мн. ‘фигляры, мошенники’ [Фасмер II: 528].

К этой модели относятся диал. *манá* ‘обман чувств, отуманение рассудка, блажь, дурь, то, что прельщает, блазнит’ от *маніть* ‘обманывать’, ‘чудиться’, *ман* новг. ‘лжец’, ‘нечистый дух, живущий в бане под каменкой и на колокольне’, волог. *манно́й* ‘безумный, потерявший способность соображать, на кого *мана находит*’ [СРНГ 17: 363]. Этимологически **мана* производно от **манъ*, а то, в свою очередь, от **mati* < и.-е. **mā-* ‘махать рукой, кивать украдкой’, ‘морочить кого-л., обманывать’; **маньль(ь)* является дериватом **maniti* от **manoti* ← **mati* [ЭССЯ XVII: 200–203]. Вероятно, тот же корень имеет волог. *маньшійть* ‘сумасбродствовать’, ‘чудиться, казаться, мерещиться’ [СРНГ 17: 366].

Основой развития значения сумасшествия может становиться обобщенная семантика ‘о б м а н ы в а т ь, н а с м е х а т ь с я, и з д е в а т ь с я’: волгоград. *згáльный* ‘взбалмошный, чудаковатый, сумасшедший’ при тамб. ‘говорящий вздор, обманывающий, лживый’ [СРНГ 11: 227], ряз. *сгáльный* ‘взбалмошный, неуравновешенный, сумасшедший’ при свердл. *сгáльство* ‘озорство, злая насмешка, шутка’ [СРНГ 37: 12], олонек. *гáлиться* ‘насмехаться’ [Фасмер I: 387]. Слова других этимологических гнезд с иной

первичной мотивацией (**glum-*, **šut-*) развивают семантику потери рассудка по этой продуктивной модели.

Мотивационная модель ‘вредить, портить (наводить порчу)’ → ‘лишать рассудка’ лежит в основе семантического развития волог., вят., орл., ворон., сарат., урал. *пóрченый* ‘страдающий нервным расстройством, истеричный, припадочный, ненормальный, психически больной’, волог. ‘кликуша’ [СРНГ 30: 115], урал. *попóрченый* ‘лишенный рассудка, душевнобольной’ [СРНГ 29: 336], ворон., тул., южн. *кази́ться* ‘сходить с ума, терять рассудок’ (при *кази́ть* ‘портить’) [СРНГ 12: 320], смол. *скази́ться* ‘лишиться рассудка’ [ССГ 10: 16], *вскази́ться* курск. ‘сойти с ума, взбеситься’ [СРНГ 5: 199], карел., кубан., южн., зап., смол., забайк. *скажённый* [СРНГ 37: 363], *ка́женка, ка́женец* [Даль II: 74], *кажённый, кажёный* орл., тул. ‘сумасшедший’ [СРНГ 12: 305], *ка́жен(н)ик* диал. ‘психически ненормальный человек (особенно о меланхоликах, истеричных, больных эпилепсией)’, ‘идиот, чудак’ [Там же: 304], *наса́живать* арх. ‘в суеверных представлениях – насылать, напускать порчу, икоту’ [СРНГ 20: 150], тобол., енис., иркут., сев.-двин. *врежённый* ‘умственно ненормальный, глупый, сумасшедший’ [СРНГ 5: 190].

В вологодских, новгородских говорах зафиксирована лексема *о́прокидень* ‘сумасшедший, бешеный, бестолковый торопыга, суета’ [Даль II: 686]. Судя по способу толкования лексемы, Даль предполагает мотивацию по семантике глагола *опрóкидывать*, считая решающей семантику быстрого беспорядочного движения, но с учетом других значений слова (перм., волог., новг. ‘завороженный, испорченный знахарем человек’, арх. ‘оборотень’ [СРНГ 23: 300]) можно предположить мотивацию «порченный человек».

В народе болезни, полученные в пути, называют *встрéшными* [СД IV: 597–602]. По модели ‘встретить’ → ‘наслать порчу’ → ‘сделать сумасшедшим’ развивается семантика тамб., новохопер., ворон., ряз. *опрiтчить* ‘свести с ума’, *опрiтчиться* тамб., ряз. ‘сойти с ума, рехнуться’ при иркут., якут. *опрiчиться* ‘случиться чему-н. неожиданному, нечаянному’ [СРНГ 23: 296], продолжающих праслав. **obpritičiti* ‘встретить’, ‘случиться’ ← **pritiča* ‘случай’ ← **pritičnōti* [Фасмер III: 36], ср. также *запрiтчиться* ‘померещиться, привидеться, почудиться’ [СРНГ 10: 356].

Модели ‘пугать’ → ‘лишать рассудка’ соответствует кемер. *сыспуганный* ‘психически ненормальный’ [СРНГ 43: 175].

Семантический переход ‘владеть, обладать (о враждебных силах)’ → ‘сводить с ума’ представлен новообразованиями в гнезде **běsz* – *обесiться* прибайк., казаки-некрасовцы ‘ошалеть, одуреть, обезуметь’, ‘взбеситься, быть одержимым бесом’ [СРНГ 22: 36], *сбесiться* моск., вят., урал., Прииртышье ‘взбеситься, сойти с ума’, *сбесновiться* ‘стать бесноватым’ [СРНГ 36: 170–171], *бесная* ‘падучая’ [СРНГ 2: 269], *обесновiть* ‘наслать порчу, сделать кого-либо бесноватым’, *обесновiться* ‘стать бесноватым’, моск. *обеснóющий* ‘бешеный, бесноватый’ [СРНГ 22: 37], наряду с существовавшими ранее и унаследованными пск. *бесеть* ‘заболеть

бешенством', 'сходить с ума' [СРНГ 2: 266], *бесна́, бесня́* арх. 'падучая болезнь, родимец и другие конвульсивные болезни, приписываемые суеверными людьми бесовскому наваждению' [Там же: 269], перм. *бесова́тъ* 'быть в иступлении, в бешенстве', *бесова́ться* 'быть в иступлении, в бешенстве, дурить, шалить, беситься' (Даль) [Там же]. Ср. также образное *осточертенéтъ* костром. 'рассердиться до крайности, взбеситься, обезуметь от гнева' [СРНГ 24: 75].

К модели 'взять, обладать' → 'свести с ума' относятся и арх. безличное *íзняло* 'сошел с ума' (Б. Шалга), карел. *заизнима́тъ* (безл. *заизнимáло*) 'впасть в состояние одурения, сумасшествия' [СРНГ 10: 102] при *изнима́тъ* 'брать, хватать' («*Изми́ тя лёсовик*» 'леший тебя возьми') [Куликовский 31], арх., брян. 'извлекать, вынимать', тамб., нижегор., новг., волог. 'всецело овладевать (о скорби, тоске, желании и т. п.)' [СРНГ 12: 158].

Смол. *потрево́женный* 'сумасшедший', *потрево́житься* 'сойти с ума' [ССГ 8: 194] и выражение *донима́ет кого-л.* безл. 'сводить с ума' являются примерами семантического перехода 'мучить, беспокоить' → 'лишать рассудка'. В роли субъекта воздействия может выступать сама болезнь: ленск., омск., заурал. *пристига́тъ* 'постигать кого-либо, случиться с кем-либо', 'внезапно обрушиться на кого-либо (о болезни, а также о психически неуравновешенном человеке)' («*Грех невыносимый сделал, што ему пристигло*») [СРНГ 31: 417]. Контаминацию моделей 'овладеть' и 'ломать, искривлять' → 'сводить с ума' представляет дон. *корёжит кого-то* 'о помешательстве' [СРДГ II: 78].

Само наименование нечистой силы может развивать значение 'сумасшедший' и обозначать другие болезненные состояния. Так, пск., твер. *лёший* 'сумасшедший, буйный, бешеный' производно от 'леший (нечистая сила, которая живет в лесу)' [СРНГ 17: 33], курск. *игре́ц* имеет значение 'истерический припадок, сопровождающийся криком' при орл., курск., ворон., дул., тамб., пенз., дон. *игре́ц тебя́ возьми́ (избéй, изломáй, разломáй)* 'о нечистом или злом духе, бесе, домовом' [СРНГ 12: 70]. Примерами именованья болезней словами, обозначающими нечистую силу, являются влад., смол. *каду́к* 'падучая болезнь, эпилепсия' при росл., смол. 'дьявол, злой дух' [Там же: 301], *кондра́шка* из *Кондра́шка хватíл* прост. 'о внезапной смерти' («нем. *Freund (Hain) Hein* < сокр. *Hin(d)rich* — смерть (Heinrich — Кондратий), англ. *Old Harry (старый Генрих)* — сатана» [Михельсон 1896: 166]).

Урал. *слéшится* 'сойти с ума' [СРНГ 38: 275], вероятно, произведен от *лéший*, а его семантика является результатом взаимодействия семантических переходов 'обладать (о враждебных силах)' и 'сойти, сдвинуться' → 'потерять рассудок'. Можно также допустить семантическое взаимодействие с фонетически близким перм., забайк., амур. *слíшется* 'быть, оказаться в избытке' и другими образованиями этимологического гнезда **lixъ(jь)* 'остаток/избыток', 'худо, дурно', обозначающими в других диалектах потерю рассудка [Силина 1977].

Близки и, очевидно, связаны отношениями производности значения 'сумасшедший', 'упасть, запнуться', 'эпилепсия, падучая', 'злой дух': вероятно, к одному корню относятся перм. *окады́ченный* 'утративший способность ясно, отчетливо понимать окружающее, происходящее; одурелый', *окады́чить* пск., твер. 'упасть, уронить', *окады́читься* перм. 'внезапно остановиться, запнуться', моск. 'внезапно заболеть', костром. 'опиться', самар. 'угореть', тамб., ряз., перм. 'умереть', перм. 'заупрямиться' [СРНГ 23: 105-106], влад., смол. *каду́к* 'падучая болезнь, эпилепсия', росл., смол. 'дьявол, злой дух' [Там же: 300].

Модель 'кликать, болеть кликушеством' → 'сходить с ума' представлена производными гнезд **jьkati* 'бить, ударять', **klikati*, **krikъ*: арх., перм. *ика́ть* 'обнаруживать признаки дикого сумасшествия', арх. 'симулировать такие припадки' (при пск., твер. *ика́ть* 'кричать' [СРНГ 12: 180]), карел. *ёкнуться* 'тронуться умом, сойти с ума', арх., сев.-двин. *ико́та* 'нервное истерическое заболевание (преимущественно у женщин), выражающееся в судорожных припадках, во время которых больные кричат — выкликают; кликушество', *ико́та говорит, ико́той говорит* 'о припадке икоты-говорухи', арх. *ико́та говоруха* арх. 'нервная болезнь, род кликушества', свердл. *говоруха* 'в суеверных представлениях — болезнь, возникающая от колдовского заговора, навета', 'нервная болезнь' [СРНГ 6: 259], *ико́та nemáя, ико́та сме́ртная, напуститъ, насадитъ, посадитъ ико́ту, ико́та* 'нечистый дух, вызывающий кликушество', 'человек, страдающий кликушеством, одержимый нечистым духом', с тем же значением перм., север. *ико́тка* [СРНГ 12: 181], арх., пск. *ико́тник*, сев.-двин. *ико́тный* 'больной нервной истерической болезнью — икотой' [Там же: 182], нижегор., пенз., сарат. *полуёкта, полуёхта* 'сумасшедший' [Даль III: 251] с приставкой *полу-* и суффиксом *-т-*; сев.-вост. *кли́кала* 'о нервнoбoльнoм человеке, болезнь которого сопровождается припадками, криком', *кли́кальщик, кли́кальщица*, сев.-вост. диал. *кликун, кликунчик, кликунья* 'о человеке, страдающем нервной болезнью', *кли́кать* 'страдать кликушеством', *ликота, кликуша* 'истерия' [СРНГ 13: 295], *крикун* брян. 'человек, страдающий падучей болезнью', 'юродивый', *крикуха* 'то же', 'болезнь ребенка, проявляющаяся в неуправляемом плаче и крике', *крикуша* перм. 'расслабленный', калуж. 'бесноватый, порченный человек' [СРНГ 15: 256].

Не всякое внешнее воздействие оценивается как враждебное. Так, некоторые диалектизмы отражают представление о сумасшествии как воле Божьей (курск., орл., твер., смол., пск. *божево́льный* 'одержимый припадками, помешанный, сумасшедший, безумный' [СРНГ 3: 62], пск., твер. *божево́литься* 'бесноваться, сходить с ума, быть одержимым припадками' [Там же: 61], пск., смол. *обожево́лить*, пск., твер. *обожево́литься* 'сойти с ума, помешаться' [СРНГ 22: 157]) и результате Божьего гнева, Его наказания (бoжeгнeвнoй курск., тамб. 'одержимый припадками, помешанный' [СРНГ 3: 62]).

6. Наименование безумия по поведению больного

На странное, вызывающее удивление поведение сумасшедшего указывают карел. *чуды́шко* ‘о человеке со странностями’ [СКар. 6: 803], *чудэ́сить* ‘сумасшествовать, сумасбродствовать’ [Даль IV: 612].

Карел. *трясу́чий* ‘невыверженный, психически неуравновешенный’, *трясу́ха* карел., ленингр. ‘психически ненормальный человек’ [СКар. 6: 527; СРНГ 45: 197–198], арх. *тряхово́й* ‘ненормальный, больной’ [Там же: 202] являются примерами семантического перехода ‘трясти(сь), дергаться’ → ‘сходить с ума’.

Лексемы, буквально означающие человека с расширенными, выпученными глазами и отнесенные словарем к лексико-семантическому полю БЕЗУМИЕ, можно признать находящимися в переходной зоне, смежной с лексико-семантическими полями «УДИВЛЕНИЕ», «СТРАХ» (ср. *глаза́ на лоб полéзли*): ср. приамур. *оглазе́ть* ‘обезуметь от испуга’ [ЭССЯ XXVI: 194], забайк. *ди́коша́рый* ‘оголтелый’ при амур. ‘дикий, с дикими глазами, сумасшедший’ [СРНГ 8: 63], *ошарове́ть* волог., арх. ‘обалдеть, одуреть, ошалеть, обезуметь’ [СРНГ 25: 80]. Впрочем, в архангельских говорах есть слово *ошарови́ть* ‘ударить’, арх., помор. ‘лишить сознания’, арх. ‘привести в смятение, ошеломить’, арх. *ошарови́ть* ‘привести в чувство’ [Там же: 80]. Вероятно, энантиосемию можно объяснить тем, что первичным для каузатива является значение ‘ударить’ («сделать так, что у человека становятся выпученными, расширенными, как шары, глаза»), а значения ‘лишить рассудка’ и ‘отрезвить’ производные.

Многие лексемы этимологически связаны с представлениями об одержимости, но актуальной мотивацией является обозначение буйного поведения: ср. *бе́шанец* пск. ‘шалевой, сумасбродный человек’, *бешене́ц* влад. ‘гнев, исступление’, ‘помешательство, сумасшествие’, ‘белая горячка, сумасшествие с перепою’ [СРНГ 2: 286], влад., волог., арх., сев.-двин., вят., перм. том., иркут., енис., якут., север., свердл. ‘сумасшедший, безумный’ [СРНГ 8: 56].

Образования гнезда **šalь(jь)* (< **xēl-//*xōl-*, русск. *наха́л* и др.) в современных русских диалектах имеют широкий спектр значений (‘шутить’, ‘обманывать’, ‘ошибаться’, ‘хулиганить’), в том числе ‘терять рассудок’. Вероятно, на основе значения ‘дурно себя вести’ [Стефанский 2007: 109] развивают свою семантику приоб. *ша́лый* ‘шалевой, безумный’ [ССП 150], карел. *шалевóй* ‘потерявший ясность рассудка’, *шалéть* ‘болеть психически’ [СКар. 6: 824], *ша́льник*, *шалёной*, *шалёня*, *шалю́шка*, *шалё́га* ‘сумасшедший’ [Там же: 828], калуж., пск., сев.-двин., арх., волог., смол., курган. *ошалéть* ‘сходить с ума’, пенз., пск., твер. *ошалё́ник*, *ошалё́нник* ‘одуревший, шальной человек’, ‘безумный человек’, перм. *ошалéться* ‘одуреть, ошибиться’ [СРНГ 25: 77–78], смол. *пошалéть* ‘потерять способность соображать, одуреть’ [СРНГ 31: 23], перм., новг., волог., карел., свердл., кемер., верхнелен., сиб. *сишалéть* ‘взбеситься’ [СРГСУ VI: 82;

НОС XI: 15; СРНГ 43: 97], новг., волог. *си́алить* ‘сойти с ума, свихнуться’ [СРНГ 43: 97], перм., волог., сев.-двин., карел. *прии́аливать* ‘по временам обнаруживать в своем поведении странности, совершать предосудительные поступки’, арх., волог., олон. *прии́алимок*, *прии́алимушко*, *прии́ало́к* ‘глупый, помешанный, юродивый человек’ [СРНГ 32: 64], карел. *заприи́аливать* ‘начать совершать бессмысленные, нелепые поступки’ [СРНГ 10: 357], сев.-двин. *поди́аливать* ‘сходить с ума’, ленингр. *поди́алимок* ‘придурковатый, сумасбродный человек’ [СРНГ 28: 252].

Модель ‘буянить, беситься’ → ‘лишаться рассудка’ представлена также дериватами этимологических гнезд **divъ(jь)* ‘дикий, буйный’ (*сдивья́ть* сиб., тобол., перм. ‘потерять рассудок, сойти с ума’, иркут., сиб., тобол., перм. ‘нелепо, безрассудно повести себя, одуреть, ошалеть’, амур. ‘сглупить, сделать глупость’ [СРНГ 37: 70]), **dikъ(jь)* (арх. *ди́кий*, *дикой́* ‘расстроенный в уме, помешанный’, селигер. ‘страдающий нервными расстройствами’ [Селигер 2: 22], арх., влад., волог., сев.-двин., вят., перм., том., иркут., енис., якут., свердл. ‘помешанный’ [Доп. к Опыту: 40], арх., пск. *дикáрь* ‘глупый, сумасшедший человек’ [СРНГ 8: 55], вят., сиб. *ди́кенький*, *ди́конький* ‘несколько помешанный, глуповатый’ [Там же: 56, 64], арх. *дикомáн* [Там же: 63], *дикомáнь* (< **dikte*) ‘сумасшедший’, камч., енис. *ди́ковáть* ‘сходить с ума, быть без памяти’, сиб. *ди́ковáнье* ‘помешательство’ [Там же: 62–64], *ди́конькое* ‘дурь, умопомешательство’ [Там же: 64], арх. *ди́коу́мный* ‘помешанный’ [СГРС 3: 227], арх. *ди́копáс* ‘дикий, помешанный человек’, ‘дурак’, *ди́костéнный* ‘сумасшедший, полоумный, глупый’, арх. *ди́кость* ‘безумие; глупость, дурачество’ [СРНГ 8: 64], юж.-сиб., арх., перм., камч., том., якут., южно-сиб. *дичáть* ‘сходить с ума, безумствовать’ при арх., перм., камч., якут. ‘беситься’ (о животных) [Там же: 68; ЭССЯ V: 28–29], *задичáть* сиб., камч., сев.-двин., арх. ‘сойти с ума, помешаться’, смол. *заци́чить* ‘начать бредить’ [СРНГ 10: 56], хабар. *сдичáть* ‘лишиться рассудка’ [СПриамур. 267], арх., пск., смол., иркут. *одичáть* ‘сойти с ума’ [СРНГ 23: 34], арх. *одичáлый* ‘сумасшедший, полоумный’ [Там же: 34], свердл. *заци́каться* ‘начать неистовствовать, беситься’, сиб., ворон., перм., том., сев.-двин., прибайк. *заци́ковáть* ‘сойти с ума, начать дурачиться, блажить’ [СРНГ 10: 54], *издиковáться* ‘рехнуться, помешаться, исчудачиться’ при сев.-двин. ‘стать своевольным, непослушным, распущенным’ [СРНГ 12: 129], сиб. *надиковáть* ‘удивить всех своими сумасбродствами’ [СРНГ 19: 235–236], волог., том., енис., иркут., сиб. *сди́ковáть*, бурят. говоры *сди́ковáться* ‘потерять рассудок’ [СРНГ 37: 70], иркут. *сдичи́ть* ‘нелепо, безрассудно повести себя, одуреть, ошалеть’ [Там же: 72], арх. *на́дико-ди́кий* ‘совершенно обезумевший’ (при *на́дико* ‘очень’), *ди́корáдош-ной* ‘умственно неполноценный’ [Нефедова 42], диал. *ди́костéнный* ‘сумасшедший, полоумный; глупый’ [СРНГ 8: 64]) и некоторых других. В. А. Меркулова указывает на абсолютную синонимию праслав. **divъ(jь)* и **dikъ(jь)*, совпадение форм и значений глаголов **dikovati (sę)* и **dękovati (sę)* (‘шалить’, ‘безумствовать’, ‘дивиться’), параллелизм образований **dękati (sę)* и

*(*jbz*)*děvati* (*se*) с общим значением ‘сделать что-то (дурное)’ и объясняет эти факты общностью происхождения указанных лексем, которые характеризуют проявление сверхъестественных сил — ‘издеваться’, ‘водить (о нечистой силе)’ [Меркулова 1975: 142–143].

К этой же модели, вероятно, относится влад. *голмяно́* ‘тяжелое душевное состояние, сопровождающееся приступами гнева, скорби, безумия’ («*На него нашло голмяно́, что ему ни говори – все ничего не понимает*»). Значение ‘безумие’ развивается на основе семантики ‘громкий, шумный, бурный’: первое значение слова – ‘ненастная погода зимой, сопровождаемая сильным разрушительным ветром, вьюга, непродолжительная буря’, ср. также пенз. *голманá, голмяна́* ‘внезапная грозовая туча’ [СРНГ 6: 297].

Вместе с тем, производные с корнем, восходящим к праслав. **xala-*, **xalь* ‘дрянь, ветошь’ < **xǫl-* < и.-е. **ks-ǫ-l-a* [ЭССЯ VIII: 12–13], могут быть отнесены к модели ‘плохой, слабый, немощный (ум)’ → ‘потеря рассудка’ (ср. диал. *схудоумиться*) [СРНГ 25: 45]: курск. *халоумный* ‘безумный’ [ЭССЯ VIII: 14], яросл., влад. *охалеть* ‘сойти с ума’ при других значениях влад., яросл. ‘угореть, почувствовать головокружение’, забайкал. ‘разболеться’, пенз. *охалёлый* ‘обалделый’, ряз. *охолоуметь* ‘сойти с ума’, ‘стать безрассудным, ошалеть’, *охолоушить* ‘сойти с ума’ (вероятно, влияние *оглоушить* ‘ударить’) при ряз. *охалистый* ‘слишком мягкий, рыхлый’, амур. *охальщина* ‘беспорядок, грязь’ [Там же: 24].

Перм. *костáрь* ‘психически больной человек’ при нижегор. *костáрить* ‘болтать, бездельничать’, арх. *костáрь* ‘искусный игрок в бабки’ [СРНГ 15: 70] соответствует модели ‘бездельничать’ → ‘лишиться рассудка’, ср. том. *окостыриться* ‘прийти в себя, в нормальное состояние’ [СРНГ 23: 158] – возможно, из **откостыриться*.

Ворон. *забубённый* ‘сумасшедший’ [СРНГ 9: 279] тоже, очевидно, развивает свое значение на основе семантики асоциального, беспутного, бесшабашного поведения, представленной в других говорах (вят., ворон. ‘глупый, дурной’, пск., твер. ‘бездомный, одинокий’, нижегор. ‘рассеянный, негодный’, сиб., смол. ‘отчаянный, бесшабашный’). Как указывает словарь [Бирих, Мокиенко, Степанова 1998], изначально это слово связано с не одобряемой официальными властями и Церковью деятельностью бродячих актеров-скоморохов и производно от слова *бубен*, названия музыкального инструмента, который использовали скоморохи. Позднее оно ассоциируется с картежниками (*буби* — одна из мастей), а со второй половины XIX в. — с каторжниками с красными или желтыми ромбами («бубновыми тузами») на спине. Указанные группы лиц объединяются признаком «асоциальности».

7. Эвфемизмы

Эвфемизмы составляют отдельную группу лексем и выражений. Сюда можно отнести депрономинальную единицу разг. (*совсём*) *тогó*, ворон. *неблагополучный* ‘ненормальный, психически нездоровый’ [СРНГ 20: 318],

смол. *ён* ‘табуистическое наименование тяжелых болезней (падучая, родимчик и т. п.)’ (смол., яросл., сиб. *он* и *ён* ‘табуистическое наименование черта, дьявола, домового’) [СРНГ 23: 213].

Анализ диалектной лексики лексико-семантического поля «БЕЗУМИЕ» в русском языке позволяет сделать следующие выводы. Диалекты, по сравнению с современным русским литературным языком и сленгом, а также с древнерусским, старорусским языком и языком XVIII в., отличаются большим разнообразием семантических переходов: очевидна преемственность мотивационной структуры праславянского уровня.

В диалектах есть примеры сохранения архаичных моделей (‘вялый, слабый’ — курск. *халоумный*, диал. *малохольный*; ‘пустой, дырявый’ — *опустеть* ‘заболеть’; ‘окаменелый’ — вят., костр., пенз., перм. *остаметь* ‘обезуметь’, арх. *огуреть*), возобновления на современном этапе утраченных архаичных моделей (‘не чувствующий’ — калуж. *ничёвли* от *чүти*), контаминации моделей (урал. *слёшиться* ‘обладать (о нечистой силе)’ и ‘сойти, сдвинуться’, дон. *корёжит* ‘овладеть (о нечистой силе)’ и ‘ломать, искривлять’, тамб. *отёшиться* ‘сдвинуться’ и ‘буяннить’), ремотивации лексем по актуальным моделям в результате переразложения из-за затемнения внутренней формы, народной этимологии, влияния однокоренных лексем, образованных по продуктивным моделям (яросл. *поломан* по модели ‘сломанный’ из праслав. **polmę* с **pol-* ‘полый, пустой’, влад. *глумиться*, этимологически связанное с моделью ‘закрытый к восприятию’, а на современном этапе — с семантикой ‘злая насмешка, издевательство’, ср. твер. *глумить* ‘дурачить кого-л.’, пск., курск., орл., ср.-урал., олон., арх., свердл. *глум* ‘издевательство, злая насмешка, шутка’ [СРНГ 6: 209–210]). Некоторые лексем с затемненной внутренней формой образуют вторичные связи с гнездами фонетически близких лексем.

В диалектном фрагменте поля «уживаются» наслоения разных культурных срезов. Христианские представления о безумии, юродстве иллюстрируются единичными диалектными примерами. Однако контексты употребления слов в словарях позволяют познакомиться с осмыслением этих идей. Религиозно «нейтральная» зона обозначений сумасшествия связана с семантикой восприятия, движения, физического воздействия. Исследование мотивационной структуры русской диалектной лексики лексико-семантического поля «БЕЗУМИЕ» позволяет реконструировать существенный фрагмент картины мира, связанный с представлениями о человеке.

Л и т е р а т у р а

Амелина 2008 — М. К. А м е л и н а. Генетическая характеристика слов лексико-семантического поля «колдовство». Дипломная работа. М.: МГУ, 2008.

Арапова 2000 — Н. С. А р а п о в а. Кальки в русском языке послепетровского периода. Опыт словаря. М., 2000.

Березович 2007 — Е. Л. Б е р е з о в и ч. Язык и традиционная культура. М., 2007.

Бирих, Мокиенко, Степанова 1998 — А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб., 1998.

Варбот 2012 — Ж. Ж. Варбот. Исследования по русской и славянской этимологии. М.; СПб., 2012.

Голяк 2016 — С. В. Голяк. Русская фразеология как иностранная/инославянская: лингвокультурологический аспект // Русский язык за рубежом. 2016. № 6 (259). С. 67–72.

Гречишкина 2013 — Н. А. Гречишкина. Психические расстройства в терминологии русских юридических памятников XI–XIX вв. Часть I // Российский психиатрический журнал. 2013. № 1. С. 83–88.

Дронова 2006 — Л. П. Дронова. Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект. Томск, 2006.

Ермакова 2003 — О. П. Ермакова. Концепт «безумие» с точки зрения языка // Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2003. С. 108–116.

Железковский 2016 — А. Д. Железковский. Феномен безумия как объект культурологического исследования // Обсерватория культуры. № 2 (2). 2016. С. 218–224.

Журавлев 2006 — А. Ф. Журавлев. Заметки на полях «Этимологического словаря славянских языков. II // Ad fontes verborum. Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Жанны Жановны Варбот. М., 2006.

Журавлев 2013 — А. Ф. Журавлев. Фонетика бесовской речи (на восточнославянском материале) // Ethnolinguistica Slavica. К 90-летию академика Никиты Ильича Толстого. М., 2013. С. 344–362.

Куркина 1978 — Л. В. Куркина. Русские диалектные *малохольный, сверезжий* // Этимология русских диалектных слов. Свердловск, 1978. С. 23–27.

Леонтьева 2007 — Т. В. Леонтьева. Интеллект человека в русской языковой картине мира. Екатеринбург, 2007.

Лоскутова 2010 — Д. Н. Лоскутова. Лексика народной медицины в говорах Тамбовской области. Дисс. ... канд. филол. наук. Тамбовский гос. университет им. Г. Р. Державина. Тамбов, 2010.

Маркелова 2014 — Л. В. Маркелова. Понятие деонтической нормы и отклонения от нее при анализе концепта «Безумие» // Вестник Псковского государственного университета. Серия: социально-гуманитарные науки. Псков, 2014. С. 124–128.

Мельникова 2012 — С. А. Мельникова. Мотивационная и генетическая характеристика лексико-семантического поля «СИЛА, ЗДОРОВЬЕ/СЛАБОСТЬ, БОЛЕЗНЬ» в русском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2012.

Меркулова 1972 — В. А. Меркулова. Народные названия болезней (на материале русского языка), II // Этимология 1970. М., 1972. С. 143–206.

Меркулова 1975 — В. А. Меркулова. К истории становления народной медицинской терминологии // Slawisches Wortstudien. Sammelband des internationalen Symposiums zur etymologischen und historischen Erforschung des slawischen Wortschatzes. Leipzig, 11–13. 10. 1972. Bautzen, [1975]. С. 132–143.

Меркулова 1989 — В. А. Меркулова. Народные названия болезней (на материале русского языка), IV // Этимология 1986–1987. М., 1989. С. 7–13.

Нечаева 2014 — Л. С. Нечаева. Названия и характеристики людей с психическими и умственными отклонениями: мотивационный аспект (на материале рус-

ских говоров пермского края) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 2 (26). С. 32–43.

Плунгян, Рахилина 1993 — В. А. П л у н г я н, Е. В. Р а х и л и н а. БЕЗУМИЕ как лексикографическая проблема (К анализу прилагательных *безумный* и *сумасшедший*) // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993.

Порохова 1968 — О. Г. П о р о х о в а. Из истории лексики: Слова с корнем *благ-* (*блаж-*) в русском языке // Слово в русских народных говорах. Л., 1968.

Силина 1977 — В. Б. С и л и н а. Семантическая структура словообразовательного гнезда (слова с корнем **lich-* в славянских языках) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1975. М., 1977. Вып. 9. С. 34–56.

Стефанский 2007 — Е. Е. С т е ф а н с к и й. Лексика, обозначающая гнев, граничащий с психической болезнью, в русском, польском и чешском языках // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М., 2007. Вып. 35. С. 104–113.

Толстая 2008 — С. М. Т о л с т а я. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008.

Турилова 2010 — М. В. Т у р и л о в а. Генетическая и мотивационная характеристика лексико-семантического поля «Безумие» в русском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010.

Урысон 2003 — Е. В. У р ы с о н. Проблемы исследования языковой картины мира. М., 2003.

Ширшиков 2005 — В. Б. Ш и р ш и к о в. Лексикографическая и текстовая репрезентация концептов ограниченной ментальной способности человека в русском и английском языках. Дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005.

Ширшиков 2016 — В. Б. Ш и р ш и к о в. Коммуникативные аспекты концепта *сумасшедший / insane* по данным словарей фразеологии и паремиологии // Филологические науки (Научные доклады высшей школы). 2016. № 2 (март). С. 16–20.

Янгүлова Л. В. Дома умалишенных в России: филантропическая психиатрия и политика гендера // Журнал исследований социальной политики. Том 11. № 3. 2013. С. 377–390.

Ясинская 2013 — М. В. Я с и н с к а я. «Когда кажется — креститься надо» («Обман зрения» в языке и мифологических рассказах) // *Ethnolinguistica Slavica*. К 90-летию академика Никиты Ильича Толстого. М., 2013. С. 363–376.

Wojtyła-Świerzowska 1991 — М. W o j t y ł a - Ś w i e r z o w s k a. Dlaczego głuchy nie słyszy? Rozważania o etymologii psł. Głuchъ // *Јужнословенски филолог*. Къ. 47. Београд, 1991. С. 209–220.

Источники

Аникин — А. Е. А н и к и н. Русский этимологический словарь. Вып. 1–10. М., 2007–2016.

Вологод. — Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. / Изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб., 2006.

Даль — В. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1998. [Воспроизведение 2-го изд.: СПб.; М., 1880–1882.]

Доп. к Опыту — Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб.: изд. второго Отд-ния Имп. Акад. наук, 1858.

Куликовский — Г. И. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. Изд-во Отд-ния рус. яз. и словесности Императ. Акад. Наук; собрал на месте и составил Г. Куликовский. СПб., 1898.

Михельсон 1896 — М. И. Михельсон. Ходячия и мѣткия слова. Сборник русских и иностранных цитатъ, пословиць, поговорокъ, пословичныхъ выражений и отдѣльныхъ словъ (иносказаній). Изд. 2-е. СПб., 1896.

Нефедова — Е. А. Нефедова. Экспрессивный словарь диалектной личности. М., 2001.

НОС — Новгородский областной словарь. Вып. 1–13. / Отв. ред. В. П. Строгова. Новгород, 1992–2000.

Перм. сл. — Словарь пермских говоров. Вып. 1– / Сост. Г. В. Бажутина, А. Н. Борисова и др. Пермь, 2000–.

Подмоск. — Войтенко А. Ф. Словарь говоров Подмосковья. М., 1995–.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–20. СПб., 1967–2008.

СБрян. — Словарь брянских говоров / Ред. В. И. Чагишева. Л., 1976.

СГРС — Словарь говоров русского севера. Т. 1– / Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 2001.

СД — Славянские древности: Этнолингвистический словарь Т. I–V / Под. ред. Н. И. Толстого. М., 1995–2012.

Селигер — Селигер. Материалы по русской диалектологии. Вып. 2 / Под ред. А. С. Герда. СПб., 2004.

СКар. — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–6 / Главный ред. А. С. Герд. СПб, 1994–2005.

СПриамур. — Словарь русских говоров Приамурья. Сост. Ф. П. Иванова и др. / Отв. ред. Ф. П. Филин. М., 1983.

СПрибайк. — Словарь русских говоров Прибайкалья. Вып. 1–4 / Отв. ред. Ю. И. Кошевская. Иркутск, 1986.

СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. I–VII / Под ред. А. К. Матвеева. Свердловск, 1964–1988.

СРДГ — Словарь русских донских говоров Т. I–III / Под ред. Т. А. Хмелевской, В. С. Овчинниковой. Ростов-на-Дону, 1975–1976.

Срезневский — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I–III. М., 1958. [Репринт издания 1895 г.]

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–49– / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–23), Ф. П. Сороколетов (вып. 24–41), С. А. Мызников (42–46–). Л., 1966–2016–.

ССГ — Словарь смоленских говоров. 1–6 / Под ред. доц. А. И. Ивановой. Смоленск, 1974.

ССиб. — Словарь русских говоров Сибири / Под ред. д-на, проф. А. И. Федорова. Новосибирск, 1999.

ССП — Словарь просторечий русских говоров Среднего Приобья / Ред. О. И. Блинова. Томск, 1977.

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. Т. I–XVII. М.; Л., 1948–1965.

Фасмер — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV / Пер. с нем. и дополнения О. Н. Трубачева. М., 2003.

Цыганенко — Г. П. Цыганенко. Этимологический словарь русского языка. 2-е изд. Киев, 1989.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд Т. 1–40– / Под. ред. О. Н. Трубачева. М., 1974–2016–.

Резюме

В статье проанализированы русские диалектные слова и словосочетания, входящие в лексико-семантическое поле «БЕЗУМИЕ». Последнее рассматривается как открытая структура. Выделены типы первичной мотивации, по которым лексика развивает указанную семантику, в данной работе представлены те из них, согласно которым безумие характеризует свойства человека в целом. Исследована продуктивность и актуальность диалектных мотивационных моделей. Некоторые семантические переходы отражают весьма древние представления о сумасшествии. Полученные выводы позволяют реконструировать существенный фрагмент картины мира, связанный с представлениями о человеке.

Ключевые слова: русские диалекты, языковая картина мира, мотивационная модель, этимологическое гнездо, этимологическая реконструкция, лексико-семантическое поле «БЕЗУМИЕ».

Получено 24.10.2016

MARIYA V. TURILOVA

RUSSIAN DIALECTAL LEXEMES OF THE SEMANTIC FIELD OF «MADNESS»

The article analyzes the Russian dialectal words and word combinations belonging to the semantic field of «MADNESS», understood as an open structure. We single out types of primary motivation, according to which madness characterizes the qualities of a person as a whole.

We investigated the productivity and the relevance of dialectal motivational models. Some of them represent very ancient ideas about madness. The findings enable us to reconstruct a significant fragment of the world picture associated with the ideas of man.

Keywords: Russian dialects, language picture of the world, motivational model, etymological word family, etymological reconstruction, semantic field of «MADNESS».

Received on 24.10.2016

Г. А. МОЛЬКОВ

НЕСОГЛАСОВАННЫЕ ПРИЧАСТНЫЕ ФОРМЫ В РАНИХ ДРЕВНЕРУССКИХ СПИСКАХ ЕВАНГЕЛИЯ*

В исследованиях по истории русского языка при обсуждении вопроса о появлении в древнерусском языке неизменяемой глагольной формы (будущего деепричастия) рассматривается в том числе материал евангельского текста, представленного большим количеством списков XI–XII вв.

В списке ранних «неправильных» употреблений форм причастий, приводимом А. И. Соболевским, даны три евангельских контекста из трех разных списков полного апракоса, а именно: «в Юрьевском Ев.: подобьни чловѣкомъ чающе господа 123 об.; <...> в Пантелеймоновом Ев. XII в.: яко самому вьлѣзьше въ корабль сѣдѣти 67 об.; <...> в Милятином Ев. 1215 г.¹: видѣ смоковьницу имущи листвиѣ 127» [Соболевский 1907: 225]. Эти примеры в числе примеров из других памятников письменности рассматриваются учёным как ранние свидетельства «потери склонения» причастиями в древнерусском языке.

На отсутствие согласования у причастий указывают исследователи при описании языка конкретных списков Евангелия. Е. Ф. Карский приводит примеры из Мстиславова евангелия, где причастие в ряде случаев, «особенно с окончанием именительного множественного на *ѣ* употребляется уже в роли “деепричастия”, т. е. неизменной формы» [Карский 1895: 189]. В. М. Марков при описании языковых особенностей Пантелеймонова евангелия отмечает, что, в отличие от Остромирова евангелия, «относительно строго выдерживающего древнюю норму», в данном списке уже наблюдаются «ранние сдвиги на пути формирования будущих деепричастий» [Марков 2001: 54].

Наблюдаемые в списках Евангелия несогласованные формы причастий хронологически вполне соотносятся с фактами других памятников древне-

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект 15-04-00283).

¹ Подробный анализ языка Милятина евангелия показал, что время создания памятника с наибольшей вероятностью можно отнести к первой половине XII в. [Мольков 2015: 735].

русской письменности: «единичные случаи отклонения от исходного состояния в употреблении прич. форм И. п., не поддающиеся, как представляется, объяснению в рамках явлений, возможных для системы изменяемых причастий, имеются уже в материалах, относящихся к к. XI–XII вв.» [Кузьмина, Немченко 1982: 325]². Примеры использования причастий муж. рода мн. числа в значении единственного и обратные случаи зафиксированы в Ефремовской кормчей XII в. [Обнорский 1912: 81–82]. Свидетельства наличия в языке неизменяемой глагольной формы в тексте Жития Феодосия Печерского по Успенскому сборнику рассматриваются в работах А. М. Лукьяненко [1907: 75] и А. А. Пичхадзе [2016: 500].

Следует, однако, обратить внимание на соотносительный объём наблюдаемых явлений. На общем фоне несогласованные причастные формы в евангельском тексте древнейших списков отличаются большей частотностью. Возможность рассматривать язык Евангелия данного периода на материале списков XI–XII вв., содержащих разные типы текста (тетр, краткий и полный апракосы), позволяет сделать важные наблюдения относительно характера функционирования несогласованных причастных форм и их статуса в языке Евангелия.

Задача настоящего исследования — представить по возможности полный перечень примеров с утратой грамматической согласованности причастий и установить, имеют ли эти случаи общую природу или обусловлены разными причинами. К рассмотрению привлекаются следующие рукописи: по оригиналам РНБ были исследованы Погодинское евангелие (Погод. 11) конца XI в.³ и Милятино евангелие (Ф.п.I.7) первой пол. XII в.; по изданию рассматривался текст Мстиславова евангелия [Апракос 1983] рубежа XI–XII вв. (до 1117 г.). Данные этих трех рукописей принимаются в исследовании за базовые⁴ — выявленные на основе этих списков несогласованные причастные формы на следующем этапе исследования сопоставляются с данными других списков. Для Мил. и Пог. была проведена сплошная выборка материала, а в отношении Мст. использован список форм, выявленных Е. Ф. Карским [1895: 189]. На следующем этапе для сверки базовых контекстов из трёх названных рукописей по электронным публикациям на портале Манускрипт (manuscripts.ru) были использованы тексты Остромирова (1056–1057 гг.), Архангельского (1092 г.), Типографского № 1 (первой пол. XII в.), Музейного и Пантелеймонова евангелий⁵

² Ср. мнения других исследователей: «Обособление отдельных форм парадигмы началось со случаев нарушения согласования причастия и существительного в роде и числе. Подобные случаи фиксируются уже в древнейших русских памятниках XI–XIII вв.» [Абдулхакова 2007: 6]; «Согласование по числу у причастий в предикативной функции утрачивается уже в XII в.» [Пичхадзе 2016: 500].

³ Обоснование датировки см. в работе [Мольков 2016].

⁴ Далее Пог., Мил. и Мст.

⁵ Далее Остр., Арх., Тип., Муз. и Пан.

(второй пол. XII в.); кроме того, материал чтений от Иоанна и от Матфея сверялся по изданиям евангельского текста, подготовленным под руководством А. А. Алексеева [Евангелие 1998; 2005]; для чтений от Луки и Марка сверка проводилась по чистовым вариантам подготовленных к изданию томов этой же серии⁶. По данным изданиям обследованы Юрьевское (1119–1128 гг.), Галицкое (1144 г.) и Добрилово (1164 г.) евангелия⁷. Таким образом, привлекаются к рассмотрению данные древнейших восточнославянских кратких апракосов (Остр., Арх., Пог.), полных апракосов (Мст., Мил., Юр., Доб., Муз., Пан.) и тетров (Тип., Гал.).

В соответствии с подходом, предложенным в работе И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко, будут рассмотрены только те примеры «неправильных» форм причастий, которые не связаны с явлениями грамматической аналогии и потому не допускают альтернативных толкований их природы. К таким авторы относят формы «на -е, -и при сущ. м. р. ед. ч.», образования «типа *идя, вставь, шедь* с сущ. ед. и мн. ч. ж. р.», а также «случаи употребления форм И. п. при сущ. в формах косвенных падежей» [Кузьмина, Немченко 1982: 323–324]. Это позволяет отсеять частые примеры, связанные со смешением форм на -е и -и в дв. и мн. ч., а также отдельные формы, появившиеся, вероятнее всего, вследствие описки (например, графический повтор в Пог.: *словєсты исанаѣ прѣка глѣющю* 235).

В трёх списках Евангелия (Пог., Мил. и Мст.), принятых за базовые, встретились следующие контексты с несогласованными причастными формами (выделены подчёркиванием):

1) *онѣ же/ рече ги. повели ми древле шь/дѣши погрети. оца моего* Пог. 106 (Л. IX. 59), ИП мн. муж. на -ши вместо ДП ед. муж.;

2) *тѣгда/ воини гемоновн. помѣше иса на/ соудници. събиша на нь вьсоу спи/роу. и съвалѣкы и хламидою чрвле/ною одѣша и* Пог. 189 (Мт. XXVII. 28), ИП ед. муж. вместо ИП мн. муж.;

3) *слышавѣше же о/ иѣѣ. постѣла къ нему. старь/цѣ нюдѣ(т)скы. помолн и. да пришьдѣ спсѣть раба его* Пог. 97 об. (Л. VII. 3), ИП мн. муж. вместо ИП ед. муж.;

4) *подобно е/сть црѣстве нѣсьнок. чл(в)коу коу/пыцоу. нищюще добра висьра* Пог. 216 (Мт. XIII. 45), ИП мн. муж. вместо ДП ед. муж.;

5) *тѣгда придетѣ/ коньчина. егда оузърите мрѣ/зость запоустѣниа. реченоу/ю даниломь прѣкмь. стоаще/ на мѣстѣ стѣмь* Пог. 142 об. (Мт. XXIV. 15), ИП мн. муж. вместо ВП ед. жен.;

6) *и пришьдѣ пакты/ обрѣте га съпаше бѣсте во очи/ имѣ талготнѣ* Пог. 156 (Мт. XXVI. 43), ИП мн. муж. вместо ВП мн. муж.;

7) *и прешѣдѣ отѣтоудж. оузърѣ нна два брата. накова зеведеова. и нивана брата юго въ кораба и. съ зеведеомь оцѣмь юю. готовающе мрѣжа//*

⁶ Коллазии на необходимые стихи Луки и Марка любезно предоставлены Е. Л. Алексеевой.

⁷ Далее Юр., Гал., Доб.

своѧ. и възъѣва га Мст. 31г-32а; ... завлзающе мрѣжа своѧ Мил. 16г (Мт.IV.21), ИП мн. муж. вместо ВП мн. муж.;

8) видѣвъше нѣкыѧ отъ оученикъ нго нечистама роукама. рекоуще не оумъвенама ѣдоуще хлѣвы зазираахоу Мст. 64в; ... ѣдоуще хлѣвы Мил. 74а (М.VII.2), ИП мн. муж. вместо ВП мн. муж.;

9) народи же разоумѣвъше по нѣмь идоша. и примѣ га глѧше имъ о ц(с)рствѣ бжии. и трѣвоуще цѣлкнига цѣлѧше га Мст. 78а (Л.IX.11), ИП мн. муж. вместо ВП мн. муж.;

10) моужи ниневъгитъсциѣ възстаноутъ бо на соудъ съ родъмь симь. и осоудатъ и. тако покавъшеса въ проповѣда//ниѣ ионнино Мил. 29г-30а (Мт.XII.41), ИП мн. муж. вместо ВП ед. муж.;

11) и пришѣдъ къ// оученикомъ видѣ народъ многъ о ннхъ. и кънигъчии. сътазашася съ ними Мил. 122а-б (М.IX.14), ИП мн. муж. вместо ВП мн. муж.;

12) видѣ سموковъницоу издадеча нмоущи листвики Мил. 127б (М.XI.13), ИП мн. муж. на -щи вместо ВП ед. жен.;

13) оучащю ісоу люди въ цркви и блго//вѣщающе. състашася старѣшинны жрьчьскыи (!). и книжьници съ старьци Мил. 114в-г (Л.XX.1), ИП мн. муж. вместо ДП ед. муж.;

14) еще же кмоу глюще се народъ. и нарицаемъи нюда. единъ ѿ обою на десадете (!) прѣдъ нѣмь идѧше Мил. 143а (Л.XXII.47), ИП мн. муж. вместо ДП ед. муж.;

15) възгнѣщыше же огонь. посередѣ двора. и въ//коупѣ сѣдѧщемъ. сѣдѧше петръ посередѣ нхъ Мил. 143б-в (Л.XXII.55), ИП мн. муж. вместо ДП мн. муж.;

16) и прешѣдъше ѿтоудоу мало. (нѣъ) оузърѣ ижкова зеведѣова. и ивана врата его Мил. 57в (М.I.19), ИП мн. муж. вместо ИП ед. муж.;

17) издъхающемъ члвкомъ. ѿ страха и/ чагания градоуще на/ въселеноую Мил. 140г (Л.XXI.26), ИП мн. муж. вместо РП мн. муж.;

18) нача ісъ оучити при мори. и събъраса къ нкмоу народъ многъ. тако самомоу вълѣзъше въ корабль сѣдѣти въ мори. и весь народъ при мори блѧше на земли Мст. 57в (М.IV.1), ИП мн. муж. вместо ДП ед. муж.;

19) не вонтеса отъ оубивающихъ тѣло. а дѣша не могуще оубити Мст. 33 (Мт.X.28), ИП мн. муж. вместо РП мн. муж.

Добавим к этому списку контекст из Юр., указанный Соболевским, в котором все базовые списки дают согласованное чтение:

20) подобни чловѣкомъ чающе господа Юр. 123 об. (Л.XII.36), ИП мн. муж. вместо ДП мн. муж.

Уже на материале трёх списков привлекает внимание тот факт, что в контекстах (7) и (8) в обоих базовых полных апракосах присутствует незаконное причастие на -ще. При этом в контексте (7) несогласованная форма причастия, соответствующая греческому катартиζοντας (ВП мн.), образована от разных глаголов (готовоюще/завлзающе).

Правильной интерпретации этого совпадения чтений двух полных апракосов способствует привлечение материалов дополнительных евангельских списков в пределах выявленных 20 чтений. В Таблице 1 сопоставительный материал 10 древнейших древнерусских евангельских списков приводится в следующем порядке: краткие апракосы, полные апракосы и тетр Тип.⁸

Таблица 1

Чтения с несогласованными причастиями в евангелиях XI–XII вв.

(+ — несогласованная форма; - — согласованная форма;
0 — чтение в списке отсутствует)

№	Чтение	Остр.	Арх.	Пог.	Мст.	Мил.	Юр.	Доб.	Муз.	Пан.	Тип.
1	Л.IX.59	-	-	+	-	-	-	-	-	+	+
2	Мт.XXVII.28	-	-	+	-	0	-	-	-	-	-
3	Л.VII.3	-	0	+	-	-	-	-	-	-	0
4	Мт.XIII.45	0	-	+	-	-	-	-	-	-	-
5	Мт.XXIV.15	-	0	+	-	-	-	-	-	-	-
6	Мт.XXVI.43	-	-	+	-	0	-	-	-	-	-
7	Мт.IV.21	-	-	-	+	+	+	-	0	+	-
8	М.VII.2	0	0	0	+	+	+	-	+	+	-
9	Л.IX.11	0	0	0	+	-	+	+	+	+	0
10	Мт.XII.41	0	0	0	-	+	-	-	0	-	-
11	М.IX.14	0	0	0	-	+	-	-	-	+	-
12	М.XI.13	0	0	0	-	+	-	-	-	-	-
13	Л.XX.1	0	0	0	-	+	-	-	-	-	-
14	Л.XXII.47	0	0	0	-	+	-	-	-	-	-
15	Л.XXII.55	0	0	0	-	+	-	-	-	-	+
16	М.I.19	0	0	-	-	+	-	-	+	-	-
17	Л.XXI.26	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-
18	М.IV.1	0	0	0	+	-	-	-	-	+	-
19	Мт.X.28	0	0	0	+	-	+	-	0	-	+
20	Л.XII.36	-	-	-	-	-	+	-	+	+	-

В свете данных Таблицы 1 различие краткого и полного апракоса, предварительно отмеченное выше на материале Пог., Мил. и Мст., становится более наглядным. Чтения с «неправильными» формами причастий в Пог. оказываются в основном (5 из 6) уникальными для данного списка — во всех остальных привлечённых для сопоставления рукописях XI–XII вв. в данных чтениях, за исключением Л.IX.59, причастия согласованы правильно⁹.

⁸ Данные по второму тетру XII в. (Гал.) в Таблице не приведены, потому что в этой рукописи во всех выявленных контекстах употребляются согласованные причастия.

⁹ Никаких параллелей пяти данным чтениям Пог. нет и среди разночтений к соответствующим стихам в издании [Евангелие 2005].

Напротив, совпадения, отмеченные ранее в двух списках полного апракоса, оказываются скорее закономерностью полноапракосного текста: они могут объединять и большее количество списков, т. е. являются «глубокими разночтениями» [Темчин 1991: 18], текстологической приметой. Параллели в других списках находятся для всех рассматриваемых чтений Мст. и для половины (5 из 10) чтений Мил. (есть вероятность, что при привлечении большего количества ранних полных апракосов совпадения нашлись бы и для других чтений с несогласованными формами¹⁰); аналогичным образом и чтение Юр. поддерживается данными списков Муз. и Пан.

Для чтений полных апракосов с рассогласованием немаловажным представляется тот факт, что из 14 контекстов только 3 входят и в краткий апракос (ср. строки Таблицы 7, 17 и 20). Основная масса несогласованных причастий относится, таким образом, к пласту евангельских чтений, добавленных при составлении полного апракоса¹¹. Чтения, общие для евангельского текста всех типов, также показательны. На примере стиха Мт.IV.21 особенно заметно, что форма ИП мн. на **-ще** вместо ожидаемой ВП мн. является принадлежностью именно полноапракосного текста: она есть во всех (в Муз. чтение отсутствует) рассмотренных полных апракосах, кроме Доб., контрастируя с правильной формой в Остр., Арх., Пог. и Тип. Менее последовательно, но с сохранением той же оппозиции, выдержано употребление несогласованной формы в стихе Л.XII.36 (есть в 3 из 6 рассмотренных полных апракосов)¹².

Описанное распределение позволяет выдвинуть гипотезу о статусе подобных форм в восточнославянских евангелиях. По-видимому, утрата согласования в приведённых выше контекстах из Мст., Мил., Юр. не связана с процессами живого древнерусского языка, но является языковым фактом, унаследованным из болгарского текста Евангелия.

При отсутствии сохранившихся старославянских списков полного апракоса рассматриваемая языковая особенность древнерусских списков является интересным свидетельством грамматики древнеболгарского языка.

¹⁰ Например, для чтения Л.XXII.55 (рассогласование из рассмотренных полных апракосов — только в Мил.), по данным исследования Б. И. Скупского, находится соответствие в древнерусском полном апракосе XIII в. — Галицком евангелии 1266–1301 гг. [Скупский 1971: 321].

¹¹ О стадиях формирования служебного Евангелия на славянской почве см. работы [Жуковская 1968; Пентковский 1998].

¹² Характерно при этом, что ни одно из представленных в Таблице 1 чтений не относится к Евангелию от Иоанна. Чтения от Иоанна в рамках служебного евангелия составляют цикл Пасхи, и отсутствие в них несогласованных форм причастий коррелирует с такими особенностями языка, как отсутствие в тексте Иоанна специфической для полного апракоса лексики [Жуковская 1959: 95], а также с наибольшей стабильностью цикла Пасхи в отношении глагольных форм в целом [Темчин 1991: 31].

Показанная выше связь несогласованных причастий с полноапракосным типом текста позволяет хронологически локализовать появление этой особенности в южнославянском книжном языке. Как пишет И. Добрев, «в начале на X в. в книжовен център, който се е намирал близо до столичния град Преслав или в самия Преслав, старобългарският евангелски превод е бил подложен на основна преработка. Появила се е втората, или цар Симеоновата редакция на старобългарския евангелски текст» [Добрев 1979: 10]¹³. В чистом виде симеоновский евангельский текст не сохранился ни на древнерусской, ни на южнославянской почве, однако о его чертах можно судить в том числе «по текста на четирите¹⁴ староруски пълни апракоса от XII в.» [Там же]. Возможно, к грамматическим особенностям этого редакционного слоя, который Л. П. Жуковская предложила называть «редакцией полных апракосов» [Жуковская 1959: 94], можно отнести использование несогласованных причастных форм, сохранённых древнерусскими списками¹⁵.

Как можно видеть из Таблицы 1, в двух контекстах (Мт. X.28 и Л. XXII.55) формы полных апракосов находят параллель в списке четвероевангелия Тип. Эти исключения на общем фоне, по-видимому, обусловлены влиянием полноапракосного текста на тетровый, т. е., как и другие симеоновские признаки в тетре, «отражают контроль над его текстом в Болгарии X в.» [Алексеев 1999: 172]. Это дополнительно подтверждается и соотношением данных Тип. и Гал. Отсутствие несогласованных причастных форм в рассмотренных контекстах в Гал. связано с тем, что список Тип. «заметно подновлен в своей грамматике и лексике» [Алексеев и др. 1998: 30], в то время как Гал. содержит следы «ранних редакционных переработок» [Там же]. Инновационные формы появляются в списке, подвергнутом правке в более поздний период.

Рассмотрим подробнее контексты краткоапракосного списка Пог. (1–6). Единственное отмеченное чтение, имеющее параллели в древнерусских

¹³ Ср. также список основных представителей текста и характерные для них лексические разночтения в [Алексеев и др. 1998: 9–11].

¹⁴ В это число И. Добрев включает Мст., Юр., Доб. и Типографское евангелие № 6. Мил. не рассматривается исследователем в соответствии с датировкой, представленной у А. И. Соболевского.

¹⁵ Наличие установленных впоследствии Л. П. Жуковской двух типов славянского полного апракоса позволяет предполагать более дробную историю формирования полноапракосного текста, в ходе которой «древний текст прошел редактуру симеоновской эпохи, т. е. полный апракос типа Мрс. [Мирославова — Г. М.] возник раньше симеоновской редакции» [Алексеев 1999: 171]. При таком рассмотрении появление несогласованных причастных форм в тексте нужно связывать с правкой симеоновской эпохи, через которую прошёл текст полного апракоса в своём развитии. О том, что утрата согласования в причастиях связана с определённым этапом в истории текста, может свидетельствовать также факт слабой представленности (всего в одном контексте из 20) таких форм в Доб. По свидетельству А. А. Алексеева, Мст. и Доб. «имеют различия в составе, которые могут говорить и о различии в их происхождении» [Там же].

Пан. и Тип. (повели ми древле шь/дъши погрети. оца моего Л. IX. 59), находит соответствие и в старославянских глаголических евангелиях: «абсолютное» употребление Мариинского и Зографского евангелий в этом стихе противопоставлено согласованной форме в Ассеманиевом [Večerka 1993: 325]. Б. И. Скупский, рассмотревший этот контекст на материале списков XI–XIII вв. разных изводов, делает вывод, что в них чтение представлено «частично с причастием в им., а частично с дат. самостоятельным» [Скупский 1971: 324].

Из индивидуальных для Пог. чтений с несогласованными причастиями требует оговорки контекст Мт. XIII. 45 (подобъно... коу/пыцоу. ищюще добра висьра). Он вполне мог появиться в результате пропуска слога, поскольку в этой рукописи такого рода описка (как и вставка лишнего слога) встречается часто, ср.: Ѡ(и)де въ гороу, на (о)ноу страну 15, ре(че) 17, 31 об., 33, 48, 75 об., 113 об., 121, 188 об., 238 об., радъ бы вьмъ (да) бы видѣль 34 об., прѣ(дъ) ними 36 об., донь(де)же 43 об., 79 об., Ѡ съ(нь)-мища 45, донде(же) 47, не позна ме(не) 48 об., въ(ма)лѣ 54, да боу(доу)тъ 55 об., 56 (bis), нѣстъ во(ла) прѣдъ оцъмъ 60, оставльша мрѣ(жю) 64, въ(оу)ши 129 об., до (де)ватъмъ годинъ 193 об. и мн. др.; иногда пропущенный слог писцом вписан: се (ре)къ 39 об., не гаша же (вѣ)ры 40 об., ни(ко)гаже 42, (но)щю 59 и др. К приведённому списку вполне можно отнести и пример с причастием: ищюще(моу)¹⁶.

Тем не менее в остальных несогласованных по числу контекстах из Пог. механические описки предполагать нельзя. Можно думать, что формы Пог., не находящие параллелей в древнейших полных апракосах симеоновской редакции, не являются ошибками писца этой рукописи, но наряду с рядом других южнославянских грамматических черт [Мольков 2016: 248–250] были скопированы из болгарского оригинала. В двух чтениях несогласованные формы Пог. находят соответствия в южнославянских рукописях конца XII–XIV вв., содержащих разные типы текста и относящихся к разным изводам церковнославянского языка. По данным евангельских коллаций, чтение слъшавъше... посылла къ нему (Л. VII. 3) содержат Мировославо (сербский извод, полный апракос, конец XII в.) и Карпинское (болгарский извод, полный апракос, конец XIII в.)¹⁷ евангелия, а чтение мръзость запоустѣниа... стоаще (Мт. XXIV. 15) представлено в Карпинском и Орбельском (болгарский извод, краткий апракос, XIII–XIV вв.) евангелиях. Таким образом, единичные чтения с «неправильной» причаст-

¹⁶ Полностью возможность трактовки причастия ищюще как несогласованного всё же не исключена, поскольку контекст (20) из Юр. синтаксически тождествен данному: подобни чловѣкомъ чающе господа. Здесь предположение о пропуске слога в трёх разных рукописях (Юр., Муз. и Пан.) неправдоподобно.

¹⁷ Оба южнославянских полных апракоса относятся к иному типу, нежели рассмотренные выше древнерусские списки, — досимеоновскому [Алексеев и др. 1998: 23].

ной формой оказываются не закреплены за определённым типом текста и представлены в разрозненных списках разного времени.

Рассмотренный материал показывает, что выявленные контексты с нарушением согласования причастий распадаются на две части: одна связана со списком краткого апракоса и поддерживается только южнославянскими списками Евангелия (как полного, так и краткого апракоса), а другая — с полным, и при этом в основном несогласованные чтения не индивидуальны для списка. Обратим внимание на то, что индивидуальные чтения полного апракоса (список Мил.) принципиально отличаются от индивидуальных чтений краткого (список Пог.). Как видно из приведённой таблицы, основная часть индивидуальных чтений Мил. относится к тому же отделу полного апракоса (чтениям, отсутствующим в кратком апракосе), что и его чтения, поддержанные другими списками. А единственное индивидуальное чтение Мил., приходящееся на текст, который есть и в кратком, и в полном апракосе (17-я строка таблицы), в списках краткого апракоса оказывается согласовано. Таким образом, все индивидуальные чтения Мил. встраиваются в дистрибуцию полных апракосов, поэтому в совокупности могут рассматриваться как текстологическая примета. Напротив, индивидуальные чтения Пог. полноапракосными списками не поддерживаются.

В описанной ситуации остаётся предположить, что одна и та же языковая особенность проникала в язык полного и краткого апракоса в разное время. Полный апракос, как уже отмечалось выше, получил определённое количество несогласованных причастных форм на ранней стадии своего бытования, возможно, на одном из этапов составления. При этом слабая распространённость этих форм в краткоапракосных чтениях полного апракоса показывает, что этот этап был достаточно дискретным. Если на болгарской почве эти формы продолжали бы в X в. проникать в текст новых списков полного апракоса, описанной выше чёткой картины по спискам XI–XII вв. не получилось бы. В противоположность этому краткий апракос, дающий в основном поверхностные разночтения, представленные в Пог., получил сравнительно небольшое количество таких форм в более поздний период (в течение X века).

Отнесение всего комплекса примеров, демонстрирующих утрату согласования у причастий в тексте Евангелия к языку старославянских протографов, даёт важную информацию об истории причастий в древнеболгарском языке. В сохранившихся старославянских рукописях употребление несогласованных форм представлено ограниченным числом примеров [Vjørnflaten 2014: 19] и связано с определёнными синтаксическими условиями. Причастия утрачивают согласование в основном в составе инфинитивных конструкций (ср. примеры в [Вайан 1952: 279; Večerka 1993: 324–326]), что является ожидаемым на ранней стадии образования неизменяемых форм, поскольку «в инфинитивных конструкциях причастие, не согласо-

ванное с субъектом по падежу, утрачивает связь с именем, демонстрируя непосредственную зависимость только от глагола» [Пичхадзе 2016: 506]. В приведённом выше списке евангельских примеров неизменяемые образования встречаются в разных синтаксических позициях. При этом из 20 примеров только в двух случаях несогласованная форма находится в составе инфинитивной конструкции: **повели ми древле шъдѣши погрети. оца моего** Л.IX.59 (Пог.) и **сѣвъраса къ нѣмоу народѣ много. како самомоу вълѣвъше въ корабль сѣдѣти въ мори** М.IV.1 (Мст.). Выше уже отмечалась выделенность первого контекста на фоне остальных: только в этом чтении отсутствие согласования среди рассмотренных списков встречается и в тетре, и в обоих типах апракоса (Тип., Пог. и Пан.) и поддерживается чтением старославянских евангелий.

Основной ситуацией для древнерусских списков Евангелия оказывается отсутствие согласования причастия в конструкции *Accusativus cum participio*. Этот оборот содержат 7 контекстов из 20 (см. выше примеры № 6–12). Частая утрата согласования в данной позиции является ожидаемой: есть аналогичные примеры в старославянских текстах и в древнерусском языке во второй половине XII в. [Пичхадзе 2016: 507]. Кроме того, несовпадение по падежу в трёх примерах наблюдается в составе *Dativus absolutus* (№ 13–15)¹⁸, также благоприятствовавшего проникновению несогласованных форм в текст; нарушение согласования в этой конструкции встречается в старославянском Зографском евангелии [Пожгаи 2016: 48].

Оставшиеся 8 примеров связаны с употреблением причастий вне оборотов — как в предикативной, так и в атрибутивной функции. В трёх случаях причастие не согласовано с предикатом по числу (примеры № 2, 3 и 16), в остальных 5 примерах не согласовано причастие в роли атрибута (№ 4, 5 и 17–20).

Материал древнерусских списков показывает, что в старославянском языке функционирование неизменяемых глагольных форм уже охватывало весь спектр позиций. Сохранившиеся старославянские рукописи отразили только начальный этап становления деепричастной формы — её появление

¹⁸ Б. И. Скупский приводит 6 евангельских чтений, в которых по спискам XI–XIII вв. наблюдается причастие в именительном падеже на месте предиката дательного самостоятельного [Скупский 1971: 317–321]. Из них только одно (Л.XXII.55) есть среди рассматриваемых в настоящем исследовании. Характерно, что остальные 5 (Мт.XIV.32, XVI.2; М.I.32, XI.12; Л.XXII.10) наблюдаются в разных списках с разным типом евангельского текста. Несогласованная форма в чтении Мт.XIV.32 представлена в Добрейшовом (тетр) и Путненском (полный апракос) евангелиях XIII в., Мт.XVI.2 — в Тип., М.I.32 — в старославянских Зографском и Маринском четвероевангелиях, М.XI.12 — в Добрейшовом и Л.XXII.10 — в Добрейшовом и Мирославовом (полный апракос) евангелиях. Во всех перечисленных чтениях в полноапракосных списках Мст., Юр., Мил., Доб. и Пан., которые Скупский привлекает к сопоставлению, нарушений в согласовании нет.

в наиболее благоприятствовавших этому синтаксических условиях. Этот книжный узус, по-видимому, ориентировался на раннюю старославянскую норму употребления кратких причастий. Следующая стадия в формировании деепричастной формы отразилась в книжном языке преславских текстов, древнейшие списки которых принадлежат к древнерусскому изводу. К ним можно отнести, в частности, рассмотренный в настоящем исследовании полноапракосный текст Евангелия Мстиславовского типа. Тот же узус, вероятно, отражён в переводе Синайского патерика¹⁹ по древнерусскому списку XI века (Син. 551). Описавший употребление причастий в этой рукописи И. Пожгаи приводит примеры утраты ими согласования как в функции предиката (**вѣлѣ́зша... хотѣ, въздасть... вѣдоуще** [Pozsgai 2009: 430–431]), так и в роли атрибута: **видѣхъ коупѣль наплъненоу воды и прѣливаѣщисѧ; не остави кого лежащи съде; чѣкоу рекъшюмоу къ немоу и обѣщавъшасѧ** [Там же: 436–437]. По наблюдениям исследователя, в большинстве случаев утрачивается согласование по числу [Там же: 440].

Несогласованные формы продолжают использоваться и в более поздних южнославянских переводах. В Ефремовской кормчей С. П. Обнорский отмечает неединичные не согласованные по числу формы причастий (ср. **прѣвлѣкохомъ смоцрь; поучающеѧ (и)... глѧ; съхранить за ны молщесѧ** и др. [Обнорский 1912: 80–81]). Как показывает А. А. Пичхадзе, Ефремовский список «восходит к протографу, созданному южнославянскими книжниками», но при этом «единичные русизмы в переводе (...) могут указывать на возникновение перевода на Руси» [Пичхадзе 2011: 22]. В этой ситуации несогласованные причастные формы в рукописи отражают особенности речи южных славян XI в.

Л и т е р а т у р а

Абдулхакова 2007 — Л. Р. Абдулхакова. Из истории русского деепричастия. Казань, 2007.

Алексеев и др. 1998 — Введение // Евангелие от Иоанна в славянской традиции. Изд. подгот. А. А. Алексеев, А. А. Пичхадзе, М. Б. Бабицкая, И. В. Азарова, Е. Л. Алексеева, Е. И. Ванеева, А. М. Пентковский, В. А. Ромодановская, Т. В. Ткачёва. СПб., 1998. С. 7–37.

Алексеев 1999 — А. А. Алексеев. Текстология славянской Библии. СПб., 1999.

Апракос 1983 — Апракос Мстислава Великого / Изд. подгот. Л. П. Жуковская, Л. А. Владимирова, Н. П. Панкратова / Под ред. Л. П. Жуковской. М., 1983.

Вайан 1952 — А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.

Добрев 1979 — И. Добрев. Текстът на Добромировото евангелие и втората редакция на старобългарските богослужбени книги // Български език. 1979. № 1. С. 9–21.

¹⁹ По мнению большинства исследователей, Патерик был переведён в Болгарии в начале X в. [Николаев 1987: 318].

Евангелие 1998 — Евангелие от Иоанна в славянской традиции / Изд. подгот. А. А. Алексеев, А. А. Пичхадзе, М. Б. Бабицкая, И. В. Азарова, Е. Л. Алексеева, Е. И. Ванеева, А. М. Пентковский, В. А. Ромодановская, Т. В. Ткачёва. СПб., 1998.

Евангелие 2005 — Евангелие от Матфея в славянской традиции / Изд. подгот. А. А. Алексеев, И. В. Азарова, Е. Л. Алексеева, М. Б. Бабицкая, Е. И. Ванеева, А. А. Пичхадзе, В. А. Ромодановская, Т. В. Ткачёва. СПб., 2005.

Жуковская 1959 — Л. П. Жуковская. О переводах евангелия на славянский язык и о «древнерусской редакции» славянского евангелия // Славянское языкознание. Сборник статей. М., 1959. С. 86–97.

Жуковская 1968 — Л. П. Жуковская. Типология рукописей древнерусского полного апракоса XI–XIV вв. в связи с лингвистическим изучением их // Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология. М., 1968. С. 199–332.

Карский 1895 — Е. Ф. Карский. Особенности письма и языка Мстиславова евангелия // Русский филологический вестник. 1895. № 4. С. 169–192.

Кузьмина, Немченко 1982 — И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. История причастий // Историческая грамматика русского языка: Морфология. Глагол / Под ред. Р. И. Аванесова, В. В. Иванова. М., 1982. С. 280–411.

Лукьяненко 1907 — А. М. Лукьяненко. О языке Несторова жития преподобного Феодосия Печерского по древнейшему из дошедших списков // Русский филологический вестник. 1907. Т. LVIII. С. 1–79.

Марков 2001 — В. М. Марков. Из наблюдений над языком Пантелеймонова Евангелия (XII век) // В. М. Марков. Избранные работы по русскому языку. Казань, 2001. С. 31–56.

Мольков 2015 — Г. А. Мольков. Язык и письмо Милятина евангелия // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. XI. Ч. 3. СПб., 2015. С. 683–742.

Мольков 2016 — Г. А. Мольков. Особенности языка и письма Погодинского евангелия (РНБ, Погод. 11) // Die Welt der Slaven. 2016. Jg. LXI, Hf. 2. С. 230–253.

Николаев 1987 — Н. И. Николаев. Патерик Синайский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI — первая половина XIV в.) / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1987. С. 316–321.

Обнорский 1912 — С. П. Обнорский. О языке Ефремовской Кормчей XII века // Исследования по русскому языку. Т. 3. Вып. 1. СПб., 1912.

Пентковский 1998 — А. М. Пентковский. Лекционарии и четвероевангелия в византийской и славянской литургических традициях // Евангелие от Иоанна в славянской традиции. Изд. подгот. А. А. Алексеев, А. А. Пичхадзе, М. Б. Бабицкая, И. В. Азарова, Е. Л. Алексеева, Е. И. Ванеева, А. М. Пентковский, В. А. Ромодановская, Т. В. Ткачёва. СПб., 1998. Приложение 1. С. 3–54.

Пичхадзе 2011 — А. А. Пичхадзе. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011.

Пичхадзе 2016 — А. А. Пичхадзе. О предикативном vs. атрибутивном употреблении причастий в древнерусском: неизменяемые причастия // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 10. 2016. С. 499–515.

Пожгаи 2016 — И. Пожгаи. Употребление дательного самостоятельного в Зографском евангелии // Dialogul slaviștilor la onceptul secolului al XXI-lea. Anul V, nr. 1. 2016. С. 36–50.

Скупский 1971 — Б. И. Скупский. Причастие в именительном на месте предиката дательного самостоятельного в славянских евангельских текстах // *Studia palaeoslovenica* / Red. B. Havránek. Praha, 1971. С. 313–328.

Соболевский 1907 — А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. М., 1907.

Темчин 1991 — С. Ю. Темчин. Дистрибуция глагольных различий в древнейших славянских списках евангелия и объем первоначального перевода // Исследования по глаголу в славянских языках. История славянского глагола. М., 1991. С. 9–41.

Björnflaten 2014 — J. I. Björnflaten. Argeement Loss and Decategorialization of Predicative Participles in Old Church Slavic // *Grammaticalization and Lexicalization in Slavic Languages. Proceedings from the 36th Meeting of the Commission on the Grammatical Structure of the Slavic Languages of the International Committee of Slavists* / Ed. by M. Nomachi, A. Danylenko, P. Piper. München; Berlin; Washington. 2014. P. 15–30.

Pozsgai 2009 — I. Pozsgai. Согласование кратких действительных аппозитивных причастий в Синайском патерике // *Revue des études slaves*. LXXX/4. 2009. P. 427–442.

Večerka 1993 — R. Večerka. Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax. II. Die innere Satzstruktur // *Monumenta Linguae Slavicae Dialecti Veteris*, XXXIV (XXVII, 2). Frankfurt I Br., 1993.

Резюме

В статье обсуждается вопрос о том, являются ли несогласованные формы причастий в древнерусских списках Евангелия XI–XII вв. отражением грамматических процессов древнерусского языка этого времени. Сопоставление списков Евангелия разного типа (тетра, кратких и полных апракосов) показывает, во-первых, что причастия, употребленные в неправильной форме, распределены по типам евангельского текста неравномерно: больше всего их в списках полного апракоса, и именно в той части, которая отличает полный апракос от краткого; и во-вторых, что одни и те же контексты с несогласованными причастиями воспроизводятся в разных списках полного апракоса, в то время как единичные примеры краткого апракоса и тетра не поддерживаются другими списками. Это соотношение позволяет предположить, что утрата причастиями согласования является языковым фактом, унаследованным древнерусскими списками из болгарского текста Евангелия. Активность этого явления в собственно полноапракосных чтениях указывает на его проникновение в текст Евангелия в первой половине X в. — во время его редактирования в симоновскую эпоху. Появление отдельных таких форм в тексте краткого апракоса и тетра могло произойти уже в более позднее время, под влиянием полного апракоса. Анализ синтаксических характеристик причастных форм с утратой согласования показывает, что они допустимы в тексте симоновского полного апракоса уже во всех возможных позициях, что является языковой инновацией на фоне данных сохранившихся старославянского канона.

Ключевые слова: древнерусский язык, историческая грамматика, старославянский язык, причастие, утрата склонения.

Получено 08.03.2017

GEORGIY A. MOLKOV

**INDECLINABLE PARTICIPLES
IN EARLY OLD RUSSIAN GOSPEL MANUSCRIPTS**

The article discusses the question of whether indeclinable forms of participles in the Old Russian Gospel manuscripts of the 11th and 12th century reflect grammatical processes of the Old Russian language of that time. The comparison of the Gospel copies of various types (tetraevangelia, short and full lectionaries) shows, firstly, that the participles used in indeclinable-form are distributed according to the type of the Gospel text: most of them are used in the copies of the full lectionary, and precisely in the part that distinguishes this type from the short; and secondly, that the same contexts with indeclinable participles are reproduced in different codices of the full lectionary, while individual readings of the short lectionary and tetraevangelia are not supported by other manuscripts. This correlation allows us to hypothesize that the loss of participle declination is a linguistic feature inherited by the Old Russian manuscripts from the Bulgarian text of the Gospel. The activity of this phenomenon in full lectionary readings indicates its penetration into the text of the gospel in the first half of the 10th century — during its editing in Simeon's epoch. The penetration of such forms in the text of the short lectionary and tetraevangelia could occur later, under the influence of the complete lectionary. Analysis of the syntactic characteristics of participle forms with the loss of agreement shows that they are acceptable in the text of the Simeon's full lectionary in all possible positions, which is a language innovation against the background of the surviving Old Slavic manuscripts.

Keywords: Old Russian, historical grammar, Old Slavic, participle, loss of case inflection.

Received on 08.03.2017

М. Н. ШЕВЕЛЕВА

**К ПРОБЛЕМЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ
КОНСТРУКЦИЙ ТИПА *ИМАТЬ БЫТИ* VS. *ХОЧЕТЬ БЫТИ*
В РАННИХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ТЕКСТАХ**

1. В последние годы оживился интерес к проблеме семантики древних славянских сочетаний модальных и фазовых глаголов с инфинитивом — так называемого «будущего сложного I». Если в работах второй половины XX в. — П. С. Кузнецова, Г. А. Хабургаева и его учеников и др. [Кузнецов 1959: 233, 235–236; Горшкова, Хабургаев 1981: 293–294; Мустафина 1984; Мустафина, Хабургаев 1985] — было показано, что такие конструкции с разными вспомогательными глаголами различались по своей семантике, и в общем виде намечен характер этих различий¹, то исследователи начала XXI в. обратились к детальному изучению специфики грамматической семантики этих структур с учетом достижений современной грамматической теории и типологии. Работы И. С. Юрьевой, выполненные на материале древнерусских памятников XII–XV вв. [Юрьева 2006; 2009; 2011; 2015 и др.], и статья А. А. Козлова, посвященная семантике конструкций *хотѣти/имѣти* с инфинитивом в языке старославянских (ст.-сл.) памятников [Козлов 2014], существенно продвинули нас по пути понимания значений древних славянских инфинитивных конструкций с *имѣти* и *хотѣти*.

А. А. Козлов рассматривает эти ст.-сл. конструкции как начальный этап грамматикализации будущего времени и, сравнивая их с аналитическими формами будущего современного болгарского языка, практически объединившего бывшие *имѣти*- и *хотѣти*-конструкции в рамках одной парадигмы, предлагает свою версию пути грамматикализации этих древних структур в болгарское будущее и другие футурально-перспективные формы современного болгарского языка [Там же]. Многие из наблюдений этой работы, опирающейся на данные современной грамматической типологии, релевантны и для раннедревнерусского материала — см. об этом [Юрьева

¹ По мнению П. С. Кузнецова, правда, эти различия, восходящие к праславянской эпохе, к началу исторического периода могли уже в значительной степени стертись [Кузнецов 1959: 235].

2015], см. также о перспективной семантике *хотѣти*-оборотов, хоть и с использованием иной терминологии, в работах [Юрьева 2006; 2009]. При этом в вост.-слав. зоне последующей грамматикализации этих структур не произошло — если не считать форм *иму* + инфинитив, исконно представляющих глагол *ѣти* 'взять', грамматикализовавшихся в юго-западной зоне и в ряде севернорусских говоров и надежно фиксирующихся в памятниках в футуральном значении с XIII в. [Соболевский 2004/1907: 168; Горшкова, Хабургаев 1981: 321–322; Юрьева 2011: 76–86 и др.] — см. об этом ниже. Ранние славянские диалектные системы в отношении «перифрастических» конструкций так называемого «будущего сложного I» были, видимо, сходны, поскольку эти структуры восходят к праславянской эпохе, однако уже в раннюю эпоху (XI–XIII вв.) между разными диалектными системами, вероятно, намечались различия — см., например, о сходствах и различиях древнерусских и древнесербских *имѣти* (*имать*) и *ѣти* (*иметь*)-конструкций [Гудков 1963].

Работы И. С. Юрьевой и А. А. Козлова многое проясняют, но многие вопросы еще остаются неясными и нуждаются в дальнейшем обсуждении. Прежде всего это вопрос о семантических различиях *имамь*- и *хочю*-оборотов в сходных контекстах по данным ранних вост.-слав. памятников, что, естественно, напрямую связано с интерпретацией семантики тех и других конструкций. Открытым остается и вопрос о ранних диалектных различиях в сфере рассматриваемых структур. Учитывая достижения недавних работ, посвященных данной проблематике, обратимся к этим вопросам.

Предлагаемая статья представляет результаты наблюдений автора над проблемами семантики *имамь*- vs. *хочю*-конструкций в языке раннего русского летописания и некоторых других памятников того же времени. Основным материалом послужила Повесть временных лет (ПВЛ) по старшим спискам — Лавр. (с разночтениями по Радз. и Акад. спискам), Ипат. (с разночтениями по Хлебн. и Погод. спискам) и НПЛ младшего извода, использованы также данные Жития Андрея Юродивого (ЖАЮ) в древнерусском переводе рубежа XI–XII вв. по старшим спискам Тип. № 182 и Сол. № 216 (см. [Молдован 2000]).

При том что рассматриваемые конструкции в ПВЛ уже не раз были предметом исследования и многие из представленных в этом памятнике примеров уже давно введены в научный оборот и не раз обсуждались (см. [Потебня 1888: 363–370; Мустафина 1984; Мустафина, Хабургаев 1985; Юрьева 2009; 2011; 2015] и др.), к проблеме интерпретации их семантики и системных отношений между конструкциями с *имамь* и *хочю* (тем более что в разных работах их значения трактуются по-разному), как кажется, полезно обратиться вновь. В заглавие статьи вынесены конструкции с инфинитивом *быти*: они представляют собой наиболее яркий образец «минимальной» пары, где особенно отчетливо проявляются семантические различия *имать*/*хочеть*-оборотов. Рассматриваются, разумеется, и сочетания *имѣти*/*хотѣти* с инфинитивами всех прочих глаголов, представленные в ПВЛ.

2. О проспективном значении *хотѣти*-конструкций в восточнославянских памятниках

В понимании семантики древних *хотѣти*-конструкций существенный прогресс достигнут благодаря предложению видеть в них структуры со значением проспектива — аспектуальной категории, маркирующей подготовительную стадию ситуации [Козлов 2014]: ‘состояние X-а таково, что позже произойдет P’, т. е. состояние субъекта «чревато» «некоторой будущей ситуацией» [Плунгян 2011: 385–386], ср. англ. *is going to, is about to* (о показателях проспектива в языках мира см. [Там же]).

Анализ ст.-сл. материала в [Козлов 2014] убеждает, что *хотѣти*-конструкции — и в презенсе (что традиционно называли «будущим сложным I»), и в имперфекте, и в презентном причастии — регулярно используются для передачи проспективной семантики, ср.: ...**вѣны же вьлнвахѹ сѧ вѣ ладнѣ ѣко юже погразньти хотѣше** (Мар Мк 4: 37); **Оучителю когда оубо си бѣдѣтъ. и что естъ знамение егда хотѣтъ си быти** (Мар Лк 21: 7) и др. (см. [Козлов 2014: 130–133]).

То же самое значение этих конструкций представлено и в вост.-слав. текстах: И. С. Юрьева назвала его значением «близкой возможности» [Юрьева 2006; 2009: 15–17], позднее приняв предложенное А. А. Козловым в применении к нему понятие проспектива [Юрьева 2015], — в этих работах так же, как и в работе [Козлов 2014], показано развитие семантики *хотѣти*-конструкций от значения желания через значение намерения субъекта к значению близкой возможности (проспектива) (см. [Юрьева 2009: 12–17; Козлов 2014: 129–133]). Ср. примеры из вост.-слав. памятников:

*И рече Гл҃ѣбъ: «то вѣси л҃гъ, что ти днесь **хочеть быти**»* (ПВЛ, 1071 г., НПЛмл, л. 94 об.);

*Се оуже **хочемь померети** ѿ глада, а ѿ княза помочи н҃гту* (ПВЛ, 997 г., Лавр., л. 44=Ипат., л. 48);

*Прозвутерь же видѣвъ дѣ[ти]ща и срѣчьными очима прозѣря юже о немь **яко хочеть** из млада Богоу **дати** сѧ **Ѡеодосиємь** того нарицають* (ЖФП, 27а–27б);

*Зимѣ бо велицѣ наставиши и мразоу лютѣ наставишу сѣщѣ всѧкъ родѣ плотныи ѿ бѣды зимныа **хоташе издыхати*** (ЖАЮ, Сол., л. 13, 642–643);

*И прѣже поидеть дѣхъ суици в немь сѣ громомь.путь творѧ водамь **хоташимь прити** на облацѣхъ* (ЖАЮ, Тип., л. 53в, 4269–4271) и др. (см. [Юрьева 2009: 15–16; 2015] и др.).

При этом для части ст.-сл. проспективных *хотѣти*-конструкций в [Козлов 2014] предлагается видеть значение *предестинативного проспектива* (‘X-у суждено/предстоит V’), отличающееся от собственно проспектива тем, что «подготовительная» фаза осмысляется не как «какое-либо определенное положение дел, а [как] ненаблюдаемые метафизические свойства мироустройства», тем самым они оказываются неизменными на всем протяжении существования мира, а «подготовительная фаза для вы-

сказываний типа 'X-у суждено V' становится максимально размытой» [Там же: 128]. Такое значение предполагается для пророчеств-предсказаний типа ст.-сл.:

вѣдѣаше во искони ѿсь. кто сжтъ не вѣроуѣжштен. і кто есть хотѣши прѣдати и (Мар. Ин 6: 64) — совр. перевод «и кому предстояло предать Его»;

сего же о себѣ не рече. нѣ архіерен сы лѣтоу томоу прорече. ѿко хотѣаше ѿс оумьрѣти за люди (Мар. Ин 11: 51) — совр. перевод «... будучи на тот год первосвященником, предсказал, что Иисусу суждено умереть за народ» — и др.

Сходные контексты предсказаний-пророчеств встречаются и в вост.-слав. памятниках — И. С. Юрьева соглашается с тем, что в них можно видеть не собственно проспективное, а предестинативное значение. Так трактуется приведенный выше контекст из ЖФП (*яко хощетъ из млада Богоу дати са л. 27а–27б* 'ему суждено посвятить себя Богу') и некоторые другие контексты из ранних вост.-слав. агиографических текстов; так же интерпретируются и некоторые примеры из летописей, где — в силу отличия их содержания от агиографических памятников — контексты пророчеств встречаются реже, но они тоже есть, ср. не раз обсуждавшийся пример: *лютъ се мужъ хоче быти, яко имгъня не брежетъ, а оружье юмлетъ* (ПВЛ, 971 г., Лавр., л. 22; Ипат., л. 28 об. *хощетъ быти*; НПЛмл, л. 40 об. *хочетъ быти*) — перевод И. С. Юрьевой 'должно быть, он поступит жестоко' [Юрьева 2015] (о разных трактовках данного контекста см. ниже).

Обратим при этом внимание на то, что, предлагая видеть в подобных контекстах предестинативное значение, А. А. Козлов предполагает здесь последующую ступень эволюции семантики *хотѣти*-конструкций: переход от внутреннего проспектива (описывающего состояние участника ситуации) к внешнему проспективу (описывающему уже состояние не участника, а окружающего его мира), что аналогично типологически закономерному развитию от внутренней модальности ('X-у нужно V') к внешней модальности ('X-у придется V') [Козлов 2014: 127–128]. Предестинативный проспектив (типа 'X-у суждено/предстоит V') понимается именно как одна из стадий развития внешнего проспектива [Там же] (о различении значений внутреннего и внешнего проспектива, называемого здесь «интенциональным» и «провиденциальным», см. также [Плунгян 2011: 387]).

Однако возникает вопрос, действительно ли древние славянские *хотѣти*-конструкции в таких контекстах предсказаний-пророчеств полностью порывают с интенциональной семантикой, идущей от формирующего их модального глагола, и трансформируются в значение внешнего проспектива, представляющего ситуацию как неизбежно должную произойти в силу устройства мира и вне зависимости от внутренних свойств субъекта. И в чем тогда отличие их значения от *имать*-конструкций, для которых еще в большей степени характерно употребление в предсказаниях и про-

рочествах и не раз отмечавшееся исследователями значение неизбежности, неотвратимости грядущей ситуации (см. [Мустафина 1984: 13–14; Мустафина, Хабургаев 1985: 25–28; Юрьева 2009: 7–9; 2011: 72–75] и др.)?

Понятно, что современный русский перевод евангельских контекстов типа «предстояло предать», «суждено умереть» (см. выше) предлагает такую «внешнюю» проспективную трактовку, но в современном русском языке нелегко найти адекватные средства точной передачи различий значений внешнего и внутреннего проспектива — так ли это интерпретировалось исконно? Заметим, что и в лингвистических исследованиях значения *хотѣти/имѣти*-конструкций в таких пророчествах обычно трактуются с помощью одних и тех же языковых средств (ср.: *не имамъ налѣсти дружины* ПВЛ, 996 г. ‘мне не найти’ [Потебня 1888: 364; Юрьева 2011: 71]; *не пѣцѣтеса како или чѣто имаате глаголати* Остр.Ев. Мат 10: 19 ‘надлежит сказать, суждено сказать’ [Юрьева 2011: 70] и под. (подробнее о *имѣти*-конструкциях см. ниже). Были ли подобные «пророческие» контексты с *имѣти* и *хотѣти* действительно практически синонимичны, а если нет, то в чем состояли различия их семантики?²

Очевидно, что с совершенной надежностью это установить вряд ли возможно. Предложим некоторую гипотезу.

Как кажется, во всех примерах с *хотѣти* — как собственно проспективных, так и тех, которые А. А. Козлов — И. С. Юрьева называют предестинативными, т. е. в контекстах пророчеств — неизбежность наступления ситуации обусловлена развитием внутренних свойств субъекта. Даже если эти свойства изначально заложены извне — свыше (что никак не противоречит тому, что они мыслятся как присущие данному субъекту), они есть часть этого субъекта и категоризируются языком (по крайней мере, на том этапе, который отражен древнерусскими памятниками) как пророческие от субъекта, а не извне по отношению к нему — со стороны внешнего мира.

Так, в уже приведенном известном примере из ПВЛ: *и рѣша бояре лють се мужь хоче быти* (971 г., Лавр., л. 22 — Ипат: *и ркоша бояре лють сти мужь хочет быти*, л. 28–28 об.) — это «предсказание» царских бояр основано на том, что они наблюдали: это вывод, следующий из оценки поведения Святослава, оставшегося равнодушным ко всем дарам, кроме меча (заметим, что в данном контексте обоснование этого вывода — «пред-

² Обратим внимание на замечание А. А. Козлова о том, что «предестинативное значение *хотѣти*-конструкций вообще денотативно близко смыслу, который передает *имѣти*-конструкция: часто они могут взаимозаменяться» [Козлов 2014: 136] (примеры таких замен, правда, не приведены). В работах же Г. А. Хабургаева — Э. К. Мустафиной на материале разных списков ПВЛ, наоборот, подчеркивается отсутствие взаимной мены *хотѣти/имѣти*-конструкций, что свидетельствует о сознательном выборе древнерусскими книжниками *имать* vs. *хочеть* — конструкции и наличии между ними семантических различий [Мустафина, Хабургаев 1985; Мустафина 1984: 12].

сказания» прямо эксплицировано: *яко имѣнья небрежеть, а оружие ѹмлеть*). Вывод об ожидаемом поведении субъекта здесь основан на наблюдаемом проявлении его внутренних свойств — нет оснований видеть в этом контексте значение внешнего проспектива³.

Так же в контекстах из ЖФП предсказания о предстоящем жизненном пути Феодосия подаются *хотѣти*-конструкциями, видимо, как постижение заложенных в нем (ребенке) особых свойств, ср.: *прозвутерь же видѣвъ дѣ[ти]ца и срѣдѣчными очима прозѣря ѹже о немъ яко **хочетъ** из млада Богоу дати са...* (ЖФП, 27а) — священник, увидев младенца, постиг духовным взором, что заложено в этом ребенке, каков будет его путь. Точно так же прозрение-провидение Антония, к которому пришел юный Феодосий, мы видим в контексте: *и прозорочьными очима прозѣря. ако тѣ хотѣше възградити самъ мѣсто то. и манастырь славнь **сътворити*** (ЖФП, 31б) — блаженный Антоний постиг, что это «заложено» в Феодосии, причем в тексте сказано, что он «прозрел» это «прозорочьными очима» в процессе беседы с юношей (*се же не тѣкмо искоушаа и глаголаше нѣ и прозорочьными очима прозѣря...* Там же).

Как кажется, в таких контекстах предсказанное — то, что определенно должно произойти — представлено как проявление внутренних свойств субъекта, заложенных в нем изначально. Конечно, в современном переводе подобные контексты удобнее всего передать как ‘ему суждено, предстоит’ и под. Но в древнем тексте, как кажется, это ≈ ‘предстоит’ представлено как идущее из субъекта, а не «поставленное» перед ним извне. Как кажется, проспектив здесь остается внутренним и нет принципиальной разницы в грамматической семантике таких «предестинативных» контекстов предсказаний с *хотѣти* и собственно проспективных типа *се оуже хочемъ померети ѿ глада* ПВЛ, 997 г. и под.

Кстати, основания выделения таких контекстов, для которых предполагается значение внешней модальности и внешнего проспектива, оказываются очень неопределенными. Так, сходное значение предсказания можно увидеть и в ряде других контекстов из ПВЛ, ср., например:

*дѣяволь ра^овашесѣ сему не вѣдѣи яко близъ погибель **хотѣше быти** ему* (ПВЛ, 983 г., Лавр., л. 26 об. = Ипат., л. 32 об.) — дьявол радовался, не зная, что погибель ему здесь была предопределена, определенно предстояла (со-

³ Поэтому и переводы с помощью вводного «должно быть», восходящие к А. А. Потебне, кажутся не совсем точными («должно быть (стало быть) он лют, когда...» [Потебня 1888: 367]; «должно быть, он поступит жестоко» [Юрѣва 2015]): в таком случае выражается переход уже к эпистемической модальности — оценке вероятности данной ситуации со стороны говорящих, чего в древнем тексте, видимо, все-таки нет (при этом в трактовке А. А. Потебни значение *хотѣти* здесь полностью сводится к эпистемической оценке, а проспективно-футуральной семантики не предполагается вообще, ср. его полемику с Ф. И. Буслаевым: «т. е. не “он будет жесток”, как понял Буслаев (п. 185, прим. 2), а “должно быть (стало быть) он лют, когда...”» [Там же]).

биралась произойти), при этом языком это подается как событие, надвигающееся «со стороны» этой гибели, выступающей здесь в роли субъекта;

ср. также предсказание волхвов в Речи Философа: [*И рѣша вольсви египетъстии ѿрю. родилса еѣ дѣтиць в жидѣхъ* — из РА]. *иже **хочеть погубити** Сюпетъ* (ПВЛ, 986 г., Лавр., л. 31 = Ипат., л. 37 = НПЛмл, л. 53) — контекст, сходный с рассмотренными выше контекстами из ЖФП;

ср. частично приведенный выше контекст из рассказа о восстании волхвов в Новгороде, который тоже, в сущности, является «пророчеством»: *Глѣбъ же возма топоръ подѣ skutоѣмъ приде к волхву и рече ѹму. То вѣси ли что ѡтро **хочеть быти** и что ли до вечера. он же рече проповѣжь вса. И рече Глѣбъ то вѣси ли что [ти] **хочеть быти** днѣхъ* (ПВЛ, 1071 г., Лавр, л. 61 = Ипат., л. 67 = НПЛмл, л. 94 об.) — Глеб предлагает волхву предсказать, что произойдет утром и до вечера, что произойдет сегодня (сейчас); и опять, как и в прочих контекстах предсказаний с *хотѣти*-конструкциями, событие предстает как надвигающееся со стороны субъекта (в данном случае субъектом оказывается само это событие, обозначенное местоимением *что*).

Яркие примеры контекстов пророчеств с *хотѣти*-конструкциями — с тем же значением, что и рассмотренные выше контексты из ПВЛ, — мы находим в ЖАЮ, значительная часть текста которого содержит эсхатологические предсказания Андрея Юродивого, ср.:

*Поминаа же стго дивлшесл. како прореѣ емѣ все ели[ко] са ему **хоташе створити*** (ЖАЮ, Сол. 216, л. 70 об., 2694) — ‘предсказал ему все, что с ним собиралось (должно было, предопределено было) произойти’;

*Се есть послѣдняя моя повѣсть к тебе. оуже бо нѣ ти мене видити. ни оузриши мене жива ни оумерша // нѣ толико дѣхомъ. нѣ повѣдѣ ти чисто все **хоташе быти** послѣди* (ЖАЮ, Сол. 216, л. 169 об.–170, 5975) — ‘я рассказал тебе все, собирающееся произойти после’ и др.

У этих контекстов «пророчеств», как кажется, нет принципиальных отличий в грамматической семантике от прочих («непророческих») проспективных контекстов с *хотѣти*-конструкциями типа: *...всакъ родъ плотныи ѿ бѣды зимныа **хоташе издыхати*** (ЖАЮ, Сол. 216, л. 13, 642–643); *Развѣгли бо бѣахѣ како оутро **преставитиса** **хочеть** ѿ тѣла* (ЖАЮ, Сол. 216, л. 131 об., 4709–4710); *...путь твора водамъ **хоташимъ прити** на облацѣхъ* (ЖАЮ, Тип. 182, л. 53, 4271) — из разъяснений Андрея, откуда берется дождь («О водах»), и др.

Показателен яркий пример из эсхатологических бесед Андрея с Епифаном, где первые две *хотѣти*-конструкции употреблены в «пророческом» контексте (вопросе Епифана о том, верно ли такое пророчество), а третья — в отрицательном ответе Андрея — «пророческого» смысла не несет: *Добрыи мои бѣче. азъ бо о тѣхъ не пекуса но се ми повѣжь. како нѣции глѣть. како не **потопитиса** **хочеть** стѣа Софѣа съ градомъ. нѣ невидимую силою **повиснути** **хочеть** на въздуси. Стець рече. Что глѣши чаѣ. тако. да всему граду погружену суцю како та **хочеть ѡстати**. комуже та **късть** кому надоби. ци Бу. иже не в рукотворенахъ црѣвахъ живеть. лжа*

есть слово се (ЖАЮ, Тип. 182, л. 65 об.–66, 5424–5429) — ‘как же она собирается (должна будет, может) остаться, если весь город будет потоплен, кому же она нужна, разве [будет она нужна] Богу, который в нерукотворных церквях живет...’ — в современном переводе присущее древним конструкциям значение внутреннего проспектива неизбежно ускользает.

Думается, что принципиальных отличий в грамматической семантике контекстов предсказаний с *хотѣти*-конструкциями от собственно проспективных контекстов нет: во всех случаях проспективного употребления этих оборотов в вост.-слав. текстах это внутренний (интенциональный) проспектив, развившийся на базе присущего глаголу *хотѣти* значения внутренней модальности (по цепочке: желание → намерение → проспектив); как кажется, перехода к значению внешнего проспектива здесь нет. Показательно в этой связи, что в вост.-слав. зоне нигде не произошла грамматикализация этих структур в будущее время, при том что сами *хотѣти*-конструкции по говорам сохранились, ср. диал.: *день хочет быть хорошим* (арх.), *На кого же он хочет походить* (о двухмесячном мальчике)? (д. Деулино, ряз.) [Юрьева 2009: 17] — с тем же значением внутреннего проспектива, что и в древнерусских текстах⁴.

По-видимому, и для ст.-сл. контекстов пророчеств, трактуемых в [Козлов 2014] как предестинативный проспектив, ситуация была сходной с древнерусской. По крайней мере, принципиальных семантических отличий приведенных евангельских контекстов от рассмотренных выше примеров из вост.-слав. памятников не наблюдается. Так, в контексте **вѣдѣаше бо исконни ѿсь кто сжтъ вѣроуѣштѣи. і кто есть хотѣи прѣдати и** (Мар. Ин 6: 64) предначертанность предательства вполне могла быть представлена как заложенная изначально в тех, кому предстояло это сделать; еще с большей вероятностью подобным образом интерпретируются контексты о Иисусе — о том, что Ему предстояло умереть за людей: ... **ѣко хотѣаше ѿс оумьрѣти за люди** (Мар. Ин 11: 51), см. выше — ср. рассмотренные выше контексты из ЖФП. Сходен по грамматической семантике с контекстами пророчеств из ПВЛ и ЖАЮ (см. выше) евангельский контекст: **когда оубо си вждѣтъ и что естъ знамение егда хотѣтъ си быти** (Мар. Лк 21: 7), см. выше.

Вполне вероятно, что в эпоху ст.-сл. памятников и в болгаро-македонской зоне *хотѣти*-конструкции оставались еще таким внутренним (по происхождению интенциональным) проспективом — до его грамматикализации в аналитическое будущее было еще довольно далеко.

В вост.-слав. зоне в древнерусскую эпоху это было, судя по всему, именно так — и остается до сих пор там, где эти структуры сохранились.

⁴ Кажется, в определенной степени близкое (хотя, конечно, неточное) современное русское литературное соответствие этих конструкций — сочетание с глаголом *собираться*, значение которых также базируется на значении намерения, при этом, как и у древнерусских и диалектных *хотѣти*-конструкций, может относиться и к неодушевленному субъекту.

По-видимому, эта метафорическая интенциональность *хотѣти*-конструкций и лежит в основе отличия их семантики от *имѣти*-конструкций, также передающих значение неизбежности наступления грядущего события (и особенно часто в пророчествах), но уже со стороны внешнего по отношению к субъекту мира.

3. Проблема семантики *имѣти*-конструкций.

Имамь + инфинитив и *иму* + инфинитив: источники и пути развития грамматической семантики

Тот факт, что именно конструкции типа *имать*+инфинитив передают в древних славянских текстах модальное значение неизбежности, неотвратимости наступления указанной ситуации, отмечалось многими исследователями. Еще А. А. Потебня писал, что конструкции *имамь*+ инфинитив могут иметь «модальный оттенок необходимости» и «приписываемой говорящему уверенности, что события, о коих он говорит, непременно совершатся» (*сребромъ и златомъ не имамъ налѣсти дружсины* (мне не найти, наверное не найду) ПВЛ, 996 г., Лавр., л. 43 об.; *видите ли горы сиа? яко на сихъ горахъ восиааетъ блѣдъ божья, имать градъ великъ быти и цркви многи Бъ въздвигнути имать* ПВЛ, Введ., Лавр., л. 3 об.) [Потебня 1888: 364]; ср. также о значении неотвратимости и неизбежности, передаваемом этими конструкциями, в работах [Горшкова, Хабургаев 1981: 294; Мустафина 1984: 13; Мустафина, Хабургаев 1985: 25–28; Юрьева 2009: 7–8; 2011: 68–74].

А. А. Козлов предложил видеть в ст.-сл. конструкциях *имѣти* + инфинитив «будущее время с усиленной ассерцией», т. е. уже (грамматикализовавшиеся?) аналитические формы будущего времени, передающие при этом более высокую уверенность в грядущем, чем обычно [Козлов 2014: 134–138], — именно так трактуется отмечавшееся исследователями для этих конструкций значение уверенности в том, что указанные события непременно совершатся (см. выше [Потебня 1888: 364], ср. также ссылки на отмечаемое Х. Бирнбаумом значение «эмфатического акцента» у *имѣти*-конструкций, см. [Козлов 2014: 143]). Правда, для трех ст.-сл. примеров этих оборотов об ассерции говорить явно невозможно, ср.: *рыци намъ. когда се вѣдетъ и кое вѣдетъ знаменне. егда имѣтъ съкончати са всѣ си* (Мар. Мк 13: 4); *можетъ ли пити чашъ. ѿже азъ имамъ пити* (Мар. Мф 20: 22); *и вы не иштете что имате ѿсти и что пити* (Мар. Лк 12: 29) — их предлагается интерпретировать «в духе внешней возможности» и считать архаизмом, отражающим предшествующую стадию развития конструкции [Там же: 138, 142].

Для древнерусских *имѣти*-конструкций говорить о грамматическом будущем явно невозможно, хотя их употребление в книжных памятниках во многом сходно со старославянским. Связано ли последнее исключи-

тельно с книжностью *имамь*-конструкций и их чуждостью вост.-слав. диалектной системе или причины все-таки следует искать в их семантике и грамматическом статусе?

Исследователи не раз обращали внимание на то, что конструкции с *имѣти* (*имамь*, *имать* и т. д.) встречаются только в книжных вост.-слав. текстах [Кузнецов 1953: 254–255; Гудков 1963: 44; Горшкова, Хабургаев 1981: 322; Юрьева 2009: 7; 2011: 75 и др.] — в вост.-слав. ареале с достаточно раннего времени они принадлежали, видимо, только книжной традиции. Высказывалось даже предположение, что они вообще были чужды живому древнерусскому языку [Гудков 1963: 44], однако неясным остается, с какого времени: предлагается ли это различие возводить еще к позднепраславянской эпохе или уже к древнерусской. Достаточно широкое и явно семантически мотивированное употребление *имамь*-конструкций в раннем киевском летописании — прежде всего в ПВЛ (см. [Потебня 1888: 363–365; Мустафина, Хабургаев 1985; Юрьева 2009: 7–11; 2011], см. также ниже) — свидетельствует, думается, о том, что в раннедревнерусскую эпоху эти структуры существовали по крайней мере в пассивном знании вост.-слав. книжников, т. е. были уже архаичными и не употреблявшимися в разговорной речи, маркированно книжными, но не чуждыми — понятными с семантической точки зрения и при необходимости в соответствующих текстах употребляемыми (ср. сходную трактовку *имамь*-конструкций как архаизмов в [Юрьева 2009; 2011: 72]), аналогично ситуации с аористом и имперфектом в вост.-слав. памятниках (см. [Зализняк 2004: 174]).

Насколько рано в некнижном др.-рус. языке распространились конструкции с *имоу* (от глагола *ѣти* ‘взять’), вроде бы лишённые какого-либо модального значения и выражающие собственно значение будущего, — остается не вполне ясным: в летописи они проникают со второй половины XIII в., в деловых грамотах надежно фиксируются тоже с XIII в. [Юрьева 2011: 75–80], однако известны примеры из ранних княжеских уставов, хоть и дошедших в более поздних списках (см. [Там же]). Вопрос о ситуации с *имамь*-//*имоу*-конструкциями в раннедревнерусскую эпоху (XI–XII вв.) еще нуждается в исследовании — возможно, это был переходный период от одной (модальной) к другой (скорее фазисной, а впоследствии собственно футуральной) конструкции⁵; о возможном пути семантической эволюции *иму*-конструкции см. ниже.

⁵ Взаимодействие парадигм глаголов *имѣти* (*имать*) и *ѣти* (*иметь*), о котором писал П. С. Кузнецов, практически объединяя их в один глагол [Кузнецов 1959: 236], видимо, действительно имело место: несомненным основанием для такой контаминации была омонимия форм 3 л. мн. ч. *имуть* и для нетематического *имѣти*, и для тематического глагола *ѣти*; о взаимодействии *имамь*-//*имоу*-конструкций по данным памятников XIII–XV вв. см. [Юрьева 2009: 10–12; 2011: 80–86]. Однако приводимые В. П. Гудковым параллели из древнесербских памятников, где те же конструкции сосуществовали достаточно длительное время, причем со сходным распределением модального (*имѣти*-конструкция) // немодального (*ѣти*-конструк-

Вернемся к раннедревнерусским летописям, где из названных двух типов структур представлены только конструкции с *имамь*.

3.1. Как уже говорилось, в подавляющем большинстве случаев *имѣти*-конструкции в ПВЛ выражают отмечавшееся исследователями значение неизбежности грядущего события — ср. примеры выше, ср. также в рассказе о крещении Ольги: *И рѣтѣ пѣрархъ чадѣ вѣрное во Крѣта крѣтилася еси и во Крѣта облечеся. Хѣтъ **имать** схранити тѣ. якоже // схрани Сноха и первыя роды* (ПВЛ, 955 г., Лавр., л. 17 об.–18 = НПЛмл, л. 35 — Ипат.: *схранити тѣ*, л. 24 об., но Х.П. *има^т схранити*, что явно представляет исконное чтение ПВЛ);

ср. в рассказе об осаде Киева печенегами: *аще кто не приступитъ с утра (Р.А. не подступите заутра) **предатиса** **имамъ** Печеньгомъ 'неизбежно сдадимся, вынуждены будем сдаться'* (ПВЛ, 968 г., Лавр., л. 19 об. = Ипат., л. 26 — НПЛмл *предатиса* *имоуть*, л. 37 об.) — и в словах печенегов из того же рассказа: *Аще ли сего не створимъ **погубити** ны // **имать** Стославъ 'неизбежно погубит'* (968 г., Лавр., л. 19 об.–20 = Ипат., л. 26 об. = НПЛмл, л. 37 об.);

в рассказе об осаде Владимиром Корсуня: *и рѣтѣ Володимиръ къ гражаномъ. Аще са не вдасте **имамъ** **стояти** и за .г. лѣ^т (988 г., Лавр., л. 37 об. = Ипат., л. 41 об. = НПЛмл, л. 61 об.)* — и далее в том же рассказе обращение к греческой царевне: *Видиши ли колько зла створиши Русь Грекомъ и нынѣ аще не идеши то же **имуть** **створити** намъ 'непременно сделают' и одва ю принудиши* (988 г., Лавр., л. 38 = Ипат., л. 42 = НПЛмл, л. 62 об);

в словах дьявола после крещения Руси: *не **има^т** оуже **црѣтовати** въ странѣ сихъ 'мне уже не царствовать — неизбежно'* (ПВЛ, 988 г., Лавр., л. 41 = Ипат., л. 44 об. = НПЛмл, л. 66 об.) и др.

Ср. примеры из поздней части ПВЛ:

*И рѣтѣ юму иди в Русь опать и буди блѣвльнѣ ѿ Стыя Горы. и рѣтѣ юму яко ѿ тебе мнози черньци **быти** **имуть*** (ПВЛ, 1051 г., Лавр., л. 53 — Ипат.: *и мнози ѿ тебе чернорисци будутъ*, л. 58 об.) — о пострижении Антония, которому предстояло основать Печерский монастырь, — пророчество о том, что непременно совершится;

*И прислаша Торци къ Стополку глѣце. Аще не пришеши брашна **предатиса** **има^т** 'вынуждены будем сдаться'* (ПВЛ, 1093 г., Лавр., л. 73 об. = Ипат., л. 81 об.) и др.

Семантика *имать*-конструкций здесь та же, что и в ст.-сл. текстах, хотя отмечаемого для ст.-сл. Евангелий тяготения к отрицательным контекстам [см. Козлов 2014: 134–135] не наблюдается. Действительно, обнаруживает-

ция) значений, но при этом равно возможные в не книжных текстах (см. [Гудков 1963: 39–43]), указывают на возможность длительного периода сосуществования этих различающихся по значению структур, предшествующего, очевидно, грамматикализации будущего времени.

ся тенденция к преимущественному употреблению *имѣти*-оборотов в ассертивной части высказывания — особенно в главной части условных конструкций с препозитивным придаточным (типа *аще* Р / [то] *имать* + инфинитив) и даже, возможно, к превращению таких структур в устойчивые формулы (ср. выше в приведенных примерах неоднократно встречавшееся: *аще не... / предатиса имамъ* при описании ситуации осады, ср. ту же структуру с тем же значением 'если (не) будет сделано нечто, неизбежно произойдет это' с другим лексическим наполнением). В силу модальной семантики *имать*-конструкций ассерция в таких контекстах действительно становится усиленной.

Однако такое употребление для *имѣти*-оборотов все же не обязательно — см. примеры выше, см. также, например, контекст из заключительной части ПВЛ (слова половцев):

*Просим мира оу Руси. како крепко **имуть битиса** с нами. мы бо много зла створихо^{тн} Русскѣи земли* (ПВЛ, 1103 г., Лавр., л. 93 об. = Ипат., л. 35 об.) 'давайте будем просить у Руси (русских) мира, потому что они [неизбежно, точно] будут крепко биться с нами из-за того, что мы много зла причинили Русской земле' — и др.

Развитие этого значения «неизбежности, неотвратимости» *имѣти*-конструкций объяснимо: оно идет от глагола обладания, эволюционирующего в показатель внешней необходимости. На такой путь развития семантики этих славянских оборотов уже обращали внимание исследователи: «действие или событие подается как уже «принадлежащее субъекту», как «находящееся в его собственности», т. е. субъект как бы уже «обладает» событием — отсюда «Х *имать* (произойти)» выражает 'Х (непреренно) произойдет'» [Юрѣва 2009:8; 2011: 71]; о том, что развитие глагола обладания в показатель внешней необходимости типологически хорошо засвидетельствовано (ср. англ. *X has to V* и др.), см. [Bybee, Perkins, Paugliuca 1994: 183–185], в связи с рассматриваемыми славянскими конструкциями см. [Козлов 2014: 142]. Подчеркнем, что семантически глагол типа 'иметь' ('habere') развивается в показатель именно внешней модальности (из базового значения 'я имею это', т. е. это находится в моей собственности — но не во мне как часть меня, это не есть мои внутренние неотчуждаемые свойства, как для конструкций с *хотѣти*), и эта модальность *имамь*-конструкций — именно модальность необходимости (уже 'имею' сейчас — тем самым выражается, что действие произойдет неизбежно и необходимо, иные возможности развития событий исключаются)⁶. Именно

⁶ Безусловно, это лишь самый общий «грубый» набросок пути развития семантики конструкции, не претендующий на точное представление отдельных стадий семантических сдвигов. Как уже отмечалось, развитие у конструкций типа 'имеет (произойти)' значений типа 'необходимо (должно) произойти' типологически закономерено (см. указ. соч.). Специально обратим внимание на то, что модальное значение неизбежности («destiny», «inevitability», «what is to be»), которое мы находим у рассматриваемых *имать*-конструкций, также отмечалось типологами как значе-

отсюда, как кажется, возникает отмечавшееся исследователями значение подчеркнутой (более высокой) уверенности в том, что названные события непременно (безальтернативно) совершатся (см. выше).

В [Козлов 2014] предполагается, что *имѣти*-конструкции в ст.-сл. отражают уже следующую ступень своей семантической эволюции: от внешней необходимости к будущему времени с усиленной ассерцией (впоследствии этот экспрессивный компонент семантики утратится и оно превратится в нейтральное будущее время) [Там же: 142]. Сомнение здесь вызывает предложение трактовать *имѣти*-конструкции уже как морфологическое (?) будущее время — даже для ст.-сл., хотя в южнославянской диалектной зоне ситуация могла быть более продвинутой, чем в вост.-слав. Для вост.-слав. зоны это определенно не так: будущего на базе *имамь*-конструкций здесь вообще не разовьется — при этом употребление этих структур в ранних вост.-слав. текстах в основном сходно со ст.-сл.

Как кажется, представленное в древних славянских текстах значение *имамь*-конструкций — это и есть модальное значение необходимости, по своему генезису внешней, хотя этот ее внешний по отношению к субъекту характер может быть уже в значительной степени «выветрившимся» (как внутренний исконно интенциональный характер семантики у *хотѣти*-конструкций — см. выше).

Обратим внимание, что в ПВЛ (как и в других памятниках) встречается употребление глагола *имѣти* (*имамь*, *имаши*, *имать*...) и в собственном лексическом значении 'habere' — причем не только в ранней части летописи.

Ср., например, вне сочетаний с инфинитивом:

*Кудесникъ же вставъ рече // новго(ро)дѣцю. бзи не смѣють прити. нѣчто **имаши** на собѣ. кгоже боатса. он же поманувъ на собѣ крѣтъ и бшедъ постави кромѣ храмины тое* (ПВЛ, 1071 г., Лавр., л. 60 об.) — 'не-что имеешь на себе, чего [бесы] боятся';

*И рѣша юму [Святополку] мужи смыслени. Не кушаиса противу имъ яко мало **имаши** вои* (ПВЛ, 1093 г., Лавр., л. 72 об.) — '... так как ты мало имеешь воинов (у тебя мало воинов, маленькое войско)';

ср. в том же рассказе о распри между Святополком и Владимиром под 1093 г.: *И рѣша има мужи смыслени. почто вы распра **имате*** (РА — *имата*) *межи собою. а погании губѣть землю Русьскую* (ПВЛ, 1093 г., Лавр., л. 73) — '... вы распри имеете (враждуете) между собой, а поганые...' и др.

Интересно, что встречаются контексты, где формы типа *имамь* — *имать* употребляются как вне сочетаний с инфинитивом в собственном лексическом значении 'иметь', так и в конструкции *имать* + инфинитив с модальным значением неизбежности грядущей ситуации. Соположение тех и других форм в тексте делает особенно наглядным связь этих значений — прямого и переносного, представленного в инфинитивной конструкции, ср. в начальной части ПВЛ:

ние, тесно связанное с необходимостью и часто объединенное с ней [Bybee, Perkins, Paugliuca 1994: 186–187].

... да не посраимъ земль Рускїѣ но лажемъ костьми [ту] мертвы. и бо срама **не имамъ** (НПЛмл — **не иму^м**). *Аще ли побѣгнемъ срама имамъ и не имамъ оубѣжати* но станемъ крѣпко (ПВЛ, 970 г., Лавр., л. 21 об. = НПЛмл, л. 40; Ипат. — *аще ли побѣгнемъ то срама на^м*. и не **имамъ оубѣжнути** но станемъ крѣпко, л. 28) — по всей видимости, первоначальным было чтение Лавр. = НПЛмл *срама имамъ и не имамъ оубѣжати* с находящимися рядом формами *имамъ* в исходном значении ‘срам (позор) имеем (= будем иметь, получим)’ и в модальном значении необходимости в сочетании с инфинитивом ‘ни за что не убежим, нам необходимо не убежать’⁷.

Ср. в цитированном выше рассказе из поздней части ПВЛ о распре между Святополком и Владимиром под 1093 г. наряду с независимыми формами *имаши вои* ‘имеешь воинов’, *распра имате межси собою* (см. выше) в начале рассказа представлена инфинитивная *имѣти*-конструкция:

*Володимеръ же нача размышлати река. Аще саду на столь бѣца своего. то **имѣ^т** рать со Стополко^м **взѣти**. како есть столь пре^ж бѣ бѣца юго былъ* (ПВЛ, 1093 г., Лавр., л. 72 об. = Ипат., л. 80) — ‘неизбежно (должен) буду (мне придется) воевать со Святополком, потому что...’ — то же значение внешней необходимости, выраженное посредством глагола *имѣти* в сочетании с инфинитивом основного глагола.

3.2. В описаниях семантики *имѣти*-конструкций можно встретить указание на выражаемое ими (помимо значения неизбежности/необходимости) значение долженствования [Юрѣва 2009: 8–9; 2011: 74–75]. Однако понятие долженствования достаточно расплывчато: иногда его выделяют и у *хотѣти*-конструкций (см.: [Кузнецов 1953: 252; 1959: 235; Мустафина, Хабургаев 1985: 25, 30; Юрѣва 2009: 13–14]) — там, где современный русский перевод с использованием слов «должен», «надлежит», «придется» оказывается приемлемым. Но, как мы уже говорили, в современном переводе далеко не всегда удается передать тонкие различия семантики этих древних конструкций. В случае с *имѣти* + инфинитив, думается, во всех примерах так называемого долженствования мы имеем дело с той же семантикой внешней необходимости, только в некоторых контекстах русский перевод через «должен», «придется» оказывается наиболее удобным (см. выше контексты и их предлагаемые переводы)⁸.

⁷ Обратим внимание, что в этом контексте и полнозначное *имамъ* ‘habere’ выражает отнесенность ситуации к будущему: *срама имамъ*, выше *срама не имамъ* — ‘срама будем иметь (если поступим так)’ — это показывает, что и первичное лексическое значение глагола *имѣти* легко может интерпретироваться как отнесенное к плану будущего (ср. о том же [Кузнецов 1959: 236]), что могло стать еще одним основанием для развития футуральной семантики инфинитивных конструкций.

⁸ Собственно говоря, русские «должен», «нужно» могут передавать как внутреннюю необходимость, так и внешнюю, а ряд «должен, придется» — именно внешнюю (см. [Плунгян 2011: 428]).

Интересен в связи с этим отрицательный контекст с *имѣти*-конструкцией, выражающей запрет поступать указанным образом:

И рѣѣ жена къ змиѣ. Рѣѣ Бѣ не имата кисти. а ли (Р.А. аще ли, Ипат. оли) да оумрета смѣртью (ПВЛ, 986 г., Речь Философа, Лавр., л. 29 = Ипат., л. 35) — ‘вы не должны (ни в коем случае) есть (= вам необходимо не есть), в противном случае...’ (об этом контексте в связи со значением долженствования см. [Юрѣва 2011: 75]).

Контекст этот явно архаичен — ср. архаичное *али* (Ипат. *оли*) с предикативным значением ‘если же нет (в противном случае)’, — и конструкция *не имата кисти* здесь имеет то же описанное выше значение внешней необходимости, превращающееся в таком контексте отрицания в решительный запрет (ср. возможность употребления в современном русском языке будущего индикатива в контексте императивного запрета (без отрицания — приказа): *ты не будешь этого делать, ты никуда не пойдешь* и под.).

Во всех рассмотренных случаях модальное значение неизбежности имплицитно отнесение ситуации к сфере грядущего, т. е. временному плану будущего. Однако в ПВЛ есть контекст, где при том же значении *имать*-конструкции отнесения ситуации к плану будущего нет. На этот контекст из рассказа о печерском старце Исакии, впавшего в тяжелый недуг в результате козней бесов, обращали внимание многие исследователи (см. [Потѣбня 1888: 364–365; Мустафина 1984: 14; Мустафина, Хабургаев 1985: 23; Юрѣва 2011: 75]), трактуя его при этом по-разному. Приведем контекст:

Пришедше взяша и мѣртва мнѣще [и] вынесше положиша и рѣѣ пеце-рою и оузрѣша како живѣ юсть. и рѣѣ игумень Ѳеодосии се имать быти ѿ бѣсовскаго дѣиства (ПВЛ, 1074 г., Лавр., л. 65).

Заметим, что в Ипат. летописи пропущен инфинитив *быти*, т. е. читается *како се имать ѿ бѣсовскаго дѣиства* (л. 71 об.), однако уже в Х.П. списках, представляющих ту же, что Ипат., редакцию ПВЛ, находим чтение *имать быти* — то же, что во всех старших списках Лавр. группы, — и именно его, соответственно, надо признать исконным. Интересно при этом, что вторичное «дефектное» чтение Ипат. списка тоже оказывается семантически и грамматически допустимым: *се имать ѿ бѣсовскаго дѣиства* — ‘(он) это имеет от бесовского действия (бесовских козней)’ = ‘у него это (случилось) от бесовских козней’ — глагол *имѣти* в таком случае выражает свое первичное значение обладания. Однако в исходном тексте ПВЛ здесь читалась инфинитивная модальная конструкция с глаголом *имѣти*, значение которого интерпретировалось как переносное⁹.

⁹ Надо сказать, что «печерская» часть ПВЛ, особенно рассказы о печерских старцах под 1074 г., изобилует архаичными и при этом грамматически правильными употреблениями глагольных форм: именно здесь широко употребляется имперфект СВ (см. [Маслов 2004/1984; Шевелева 2015а]), встречается не книжный и книжный плюсквамперфект в синонимичных контекстах (см. [Шевелева 2015: 189–191]), представлены яркие примеры *имѣти*-конструкций (ср. в том же расска-

Модальное значение *имать*-конструкции здесь несомненно, но при этом отнесения к плану будущего явно нет.

А. А. Потебня предполагал, что *имать* в сочетании с *быти* в данном контексте еще сохраняет самостоятельность своего временного значения, а все сочетание «имеет значение настоящего с оттенком вероятности», т. е. *се имать быти ѿ бѣсовскаго дѣйства* — «должно быть, вероятно (млр. *мабути*) это происходит (теперь) от бесовского наваждения» [Потебня 1888: 363–364]. Тем самым предлагается видеть здесь уже модальность эпистемической оценки со стороны говорящего¹⁰.

Однако оценочная модальность в действительности предполагала бы более продвинутую ступень эволюции семантики конструкции (сравнительно с представленным в прочих примерах значением необходимости), а здесь, как и думал А. А. Потебня, скорее перед нами архаизм, связанный с сохранением большей независимости *имать*.

Более вероятным кажется видеть в этом контексте то же значение внешней необходимости, характерное в нормальном случае для *имать*-конструкций: 'это (произошедшее, данная ситуация — результат, наблюдаемый в момент речи) определено (неизбежно, закономерно) произошло от бесовского наваждения', 'it has to be'; ср. близкую трактовку в работах Г. А. Хабургаева — Э. К. Мустафиной: «Конструкция *имать быти* (а не *естъ*) здесь использована не для указания на будущее, а для подчеркивания непрекаемой уверенности праведника (во вмешательстве нечистой силы), что и актуализируется обычно глаголом *имамь*» [Мустафина 1984: 14; ср. также Мустафина, Хабургаев 1985: 23]. Предлагаемая в [Юрьева 2011: 75] интерпретация этого контекста как значения долженствования и передача его через «должно быть» («это должно быть от бесовского действия»), в сущности, предполагает ту же семантику внешней необходимости¹¹.

Наиболее точно значение *имать быти* в этом контексте, как кажется, передает англ. *has to be* — точное соответствие нашей *имѣти*-конструкции, точно так же специализированное на выражении внешней модальности.

Этот яркий пример из печерских рассказов ПВЛ показывает, что в эпоху создания текста (рубеж XI–XII вв.) *имѣти*-конструкции еще не стали будущим временем: подчеркнутое значение внешней необходимости здесь есть, усиленная ассерция тоже есть, но будущего нет. Временное значение будущего в ту эпоху еще не стало обязательным для *имать*-конструкций —

зе о старце Исакии — см. ниже). Эта часть текста ПВЛ, по всей видимости, хорошо отражает многие особенности киевской традиции начала XII в.

¹⁰ Заметим, что и *хотѣти*-конструкцию с *быти* А. А. Потебня предлагал трактовать как сходную эпистемическую оценку, ср. *лютъ се мужь хоче быти* (ПВЛ, 971 г.) — «должно быть (стало быть) он лют, когда...» [Потебня 1888: 367] — см. выше, примеч. 3.

¹¹ О многозначности современного рус. «должен», «должно быть» см. выше, примеч. 8.

видимо, оно могло задаваться контекстом (прагматически), что в большинстве случаев и происходило, собственно же грамматическим значением конструкции было модальное.

Обратим при этом внимание на то, что в том же рассказе о печерском старце Исакии есть еще несколько примеров *имать*-конструкции — в них при той же модальности необходимости ситуация оказывается отнесенной к плану будущего, ср. в словах Исакия после того как он был исцелен игуменом Феодосием (Печерским):

*Исакии же рѣ^т. Се оуже прелстил ма ѳси былъ дѣволе стѣдѣца на ѳдино^м мѣстѣ. а оуже не **има^т** са затворити в печерь. но **има^т** та побѣдити хода в манастырь* (ПВЛ, 1074 г., Лавр., л. 65 об.) — ‘теперь уже (ни за что) не затворюсь в пещере, но непременно одержу над тобой победу, живя (вместе со всей братией) в монастыре’ — заверение Исакия о том, как он теперь будет непременно действовать.

Есть в том же рассказе и контекст, где *имамь*-конструкция со свойственным ей модальным значением (при этом относящая ожидаемую как неизбежную ситуацию к будущему) следует после независимого *имамь* в своем первичном значении ‘иметь’ — и значения этих двух форм *има^т* явно соотносятся в контексте, «перекликаются», выявляется их общий семантический компонент обладания в прямом и переносном смысле, ср.:

*Аще ма бѣсте прелстили в печерь первое. понеже не вѣгдахъ кознии ваши^х и лукавства. нонѣ же **имамь** Г^са Іс Х^а и Б^а моего и м^литву о^бца моего Феодосѣя. надѣюса [на Х^са] **има^т** побѣдити [в^са]* (ПВЛ, 1074 г., Лавр., л. 66 = Ипат., л. 72 об.) — ‘теперь имею (со мной) Господа Бога моего Иисуса Христа и молитву отца моего Феодосия (теперь со мной Господь мой Иисус Христос и молитва отца моего Феодосия) ... непременно (неизбежно) одержу над вами победу’;

другие примеры подобного «соположения» в контексте свободного *имамь* и *имамь* + инфинитив см. выше (с. 206–207).

Это сосуществование рядом в тексте — в пределах одного небольшого рассказа на соседних листах — *имать быти* с модальным значением без отнесения к плану будущего, *имамь* (*са*) *затворити*, *побѣдити* (2 раза) с тем же модальным значением, но с отнесением ситуации к плану будущего и свободного *имамь* в значении ‘имею, у меня есть’, синтаксически однородного конструкции *имамь побѣдити*, свидетельствует о том, что в языке составителя текста *имать* (*имамь* и под.) + инфинитив была модальной конструкцией с отчетливо осознаваемым значением неизбежности (внешней необходимости), но не грамматическим будущим временем.

3.3. Как уже говорилось выше, в вост.-слав. письменности *имать*-конструкции представлены только в книжных текстах. При этом в эпоху создания ПВЛ значение конструкции, несомненно, прекрасно осознавалось: даже если это знание уже становилось «пассивным», они еще никак не были «мертвыми» архаизмами (если *имать*-конструкции в начале XII в. от-

существовали в живой вост.-слав. речи, они могли быть вытеснены в сферу пассивного знания — ситуация могла быть аналогичной ситуации с аористом и имперфектом в ту же эпоху, также оттесненными в сферу пассивного знания, см. об этом [Зализняк 2004: 174], см. также выше).

Последующего развития в вост.-слав. зоне, как мы знаем, *имать*-конструкции не имеют: позднее они останутся (часто как застывшие клише) только в церк.-слав. традиции (см. [Юрьева 2011: 82–83]). Не исключено даже, что и в древнерусскую эпоху в отношении этих конструкций существовали диалектные различия: они не свойственны новгородскому летописанию [Юрьева 2009: 7]¹² — можно предположить, что в древненовгородской диалектной системе рубежа XI–XII вв. они отсутствовали, возможно раньше утратились (что соответствует гипотезе о более архаичной системе финитных глагольных форм в южнодревнерусских диалектах сравнительно с древненовгородским [Шевелева 2015а; 2016]).

Развитие по пути грамматикализации в будущее время в вост.-слав. зоне получают, как известно, инфинитивные конструкции с *иму*. Сосуществовали ли они когда-то с *имамь*-конструкциями как разные структуры (как это было, по данным исследователей, вплоть до XV в. в древнесербских источниках [Гудков 1963], см. об этом выше — примеч. 5) или одна конструкция была вытеснена другой в связи с вытеснением нетематического глагола *имамь* тематическим *имоу* — эти вопросы, как уже говорилось, еще нуждаются в исследовании.

В старейших летописях XI–XII вв. *имоу*-конструкций нет — они появляются в памятниках (в том числе в летописях) только с XIII в. (см. выше). По поводу семантики *имоу*-конструкций все исследователи отмечают отсутствие каких-либо модальных значений и выражение ими значения будущего времени [Борковский 1949: 147–148; Горшкова, Хабургаев 1981: 322; Юрьева 2009: 10; 2011: 86 и др.]. Значит ли это, что эти структуры уже на раннем этапе были близки к грамматикализации в морфологическое будущее время, и каким был путь этой грамматикализации с точки зрения семантической эволюции?

Как кажется, представление семантики конструкций с *имоу* как собственно будущего является скорее некоторой модернизацией ситуации. Более точна, думается, характеристика этих конструкций у А. А. Потетни, назвавшего их «будущим начинательным» [Потетня 1888: 366] и отметившего, что их вспомогательный глагол предполагает вещественное значение ‘брать’, а не ‘иметь’, как у *имать*-конструкций [Там же]. Действительно,

¹² Показательно, что единственный случай употребления *имать*-конструкции в нецерк.-слав. цитат в НПЛ (обоих изводов) читается в Повести о битве на Калке, испытавшей влияние киевской летописной традиции [Гиппиус 2009: 194–195 и др.], и представляет собой обсуждавшуюся нами выше (см. с. 204–205) устойчивую формулу, ср.: *оже мы бра^тю симъ не поможемъ. ть си имуть предати с_а к нимъ* (НПЛст, 1224 г., л. 97).

развитие футуральной семантики у *иму* + инфинитив вполне может быть связано с эволюцией исконного значения **ѣти** ‘взять’ в значение наступления новой ситуации — ср. семантически сходное совр. рус. *взяться, приняться* ‘начать что-л.(делать)’ (*Тут он взялся/принялся рассказывать о... ≈ он стал (начал) рассказывать о... и под.*, ср. выделение соответствующего значения в [БАС, т. 2: 342; т. 11: 628]), ср. также др.-рус. *възати рать* ‘начать войну’ (см. ниже пример из ПВЛ под 1097 г.), *възати мирь* ‘заклЮчить мир, т. е. начать мирное сосуществование’ и другие фразеологизмы на базе глагола *възати*. Значение ‘взять что-л. (делать)’ эволюционирует в переносное значение ‘начать что-л. делать’, т. е. значение начала существования новой ситуации, которое впоследствии может развиваться в темпоральное значение будущего¹³.

Именно таким — фазовым, а не модальным — могло быть исконное значение *имоу*-конструкций в древнерусском, т. е. сходным со значением инфинитивной конструкции с *начати (почати)*¹⁴.

Именно эти «начинательные», условно говоря, структуры получили активное развитие в вост.-слав. зоне — с *начьноу (почьноу), имоу*, позднее *стану* (см. [Кузнецов 1953: 254; 1959: 241–243, 246; Борковский 1949: 148–152; Горшкова, Хабургаев 1981: 322–324; Молдован 2010]). К семантическому развитию древних *имѣти*-конструкций они, видимо, отношения не имеют, но и морфологическим будущим на раннем этапе еще, очевидно, не были.

4. *Хочеть-//имать*-конструкции в текстах: мотивированный выбор

Итак, в эпоху создания ПВЛ инфинитивные *имѣти*-конструкции имели модальное значение внешней необходимости, развившееся на базе значения обладания, отчуждаемой принадлежности; инфинитивные конструкции с *хотѣти* имели проспективное значение, развившееся из интенционального, т. е. значение внутреннего проспектива, категоризирующего наступающую ситуацию как следствие развития внутренних (неотчуждаемых) свойств субъекта.

¹³ Хотя значение типа ‘получить’ (‘get, obtain, catch’), наряду с более распространенным ‘иметь’, тоже известно в типологии как источник модальных облигаторных конструкций [Bybee, Perkins, Pagliuca 1994: 184], для славянского *ѣти-иму* ‘взять’ более вероятным кажется развитие значения ‘начать’, а через него — будущего: все эти стадии реально засвидетельствованы.

¹⁴ Точнее, значением начала существования новой ситуации, что имеет некоторые тонкие семантические отличия от совр. рус. фазового *начать*, обладающего ограничениями на сочетаемость со стативами и прочими глаголами, не допускающими процессуализации, — для др.-рус. *начати (почати)* этих ограничений нет (см. об этом [Юрьева 2010]).

Хотѣти-конструкции категоризуют грядущую ситуацию как проистекающую «изнутри» субъекта, *имѣти*-конструкции — «извне», поскольку они базируются на значении отчуждаемого обладания ‘*habere*’.

Именно в этом, думается, состоят базовые различия грамматической семантики *имѣти*- vs. *хотѣти*-конструкций, однако надо иметь в виду, что по денотативному содержанию в реальном употреблении они действительно могут сближаться (см. о том же [Козлов 2014]) и современный русский перевод может склонять к представлению об их полной эквивалентности (см. выше о переводах с помощью совр. рус. «должен», «должно быть», «суждено», «предстоит») — однако это не означает тождества их грамматической семантики¹⁵.

В ПВЛ встречаются контексты, включающие обе эти конструкции, — различия их семантики в таких случаях выявляются вполне отчетливо¹⁶. Ср. контекст из Повести об ослеплении Василька Теребовльского:

*Моли^тса княже тобѣ и братама твоима. не мозгѣте погубити Русьскыѣ земли. аще бо възмете рать межю собою // погании **имуть радоватиса.** и возмутъ землю нашу иже бѣша стяжали бѣци ваши и дѣди трудо^т велики^т и храбрѣствомъ побараюц(е) по Русьскѣи земли. ины земли приискываху. а вы **хочете погубити** землю Русьскую* (ПВЛ, 1097 г., Лавр., л. 88 об.–89 = Ипат., л. 90 об.) — ‘...ибо если вы начнете войну между собой, поганые (наши враги-кочевники) неизбежно будут довольны (это неизбежно будет в их интересах, будет способствовать их успехам) и захватят землю нашу, которую стяжали (приобрели, объединили) отцы ваши и деды великим трудом... А вы (действуя так) собираетесь погубить (приведете к тому, что погубите) Русскую землю’.

Этот яркий контекст, демонстрирующий традиции стилистики и топики киевских воинских повестей¹⁷, явно использует наши инфинитивные кон-

¹⁵ Надо сказать, что на различие значений *хотѣти*-/*имѣти*-конструкций в сходных контекстах так называемого «долженствования», предсказаний впервые обращено внимание в [Мустафина, Хабургаев 1985]. Предлагаемая в этой работе трактовка специфики их «модальных оттенков» как выражения неизбежности, неотвратимости для *имать*-оборотов и «волевого намерения» («волевой деятельности») субъекта («субъективности») для *хочеть*-оборотов [Там же: 24–28, 30] — при всей неудачности характеристики семантики *хочу*-конструкций — возможно, подразумевает нечто в определенном отношении близкое к высказанному выше: похоже, имеется в виду прежде всего представление грядущей ситуации как исходящей от субъекта («изнутри»), хотя, конечно, ни о каком «волевом» компоненте здесь речи быть не может) в противоположность семантике «объективной» неизбежности *имать*-конструкций.

¹⁶ Некоторые из этих контекстов рассматриваются также в [Мустафина, Хабургаев 1985] с целью демонстрации различий их семантики.

¹⁷ По мнению А. А. Гиппиуса, эта часть Повести об ослеплении Василька атрибутируется составителю ПВЛ [Гиппиус 2005], т. е. должна быть датирована началом 10-х гг. XII в.

струкции в соответствии с различием их значений: *имуть радоватиса* — ‘неизбежно, неотвратно будут радоваться (будут этим довольны)’, *хочете погубити* — внутренний перспектив ‘хотите погубить’ → ‘собираетесь погубить’, ‘ваше поведение приведет к тому, что вы погубите’ — значение этой последней фразы, завершающей обращенную к Владимиру речь делегации киевлян, явно противопоставлено открывающему контекст призыву *не мозъте погубити Русьскыѣ земли*.

С другой стороны, в ПВЛ есть случаи употребления *имѣти-* и *хотѣти-* конструкций в сходных контекстах. На первый взгляд кажется, что они синонимичны, но в действительности различие грамматических значений, судя по всему, сохраняется.

Ср. уже приводившийся контекст из Речи Философа: [*И рѣша вольсви египетъстии ѿрю. родилсѣ еѣ дѣтищѣ в жидѣхѣ*] *иже хочеть погубити Сютетъ* (ПВЛ, 986 г., Лавр., л. 31 = Ипат., л. 37 = НПЛмл, л. 53) — и далее в том же рассказе в словах волхва, увидевшего, как ребенок-Моисей, играя, сбросил с головы царя царский венец:

Видѣвъ же волхвъ и рече ѿрви. ѿ ѿрю погуби ѿтроча се. аще ли не погубишь. имать погубити всего Сютта (ПВЛ, 986 г., Лавр., л. 31 об. = НПЛмл, л. 53; Ипат. — *имаетъ погубити*, л. 37, но Х.П. *имать погубити*, что, несомненно, отражает исконное чтение).

«Денотативное содержание» этого пророчества волхвов в обоих его вариантах одно и то же: младенец Моисей в будущем погубит Египет. Однако представлено оно по-разному: в случае *хочеть погубити* это пророчество о том, что заложено в этом только что родившемся младенце — внутренний перспектив (ср. выше сходное значение контекстов из ЖФП и др., см. 2), в случае же *имать погубити* — предсказание о том, что неизбежно произойдет, если царь не погубит ребенка, — семантика внешней необходимости, основанная на значении обладания¹⁸.

Встречаются в ПВЛ и другие случаи употребления *имать-* конструкций и *хочеть-* конструкций с инфинитивами одних и тех же глаголов. Даже если они не находятся рядом в тексте и не представляют собой такую точную «минимальную пару», как приведенные выше контексты с *хочеть погубити* // *имать погубити*, такие примеры показательны.

Ср. конструкции с инфинитивом *быти*:

Рече же Володимеръ. то [в] кое время сбытсѣ и было ли се есть. еда ли топерво хоч[ет]ь быти се (ПВЛ, 986 г., Лавр., л. 34 об. = Ипат.,

¹⁸ Возможно, свою роль в выборе здесь *имать-* конструкции играет и характерная для нее в вост.-слав. традиции синтаксическая структура с препозитивным условным придаточным (*аще не Р*, [то] *имать*+инфинитив — см. выше с. 204–205). Однако преимущественная связь с этой синтаксической конструкцией никак не противоречит семантической правильности употребления в ней *имать-*оборота — в соответствии с его грамматическим значением.

л. 39 об.=НПЛмл, л. 57 об.) — в Речи Философа вопрос Владимира: «Когда это (предсказанное пророками) сбылось и было ли это уже или [только] теперь собирается произойти?»;

ср. с тем же значением приведенный выше контекст: *то въси ли что зтро **хощеть быти** и что ли до вечера... въси ли что [ти] **хощеть быти** днь^с* (ПВЛ, 1071 г., Лавр., л. 61 = Ипат., л. 67 = НПЛмл, л. 94 об.) и другие с тем же проспективным значением ‘собирается быть, произойти’ — см. примеры выше (раздел 2); ср. также замечательный пример из надписи 60-х гг. XII вв. в Софии Новгородской: *охъ же тебе **хощеть быти** ‘Ох и будет же тебе!’* [Гиппиус, Седов 2016: 208; Юрьева 2015].

Сравним *имѣти*-конструкции с тем же инфинитивом *быти*:

*Пилатъ же испытавъ како без вины приведоша и хотѣ испустити и. они же рѣша ему. Аще сего пустиши **не имашши быти** другъ кесареви* (ПВЛ, 986 г., Речь Философа, Лавр., л. 35–35 об.) — в словах иудейских первосвященников, обращенных к Пилату: «Если ты егопустишь, ни за что (неизбежно) не будешь другом кесарю», т. е. ты получишь такую ситуацию;

ср. подробно обсуждавшийся выше контекст: *се **имать быти** ѿ бѣсовьскаго дѣиства* (ПВЛ, 1074 г., Лавр., л. 65) ‘it has to be’ (см. раздел 3.2) и др. — как кажется, модальное значение внешней необходимости, развившееся на базе значения обладания, во всех этих примерах очевидно.

Как мы видим, в XII в. — в эпоху создания ПВЛ — *имать*//*хощеть*-конструкции различались по значению, и даже если обе они могли выражать так называемое значение «долженствования», неизбежности, употребляться в пророчествах и предсказаниях, это было разное «долженствование» и разные (с точки зрения семантики) предсказания: для *хотѣти* они шли «изнутри» — от метафоры на базе значения намерения, для *имѣти* — «извне», от метафоры обладания. Безусловно, эти различия были различиями «внутренней формы» значений обсуждаемых оборотов — вряд ли можно предполагать, что они так воспринимались на «поверхностном» уровне. Однако то, что выбор конструкции осуществлялся вполне сознательно (ср. об этом также [Мустафина, Хабургаев 1985]), имеет, думается, именно такую семантическую основу.

Материал ПВЛ свидетельствует в пользу того, что в XII в. эти различия семантики *хотѣти*//*имѣти*-конструкций, идущие от их «внутренней формы», еще существовали.

Ни та ни другая из этих конструкций не была в XII в. грамматическим будущим временем — и так и не стала в вост.-слав. зоне: *имѣти*-конструкции вообще в живом употреблении утратились, *хотѣти*-конструкции так и остались в части говоров (преимущественно северных) проспективным, в прочих же говорах тоже вышли из употребления.

Литература, источники

БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1950–1965.

Борковский 1949 — В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. (Простое предложение). Львов, 1949.

Буслаев 2006/1959 — Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. М., 2006.

Гиппиус 2005 — А. А. Гиппиус. «Повесть об ослеплении Василька Теребовльского» в составе Повести временных лет: к стратификации текста // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2005. № 3 (21). С. 15–16.

Гиппиус 2009 — А. А. Гиппиус. Архиепископ Антоний, новгородское летописание и культ святой Софии // Хороши дни... Сборник памяти А. С. Хорошева. СПб., 2009. С. 181–198.

Гиппиус, Седов 2016 — А. А. Гиппиус, Вл. В. Седов. Находки в Георгиевском соборе Юрьева монастыря: новые фрески и надписи // Труды отделения историко-филологических наук РАН. 2015. М., 2016. С. 190–208.

Горшкова, Хабургаев 1981 — К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1981.

Гудков 1963 — В. П. Гудков. Параллель из истории форм будущего времени в сербохорватском и русском языках // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. Вып. 38. М., 1963. С. 38–45.

ЖАЮ — Житие Андрея Юродивого // А. М. Молдован. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.

ЖФП — Житие Феодосия Печерского по списку Успенского сборника XII–XIII вв. // Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2 изд., доп. М., 2004.

Ипат. — Полное собрание русских летописей. Ипатьевская летопись. М., 1998. Т. 2.

Козлов 2014 — А. А. Козлов. К грамматической семантике старославянских конструкций *хотѣти/имѣти* с инфинитивом // Русский язык в научном освещении. 2014. № 1 (27). С. 122–149.

Кузнецов 1953 — П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.

Кузнецов 1959 — П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.

Лавр. — Полное собрание русских летописей. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Т. 1.

Маслов 2004 / 1984 — Ю. С. Маслов. Перфективный имперфект в древнерусском литературном языке // Ю. С. Маслов. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2004. С. 141–175.

Молдован 2000 — А. М. Молдован. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.

Молдован 2010 — А. М. Молдован. К истории фазового глагола *стать* в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2010. № 1 (19). С. 5–17.

Мустафина 1984 — Э. К. Мустафина. Способы выражения значения будущего времени в тексте «Повести временных лет» (к вопросу о будущем времени в древнерусском языке) // Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 1984.

Мустафина, Хабургаев 1985 — Э. К. М у с т а ф и н а, Г. А. Х а б у р г а е в. Проблема древнерусских форм сложного будущего с глаголами *имамь*, *хощу* и *могу* (на материале «Повести временных лет» по спискам XIV–XV вв.) // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1985. № 2. С. 20–32.

НПЛмл — Новгородская первая летопись младшего извода // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

НПЛст — Новгородская первая летопись старшего извода // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

ПВЛ — Повесть временных лет (см. Лавр., Ипат., НПЛмл).

Плунгян 2011 — В. А. П л у н г я н. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.

Потебня 1888 — А. А. П о т е б н я. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. Харьков, 1888.

Соболевский 2004/1907 — А. И. С о б о л е в с к и й. Лекции по истории русского языка. 4-е изд. М., 2004.

Шевелева 2015 — М. Н. Ш е в е л е в а. Некоторые соображения по поводу книги Д. В. Сичиной «Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект» (М., 2013) // Русский язык в научном освещении. 2015. № 2 (30). С. 180–209.

Шевелева 2015а — М. Н. Ш е в е л е в а. Заметка об имперфекте совершенного вида // <http://www.inslav.ru/zalizniak.80/congratulations/sheveleva.pdf>

Шевелева 2016 — М. Н. Ш е в е л е в а. К вопросу о хронологии процесса перестройки системы прошедших времен в восточнославянском ареале: диалектные различия // III Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире», МГУ им. М. В. Ломоносова, 23–26 мая 2016 года. Труды и материалы. М., 2016. С. 280–282.

Юрьева 2006 — И. С. Ю р ь е в а. Конструкции *имамь*, *хощу*, *начьноу* с инфинитивом, или так называемое «сложное будущее I», в Житии Андрея Юродивого и в древнерусских летописях старшего периода // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2006. № 5. С. 30–42.

Юрьева 2009 — И. С. Ю р ь е в а. Семантика глаголов *имѣти*, *хотѣти*, *начати* (*почати*) в сочетаниях с инфинитивом в языке древнерусских памятников XII–XV вв. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009.

Юрьева 2010 — И. С. Ю р ь е в а. Особенности древнерусских инфинитивных сочетаний с глаголом *начати* // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2 (20). С. 270–286.

Юрьева 2011 — И. С. Ю р ь е в а. Инфинитивные сочетания с глаголами *имамь* и *моу* в древнерусских текстах // Русский язык в научном освещении. 2011. № 2 (22). С. 68–88.

Юрьева 2015 — И. С. Ю р ь е в а. Охъ же ти хочеть быти! // <http://www.inslav.ru/zalizniak.80/congratulations/yuryeva.pdf>.

Bybee, Perkins, Pagliuca 1994 — J. B y b e e, R. P e r k i n s, W. P a g l i u c a. The evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the languages of the World. The University of Chicago Press. Chicago and London, 1994.

Резюме

Статья посвящена исследованию семантики инфинитивных конструкций с глаголами *имѣти* и *хотѣти* в ранних восточнославянских текстах; основным мате-

риалом послужила Повесть временных лет. Показано, что для древнерусских *хотѣти*-конструкций вполне применима предложенная недавно А. А. Козловым для соответствующих старославянских структур трактовка семантики как проспективной, однако нет оснований выделять особое значение предестинативного проспектива для контекстов пророчеств-предсказаний: во всех случаях это значение внутреннего проспектива, категоризирующее наступающую ситуацию как следствие развития внутренних свойств субъекта. Для *имѣти*-конструкций, известных в восточнославянской традиции только в книжных текстах, предлагается видеть значение внешней необходимости, развившееся на базе значения обладания, отчуждаемой принадлежности. Показано, что выбор *хочеть*-/*имать*-конструкций — даже при сходстве денотативного содержания — в ранних текстах семантически мотивирован, причем и для книжных *имать*-конструкций, сохранившихся в XII в., видимо, в пассивном знании. Высказывается предположение, что древнерусские конструкции *иму* + инфинитив (от *јати* ‘взять’), отсутствующие в ранних летописях, но уже с XIII в. известные в футуральном употреблении и впоследствии на части восточнославянской территории грамматикализовавшиеся в будущее время, изначально имели не модальное, а начинательное значение (‘взять что-л. делать’ → ‘начать что-л. делать’).

Ключевые слова: инфинитивные конструкции с *имѣти* и *хотѣти*, раннедревнерусские памятники, Повесть временных лет, проспектив, модальность внешней необходимости.

Получено 02.04.2017

MARIA N. SHEVELEVA

ON THE GRAMMATICAL SEMANTICS
OF THE PERIPHRASTIC CONSTRUCTIONS
LIKE *ИМАТЬ БУТИ* VS. *ХОЧЕТЬ БУТИ* IN EARLY EAST SLAVIC TEXTS

The paper deals with the grammatical semantics of the periphrastic infinitival constructions with the verbs *iměti* vs. *khotěti* in Early Old Russian texts, first of all in the *Povesť vremennykh let* chronicle. For *khotěti*-constructions the interpretation as prospective forms suggested recently by A. Kozlov for the same Old Church Slavonic constructions is quite appropriate, but there is no need to postulate a special prospective meaning for prophetic contexts: this is a manifestation of the same internal prospective meaning, the impending situation is a result of an evolution of the agent's internal characteristics. The meaning of *imat'*-constructions may be considered as external necessity and closely related to it destiny, inevitability, developed from that of alienable possession; these constructions occur only in bookish Old Russian texts, but in the 12th century their meaning was still quite comprehensible. The choice of *khočet'-imat'*-constructions in the oldest Russian chronicle is always semantically motivated. It is also suggested that the Old Russian constructions *imu* + infinitive (from *jati* ‘take’) with the future sense which do not occur in 12th century chronicles but are used by 13th century sources, originally had ingressive, and not modal, meaning.

Keywords: periphrastic constructions with *iměti* and *khotěti*, Old Russian, *Povesť vremennykh let*, prospective, external obligation/necessity modality.

Received on 02.04.2017

Д. В. СИЧИНАВА

**ПИСЬМО К ЧЁРТУ: ОДИН МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ПРИМЕР
ДРЕВНЕРУССКОГО ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТА***

...ты четвёртый,
последний чудный чорт в цвету.
Мандельштам

Новгородская грамота №4, как видно из её номера, найдена одной из первых — в год открытия берестяных грамот, 1951 г. Первой десятке грамот повезло в разных отношениях: они целиком занимают целый том, открывающий серию «Новгородские грамоты на бересте», комментарий достаточно развёрнут, изданы не только прориси, но и фотографии (позднее из томов они исчезнут), каждой из грамот дано собственное название. Грамота №4 в издании [Арциховский, Тихомиров 1953] озаглавлена просто «Письмо Микиты» (хотя в других письмах из первой десятки адресат, если его имя можно разобрать, в оглавлении указан): дело в том, что уж больно колоритное у корреспондента Микиты оказалось имя — по-нынешнему, Чёрт (*Цертъ*). Сейчас письмо датируется примерно второй четвертью XIV века. Принятое еще сравнительно недавно его прочтение ([Зализняк 2004: 565], база данных gramoty.ru, подкорпус берестяных грамот в составе Национального корпуса русского языка) выглядело так:

Ѡ микитѣ · ко цертоу · цто ѳсмъ...
руциль · оу петра · на городищѣ · н...
юрги · былъ · выдаль · со двора · н...
не оувѣдалса · а мене выдаль... (ре)-
кль · еси железного · ...
рубль взавѣ · а ты н... ...
ндр- · исправи госп...
возми · сапозѣ ·

* Статья написана при поддержке проекта РНФ № 16-18-02003 «Структура значения и его отображение в системе лексических и функциональных категорий русского языка», реализуемого в МПГУ.

Грамота имеет признаки древненовгородского диалекта (цоканье, Р. ед. *ѿ Микитѣ*, М. ед. *на Городищѣ*), однако в ней налицо и определенная ориентация на стандартный язык — окончание И. ед. везде -ѣ, а кроме того, представлена гиперкорректная словоформа *сапозѣ* (И. мн. в функции В. мн.) со второй палатализацией, свойственной книжной норме, но в то же время с диалектным окончанием -ѣ (см. об этой форме [Зализняк 1993: 125]).

К сожалению, от письма Микиты к Чёрту сохранилась только левая часть, не дающая связного текста, а только в лучшем случае отдельные синтагмы: даже в первых, самых длинных сохранившихся строках, лакуны справа довольно велики. К пониманию этого пришёл А. А. Зализняк, предложивший схему реконструкции начала грамоты [Зализняк 1986: 283]. Он предположил, что в первой строке после *ѣсмь* должно было быть указано лицо, за которое автор поручился. Издатели, допуская, что в конце первой строки лакуны не было, предполагали в тексте невозвратный бесприставочный глагол *ручити*. Глагол *ручити* в том примере, на который ссылаются издатели (поручная запись 1393 г. князя Олега Рязанского польскому королю Владиславу II, он же Ягайло, за своего зятя Корибута), выступает в составе перформативной сочинительной figura etymologica (*ручили мы и поручили*)¹. Это единственный контекст данной лексемы, учтенный в «Словаре древнерусского языка (XI—XIV вв.)». Здесь оба сочинённых глагола вводят обозначение гаранта поручительства с помощью предлога *у* (ср. *оу Петра* в нашей грамоте №4), а объекта поручительства — при помощи предлога *за*. Правда, неясно, насколько этот гапакс может говорить о реальности такого глагола в Новгороде XIV века, поскольку обсуждаемый документ составлен в Переяславле-Рязанском при участии представителей Гедиминовичей, на языке с очевидными западными (старобелорусскими) чертами: ср. *слюбуюемъ*, вероятно, также и *тыхъ*. С другой стороны, словообразовательное гнездо (*поручить*, *ручаться*, древнее *рука* как контекстуальный синоним для *порука*, ср. берестяные грамоты №№531², 731, Ст. Р. 43 и др.) заставляет думать, что в существовании глагола *ручити*, в общем, нет ничего неожиданного.

Если допустить, что кроме имени в лакуне должны были уместиться отсутствующие в дошедшем до нас тексте *disjecta membra* более привычного глагола *поручитиса* — приставка, возвратное *са* и предлог (управление было вариативным: *по*, *въ* или *за*), — то это сталкивается с той сложностью, что энклитика *са* была выше рангом, чем *есмь* и, следовательно, должна была стоять в тексте левее; в таком случае надо предполагать в тексте грамоты ритмико-синтаксический барьер, способствующий разделению комплекса энклитик на две части.

¹ Схожие сочинительные формулы существуют в дипломатике веками: так, и в XXI веке монархи Люксембурга и Монако включают в свои указы слова *avons ordonné et ordonnons*, а король Бельгии — *avons arrêté et arrêtons*.

² В этой грамоте имеются фразеологизмы с обоими данными словами: как *возложилъ(ъ) пороукоу*, *〈во〉звелъ(ъ) пороукоу*, так и *дала роукоу*.

А. А. Зализняк [1986] также предложил, с опорой на документ XVII века (письмо арестованных «порутчиков» Якова Зотова и других 1668 г.), убедительную трактовку ключевого слова *выдалъ* — ‘подвёл’, а именно ‘не выплатил долг’ (*не оувѣдалса*) и тем самым навёл на своего поручителя по кредиту санкции. Добавим, что именно такое употребление глагола *выдати* представлено и в норме Соборного уложения 1649 г., на юридическую лексику и практику которого могли ориентироваться авторы этого письма: *А которые люди ручающца по ком к суду или с суда, а тот человек, по ком ручающца, в поруке их **выдаст**, и исцов иск и пошлины доправят за него на порутчиках, и тем порутчиком то все, что на них будет доправлено, взяти на том, по ком они ручающца, да им же на нем велеть доправить проестъ и волокиты по три рубли на месяц, да убытки их по суду и по сыску*. Данное употребление представляет собой частный случай значения глагола *выдати* ‘оставить без помощи, защиты; предать’, известного с XII в. [СДРЯ XI—XIV, 2 : 241, СлРЯ XI—XVII, 3: 197]. Материалы старорусского (среднерусского) корпуса в составе Национального корпуса русского языка показывают, что схожие конструкции *порукою выдати, поручника выдати* существовали и на временной дистанции между грамотой №4 и XVII веком; вот примеры из XV—XVI вв.: *Но князь же Дмитрей крестное ѡглование забыть и поручника старца Сергия **выдал*** [Инока Фомы Слово похвальное (1450-1455)]; *Діонисей же епископъ преухитри великого князя Дмитрея Ивановича, еже не ити ему въ Царьградъ, и на томъ введе въ поруку великому князю преподобнаго игумена Сергія Радонежскаго, и потомъ поручника преподобнаго игумена Сергія **выдалъ**, и побѣжа ко Царюграду Волгою въ судѣхъ къ Сараю*. [Никоновская летопись]; *И как он побежал, и взял с собою пять конев да холопа моего, а Ивана паробка моего порукою **выдал*** (Посольская книга по связям Московского государства с Ногайской Ордой. Книга 4-я. 1551–1556 гг.).

В этой связи особенно интересен отрезок *Юрги былъ выдалъ со двора*. А. А. Зализняк предполагает, что Юрий (Юргий) — тот же человек, который «выдал» автора в следующей строке и, таким образом, данная фраза, «возможно, содержит ту же самую информацию, но это не совсем надежно». Перед нами повтор одного и того же глагола сначала в плюсквамперфекте (так называемой «сверхсложной» некнижной форме, см. [Петрухин, Сичинава 2006]), а потом в перфекте (который к XIV веку уже заведомо стал базовым прошедшим временем). Причём открывается грамота еще одной формой прошедшего времени *есмь...* (...) *руцилъ*, которая теоретически может быть как перфектом, так и еще одним плюсквамперфектом с утраченным в лакуне *былъ*, ср. сверхсложную форму *реклъ еси былъ* в грамоте №195. Надо понимать, в пассаже о Юрии перед нами то же самое значение ‘подвести’ (а не, скажем, ‘отдать со двора какие-то вещи’ или ‘выдать со двора для расправы’, подобная каламбурная игра неуместна для весьма серьезного письма). При этом, возможно, за обоими глаголами

еще стоит одна и та же ситуация. Для лаконизма берестяных грамот это нетипично.

Что может стоять за такой необычной стратегией и почему здесь избран плюсквамперфект? В берестяных грамотах плюсквамперфект, кроме обсуждаемого случая, встретился еще несколько раз, причем в довольно «нестандартных» функциях с точки зрения того, что традиционно принято считать о семантике этой формы. Например, сигнализация начала нарратива, по словам Зализняка [2004: 176], «относ[ящая] повествование к сфере не связанного непосредственно с настоящим моментом прошлого». Это типологически хорошо известная функция плюсквамперфекта и связанных с ним форм, которую можно назвать «сдвиг начальной точки» [Сичинава 2008; 2013]; в русском языке ее следом, скорее всего, является сказочная формула *жили-были* [Петрухин 2007], хотя для последней возможны и другие объяснения. В наиболее чистом виде функция «сдвига начальной точки» представлена в знаменитой грамоте № 724, датируемой 1160-ми годами (*Оставили ма **были** людье, да остатъ дани исправити было имъ до-сени, а по первому пути послати и отъбыти проче. И заславъ Захарья въ в[г]ре уроклъ...*). С плюсквамперфекта начинается изложение сути дела ещё в двух, уже поздних, грамотах (упомянутая № 195, XIV в.: *рекль еси **быль** во своемъ сельъ верши всъ добры*; а также № 300, XV в.: *и Терохъ **во-зилесь быле** в ...имовъ хоромъ*; то и другое, как и в № 724, сразу после адресной формулы), но, к сожалению, дальнейшая часть обеих грамот утрачена. Можно предположить, что в грамоте № 195 автор опровергает слова адресата — фактически с хлебами в селе всё оказалось не так хорошо.

Еще в нескольких грамотах официально-делового содержания, по-видимому, представлена «перформативная» функция в сочетании с характерным для этой формы (как типологически, так и в древнерусском) значением «аннулированного результата» [Петрухин 2013: 91] — выбор плюсквамперфекта сигнализирует читателю о том, что некоторое действие данным юридическим актом отменяется, например, *Съ урад(и)са Аковъ съ Гюрьгьмо и съ Харгътономъ по бьсудьной грамотъ, что **быль возалъ** Гюрьгь грамоту в ызьгъжьной пшьнъцъ, а Харгътоно во проторгъхо своихъ* (грамота № 366, вторая половина XIV века). Формально здесь можно усмотреть «предшествование в прошедшем» (по отношению к действию, обозначенному аористом), но фактически это указание на прекращение действия бессудной грамоты. Аналогично употреблена форма плюсквамперфекта в «памяти про Местятку на Радослава» (грамота № 213, середина XIII века) или в имеющем характер полуофициальной претензии к собственнику в письме № 705 (начало XIII века). Такая функция, как показал в указанной работе П. В. Петрухин, особенно характерна для бумажных грамот средне-русского периода, а также для канцелярской «простой мовы» Великого княжества Литовского. В любом случае перед нами не юридический документ, а значит, перформативное значение нам не подходит.

К сожалению, грамота №4 повреждена настолько, что любое решение здесь может быть только гипотетическим, однако предположим, что перед нами начало нарратива, напоминающее грамоту №724. В первой же независимой клаузе рассказа (относительно первого придаточного предложения наши сведения недостаточны) употреблен плюсквамперфект, сигнализирующий начало (микро)нарратива, причем кратко резюмирующий его: в обоих случаях говорящие попали в сложную ситуацию. Следующая независимая клауза эксплицирует предыдущее утверждение — каким именно образом Юрий «выдал» Микиту, — подробнее описывая ту же ситуацию при помощи того же глагола, но уже в перфекте. Схема реконструкции выглядит так: «Что касается того, что я (за Юрия) поручился у Петра на Городище, н(а том меня) Юрий подвёл: с ... не расплатился, а меня подвёл». Кажется, такое решение наиболее экономно по длине конъектур. При этом *быль* в составе плюсквамперфекта не выступает в качестве фразовой энклитики последнего ранга (как в остальных берестяных грамотах), а стоит после подлежащего; известно, что его статус как энклитики «установился не вполне прочно» [Зализняк 2008: 40], см. также ниже.

Но остается не очень ясно, что такое *со двора* (выше на месте слова *двора* мы сделали пропуск); как будто бы к контексту ни глагола *выдати* ‘подвести’, ни глагола *увъдатиса* обстоятельство «со двора» не подходит³. Расплатиться можно не «откуда-то», а «с кем-то»: ср. чуть более раннюю грамоту №142, где встретился этот же глагол *увъдатиса* с таким управлением. Это позволяет увидеть в последовательности *со двора н...* предложную группу «съ + Тв. падеж», что дает два возможных решения: *со дворан(ы)* или *со дворан(иномъ)*. В принципе, необозначение мягкости, особенно сонорных, в берестяных грамотах не редкость, но есть все основания внести в принятый текст грамоты №4 поправку и уверенно читать именно *дворан...* Буква после *p* на высококачественной фотографии из базы gramoty.ru (<http://gramoty.ru/gramoty/bb004.jpg>) вполне похожа на то, как Микита пишет юс малый (это перевернутая «галочка» и внутри ее не касающийся сторон короткий вертикальный штрих ближе к правой стороне) и совсем не похожа на многочисленные надежные *a* (с замкнутой петлей). Отметим, что одно первоначально прочитанное *a* в этой грамоте уже правилось на юс: А. А. Зализняк [1993: 125] установил, «что в шестой строке читается *взавъ*, с *а* (тогда как опубликованная в издании прорись допускала также прочтение *взавъ*)».

Прорись из издания изображает также точку после *двора*, входит эта точка и в принятый сейчас текст грамоты. Точки в данной грамоте обычно стоят после последней буквы слова и/или перед ней, но и этот знак, судя по фотографии, сложно считать совершенно надёжным. С другой стороны,

³ О неясности этого места при чтении *со двора*, возможно, косвенно говорит следующий курьез: в энциклопедической статье о плюсквамперфекте [Иванов 1997: 345] цитата из нашей грамоты дана искаженно: «*гюрги быль видель со двора*».

на снимке, как кажется, виден и нигде не отмеченный в литературе гораздо более «жирный» интерпункт между слогами слова *ме-не*. Если он реален, тогда и точка в предполагаемом *дворан(ы)* стоит в такой же позиции; впрочем, серьезным аргументом в пользу выбора между двумя вариантами реконструкции расположение точек служить не может.

Такое прочтение получает и лексико-семантическую поддержку. Именно «дворян» посылают решать финансовые конфликты, например, в таких грамотах XIV века, как №№67, 289, 345, да и в более ранних (ср. финал знаменитой грамоты №531): в нашем случае получается, что злостный должник оказывается несостоятельным даже перед лицом официального коллектора. Правда, сказать «расплатиться» всё-таки естественнее о фактическом контрагенте (а не о том, кто приехал от него за деньгами). Впрочем, и сами дворяне/детские и т. п. получали от должника штраф на судебные и/или транспортные издержки («погон», грамота №295); а кроме того, упомянутое ниже в нашей грамоте *железное*, как отмечают издатели, в XIV веке имело значение «пошлина, которая уплачивалась дворянину (подчеркнуто нами — Д. С.), налагавшему оковы на обвиняемого, если обвиняемый не имел поручителя» [Арциховский, Тихомиров 1953: 31]. Вероятно, это продолжение того же сюжета, и не исключено, что в данной ситуации оковы грозят самому поручителю, Миките. Отсутствие союза перед *со* нормально и объясняется «смысловым двоеточием». Между *со дворан(ы)* и *не увьдалса*, по расчёту лакуны, должен был быть и еще какой-то текст (например, нередко при упоминании дворян, детских, отроков и тому подобных мастеров отъёма денег говорится, «чьи» они)⁴.

Вскоре после публикации предыдущего варианта данной заметки в Интернете в составе неофициального сборника к 80-летию А. А. Зализняка (inslav.ru/zalizniak80/congratulations/Sitchinava.pdf) предложенное нами буквенное исправление было принято дополнительно изучившим фотографию грамоты А. А. Гиппиусом во включенных в очередной том издания «Поправках и замечаниях» к чтению берестяных грамот [Гиппиус, Зализняк 2015: 196]. Кроме того, А. А. Гиппиус отметил, что «в конце пятой строки читается *по...*; в начале седьмой — *ндр[ъ]* (скорее всего:

⁴ Анонимный рецензент считает, что в данной версии хорошего заполнения этой лакуны не видно (а также подчеркивает отмеченную нами сложность допущения о расчете должника именно «с дворянами») и предлагает понимать слово «дворяне» как обладающее пропозициональной семантикой и означающее «приезд дворян». Расчет же производится с реальным кредитором, например, упомянутым в тексте Петром. В предложенной рецензентом схеме реконструкции лакуны заполняются так: *что юсмь (за Юрга са по)руциль оу Петра на Городицигь, н(ынъ ма) Юрги былъ выдалъ со дворан(ы: съ Петромъ) не оувьдалса, а мене выдалъ, то есть 'подвел меня под санкции в виде приезда дворян'.* Правда, прямых аналогов этой конструкции («подвести кого-л. с какой-л. санкцией») пока не находится; вообще выражение такой семантики в истории русского языка нуждается в отдельном исследовании.

(на Олекса)ндр[ѣ]»). Это дает такой уточненный текст грамоты (о надежности точек см. выше):

Ѡ микитѣ · ко цертоу · цто ѳемъ...
 руциль · оу петра · на городищѣ · н...
 юрги · былъ · выдаль · со двора[·]н...
 не оувѣдалса · а ме[·]не выдаль... (ре)-
 кль · еси железного · по...
 рубль взавѣ · а ты н... ...
 ндр[ѣ] исправи госп...
 возми · сапозѣ ·

Итак, в нашей реконструкции (еще раз подчеркнем ее сугубо гипотетический характер) дискурсивный плюсквамперфект как бы резюмирует суть микронарратива в самом начале: в грамоте №724 Савва лишен поддержки своих людей, а здесь Микита оказывается в сомнительном правовом положении (если уже и не прямо пишет Чёрту из тюрьмы, как и авторы цитируемого А. А. Зализняком документа 1668 г.). Это своеобразный вариант значения «сдвиг начальной точки», в типологической работе [Сичинава 2008; 2013] не выявленный. Схожее дублирование глагольной лексемы (но уже с использованием книжных форм – плюсквамперфекта со вспомогательным *бѣ* и аориста соответственно) можно усмотреть в примере из Киевской летописи (1148): *В то же верема пришесть бѣ Гюргевиць старѣишии Ростиславъ, рокоторавѣса съ бѣмъ своимъ, иже емоу вѣць волости не да в Соуждалискои земли, и приде къ Изаславо(у) Киевоу* [ПСРЛ II: 366]; сначала говорится о появлении нового персонажа нового эпизода — лишённого волости Ростислава Юрьевича, а затем уточняется (уже в немаркированном времени), куда и к кому именно он явился, и сюжет продолжается.

Возможно, эта функция элемента *был-* генетически связана не только с плюсквамперфектом как таковым, но и с северорусским «избыточным *есть*», экзистенциальным показателем, выделяющим некоторое важное положение дел (развивая идею М. Н. Шевелёвой, ср. [Шевелёва 2007; Петрухин 2013: 76]). Известно такое *есть*, по-видимому, и в берестяных грамотах XIV века (письмо №252). Кстати, если это по происхождению «не совсем плюсквамперфектное» *быль*, то это объясняет и то, почему в данной реконструкции оно стоит не на месте энклитики.

Впрочем, нарратив тут же и кончается, и автор переходит к конкретным указаниям для Чёрта, пересказывая его предыдущее письмо при помощи формулы *рекль еси* (современное «ты пишешь, что...»), а затем, как отметили уже издатели, обращаясь вслед за Чёртом и ещё к кому-то (столь же характерная формула смены адресата *а ты...*; ср. [Гиппиус 2004]). Возможно, адресаты — домочадцы Микиты, ср. финальную просьбу «взять сапоги». К сожалению, от этой части письма осталось совсем мало. Как указали издатели и А. А. Зализняк, императив *исправи* может относиться к урегу-

лированию возникшего конфликта. Добавим, что реконструируемое теперь А. А. Гиппиусом (*на Олекса́ндр[ъ] исправи* ‘взыщи долг с Олександра’) можно понимать как просьбу срочно собрать деньги для погашения долга Юрия и снятия санкций с Микиты; для этого же, вероятно, требовалось и *рубль взати*. Именно поэтому при такой схеме реконструкции видеть в *быль выдаль* значение аннулированного результата, кажется, нельзя: к моменту написания грамоты долг явно не погашен и инцидент не исчерпан.

Есть, кажется, и еще одна возможность истолковать плюсквамперфект в этой грамоте, требующая, правда, гипотезы о большем объеме лакун: *быль выдаль* может значить «чуть было не подвёл» (авертивное, или проксимативное значение). Для древне- и среднерусских текстов такое значение, кажется, пока не было известно, но в XVIII веке оно уже очень активно с глаголами необратимого результата: *я умер было от желудка* (Крылов), *содрал было кожу* (Фонвизин), *замерз было* (Львов) [Сичинава 2012; 2013]. Тогда надо предположить, что автор поручился за Юрия и еще за кого-то, после чего Юрий его чуть было не подвёл, а второй персонаж не расплатился с дворянами и подвёл на самом деле. У этой версии те преимущества, что она не предполагает двукратного изложения одной и той же ситуации, четче семантизирует оппозицию между плюсквамперфектом и перфектом, а также делает более естественным реконструируемый повтор имени Юрия (если бы тот был единственным контрагентом, «конкурирующих» референтов бы не было). Прагматически, впрочем, она выглядит хуже: сообщение о «чуть было не» произошедшем событии (да еще и без подробностей и до известия о реальном несчастье) могут оправдать только эмоции писавшего. Кроме того, перед предполагаемым *со дворян*- тогда требовался бы союз *а* (даже в современном языке). На такие же трудности наталкивается и предположение о значении собственно аннулированного результата при другом субъекте (допустим, первый должник «подвёл было» Микиту, но потом всё же заплатил долг, а второй нет).

Таким образом, письмо к Чёрту заставляет задуматься о дискурсивной семантике и прагматике древнерусского плюсквамперфекта, а это неизбежно ставит вопросы об интерпретации грамоты в целом (в частности, позволяет предложить буквенную поправку к её чтению). Не исключено, что открытие новых берестяных грамот поможет решить эту загадку и принесёт новые сюрпризы.

Л и т е р а т у р а

Арциховский, Тихомиров 1953 — А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1951 года. М., 1953.

Гиппиус 2004 — А. А. Гиппиус. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1997–2000 годов. Том XI. М., 2004. С. 183–232.

Гиппиус, Зализняк 2015 — А. А. Г и п п и у с, А. А. З а л и з н я к. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот // В. Л. Я н и н, А. А. З а л и з н я к, А. А. Г и п п и у с. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). Том XII. М., 2015. С. 196–275.

Зализняк 1986 — А. А. З а л и з н я к. Поправки и замечания к чтениям берестяных грамот (Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения, параграф 87) // В. Л. Я н и н, А. А. З а л и з н я к. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1977–1983 годов. М., 1986. С. 181–217.

Зализняк 1993 — А. А. З а л и з н я к. Поправки и замечания к чтениям ранее опубликованных берестяных грамот // В. Л. Я н и н, А. А. З а л и з н я к. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1984–1989 годов. М., 1993. С. 123–180.

Зализняк 2004 — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. М., 2004. (1-е изд., 1995).

Зализняк 2008 — А. А. З а л и з н я к. Древнерусские энклитики. М., 2008.

Иванов 1997 — В а л. В а с. И в а н о в. Плюсквамперфект // Русский язык. Энциклопедия. Изд. 2-е, М., 1997. С. 344–345.

Петрухин 2007 — П. В. П е т р у х и н. *Жили-были*: вопрос закрыт? // Русский язык в научном освещении. 2007. №2 (14). С. 268–282.

Петрухин 2013 — П. В. П е т р у х и н. К прагматике сверхсложного прошедшего времени в восточнославянской письменности // *Wiener Slawistischer Jahrbuch. Neue Folge* 1. 2013. С. 74–98.

Петрухин, Сичинава 2006 — П. В. П е т р у х и н, Д. В. С и ч и н а в а. «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 193–214.

ПСРЛ II — Полное собрание русских летописей. Т. II. М., 1998.

Сичинава 2008 — Д. В. С и ч и н а в а. «Сдвиг начальной точки»: употребление некоторых глагольных форм в интродуктивной функции // В. А. П л у н г я н, В. Ю. Г у с е в, А. Ю. У р м а н ч и е в а (ред.) Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Дискурсивные категории. М., 2008. С. 241–274.

Сичинава 2012 — Д. В. С и ч и н а в а. Частицы *было* и *бывало* в русском языке XVIII века // Русский язык в научном освещении. 2012. №2 (24). С. 257–284.

Сичинава 2013 — Д. В. С и ч и н а в а. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М., 2013.

СДРЯ XI—XIV, 2 — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. 2. М., 1989.

СЛРЯ XI—XVII, 3 — Словарь русского языка XI—XVII вв. Т. 3. М., 1976.

Шевелева 2007 — М. Н. Ш е в е л е в а. «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // Русский язык в научном освещении. 2007. №2 (14). С. 214–252.

Резюме

В статье разбирается текст дошедшей до нас в виде фрагмента новгородской берестяной грамоты №4 (XIV век) сквозь призму семантики встретившейся в этом фрагменте формы плюсквамперфекта (*быль выдаль*). Предложена интерпретация подобного употребления (связанная с дискурсивными функциями древнерусского плюсквамперфекта, в частности с употреблением этой формы в начале нарратива), что требует и гипотетической реконструкции текста грамоты в целом. Автор предлагает буквенную поправку к тексту грамоты по сравнению с принятым раньше

чением. Обсуждается также ряд других частных вопросов, связанных с интерпретацией текста.

Ключевые слова: берестяные грамоты, дискурсивные употребления глагольных форм, плюсквамперфект, древненовгородский диалект.

Получено 23.04.2017

DMITRI V. SITCHINAVA

**THE LETTER TO THE DEVIL:
A LITTLE-KNOWN INSTANCE OF THE OLD RUSSIAN PLUPERFECT**

The paper discusses the fragmented birchbark letter from Novgorod no. 4 written around 1320–1340, focusing on the context of the Pluperfect form that occurs in the fragment (*byl vydal*). An interpretation of this use is proposed linking it with the discourse functions of the Old Russian Pluperfect that marks the initial point of a narrative. This hypothesis requires for a reconstruction of the whole text of the letter in question. The author proposes to correct the previous reading of the document, and discusses also some other issues related to its interpretation.

Keywords: birchbark letters, discourse uses of verbal forms, Pluperfect, Old Novgorod dialect.

Received on 23.04.2017

В. В. КАВЕРИНА

СТАНОВЛЕНИЕ НОРМ ДИСТРИБУЦИИ ФИНАЛЬНЫХ **Ъ** И **Ь** ПОСЛЕ БУКВ ШИПЯЩИХ СОГЛАСНЫХ И АФФРИКАТ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XVIII—XIX ВВ.

1. Рекомендации по употреблению финальных букв редуцированных содержат самые древние грамматические сочинения. Так, в Книге Константина философа XV в. сформулировано правило употребления **Ъ**¹ на конце слов с целью их разделения, чтобы одно слово не «присовокупляли» к другому [Ягич 1895: 403–404]. В грамматике М. Смотрицкого 1619 г. и ее московском переиздании 1648 г. говорится, что **Ъ** и **ь** не пишутся в начале слов, а употребляются только на конце слов для обозначения твердости и мягкости конечного согласного, подчеркивается также недопустимость смешения этих букв [Грамматики 2000: 142; Грамматика 2007: 62]. Б. И. Осипов полагает, что «Мелетий отдает себе отчет в отсутствии собственного звукового значения у **Ъ** и **ь** в языке его времени, называя эти буквы “припряжногласными”» [Осипов 1975: 71]. Более подробно описывает функции **Ъ** и **ь** Ф. Поликарпов в своих поздних грамматических сочинениях: данные буквы обязательны на конце слов в зависимости от произношения — «дебелого» или «тонкого» (см. об этом также у Лудольфа в 1696 г.) [Лудольф 2002: 550], а также в смысловоразличительной роли — для отличия, например, *перстЪ* и *персть*, *данЪ* и *дань* (см. вступительную статью Е. Э. Бабаевой в [Поликарпов 2000: 57–58]). Никаких сведений о грамматической функции **Ъ** и **ь** труды не содержат, о принципе антистиха, в соответствии с которым **Ъ** маркировал формы мн. ч., а **ь** — ед. ч. [Успенский 2002: 326], Поликарпов не упоминает, более того, он последовательно заменяет конечный **ь** падежных флексий ед. ч., введенный справщиками грамматики 1648 г. для отличия их от омонимичных окончаний числа множественного, на соответствующий произношению **Ъ**: *емь* → *емЪ*, *омь* → *омЪ*, *имь* → *имЪ* и под. (см. вступительную статью Е. Э. Бабаевой в [По-

¹ Здесь и далее буква «ер» обозначается прописной буквой **Ъ** в соответствии с книгопечатной традицией XVIII—XIX вв. Высота мачты — дифференциальный признак литер **Ъ** и **ь**.

ликарпов 2000: 91–97]). Видимо, данная правка отражает узус того времени; по крайней мере в петровских «Ведомостях» *ь* как показатель единственного числа не употребляется, как, впрочем, и в печатном Уложении 1649 г. [Черных 1953: 241–314].

2. В отличие от скорописных деловых памятников, где в конце слов обычно пишутся выносные согласные, не сопровождающиеся буквами редуцированных, печатные «Ведомости» эпохи Петра I предполагают обязательное употребление финальных *Ъ* или *ь* после согласных в соответствии с книжной нормой. Как и в предшествующие периоды, зоной вариативности здесь являются позиции после непарных по твердости-мягкости согласных *ж* и *ц*. Напротив, положение после *ц* и *ч* отличается стабильной орфографией.

2.1. После *ц* всегда пишется *Ъ*: *гоубицЪ* 1703.1², *кroleвецЪ*, *шанецЪ* 1703.3, *принцЪ* 1703.9, 1705.15, *гонецЪ* 1703.9, 24, 1707.25, 1711.11, *овецЪ* 1703.22, (*городЪ*) *грацЪ* 1704.12, *шанецЪ* 1705.4, 23, 1706.19, *вЪ королевецЪ*, (*осмь*) *лѣсницЪ*, (*тритцать*) *лѣсницЪ* 1705.6, *птицЪ* 1705.9, *образецЪ* 1705.29, (*фельдмаршалЪ-лейтенантЪ*) *голицЪ* 1709.9, *францЪ* (*рагоцый*) 1710.1, *колецЪ* 1713.9, *гоубицЪ* 1713.7, *принцЪ* 1716.8, 10, 1719.2, *овецЪ* 1719.2, 14, *БаронЪ ЕікголицЪ*, *на конецЪ* 1719.6, *мѣсяцЪ* 1719.8, 25, *вЪ концецЪ* 1719.13 и мн. др. Данный узус полностью соответствует рекомендациям первых грамматик [Грамматики 2000: 192–193; Грамматика 2007: 98–99, 113–115; Поликарпов 2000: 156, 289]. Такое написание закрепляется в «Санктпетербургских ведомостях» и «Московских ведомостях» в различных формах слов, исконных и заимствованных: *мѣсяцЪ* 1728.41 СПб³, *ДворецЪ* 1728.105 СПб, *ПринцЪ* 1728.10, 44, 105 СПб, 1729.41, 87 СПб, 1756.25 Мск⁴, *отецЪ* 1728.10, 43 СПб, 1729.5 СПб, 1730.25 СПб, 1835.2 СПб (2 раза), *МаркизЪ дела ПацЪ* 1728.10 СПб, *рожденецЪ* 1728.43, 45 СПб, *купецЪ* 1728.46 СПб, 1751.10 СПб (2 раза), *КронпринцЪ* 1728.105 СПб, *КобленцЪ* 1729.86 СПб, *МорицЪ* 1729.88 СПб, *мѣсяцЪ* 1730.26 СПб, 1740.51 СПб, *ПринцЪ* 1730.26 СПб, 1732.57, 59, 100 СПб, 1735.2 СПб, 1756.25 Мск, *границЪ* 1730.26 СПб, 1735.56 СПб (2 раза), *во дворецЪ* 1732.10 СПб, *фонЪ ПромницЪ* 1732.100 СПб, *МаинцЪ*, *шанцЪ* 1735.56 СПб, *вЪ МецЪ* 1735.103 СПб, *наконецЪ* 1740.1 СПб, 1748.97 СПб, *ГишпанецЪ*, *КомецЪ коллегіи*, *КомерцЪ канторъ* 1740.51 СПб, *овецЪ* 1748.2 СПб, *СовѣтницЪ* 1748.43 СПб, *вънецЪ* 1756.69 Мск, 1761.3 Мск, *теплицЪ* 1756.93 Мск, *МанцЪ* 1784.58 СПб и мн. др. Употребление финального *Ъ* после *ц* становится общепринятой нормой, которая действовала вплоть до

² Здесь и далее число перед точкой обозначает год издания, после точки — номер газеты.

³ Здесь и далее номер «Санктпетербургских ведомостей» помечен буквами СПб.

⁴ Здесь и далее номер «Московских ведомостей» помечен буквами Мск.

отмены Ъ в исходе слов. Об этом, например, пишет А. А. Барсов: «послѣ согласной Ц не пишутся гласные Ю, и Я, такожъ безгласная Ъ, на пр. не *концю, конця, конецъ*, но *концу, конца, конецѬ*» [Барсов 1981: 88].

2.2. После *ч* в «Ведомостях» в любых формах неизменно следует *ь*: *речь* 1703.6 (2 раза), 1706.9, *на помочь* 1703.6, 19, 22, 1704.12 и мн.др., (*всакую*) *помочь* 1703.18, *поберечь* 1703.20, *вЪ помочь* 1703.20, *зжечь* 1703.22, *стеречь* 1703.2, 1703.27, (*полную*) *мочь* 1703.33, 1706.1, *давичь (мнстырь)* 1703.38, *опричь* 1703.39, *шлахтичь, помочь (пришла)* 1705.2, *королевичь* 1705.4, *петрЪ матвѣевичь* 1705.7, *тысячь* 1703.4, 5, 17, 20, 1704.8, 1705.16, 23 1708.5, 1709.6 и мн. др., *седьмь тысячь* 1704.23, 1705.2, *стеречь* 1703.2, 1705.5, 16, 39, *королевичь, стеречь* 1705.3, *опричь* 1705.21, *в' ночь* 1705.24, *жечь* 1706.5, *облечь* 1706.17, *трубачь* 1707.23, *епанечь* 1708.3, *зажечь* 1703.25, 1709.5, *вЪ ночь* 1709.10, *достичь* 1711.1, *стеречь* 1711.7, *вЪ ту ночь* 1711.14, *отсчь* 1714.1, *вЪ добычь* 1715.12, *ночь* 1715.11, 1719.11, 1725.1, *зажечь* 1716.7, *тысячь* 1716.10, *речь, желчь* 1719.2, *полночь* 1719.5, 8, *картечь* 1720.8, *престчь* 1719.8, 1725.1 и мн. др. Исключения крайне редки: *осми тысячьЪ* 1703.2, *девяти тысячьЪ* 1704.21, *помочьЪ* 1710.16. Большинство из перечисленных форм находится за пределами книжной нормы, кодифицированной в грамматических сочинениях XVII—XVIII вв., однако в тех, которые там описаны, на конце находим *ь*: например, *мечь* [Поликарпов 2000: 284–285]. Правда, в более раннем Лексиконе 1704 г. наряду с *прочь, колачь, поповичь, дочь, врачь* [Якубович 1958: 8, 16, 35, 36, 48] фиксируется написание *грачьЪ* [Там же: 50]. Инфинитив на [ч'], будучи формой некнижной, фиксируется Лудольфом с конечным *Ъ*: *сожечьЪ* (наряду с *высечи, отсечи*) [Лудольф 2002: 563, 565]. Изредка такие написания встречаются в Уложении 1649 г. [Черных 1953: 352–353].

2.3. В распределении букв редуцированных после *щ* в «Ведомостях» соблюдается довольно строгая закономерность. Буквой *ь* стабильно заканчиваются формы ед. ч. И.-В. п. ж. р.: *помощь* 1703.4, 5, 6, 7, 8, 1705.21, *в' помощь* 1703.29, 1705.4, *вЪ помощь* 1703.31, 35, 36, 1705.5, *вЪ ти ноцъ* 1711.14, *помощь* 1715.7, 1719.11 и др. (исключения единичны: *на помощѬ* 1703.3, *вЪ помощѬ* 1710.11, *помощѬ* 1712.3). Данный узус противоречит рекомендациям грамматик XVII столетия [Грамматики 2000: 51–52], однако позднее кодифицируется Поликарповым: *ноцъ, помощь* [Поликарпов 2000: 284, 314].

Во мн. ч. существительных Р. п. ж. и ср. р. в «Ведомостях» после *щ* также пишется *ь*. В основном данная группа представлена формой слова *тысяща*: *тысящъ* 1703.4, 10, 16, 20, 21, 21, 22 и др., 1705.23, *шесть-тысящъ* 1703.27, *тысящъ* 1711.8, 1712.7, 11 и мн. др. Исключения крайне незначительны. Так, на более чем 100 написаний с *ь* в 39 номерах за 1703 г. приходится лишь два с *Ъ*: *тысящѬ* 1703.10, 24. Подобное соотношение наблюдается и в номерах за другие годы (например, лишь один слу-

чай с Ъ в 1704 г., № 3). Данный узус противоречит рекомендациям грамматик 1619 и 1648 гг. [Грамматики 2000: 256; Грамматика 2007: 172] и не закрепляется в трудах Ф. Поликарпова, который рекомендует писать: (*шесть*) *тысящЪ* [Поликарпов 2000: 131]. Употребление других слов данной группы окказионально и демонстрирует вариативность: *становищъ* 1704.6 — *становищЪ* 1705.21, *жліщъ* 1719.9, 12. Варьируется и финал кратких прилагательных: *нищъ* — *нищЪ* 1719.2, причем последнее кодифицировано Поликарповым, советуя писать «*нищЪ*, а не *нищъ*» [Поликарпов 2000: 161].

Буква Ъ после *щ* в соответствии с книжной нормой [Грамматики 2000: 192; Грамматика 2007: 113; Поликарпов 2000: 287] пишется в «Ведомостях» в исходе существительных м. р. в ед. ч. И. п.: *товарыщЪ* 1703.10, 1708.8, однако такие примеры единичны. Написание *овоцЪ* с конечным Ъ обнаруживается в скорописных сказках 1704 г. (ПМ XVIII 128.132⁵). В Лексиконе 1704 г. подобные слова также пишут через Ъ: *овоцЪ*, *борщЪ* [Якубович 1958: 14, 15], однако непоследовательно. Так, в другой словарной статье находим указание: «Садовый *овоць*, зри *овоць*» [Там же: 14], а далее написание *сверщъ* ‘сверчок’ [Там же: 36], что свидетельствует о крайней неустойчивости данной орфограммы. Возможно, это является отражением вариативности произношения обозначаемого буквой *щ* звука, который в диалектах нередко имел твердое произношение, что отражалось в некоторых источниках начала XVIII в. [Панов 2002: 364–365; 419; 423; 437].

2.4. После *ж* в «Ведомостях» отмечается нестабильность в исходе существительных м. р.: *рубешЪ* 1703.1, 1704.19, 1705.5, *рубешъ* 1705.16, 1705.28, 29, *однакожъ* 1707.21, *воронешъ* 1709.1, 3, *ножЪ* 1719.2. Данная вариативность отражает противоречивость рекомендаций грамматик: Зизаний пишет такие слова через Ъ (*мужЪ*, *матешЪ*, *ножЪ*) [Грамматики 2000: 119]; Смотрицкий и иосифовские справщики — через ь (*мужь*, *матешь*, *падежь*) [Грамматики 2000: 485, 488; Грамматика 2007: 476, 479]. А в работах Поликарпова встречаются оба написания: в Московской рукописи *мужь* — *мужЪ*, *падежь* [Поликарпов 2000: 181], в Петербургской рукописи *мужЪ*, *падежЪ* — *падежь* [Там же: 253, 304, 257, 310–315]. Вопреки кодифицированному Поликарповым написанию *рожЪ* [Там же: 289], в «Ведомостях» находим: *рожъ* 1709.5, 1713.3; правда, такие написания единичны. Кроме того, отмечено употребление формы *велможЪ* 1719.20. Вариативность написаний Ъ/ь после *ж* демонстрируют также служебные слова и наречия: *МежЪ тгъмЪже*, *межь собою* 1703.2, *побилижь* 1706.5, *межьсебѧ* 1706.17, *межьсебѧ*, *межЪ которыми* 1706.18, *межь которыми* 1706.20, *межькоролевствіе* 1707.22, *межЪ* 1709.12, *тудажь* 1704.6, *сюдажь* 1704.14, *однакожЪ* 1704.14, *однакожь* 1705.2, *од-*

⁵ Здесь и далее число перед точкой обозначает номер текста в публикации, после точки — номер воспроизведенного в ней рукописного листа.

накожь 1705.8, *тогожь* *вечера* 1705.15, *сегожь* 1708.3, *тогожь* 1708.10, *столкожь* 1708.11, *такожь* 1708.14, *сегожь* 1708.15, *однакожь* 1708.15, *сегожь*, *однакожь* 1709.1, *нашажь* 1709.6, *однакожь* 1709.10, *токожь*, *однакожь* 1709.11, *однакожь* 1710.3, *присутствовалѣжь* 1725.12 и др.

Об употреблении букв редуцированных после финальной *ш* в «Ведомостях» информации недостаточно. Так, помимо местоимения *нашЪ* (1703.1, 1705.4, 1711.6 и др.), которое в грамматиках зафиксировано именно в такой орфографии [Грамматика 2000: 119, 486; Грамматика 2007: 477; Поликарпов 2000: 365], в газетах почти не встречается подобных слов, например существительных с грамматическими *Ъ* и *ь*, которые Поликарпов писал в соответствии с современной нормой: *ковиЪ* [Якубович 1958: 23], *номышь* [Поликарпов 2000: 256]. Нами обнаружено единичное словоупотребление: *тишь* 1714.1.

3. В отличие от «Ведомостей» и особенно грамматических сочинений того времени, московская скоропись XVIII в. (ПМ XVIII) демонстрирует довольно устойчивый узус в финальных морфемах, в соответствии с которым непарные конечные согласные употребляются в строчном написании с *Ъ* или *ь*, выбор которых определяется твердостью/мягкостью предшествующего согласного.

3.1. Так, в частной переписке 1723–25 гг. (ПМ XVIII) после *ч* регулярно употребляется *ь*: *Ивановичь* 35.6, *дочь* 34.5, 40.11 об., *АнѢдреевичь* 35.6, *тысечь* 40.11, *Борисовичь* 44.3, *Ивановичь* 45.1, *Петровичь* 55.6 об., *беречь* 55.7 об. и др. Случаи, когда пишущий в финальных морфемах предпочел употребление выносной согласной, обнаруживаются только в письмах М. Д. Куракиной: *до^ч* 50.6, 53.5. До конца XVIII столетия узус не меняется — *ь* на конце таких слов используется регулярно: *Михаиловичь*, *Ивановичь* 77.68, 78.70; *Петровичь* 104.145, *Андреевичь* 108.159, *тысечь*, *дочь* 103.143, *Петровичь* 13.237, 14.174; 15.173, 190, 17.218, 18.243; *Барисовичь* 19.3, 20.1, 22.10, 23.14, 24.13; *ночь* 22.10 (ПМ XVIII). В текстах актовой письменности середины и конца XVIII в. (ПМ XVIII) после непарных мягких согласных также используется *ь*: *тысячь*, *опричь* 158.1, *дочь* 189.20, 297.53, *ночь* 298.182.

3.2. После твердых строчных согласных в сказках 1704 г. (ПМ XVIII) находим *Ъ*: *ПатриаршЪ* 147.28 об., *ω^мцЪ* 157.29 об., *шелаиЪ*, *ПатриаршЪ*, *жилецЪ* 164.32, 32 об. Только в одном слове писец предпочел употребление выносной согласной: *ме^{жс}* 160.52, после чего в соответствии со скорописным узусом буква редуцированного опущена. В текстах допросов 1745 г. и челобитных 1772 г. (ПМ XVIII) соблюдается та же закономерность: *ω^мцЪ* 183.11, 184.4, 185.8, 186.339, 187.31, 188.2, 189.20; *отецЪ* 188.2; *душЪ* 190.344; *купецЪ* 294.185, 298.182, 182 об.; *приходишЪ* 300.66. Выносная согласная встретила один раз: *кня^{жс}* 298.182 об. В грамотках

1723–25 гг. (ПМ XVIII) здесь также обычно пишется *Ъ*: *мужЪ* 40.11, *вашЪ* 54.1, *пишииЪ* 54.1, *изЪволииЪ* 40.11 об., *и³волииЪ* 49.5, 53.5, 54.1, 55.6, 6 об. (2 раза), *изволииЪ* 55.6 об., *сервизецЪ* 57.1, *братецЪ* 44.3, 54.1. Отмечен один случай употребления *ь* в данной позиции — в глаголе 2-го лица единственного числа *аставишь* 40.11. Ситуация не меняется и в конце XVIII столетия: в текстах частной переписки 1770–1779 г. (ПМ XVIII) 13 таких написаний отмечено в письмах А. Барыковой: *вашЪ* 14.174, *шелаишЪ*, *хоишЪ*, *ужЪ* 13.237, *тожЪ* 10.121 и др.; 15 словоформ с *Ъ* после непарных твердых согласных найдено в письмах Вас. Бор. Голицына: *братецЪ* 19.3 (3 раза), 20.1, 21.11, 22.10, 23.14 (3 раза), 24.13; *м^сцЪ*, *вашЪ* 19.3 и др. В письмах обоих авторов выносная непарная согласная не употребляется. В текстах 1783–1787 гг. (ПМ XVIII) после непарных твердых согласных *Ъ* пишется относительно регулярно (39 раз): *заплатишЪ*, *пишеишЪ* (2 раза), *отправишЪ*, *издержишЪ* 79.76, 80.78; *о^мцЪ*, *пишеишЪ*, *о^мправишЪ*, *просишЪ*, *поедишЪ* 81.79, 82.80; *пишеишЪ*, *поедишЪ*, *умалчиваеишЪ*, *пеняеишЪ* 83.81, 84.85; *о^мцЪ* 86.89, 87.91; *успокоиваеишЪ*, *знаеишЪ* 102.139; *отецЪ* 77.68, 78.70, 79.76, 81.79, 82.80, 83.81, 84.85, 103.143, 105.146, 108.158, 109.167, 110.168, 111.171, 112.172 об.; *велишЪ*, *наидеишЪ*, *будеишЪ* 105.146; *дуишЪ*, *шлеишЪ* 108.158; *можеишЪ* 110.168; *наконецЪ* 112.172. Кроме того, один раз буква редуцированного после строчного *ш* опускается: *о^мправиш* 83.81.

3.3. Особый интерес представляют три написания, в которых М. М. Щербатов после *ш* употребил *ь*: *исполнишь* 79.76, *зачинаеиш* 102.139, *получиш* 105.147. Данные формы находятся за пределами книжной нормы, для «Ведомостей» не характерны, однако фиксируются в соответствии с произношением с конечным *Ъ* Лудольфом (*въришЪ*, *спишЪ*, *пишиишЪ*) [Лудольф 2002: 562–563] и Ф. Поликарповым в «великороссийской» парадигме (*пишеишЪ*, *напишеишЪ*) [Поликарпов 2000: 298–302]. По сведениям В. М. Живова, который дает подробный анализ употребления форм 2 ед. презенса в русской письменности [Живов 2004: 238–266], форма на *-иш* в восточнославянских текстах появляется достаточно рано — с конца XII в., и не только в некнижных, но и в церковнославянских памятниках, где, впрочем, употребление ограничивается единичными примерами; однако в поздних гибридных текстах данное написание получает некоторое распространение, в ряде летописных сводов XVI в. «занимает уже достаточно прочные позиции», а в текстах бытового регистра XVII в. «употребляется исключительно форма на *-иш*» [Там же: 239–241, 248], правда, обычно с буквой *Ъ* в исходе. В первых памятниках гражданской печати начала XVIII в. сохраняется узус бытовой скорописи предшествующего столетия, например: *говоришЪ*, *хощеишЪ*, *усмотришЪ*, *спасаеишЪ* в издании «Юности честное зерцало» 1717 г. Вариативность употребления *Ъ* и *ь* в исходе формы на *-иш* возникает уже в данный период (например, в «Географии генеральной» 1718 г.: *хощеиш*, *изволеиш*, но *можеишЪ*) [Там же: 250]. Очевидно, что

академическая нормализация 1728 г., затронув формы презенса 2 ед., не коснулась их орфографии, где сохраняется варьирование *Ъ* и *ь* (например, в «Примечаниях к ведомостям» 1731, 2: *вопрошаешь, непремѣнишь, будешь, но воспримеиЪ, потянеиЪ*) [Там же: 251].

4. В связи с данной проблемой интересно исследовать текст грамматики В. Е. Адодурова (1738), опубликованный Б. А. Успенским с сохранением всех основных особенностей орфографии [Успенский 1975]. Хотя рукопись и не принадлежит перу Адодурова, а написана И. М. Сердюковым — земляком ученого, слушателем академической гимназии, но Б. А. Успенский предполагает, что сам Адодуров мог дать своим ученикам текст грамматики для переписывания (и в таком случае орфография, вероятно, в основном сохранялась). Кроме того, есть «некоторые основания предполагать, что данная рукопись была апробирована самим Адодуровым» [Там же: 49], и в таком случае автор грамматики должен был исправить встретившиеся ошибки либо указать на них писавшему; если же он их не исправлял, то, надо полагать, ошибками не считал. В любом случае рукопись принадлежит перу образованного человека 1730-х годов, ученика Адодурова, и может представлять интерес для выявления закономерностей, которыми руководствовался ученый, «принимавший ближайшее участие в разработке и установлении норм русской орфографии... и, может быть, даже являлся в 30-е годы их основным законодателем» [Там же: 31].

4.1. Обратимся вначале к записке Адодурова от 11 марта 1737 г., недавно опубликованной А. А. Костиным [2016: 286—292], где, по словам исследователя, «объяснение природы финального *Ъ* дано... более отчетливо, чем в пособии 1731 г.» [Там же: 290]. О букве *Ъ* Адодуров пишет:

1) Что она совѣмъ не выговаривается,

2) Что она въ сложныхъ словахъ, которыя состоятъ изъ предлога, кончающагося на согласную, и ѳзъ слова, начинающагося съ гласной, съ предлогомъ ставится, и такимъ образомъ она не токмо ясно показываетъ, изъ какихъ особенныхъ словъ состоитъ сложное слово, но и различаетъ согласную, которую предлогъ кончится, отъ гласной послѣдующаго слова; слѣдовательно, весьма много способствуетъ къ правильному произношенію такихъ сложныхъ словъ, напримеръ: въ словѣ *подъемлю*, которое слагается изъ предлога *подъ* и глагола *емлю*, различаетъ литеру *Ъ*, между сими двумя словами въ срединѣ поставленная, части, оное сложное слово составляющія; при томъ же показываетъ, что литера *Д* при произношеніи принадлежить къ предыдущей гласной *О*, а не къ послѣдующей *Е*, и тако читается *подъ-емлю*, а не *подемлю*.

3) Что ко всѣмъ словамъ, на согласную кончающимся, по всеобщему обыкновенію на концѣ поставляется, токмо в произношеніи предъ идущей согласной не дѣлаетъ ни малѣйшей перемѣны [Костин 2016: 291].

Букве *ь* посвящены следующие строки:

Литера *Ь* отъ литеры *Ъ* какъ начертаніемъ, такъ и употребленіемъ разнствуетъ и имѣеть /1 об./ половинной звонъ гласной *Ī*, ибо оную выговаривать должно в половину времени противъ того, въ какое гласная *Ī* произносится; изъ сего слѣдуетъ, что литера *Ь* сама собою, равно какъ и литера *Ъ*, никакого звону не имѣеть, но токмо предыдущую согласную в произношеніи нѣсколько умягчаетъ, и потому сія литера въ старинныхъ славенскихъ грамматикахъ съ довольнымъ основаніемъ за совершенную гласную не положена, но токмо за такую литеру почтена, которая нѣкоторымъ образомъ къ гласнымъ причислена быть можетъ, и для того названа *писмянемъ припряжногласнымъ*; сверхъ показанной разности въ звонѣ, при согласныхъ отъ сея литеры происходящемъ, дѣлаеть она такъ же дѣйствительную разность и въ самыхъ словахъ, на примѣръ *братъ* и *брать* [Костин 2016: 291—292].

4.2. Подобные рассуждения находим в грамматике 1738 г., опубликованной Б. А. Успенским. В § 14, посвященном букве *ь*, говорится: «*ь* имѣетъ силу половину гласныя литеры *i* то есть ея гласъ или зво^н въ произношеніи продо^лжае^тся то^лко на половину времени должнаго гласному *i* и того ради признается она не за сове^рше^нно но токмо за по^лгласную литеру, когда она прикладывае^тся къ которой нибу^д и^з согласны^х літе^р тогда гласныя согла^сныя въ произношеніи нѣско^лко умягчае^т и притомъ дѣлае^т различіе и въ само^м знаменованіи (описка вместо “знаменованіи”) словъ такъ слово *братъ* разнствуетъ о^т слова *братъ* слово *данъ* разнствуетъ о^т слова *данъ*, и прочая: о^т сего явно есть что она въ ншемъ азбукѣ; имее^т свою сове^ршенную по^лзу» [Успенский 1975: 96]. Таким образом, буква *ь* признается необходимой для правильного понимания и различения слов. Употребленію *Ъ* посвящен § 15 грамматики, где Адодуров выступает противником данной буквы и предлагает исключить ее из гражданской азбуки, приводя при этом три аргумента. Во-первых, буква *Ъ* «не изъясляе^т никакого чловчского голоса и для того въ произношеніи словъ ничего не способствуетъ», что дает основание считать «сей знакъ въ ншей азбукѣ за и^злишней» и исключить его из азбуки «общим согласіемъ» [Там же: 96]. Во-вторых, поскольку буква *Ъ* «ни до гласных, ни до согласных не надлежит» и «никакого слога учинить не может», то «безущербно изъятие ее» [Там же: 97]. И, наконец, единственная функция *Ъ*, по мнению Адодурова, заключается в отделении предлога (приставки) на согласный от слова (корня), начинающагося с гласного, однако «то^ж самое лучше мо^жно бы было испол^нить другимъ каки^м нибу^д знако^м» [Там же: 97]. Заметим, что автор грамматики не одинок в своем желаніи устранить *Ъ*. Так, в работах его современников, сторонников фонетического письма В. Н. Татищева и В. К. Третьяковского, также выдвигаются предложения об устранении букв редуцированных. Третьяковский в сочинении 1748 г. «Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии» рекомендует убрать *Ъ* из алфавита, ибо нет в нем «славенскому выговору нужды» [Третьяковский 1748: 224]. Сопоставляя по значимости знаки *Ъ* и *ь*, он заклю-

чает, подобно Адодурову, что без первого обойтись можно, «ибо что ненужное, еще и пустое», а «без второго ни по какой мере» [Там же: 115]. Татищев же не останавливается и перед удалением ь, а для дифференциации мягких и твердых согласных над последними полагает «ставить точку яко пол и пол•, тверд и тверд•» [Успенский 1975: 83]. Однако сами грамматисты не внедряли в практику свои теоретические построения и в своих рукописях употребляли финальный «ер» в соответствии с древней традицией.

4.3. Грамматика Адодурова также дает вполне определенные рекомендации относительно употребления выносных начертаний: «вЪ рукописномЪ писмѣ о^ткидываю^т Ъ не рѣ^лко и вЪ таки^х случая^х поставляю^т вЪ ве^рху о^лну то^лко согласную літеру, такЪ вместо домЪ часто пишу^т до^м вместо храмЪ пишутъ хра^м вместо указЪ пишутъ ука^з и проч.» [Там же: 97]. Об опущении ь при вынесении согласной ничего не говорится, хотя в тексте грамматики, как видно из приведенных цитат, выносная буква для обозначения мягкого согласного используется часто. Короче говоря, в грамматике Адодурова рекомендуется писать ь в конце слов после мягких согласных для различения смысла слов, Ъ же считается лишней буквой в алфавите, употребляющейся по традиции. Отдельно написание ь после непарных согласных не регламентировано.

4.4. Анализ употребления букв редуцированных в тексте грамматики выявляет узус, характерный для скорописи того времени. Так, после парных твердых согласных строчное написание согласного с Ъ и выносное без Ъ используется примерно поровну (более 400 раз каждое), лишь два случая без Ъ после согласной в строке (*как, бывает*), и один раз после строчного твердого согласного употребляется ь (*просиль*). Очевидно, что желание устранить Ъ в данном узусе не просматривается. После парных мягких согласных в строке по аналогии с рассмотренной выше позицией пишется ь в 62 случаях, выносная без ь используется 51 раз (то есть также примерно поровну). Два написания содержат ь после выносной (*ес^мь, ра^здави^мь*). После непарных мягких пишется ь, однако таких слов немного: *ра^зжечь, рѣчь* (4 раза), и неясно, отражают эти написания фонетику или грамматику. Однако наибольший интерес представляют строчные непарные твердые, после которых вопреки скорописному узусу в глаголах в форме 2 л. ед. ч. употребляется только ь (28 раз): *бежишь, можешь, жжешь, стережешь* и т. д. В 2 случаях данные глагольные формы переданы с помощью выносных: *береже^м, души^м*. Буква Ъ после непарных твердых согласных используется только 9 раз, из них ни одного глагола: 3 случая в исходе частицы (*однакожЪ 2 раза, пре^онею жЪ*), 5 — в конце существительных м.р. на *ц* (*отецЪ, дубецЪ, рубецЪ, оцЪ, венецЪ*) и один — в местоимении *нашЪ*.

5.1. Текст грамматики выявляет важную особенность своего времени — появление грамматического ь в исходе глагольных форм 2 л. ед. ч. презенса,

что закрепляется затем и в других грамматических сочинениях середины XVIII в. [Живов 2004: 257]. Такие написания вскоре становятся едва ли не единственно возможными в печатной и письменной практике образованных людей уже в 30-е гг. XVIII столетия. Так, если в издании Тредиаковского 1730 г. находим финальное *-иѢ* (*можеиѢ, неувидишѢ, будешѢ, хочешѢ*), то у него же в Оде 1734 г. и стихах 1735 г.— только *-шь* (*держашь, приближаешь, медлишь, имгьешь, блгднтьешь, поразиишь, оставляешь, признаваешь, возбимгьешь, велишь, хочешь, вводишь, питаешь, воспаменяешь, вгрьишь*) [Там же: 251–252]. Важным этапом в кодификации данной нормы явилась грамматика М. В. Ломоносова, в которой, несмотря на отсутствие особого правила, фиксируются только формы на *шь*, хотя в ранних сочинениях Ломоносов пишет только *-иѢ*: *заплачешѢ, правишѢ, держишѢ, зришѢ* [Там же: 253]. Н. С. Рождественский отмечает, что в грамматике «как знак грамматических категорий ѣ употребляется Ломоносовым без колебаний», и приводит глагольные формы: *знаешѣ* (III, 4), *пишешѣ* (§272), *мажѣ, режѣ* (§333), *беречѣ, стричѣ, волочѣ* (§338) [Рождественский 1937: 56]. Заметим, что в «Санктпетербургских ведомостях» и «Московских ведомостях» в исходе инфинитива также пишется *-чь*: *престѣчь* 1735.56 СПб, *престеречь* 1756.2 Мск, *престѣчь, сжечь* 1769.27 Мск, *зажечь* 1840.75 СПб, *привлечь* 1840.61 СПб, *превозмочь* 1845.18 СПб, *увлечь* 1856.49 СПб и др. Исключения единичны (*отсѣчьѢ* 1740.1) и относятся к 1740 году, когда наблюдался кратковременный рост числа написаний с *Ѣ* после *ч* и в других частях речи. Орфография финального *ѣ* в глагольных формах кодифицирована впервые в Российской грамматике 1802 г. [Российская грамматика 1802: 17]. Интересное объяснение подобного правописания дает И. Орнатовский: «буква *Ѣ*, есть усѣчение *ы*, а *ѣ* усѣчение буквы *и*» [Орнатовский 1810: 299], имея в виду церковнославянские *-иши* и *-чи* соответствующих глагольных форм, о чем подробно пишет Ф. И. Буслаев в грамматике 1858 г. [Буслаев 1959: 55].

5.2. Употребление глаголов в форме 2 л. ед. ч. презенса не характерно для текстов «Санктпетербургских ведомостей» и «Московских ведомостей». В других же случаях после твердых шипящих здесь стабильно употребляется *Ѣ*, главным образом в исходе существительных м. р. ед. ч. И.=В. п. как исконных, так и заимствованных: *в ПарижѢ* 1728.9 СПб, *платежѢ* 1730.25 СПб (2 раза), *экипажѢ* 1730.26 СПб, 92, *кряжѢ* 1732.99 СПб, *ПарижѢ* 1735.56 СПб, 1780.91 СПб, *вѢ маршѢ* 1740.3 СПб, *КавендишѢ* 1740.51 СПб, *КевендишѢ* 1751.57 СПб, *неплатежѢ* 1769.27, 1771.44, Мск, 1780.92 СПб, *фуражѢ* 1769.28 Мск, *ПарижѢ* 1771.3 Мск, *фляжѢ* 1771.44 Мск, *БушѢ* 1780.91 СПб, *этажѢ* 1784.102, 1787.2 СПб и т. п. Несмотря на устойчивость данного узуса, грамматика Ломоносова демонстрирует вариативность в исходе слов именно данной группы: *ножѢ, чертежѢ, гужѢ, ужѢ, мужѢ, ковиѢ, грошѢ, шабашѢ*, — но: *рубезь, барышь* [Ломоносов 1952: 463].

5.3. Немногочисленные словоупотребления с финальной *щ* мотивированы грамматически, а не фонетически и пишутся так же, как и сущ. м. р. на *ж* и *ш*: (*прибылЪ*) *вЪ РяцЪ* 1748.1 (5 раз), *товарищЪ* 1771.44 Мск, *хрящЪ* 1787.2 СПб и под. В грамматике Ломоносова после *щ* существительных м. р. ед. ч. И.=В. п. также пишется *Ъ*: *лещЪ*, *овощЪ* [Ломоносов 1755: 80; 1952: 463], однако возможен и *ь*: *хрящь* [Ломоносов 1755: 82; 1952: 457].

5.4. Исключительно «ером» завершаются имена ж. р. мн. ч. в Р. п.: *кожЪ* 1756.56, 69 Мск, *пряжЪ* 1769.27, 1771.3 Мск, *душЪ* 1769.27 (6 раз), 1769.54, 1771.1 (5 раз), 3 (6 раз), 44 (5 раз) Мск, 1780.92 (2 раза) СПб, 1784.5, 1784.102, 1787.2 СПб и т. д. Аналогично пишется сущ. ж. р. ед. ч. И.=В. п. *рожЪ* 1751.57, однако в грамматике Ломоносова такие слова имеют *ь* в исходе: *ложь*, *вошь* [Ломоносов 1952: 466]. Напротив, написание местоимения *нашЪ* 1728.43 СПб, 1740.51 СПб, 1769.1 Мск, 1780.92 СПб. и др. утверждается Ломоносовым [1755: 173; 1952: 544].

5.5. Небольшой вариативностью отличается лишь орфография частицы *жЪ*, которая изредка пишется через *ь* (*тогожь*, *однакожь* (2 раза) 1732.10 СПб, *однакожь* 1748.98, *оттудажь* 1761.101 Мск), однако в подавляющем большинстве случаев — с финальным *Ъ*: *однакожЪ* 1728.10, 41, 42 СПб, *тогожЪ* 1728.9, 10, 11, 41, 42 СПб, 1729.41 СПб, *такожЪ* 1730.92 СПб, *тогожЪ* 1732.9 СПб, 1732.57 СПб (2 раза), 1732.59 СПб, *однакожЪ* 1732.59 СПб (2 раза), 1732.100 СПб, 1735.56 СПб, 1740.51 СПб, *тужЪ* 1732.99 СПб, *ещежЪ* 1732.102 СПб, *тожЪ* 1735.1 СПб (2 раза), *сеюжЪ* 1735.56 СПб, *отЪ тудужЪ* 1735.56 СПб, *прежнеежЪ* 1735.56 СПб, *сегожЪ* 1761.57 Мск, *толикоежЪ* 1761.56 Мск, 1780.92 СПб, *томужЪ*, *тожЪ*, *негожЪ* 1769.27 Мск, *тожЪ* 1769.54 Мск, 1878.1 СПб, *оттудажЪ*, *такожЪ* 1771.2 Мск, *егожЪ* 1780.91 СПб, *такогожЪ*, *наказаниежЪ* 1780.91 СПб, *однакожЪ*, *когдажЪ*, *ктожЪ* 1780.93 СПб, *армижЪ* 1784.4 СПб и др. Заметим, что *Ъ* в исходе частицы *жЪ*, а также предлога *межЪ* фиксирует Ломоносов [1755: 209; 1952: 572].

5.6. В существительных ж. р. ед. ч. И.=В. п. после *ч* и *щ* сохраняется некоторая вариативность *Ъ* и *ь*, однако, как и в «Ведомостях», здесь обычно пишется *ь*: *вЪ помощь* 1728.45 СПб, *дочь* 1729.5 СПб, 1735.2 СПб, *немошь* 1729.40 СПб, 1730.93 СПб, *помощь* 1735.56 СПб и др. Хотя в номерах за 1740 г. встречаются финальные *Ъ*: (*такую знатную*) *добычЪ* (*получили*) 1740.51 СПб, *рѣчЪ* 1740.104 СПб (2 раза), — после этого устанавливается стабильное написание через *ь*: *рѣчь* 1748.43 СПб, 1751.1 СПб (9 раз), 1761.56 Мск, 1787.2 СПб, *дичь* 1751.95, 96 Мск, *помощь* 1756.24 Мск (3 раза), 1756.93 Мск, 1769.1 Мск, 1780.93 СПб, 1784.4 СПб, 1788.2 СПб, *дочь* 1771.2 Мск, 1780.91 СПб, 1787.1 (2 раза) СПб и т. д. Такую орфографию слов данной группы кодифицирует Ломоносов: *рѣчь*, *дочь* [1755: 63, 90; 1952: 439, 466].

5.7. В исходе существительных ж. р. мн. ч. Р. п. после *ч* и *щ* в «Санктпетербургских ведомостях» также сначала пишут *ь*: *свечь* 1734.97, 1735.55, *тысячь* 1740.103 и т. д. И вновь исключения в газетах за 1740 г.: *тысячь* 1740.1 (6 раз), 50, 51 (5 раз). В отличие от предыдущей позиции, здесь вариативность после 1740 г. не устраняется, и в ведомостях, наряду с преобладающей после *ч* буквой *ь* (*свѣчь* 1748.43, 1761.57 Мск, 1787.2 (2 раза) СПб, *тысячь* 1748.3 (4 раза), 98, 1751.95, 96, 1756.25, 1761.56, 101, 102, 1769.27 Мск, 1780.93 (2 раза), 1784.102, 1787.2 СПб, *задѣчь* 1780.93 (3 раза) СПб, *тучь* 1784.42 Мск, *дѣчь* 1771.3 Мск и др.), в исходе данной формы также пишут *Ѣ*, особенно после *щ*: *сокровищѢ* 1769.1 Мск, *дѣщѢ* 1769.27 (5 раз) Мск, *тысячѢ* 1769.54 Мск, *зрѣльщѢ* 1780.91 СПб и т. д. Последнее написание зафиксировано в грамматике Ломоносова: *епанечѢ* [Ломоносов 1755: 80; 1952: 456].

5.8. В конце существительных м. р. ед. ч. И.=В. п. после *ч* в ведомостях также находим сначала чаще *ь*: *шляхтичь* 1729.87 СПб, *Колоничь* 1730.26 СПб, *трубачь* 1735.56 СПб, *киртичь* 1748.2, 3, 98 СПб, *лучь* 1761.3 Мск, *Тереховичь* (название деревни) 1769.27 Мск, *лучь* 1784.42 Мск и др. Однако постепенно возрастает число конечных *Ѣ* в данной позиции: *палачѢ* 1732.99 СПб, *сургучѢ* 1740.104 СПб, *ЛашкевичьѢ*, *ЛукашевичьѢ* 1784.4 СПб, *цесаревичѢ* 1787.15 СПб и т. д. В рассмотренных нами двух изданиях грамматики Ломоносова (репринтном воспроизведении издания 1755–1757 гг. и перепечатанном с последней прижизненной публикации 1765 г. в т. 7 «Полного собрания сочинений» 1952 г.) [Ломоносов 1952: 858] не обнаружено колебаний в передаче слов данной группы: *киртичь*, *харчь*, *сургучь*, *Стефановичь*, *Алексѣевичь*, *Лукичь*, *Царевичь*, *Москвичь*, *Костромичь* [Ломоносов 1755: 80, 95, 96; 1952: 463, 470, 471], однако Н. С. Рождественский обнаружил такую вариативность в издании грамматики Академии наук (с примечаниями М. И. Сухомлинова) и рассуждает: «если исключить такую непоследовательность, как *киртичьѢ*, *ключьѢ*, то можно заключить, что Ломоносов придерживался принципа произношения и старинного письма» [Рождественский 1937: 56]. Заметим, что приведенные Рождественским примеры из Ломоносова (*ножѢ*, *рубежѢ*, *чертежѢ*, *гужѢ*, *барышѢ*, *грошѢ*, *шабашѢ*; *киртичьѢ*, *лещѢ*, *овощѢ*, *харчѢ*, *сургучьѢ* § 196, *грачьѢ*, *ключьѢ*, *калачьѢ*, *лучьѢ*, *мечьѢ* § 143) в большинстве своем не подтверждают приведенный тезис, поскольку написания *жѢ* и *шѢ* не соответствуют «принципу старинного письма», а *щѢ* и *чѢ* не опираются ни на традицию, ни на произношение.

5.9. Очевидно, что в середине XVIII столетия на практике начинают применяться грамматические критерии при выборе конечной буквы *Ѣ* или *ь* после непарных по твердости/мягкости согласных, хотя грамматисты (в частности, Ломоносов) еще не сформулировали соответствующих правил. Первые рекомендации содержатся в «Опыте нового российского правописания».

сания» В. Светова 1773 г., где автор разъясняет: «надобно писать: *ключЪ*, *товарищЪ*, *врачЪ*. Отсюда слѣдуетъ, что и тѣ, которые въ именительномъ пишутъ *Ивановичь*, въ родительномъ *Ивановича*, погрѣшаютъ противъ онаго же правила Грамматики. Ежели именительной кончить на ЧЪ, то въ родительномъ будетъ ЧЯ; ежели в родительномъ ЧА, то именительной должно кончить на ЧЪ» [Светов 1773: 22]. Таким образом, Светов обращает внимание не столько на грамматические характеристики слов, сколько на парадигму словоизменения. Подобные правила содержат многочисленные грамматики первой трети XIX в., например [Российская грамматика 1802: 13]. Первым предложил использовать грамматический критерий для орфографического разграничения существительных мужского и женского рода с шипящими в исходе А. П. Сумароков в статье 1768–1771 гг. «О правописании». «Легкое правило» Сумарокова гласило: «Литеры Ж Ч Ш Щ весьма малую по естеству своему разность имѣють во остротѣ и тупости; и весьма трудно распознать, когда они тупы, когда остры: *Ножь*, *рожь*: *Грачь*, *Дочь*: *Хорошь*, *вашь*: *Тоць*, *ноць*... слова и реченія мужескаго рода окончающіяся сими литерами, берутъ изъ сихъ литеру тупую, а рода женскаго острую» [Сумароков 1787: 320].

6.1. К началу XIX столетия в «Санктпетербургских ведомостях» окончательно оформляется узус, в соответствии с которым в ведомостях частица *жЪ* пишется только с *Ъ*: *желающежЪ*, *всемужЪ* 1801.13 СПб, *естьлижЪ* 1801.21 СПб, *тогожЪ* (7 раз), *другежЪ*, *негожЪ* 1803.6 СПб, *тогожЪ*, *тожЪ* (2 раза), *поверенномужЪ*, *прошенияжЪ*, *семужЪ* 1804.61 СПб, *тогожЪ* 1804.66 (2 раза), 101, 1812.14, 1816.12 (2 раза), 1831.1 (2 раза) СПб, *подобныажЪ* 1804.95 СПб, *чтожЪ* 1805.1, 26 СПб, *естлижЪ* 1805.18 СПб, *однакожЪ* 1804.66, 101, 1812.6, 14 (2 раза), 1816.12 (2 раза) СПб, *тожЪ* 1812.14 (5 раз), 1845.2 СПб, *гдѣжЪ* 1816.12 СПб, *ктожЪ* 1816.24 СПб, *какиежЪ* 1831.1 (2 раза) СПб, *тогожЪ* 1840.48 (2 раза) СПб, *потомужЪ* 1845.2 СПб и др. Кодифицировано же данное написание было лишь в 1830–1840-е годы [Княжев 1834: 87; Востоков 1835: 370; Давыдов 1849: 259]. Однако грамматики не единодушны в данном вопросе. Так, А. М. Будрин утверждает, что «*ь* сокращаетъ *е* въ реченіяхъ: *уже* — *ужь*, *же* — *жь*, напр. *чтоже* — *что жь?*» [Будрин 1849: 25]. Именно такие написания встречаются в «Московских ведомостях»: *оттудажЪ* 1801.54 Мск, *ктожЪ* 1806.7, 1843.53 Мск, *однакожь*, *тожь*, *чтожь* 1812.67 Мск, *однакожь*, *всѣжь* 1812.67 Мск, *однакожь* 1843.53, 79 Мск — наряду с обычными через *Ъ*: *однакожЪ* 1801.54, 75, 1806.7 Мск, *чтожЪ* 1805.1 Мск, *тогожЪ* 1806.49 Мск, *тожЪ* 1843.53 (12 раз) Мск и др.

6.2. С конечным *Ъ* пишут также существительные м. р. ед. ч. И.=В. п.: *надежЪ* 1801.3 СПб, *мужЪ*, *этажЪ*, *кряжЪ*, *платежЪ* (2 раза), *неплатежЪ* 1801.13, 1812.26 СПб, *ПарижЪ*, *мужЪ* 1801.21 СПб, *экипажЪ*, *этажЪ*, *неплатежЪ* 1803.6 СПб, *этажЪ* 1804.55, 1816.24 СПб, 1801.75,

1843.53 Мск, *экипажЪ* 1804.95, 1805.26, 1812.6 СПб, 1843.79 Мск, *мужЪ* 1804.101, 1805.26 СПб, *платежЪ* 1806.1, 1843.53 (2 раза) Мск, 1840.61 (2 раза), 73, 75 СПб, *такелажЪ* 1812.14 СПб, *неплатежЪ* 1816.24, 1831.1 (4 раза), 1840.48, 61 (3 раза), 1850.147 СПб, *бель-этажЪ* 1840.61, 1845.18 СПб, *ПарижЪ* 1843.53 Мск, *фуражЪ* 1845.18 СПб, *мятежЪ* 1856.49 СПб и др. (исключения единичны, и только в «Московских ведомостях»: *платежЪ* 1806.7 Мск). Есть основание полагать, что данное написание имеет грамматический характер, поскольку так пишутся не только существительные на *жЪ*, но и имена с конечным *чЪ*, *щЪ* (если, конечно, они относятся к мужскому роду): *кирпичЪ*, 1801.13, 1840.73, 1845.2 СПб, *ВересовичЪ*, *плачЪ* 1801.21 СПб, *ЖдановичЪ*, *ХребтовичЪ* 1804.66 СПб, *товарищЪ*, *кирпичЪ* 1805.1 Мск, *лучЪ*, *мечЪ*, *богачЪ* 1805.26 СПб, *ключЪ* 1831.1 СПб и под. Исключения единичны: *ключь* 1840.61 СПб, *товарищъ* 1843.53 Мск.

6.3. Особую группу составляют имена собственные, которые могли писаться с конечным *ь* в начале XIX столетия изредка: (*станции*) *Черковичь* 1804.55 СПб, *Якутовичь* (фамилия) 1806.49 Мск, а в «Московских ведомостях» 1840-х годов — регулярно: *Степанычъ*, *Марцынкевичъ*, *Цытовичъ*, *Калайдовичъ* 1843.53 Мск, *Мерхилевичъ*, *Цехановичъ* 1843.3 Мск и др. Интересно, что, в отличие от приведенных мужских имен собственных, единственная женская фамилия написана здесь дважды через *Ъ*: *ШевичЪ* *Анны* (2 раза) 1843.53 Мск. Впрочем, уже в 1850-е гг. данная особенность исчезает, и в «Московских ведомостях» все фамилии опять завершаются «ером»: *ТомошевичЪ*, *СерафимовичЪ*, *НеймичЪ*, *КраповичЪ*, *АвгустиновичЪ*, *КазакевичЪ*, *ЛуцкевичЪ*, *ФедоровичЪ*, *УрбановичЪ*, *ЖдановичЪ*, *АлександровичЪ*, *ЛенковичЪ*, *ЛенартовичЪ*, *БековичЪ* 1850.36 Мск и др.

6.4. Напротив, все существительные ж. р. ед. ч. И.=В. п. имеют в исходе *ь* независимо от качества предшествующего согласного: *помощь*, *пустошь* 1801.13 СПб, *рѣчь*, *дочь* 1801.21 СПб, 1801.54 Мск, *рѣчь* 1801.45, 1803.6 (2 раза), 1804.55, 101, 1805.26 (2 раза), 1856.49 СПб, *помощь* (2 раза), *ночь* 1801.100 (2 раза) Мск, 1831.1 (2 раза) СПб, *дочь* 1806.49, 101, 1812.56 (3 раза), 67 Мск, *дичь* 1812.26, 1845.18 СПб, *полночь* 1816.12 СПб, *рѣчь*, *рожь* 1831.1 СПб, *рожь* (2 раза), *помощь* 1831.15, 1840.75 СПб, *упряжь* 1840.61, 1845.2 СПб, 1843.53 Мск, *рожь* 1843.53 (2 раза) Мск и т. д. Такое написание регламентируется впервые в Российской грамматике 1802 г., причем в отличие от правила, предлагаемого Световым, здесь уже, помимо парадигмы («въ родительномъ падежѣ числа множественнаго на *ей*»), в качестве критерия используется принадлежность ко второму и четвертому склонению таких слов, как *вождь*, *Херсонь*, *ложь*, *печь* [Российская грамматика 1802: 15]. В третьем издании Российской грамматики 1819 г. сюда добавлено слово *вещь* [Российская грамматика 1819: 17]. Заметим, что в данном сочинении обнаруживается явное противоречие между приведенным здесь правилом и пунктом 1 § 28, в соответствии с которым слова

ключЪ, лучЪ, мечЪ, соотчичЪ, свищЪ «принимаютъ... въ именительномъ падежѣ съ конца вообще букву *Ъ*», потому что в Р. п. ед. ч. здесь пишется *a* [Российская грамматика 1802: 13]. Нетрудно заметить, что существительные м. р. из первого и второго перечней в Р. п. мн. ч. оканчиваются на *-ей* (*ключЕИ, вождЕИ*) и отличаются только парностью-непарностью согласного по твердости-мягкости в исходе, что приводит к различию в словоизменении (*вождЯ*, но *ключа*), а следовательно, в соответствии с правилом, в И. п. надо писать: *вождЪ*, но *ключЪ*.

6.5. Вообще, во многих грамматиках первой половины XIX в. правило правописания букв *Ъ* и *ь* в исходе существительных м. р. формулируется крайне некорректно. Так, И. Орнатовский предлагает писать *ь* в «именахъ мужскаго рода втораго склоненія, имѣющихъ мягкое окончаніе» [Орнатовский 1810: 298], то есть не только в словах типа *богатырь, нетопырь*, приведенных в пример, но и в оставшихся за пределами внимания автора словах с шипящими и *ч* в исходе, таких как *ключ* или *овоцъ*. Данное противоречие устранено в издании «Начертаніе Правиль Россійскаго Правописанія» 1812 г., где рекомендуется просто писать *ь* «послѣ всѣхъ шипящихъ буквъ, каковы: ш, щ, и ч, на пр.: ветошь, овошь, мячь и прочее» [Начертаніе правил 1812: 16]. Другое решение предлагается в учебной Российской грамматике 1811 г., где четко определено: «имена, кончащіяся на *ь* мужскаго рода въ родительномъ падежѣ единственнаго числа, букву *ь* перемѣняютъ на *я*, напр.: *вепрь, вепря; гость, гостя*; и проч. Слѣдственно неправильно пишутъ: *врачь, вмѣсто врачЪ; богачь* вм. *богачЪ; мужь* вм. *мужЪ; Петрович* или *ПетровичЪ* и проч. Ибо в родительномъ падежѣ кончатся они на букву *a*, а не *я*» [Российская грамматика 1811: 114], см. также [Княжев 1834: 84; Будрин 1849: 21].

Более корректно сформулировано данное правило у Н. И. Греча, причем для имен как женского, так и мужского рода указан главный признак — предпоследняя шипящая буква: «Изъ кончащихся же на шипящую букву, принимаютъ *ь* имена женскаго рода: *вечь, вещь, вошь, дичь, картечь, мышь, ночь и нощь, печь и пець, плѣшь, полночь и полноць, припряжь, пристяжь, рожь, тушь, упряжь, щелочь, дрожь, мочь, помощь*, и проч. Всѣ же имена мужскаго рода съ предпоследнею шипящею буквою (както: *падежЪ, мечЪ, шалашЪ, плющЪ* и проч.) имѣютъ въ окончаніи букву *Ъ* [Греч 1834: 481], см. также [Давыдов 1849: 257].

Очень наглядно, в форме таблицы, представил оппозицию слов с конечными *Ъ* и *ь* А. Х. Востоков:

<i>ПлачЪ</i>	существит. муж.р.	и <i>плачь</i> 2 лице повел. накл. глаг. плакать
<i>камышЪ</i>	— —	и <i>мышь</i> существ. женск. род.
<i>лещЪ</i>	— —	и <i>вещь</i> — —
<i>рожь</i>	родит. множ. женск.р.	и <i>рожь</i> — — [Востоков 1835: 369–370].

В табличной форме Востоков предлагает также правило разграничения Ъ и ь после *ж, ч, ш, щ* [Востоков 1835: 370]:

Ъ.	Ь.
1. Въ именит.п. ч.ед. муж. рода существительныхъ и прилагательныхъ; напр. <i>мужь, мечь, выигрышь, плацъ, горячь, похожь</i> и мѣстоименій <i>наишь, ваишь</i> .	1. Въ именит.п. ч.ед. жен. рода существительныхъ 15 оконч. напр. <i>ночь, мышь, вещь, рожь</i> .
2. Въ родит.п. ч.множ. существительныхъ 7 и 11 окончан. на <i>е</i> и на <i>а</i> ; напр. <i>училищъ, тучъ, ношь</i> , и числительнаго <i>тысячь</i> .	2. Во 2-м лицѣ ч.ед. изъяв. накл. напр. <i>идеишь, ходишь, тишь, даишь</i> .
3. Въ сокращеніи союза <i>же, уже</i> на <i>жь</i> ; напр. <i>тожь, тогдажь, ужь</i> .	3. Во 2-мъ лицѣ повелительнаго накл. ч.ед. <i>плачь, тѣишь, рѣжь</i> и множ. <i>плачьте, тѣиште, рѣжьте</i> .
4. Въ предлогахъ <i>межь, промежь</i> .	4. Въ неопр. накл. на <i>чь</i> , окончаній 55–58; напр. <i>жечь, толочь</i> .
	5. Въ окончаніи нарѣчій: <i>лишь, навзничь, настезь, прочь, сплошь, точь в точь</i> , и пр.

Данное правило оставалось наиболее полным, исчерпывающим в течение всего XIX в. Даже самое авторитетное орфографическое руководство конца столетия — «Русское правописание» Я. К. Грота [1885] — ничего не прибавило к перечню, приведенному в таблице Востокова, а только объединило содержащие грамматически разнородные группы слов пункты 3-й с 4-м в левом столбце и 2-й с 3-м в правом. Заметим, что такая орфография сложилась в узусе уже к началу XIX в.

7. Только одно правило, регламентирующее выбор Ъ — ь в исходе существительных ж. р. мн. ч. Р. п. после непарных мягких, демонстрирует колебания вплоть до середины XIX столетия. Первое грамматическое сочинение, содержащее данную орфограмму, — Российская грамматика 1802 г. — гласит: «Имена существительныя кончащіяся въ именительномъ падежѣ числа единственнаго на *а* или *о*, въ родительномъ падежѣ числа множественнаго оканчиваются въ правописаніи на Ъ, на прим.: *тысячЪ, тучЪ*, и проч. а не *тысячь, или тучь*» [Российская грамматика 1802: 14], см. также [Российская грамматика 1819: 17; Княжев 1834: 84; Греч 1834: 481; Давыдов 1849: 258; Грот 1885: 49].

7.1. Приведенное правило сложилось в узусе значительно раньше, чем было сформулировано: оно неукоснительно соблюдалось в орфографии существительных, кончающихся непарными твердыми согласными, в течение всего XVIII в. и далее в XIX столетии: *кожЪ* 1756.56, 69 Мск, *пряжЪ* 1769.27, 1771.3 Мск, *душЪ* 1769.27 (6 раз), 1769.54, 1771.1 (5 раз), 3 (6 раз), 44 (5 раз) Мск, 1780.92 (2 раза) СПб, 1784.5, 1784.102, 1787.2 СПб, *душЪ* (3 раза), (*билеты*) *для ложЪ* 1801.13 СПб, 1801.100 Мск, *душЪ* 1801.21, 1803.6, 1804.61, 1812.26 (2 раза), 1816.24, 1831.1 (6 раз), 1840.48 (2 раза), 61, 73, 1845.2 (4 раза), 1850 (3 раза) СПб, 1805.1 (5 раз) Мск,

кожЪ 1803.6, 1812.6, 1812.14 (2 раза), 1831.15 (2 раза), 1840.61 СПб, 1806.100, 1843.53 (2 раза) Мск и др.

7.2. Если после непарных твердых постоянно пишут *Ъ*, то после непарных мягких написание неустойчиво: *тысячЪ* — *тысячь* 1801.3 СПб, *тысячЪ* (3 раза) — *тысячь* 1801.13 СПб, *тысячЪ* (3 раза) — *тысячь* 1801.21 СПб и др. На некоторое время стабилизируется употребление *Ъ* в «Санкт-петербургских ведомостях» первого двадцатилетия XIX в.: *училищЪ* 1803.6 СПб, *училищЪ* (2 раза), *тысячЪ* (2 раза) 1804.61 СПб, *тысячЪ* (5 раз), *училищЪ* 1804.95 СПб, *училищЪ* (6 раз), *сокровищЪ* 1805.26 СПб, *задѣчЪ*, *тысячЪ*, *свѣчЪ* 1812.26 СПб, *училищЪ*, *тысячЪ* 1812.14 СПб, *тысячЪ* 1816.12 СПб, *жилицЪ*, *дѣчЪ* (3 раза) 1816.24 СПб и др. Однако в это же время в Москве продолжает преобладать употребление *ь*: *тысячь* 1801.75, 100, 1806.1 (2 раза), 49, 1812.67 Мск и др. В «Московских ведомостях» находим нехарактерный даже для более ранних текстов вариант *душъ* 1812.56 (2 раза), 67 (2 раза) Мск. Написания с *Ъ* здесь единичны: *сокровищЪ* 1806.1 Мск.

Данный участок орфографической системы остается нестабильным в течение всей первой половины XIX в. Так, в 1830-е гг. в «Санктпетербургских ведомостях» появляются давно было утраченные написания через *ь* (впрочем, немногочисленные): *тысячь* 1831.1, 1845.2 СПб, *дѣчъ* 1840.61, 1850.147 СПб и некоторые другие, — наряду с заметно преобладающими *тысячЪ* (2 раза) 1831.1 СПб, *училищЪ* 1831.15, 18, 1840.75 СПб, *свѣчЪ* 1840.48, 61 СПб, *дѣчЪ*, *жилицЪ* 1840.73 СПб, *дѣчЪ* 1840.61, 1845.2 СПб, *тысячЪ*, *дѣчЪ* 1856.49 и др. В «Московских ведомостях» также сохраняется вариативность: *задѣчъ*, *тысячь*, *дѣчъ* (2 раза) — *дѣчЪ* (2 раза) 1843.53 Мск.

Появление *ь* в исходе таких слов можно объяснить как отражением произношения смягченного [ч'], так и влиянием правописной традиции. Неудачным для данной орфограммы оказался и бытовавший в грамматиках конца XVIII — начала XIX в. способ дифференцировать *Ъ* — *ь*, опираясь на появление *А* или *Я* в других падежных формах (*вождЪ*, потому что *вождЯ*, но *ключЪ*, потому что *ключА*). Данный алгоритм оказался неэффективным при определении финальной буквы редуцированного существительных ж. р. мн. ч. Р. п. типа *тысячЪ/ь*, которую следовало проверять скорее формой мн. ч. И. п. *тысячИ*, чем ед. ч. И. п. *тысячА*, из чего логически вытекало употребление здесь *ь* — *тысячь*, так как, по мнению грамматистов того времени, «буква... ь усѣчение буквы и» [Орнатовский 1810: 299].

Подведем итоги. В отличие от скорописных деловых памятников, где в конце слов обычно пишутся выносные согласные, не сопровождающиеся буквами редуцированных, печатные «Ведомости» предполагают обязательное употребление финальных *Ъ* или *ь* после согласных в соответствии с книжной нормой. Как и в предшествующие периоды, зоной вариативности здесь являются позиции после непарных по твердости/мягкости согласных *ж* и *щ*, тогда как положение после *ц* и *ч* отличается стабильной орфографией.

К началу XIX в. формируется довольно устойчивый узус употребления финальных *Ъ* и *ь* после непарных твердых и мягких согласных, хотя полная и корректная формулировка данного правила дается только в грамматике Востокова 1835 г. Более ранние, да и многие позднейшие грамматические сочинения мотивируют разграничение *Ъ* — *ь* другими членами парадигмы, что лишь косвенно указывает на грамматическую характеристику слова.

Некоторая вариативность представлена в исходе частицы *жс*, не имеющей форм словоизменения. Возможно, именно поэтому даже в грамматиках нет единодушия в отношении правописания данного слова. Другой зоной вариативности является форма существительных ж. р. мн. ч. Р. п., где вплоть до середины XIX в. встречается *ь* наряду с преобладающим *Ъ*, что может объясняться довольно поздно возникшим интересом к нормированию данной формы косвенного падежа мн. ч., которая дольше всех писалась в соответствии с традицией, когда финальная буква определялась качеством предшествующего согласного. Затруднить оформление данной орфограммы могла существовавшая в XVIII—XIX столетиях традиция дифференцировать *Ъ* — *ь*, опираясь на появление *а* или *я* в других падежных формах.

Л и т е р а т у р а

Барсов 1981 — Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова / Подготовка текста и текстологический комментарий М. П. Тоболовой / Под ред. и с предисл. Б. А. Успенского. М., 1981.

Будрин 1849 — Третья часть Грамматики русского языка. Тетрадь VI. Орфография. М., 1849.

Буслаев 1959 — Ф. И. Б у с л а е в. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.

Востоков 1835 — Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной Грамматики полнѣе изложенная. СПб., 1835.

Грамматика 2007 — Грамматика 1648 г. / Предисл., науч. коммент., подг. текста и сост. указателей Е. А. Кузьминовой. М., 2007.

Грамматики 2000 — Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост., подг. текста, научный комментарий и указатели Е. А. Кузьминовой. Предисл. Е. А. Кузьминовой, М. Л. Ремнёвой. М., 2000.

Греч 1834 — Практическая русская грамматика изданная Николаемъ Гречемъ. СПб., 1834.

Грот 1885 — Русское правописание. Руководство, составленное по поручению Второго отдѣленія Императорской Академіи наукъ академикомъ Я. К. Гротомъ. СПб., 1885.

Давыдов 1849 — Грамматика русского языка. Изданіе Второго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ. СПб., 1849.

Живов 2004 — В. М. Ж и в о в. Очерки исторической морфологии русского языка XVII—XVIII веков. М., 2004.

Княжев 1834 — Российская грамматика, изданная В. К. М., 1834.

Костин 2016 — А. А. К о с т и н. Акрибия и амелейя, или Где быть доброй земле? (грамматика В. Е. Адодурова в контексте и без) // *Slověne*. Vol. 5. 2016, № 1. С. 263—299.

Ломоносов 1755 — Российская ГРАММАТИКА Михаила Ломоносова. Печата-на въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1755 года.

Ломоносов 1952 — М. В. Л о м о н о с о в. Российская грамматика // М. В. Ло-моносов. Полн. собр. соч. в 11-ти т. Т. 7. М.; Л., 1952. С. 389–578.

Лудольф 2002 — Генрих Вильгельм Лудольф. Русская грамматика. Оксфорд, 1696 // Б. А. Ларин. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI—XVII веков. СПб., 2002. С. 541–621.

Начертание правил 1812 — Начертаніе Правиль Россійскаго Правописанія. Харьков, 1812.

Орнатовский 1810 — И. О р н а т о в с к і й. Новѣйшее начертаніе правилъ рос-сійской грамматики. — Харьков, 1810 // *Texts and studies on Russian universal grammar 1806–1812*. Vol. 1. München, 1984.

Осипов 1975 — Б. И. О с и п о в. Вопросы графики, орфографии и пунктуации в «Грамматике» Мелетия Смотрицкого // *Исследования по славистике и языку наро-дов СССР*. Барнаул, 1975.

ПМ XVIII — Памятники московской деловой письменности XVIII века / Изд. подгот. А. И. Сумкина / Под ред. С. И. Коткова. М., 1981.

Панов 2002 — М. В. П а н о в. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М., 2002.

Поликарпов 2000 — Поликарпов, Федор. Технологія. Искусство грамматики / Издание и исследование Е. Бабаевой. СПб., 2000.

Рождественский 1937 — Н. С. Р о ж д е с т в е н с к и й. М. В. Ломоносов в исто-рии русской орфографии // *Русский язык в школе*. 1937. № 1. С. 47–62.

Российская грамматика 1802 — Российская грамматика, сочиненная Импера-торскою Россійскою академіею. СПб., 1802.

Российская грамматика 1811 — Российская грамматика. Издана от Главного правления училищ для преподавания в нижних учебных заведениях. СПб., 1811.

Российская грамматика 1819 — Российская грамматика, сочиненная Импера-торскою Россійскою академіею. СПб., 1819.

Светов 1773 — Опыт новаго російскаго правописанія, утвержденный на правилахъ російской грамматики и на лучшихъ примерахъ російскихъ писате-лей. (В. С.) Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ, 1773.

Сумароков 1787 — А. П. С у м а р о к о в. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. В 10 ч. Ч. 10. М., 1787.

Тредиаковский 1748 — В. К. Т р е д і а к о в с к і й. Разговоръ между чужестран-нымъ челоѡкомъ і російскимъ объ ортографіи старинной і новой і о всемъ что принадлежитъ къ сей матеріи. СПб., 1748.

Успенский 1975 — Б. А. У с п е н с к и й. Первая русская грамматика на родном языке. Доломоновский период отечественной русистики. М., 1975.

Успенский 2002 — Б. А. У с п е н с к и й. История русского литературного язы-ка (XI—XVII вв.). М., 2002.

Черных 1953 — П. Я. Ч е р н ы х. Язык Уложения 1649 года. Вопросы орфогра-фии, фонетики и морфологии в связи с историей Уложенной книги. М., 1953.

Ягич 1895 — И. В. Я г и ч. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // *Исследования по русскому языку*. Т. 1. СПб., 1885–1895. С. 287–1070.

Якубович 1958 — Т. Д. Якубович. «Лексикон треязычный» 1704 г. Ф. П. Поликарпова — важное пособие для изучения классических языков в XVIII веке. Л., 1958.

Резюме

В статье на обширном материале «Ведомостей» эпохи Петра I, «Санктпетербургских ведомостей», «Московских ведомостей», памятников деловой письменности и грамматических сочинений XVIII—XIX веков прослеживается становление норм употребления букв *Ъ* и *ь* в конце слов. Как и в предшествующие периоды, зоной вариативности здесь являются позиции после непарных по твердости/мягкости согласных *ж* и *щ*, тогда как положение после *ц* и *ч* отличается стабильной орфографией. К началу XIX в. формируется довольно устойчивый узус употребления финальных *Ъ* и *ь* после непарных твердых и мягких согласных, опирающийся на грамматические критерии, хотя полная и корректная формулировка данного правила дается только в грамматике А. Х. Востокова 1835 г. Более ранние, да и многие позднейшие грамматические сочинения мотивируют разграничение *Ъ* — *ь* другими членами парадигмы, что лишь косвенно указывает на грамматическую характеристику слова. Дольше всего, до середины XIX в., сохраняется вариативность в исходе существительных женского рода в родительном падеже множественного числа, что может объясняться недостаточным вниманием грамматистов к нормированию правописания данной формы и влиянием традиции, в соответствии с которой финальная буква определялась качеством предшествующего согласного. Затруднить оформление данной орфограммы могло действовавшее в XVIII—XIX столетиях правило писать в исходе слов *Ъ* или *ь*, опираясь на употребление *а* или *я* в других падежных формах.

Ключевые слова: русская орфография XVIII—XIX веков, финальные *Ъ* и *ь*, узус, нормирование, кодификация.

Получено 18.04.2017

VALERIA V. KAVERINA

STANDARDIZING THE DISTRIBUTION OF FINAL *Ъ* AND *ь* AFTER THE LETTERS OF HISSING CONSONANTS AND AFFRICATES IN THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE OF 18TH–19TH CENTURIES

The article focuses on the standardization of the use of final *Ъ* and *ь* in 18th and 19th century Russian business records such as “Vedomosti”, “Sanktpeterburgskie vedomosti” and “Moskovskie vedomosti”. As in previous periods, the variation zone includes positions after the consonants *ж* and *щ* — non-paired in terms of velarisation/ palatalization— whereas the position after *ц* and *ч* is characterized by stable spelling.

By the beginning of the 19th century the use of the final *Ъ* and *ь* after non-paired palatalized and velarized consonants had become fixed according to grammatical criteria, though the rule was first formulated completely and correctly only in A. Kh. Vostokov’s Grammar (1835). Earlier, as well as most later, grammar books differentiate between *Ъ* — *ь* according to the desinences of the other case forms, which only indirectly points to the grammatical characteristics of the word.

Variation in the endings of the genitive plural forms of feminine nouns had retained up to the 1850s, which can be explained by the grammarians' lack of attention to the orthographic standardization of the form and by the influence of the tradition according to which the final letter was determined by the quality of the preceding consonant. The codification may have been complicated by the rule active in the 18th and 19th centuries that demanded spelling of *Ъ* or *ь* at the end of words in accordance with the use of *а* or *я* in other case forms.

Keywords: Russian 18th and 19th century orthography, final *ъ* and *ь*, use, standardization, codification.

Received on 18.04.2017

ОБЗОРЫ

С. Д. ШЕЛОВ, Л. В. РЫЧКОВА

ОБ ОДНОМ НОВОМ ТИПЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНИКОВ¹

Когда специалист слышит словосочетание «терминологический словарь», то у него немедленно возникает вопрос о той области знания, которую этот словарь представляет. В самом деле, имеются десятки тысяч терминологических словарей, которые, независимо от их назначения, языка или языков входных (заголовочных) слов, адресной ориентации, круга решаемых задач и т. п., тематически «привязаны» к той или иной дисциплине, сфере деятельности, профессии, специальная лексика которой и собрана в этом словаре, ср. «Современный философский словарь», «Краткий словарь лингвистических терминов», «Карточная терминология и жаргон», «Англо-русский строительный словарь», «Большой юридический словарь» и т. п. (приведены формулировки реальных названий некоторых терминологических словарей).

Тем интереснее появление на этом фоне изданий, которые, так сказать, под одной обложкой содержат специальную лексику самых различных и порой весьма далеких друг от друга областей деятельности и профессиональных занятий или лексику всего универсума специальных знаний, которая может заинтересовать человека среднего уровня образования и компетенции. При этом речь не идет ни об универсальных энциклопедиях, ни о политехнических словарях, ни об изданиях для школьников типа [Большая школьная энциклопедия 2002; Большой энциклопедический словарь для школьников 2002]. Все они ставят перед собой в целом энциклопедические задачи, здесь же имеются в виду словари филологического толка, а это значит — словари, во-первых, ориентированные не на специа-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 15-24-01001 а/м) и Белорусского фонда фундаментальных исследований (проект Г15-029).

листа-предметника, а на широкий круг читателей, и, во-вторых, словари, представляющие информацию не столько о реалиях, стоящих за лексическими единицами словника словаря, сколько о самих лексических единицах и в первую очередь об их значениях и о культуре их употребления и в профессиональной, и в обыденной речи.

Далее мы представим краткий обзор некоторых отечественных терминологических словарей и справочников этого типа [Словарь современных понятий и терминов 2002; Галевский, Мауэр, Жуковский 2003; Ваулина, Белик 2008; Севастьянова, Чепурных 2008; Ваулина, Штельмахин 2008; Ермаков 2008; Какзанова 2013; Какзанова 2015; Словарь специальной лексики русского языка 2014]², следуя хронологическому порядку их появления в печати и уделяя основное внимание двум важнейшим характеристикам практически любого толкового терминологического словаря — принципам формирования его словника и совокупности определений (толкований) включенных в него терминов.

Начнем обзор с рассмотрения словаря Н. Т. Бунимович и др., который, согласно точке зрения его авторов, имеет «комплексный толково-энциклопедический и лингвистический характер» [Словарь современных понятий и терминов 2002: 3]. Словарь, разъясняющий около 9000 понятий и терминов, представляет «наиболее часто употребляемые в общественно-политической, экономической и общекультурной лексике современного русского языка, особенно в средствах массовой информации, слова и словосочетания, включая многочисленные иноязычные заимствования, причем в него отбирались только такие слова и термины, которые больше других вызывают те или иные затруднения, сомнения в правильности их написания, произношения и особенно толкования». Лексика словаря расположена в алфавитном порядке, причем это — «как наиболее используемая в сфере экономики, политики, философии, юриспруденции, науковедения, искусствознания, филологии, культуры, страноведения, религиоведения терминология, так и обиходные встречающиеся в быту разговорные слова и выражения» [Там же]. Последняя цитата вызывает некоторое недоумение: что объединяет в одном и том же словарном издании, с одной стороны, актуальную экономическую, политическую, философскую и т. п. терминологию, а с другой — «обиходные встречающиеся в быту разговорные слова и выражения»? В самом деле, включение в словарь лексики терминологического и профессионального характера (преимущественно из области политики и экономики) типа *брокераж*, *бизнес-проект*, *воздушный режим пространства*, *геронтократия*, *клонирование*, *монетаризм*, *национализм*, *реинвестиции*, *политтехнология*, *тэтчеризм*, *эвтаназия* и др. наряду с давно освоенной общей лексикой типа *арендатор*, *воскресение* (один из главных догматов христианства), *диета*, *договор*, *кабель*, *кадры*, *катастрофа*, *ко-*

² Обзор зарубежных словарей этого типа (и, в частности, весьма интересного словаря [Godman, Payne 1979]) мог бы составить самостоятельное исследование.

кетка, мобилизация, политика, садизм, система, тайм, язык и др. представляется более чем спорным.

В связи с составом лексических единиц словаря необходимо также отметить, что адресная ориентация словаря на «самого широкого читателя», по-видимому, предполагает некоторый отбор специальной лексики с точки зрения употребительности той или иной терминологической единицы в речи. Между тем в словаре в качестве заголовочных слов немало таких языковых единиц, частотность употребления которых близка к нулю. В самом деле, даже в таком громадном и представительном собрании разнообразных текстов, размещенных в свободном доступе в Интернете, каким является Национальный корпус русского языка (НКРЯ), некоторые из единиц словаря либо не содержатся вовсе, либо встречаются исключительно редко (не более 3–5 вхождений на весь корпус). Таковы *бидонвиль*, *дезадаптация*, *компайлер*, *контестация*, *контингентирование*, *опэн*, *рамбург* и др. Но может быть, эти лексические единицы являются совсем новыми и по этой причине не попали в Национальный корпус русского языка? Однако просмотр трехтомного и весьма представительного словаря [Новые слова и значения 2009 — 2014] показывает, что и в нем эти единицы отсутствуют (а ведь этот словарь представляет именно новую русскую лексику 90-х годов XX века, т. е. лексику того же временного периода, что и лексика, включенная в издание [Словарь современных понятий и терминов 2002]). Во всяком случае эти наблюдения делают весьма сомнительными утверждения авторов о том, что основная лексика словаря — это «наиболее используемая в сфере экономики, политики, философии, юриспруденции, науковедения, искусствознания, филологии, культуры, страноведения, религиоведения терминология».

Особенностью этого издания является отсутствие в нем примеров употребления тех или иных единиц словаря и включение в него некоторых собственных имен (например, имен центральных фигур ряда религий — Будда, Христос, Яхве), что, безусловно, усиливает энциклопедический характер словаря.

Приведем в качестве примера несколько словарных статей этого издания:

ВОР: «вор в законе» — профессиональный вор-рецидивист, строго соблюдающий воровские законы и традиции и наблюдающий за их соблюдением, принятый в воров. братство на спец. сходе / прил. **воровской:** «в. капитализм»;

ВОЦЕРКОВЛЕНИЕ — «первое введение во храм» младенца в правосл. богослужебной практике на 40-й день от рождения — с молитвой и троекратным обхождением вокруг престола; ныне совершается только над крещёнными; 2) восстановление религ. церк. жизни;

ДИСКАУНТ (англ. — discount скидка, сбавка) — 1) пред-тие розничной торговли, стремящееся в своей деят-ти к снижению издержек и цен на товары; скидка при покупке чего-л.;

КОНТРПРОДУКТИВНЫЙ (вместо непродуктивный) — широко исп. в последние годы термин для обозначения предложений, решений и т. п., не только не приносящих пользы, выгоды, но и наносящих вред;

РЕПРЕССАЛИИ (лат. repressaliae от reprehendere — удерживать, останавливать) — в междунар. праве принуд. меры, применяемые одним гос-вом в ответ на неправомерные действия др. гос-ва (ср. также *реторсия*),

САБАНТУЙ (от тюрк. сабан — плуг и туй — праздник) — 1) народный праздник по окончании весенних полевых работ у татар и башкир; 2) (перен., разг.) шумное веселье с застольем, пирушка;

СЕРИАЛ (англ. serial) — ряд кино- или телесерий, многосерийный фильм или ра-диопьеса.

Относительно принятых в словаре толкований авторы лишь кратко замечают: «Учитывая, что Словарь предназначен для использования в повседневной жизни и работе и не претендует подменить академические, специальные и отраслевые издания, составитель стремился дать толкование имеющихся в нем понятий в краткой и удобной для восприятия широкого круга читателей форме» [Словарь современных понятий и терминов 2002: 4]. Являются ли все предложенные толкования словарных единиц авторскими или часть из них была заимствована из других источников и каких именно, остается не вполне ясным.

Необычен словарь Г. В. Галевского, Л. В. Мауэр и Н. С. Жуковского [2003]. Оговоримся сразу: его название «Словарь по науке и технике (Английский. Немецкий. Русский)» несколько обескураживает. Можно ли представить себе, чтобы в компактной книжице объемом в 300 с небольшим страниц была собрана вся (!) научно-техническая терминология, да еще на трех развитых и цивилизационно значимых языках — английском, немецком и русском? А ведь именно такой вывод можно сделать из заглавия этой работы! Снимает удивление предисловие к этому изданию, в котором говорится: «Настоящий словарь по науке и технике содержит около 5000 английских терминов (с именами собственными в основе) и их эквиваленты на немецком и русском языках, используемые в таких областях знания, как физика, математика, электроника, металлургия, строительство, химия и т. д. Словарь содержит также термины, относящиеся к таким дисциплинам, как астрономия, радиотехнология, экология, экономика, гидравлика, кибернетика, геология и т. д.» [Галевский, Мауэр, Жуковский 2003: 5]. Ключевыми в этой цитате являются слова «с именами собственными в основе», которые и вводят критерий сильного сужения объема словника, хотя, разумеется, и эта часть терминологии не представляет всех научных областей и дисциплин (хотя бы в силу отсутствия терминологических представителей гуманитарных областей)³. Таким образом, сужение

³ По нашим наблюдениям, в словаре почти не представлены термины по экономике, экологии, полиграфии и некоторым другим областям знания, которые, судя по списку помет и условных сокращений, должны были быть в словаре; но даже охват лексического материала только математики, физики и химии делает словарь самодостаточным.

словника словаря происходит за счет обязательного наличия в термине имени собственного, что делает термин эпонимичным (или — в другой терминологии — антропонимичным [Шелов, Лейчик 2007]) номенклатурным наименованием.

Приведем несколько примеров словарных статей, расположенных в английском алфавите заголовочных слов.

Cartesian vector component [kartesische Vektorkomponente *f*] *мат.* составляющая вектора в декартовой системе координат;

Cherenkov adsorption [Tscherenkow-Adsorption *f*] *рад. эл.* черенковское поглощение;

Mendeleev's law [Mendeleew'sches Gesetz *n*] *хим.* периодический закон Менделеева;

Newtonian attraction [newtonische Attraktion *f*] *физ.* всемирное тяготение по закону Ньютона;

ohm [Ohm *n*] *физ.* ом, Ом (единица электрического сопротивления СИ, равная $1,11 \cdot 10^{-12}$ ед. СГСЭ, т. е. 10^9 ед. СГСМ);

Turing algorithm [Turing-Algorithmus *m*] *мат.* алгоритм Тьюринга.

Заметим также, что, как и в предшествующих случаях, критерии включения или невключения лексической единицы в словник явным и недвусмысленным образом не описаны. С этой точки зрения вопрос о том, почему, скажем, номенклатурный эпоним *Kolmogorov — Smirnov test* (*критерий согласия Колмогорова — Смирнова*) включен в словник⁴, а многочисленные другие специальные наименования, в составе которых представлено имя великого советского математика А.Н. Колмогорова, не включены, остается открытым, ср. имеющиеся в Википедии (на английском языке) и отсутствующие в словаре лексические единицы *Fisher — Kolmogorov equation* (*равенство Фишера — Колмогорова*), *Kolmogorov axioms* (*аксиомы Колмогорова*), *Kolmogorov — Arnold theorem* (*теорема Колмогорова — Арнольда*), *Kolmogorov continuity theorem* (*теорема непрерывности по Колмогорову*), *Kolmogorov's criterion* (*критерий Колмогорова*), *Kolmogorov's complexity* (*сложность по Колмогорову*) и т. д.

Таким образом, словарь содержит лексический материал, который можно охарактеризовать как антропонимические (эпонимические) номенклатурные наименования и некоторые термины-эпонимы типа *бел*, *ватт*, *дизель*, *кардан*, *ом*, *френель* и др. (в самом словаре они приводятся на английском языке, который для словаря является входным)⁵. В словаре имеется также два актуальных для выбранного языкового материала при-

⁴ По всей вероятности, с ошибочной пометой *хим.* вместо *мат.*

⁵ О номенах, номенклатурных наименованиях и их соотношениях с терминами см. работы [Шелов 2007; Е Цисун, Шелов 2015].

ложения — список сокращений и биографическая справка о крупнейших ученых мира, чье имя так или иначе отразилось в терминологии соответствующей области, например:

Euler Leonard [Euler Leonard] Эйлер Леонард (1707–1783), математик, физик и астроном; имел труды по математическому анализу, дифференциальной геометрии, теории чисел, приближенным вычислениям, небесной механике, математической физике, оптике, баллистике, кораблестроению.

В целом словарь [Галевский, Мауэр, Жуковский 2003], несмотря на явно неудачное его название и не вполне ясные критерии формирования словника, является полезным собранием номенклатурных наименований определенного типа, широко представленных в развитых терминологиях английского, немецкого и русского языков; насколько нам известно, он не имеет аналогов на русском языке⁶.

Интересна практика создания некоторых словарей специальной лексики разработанных и выпущенных факультетом филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета в серии «Давайте говорить правильно!», специально посвященных описанию терминологической лексики и рассчитанных на читателей-непрофессионалов, см., например, словари [Ваулина, Белик 2008; Ваулина, Штельмахин 2008; Севастьянова, Чепурных 2008]. Каждое из этих изданий, в отличие от предыдущих, содержит специальную лексику лишь одной области знания, и поэтому, строго говоря, не является универсальным в тематическом отношении. Однако все словари этой серии написаны с единых позиций, а в своей совокупности они могли бы составить «терминологическое покрытие» всего универсума знаний. С этой точки зрения их совместное привлечение в качестве предмета изучения в настоящей работе представляется оправданным.

Авторы так формулируют задачи любого справочного пособия этой серии: «... справочное пособие предназначено для самого широкого круга читателей и призвано помочь им избежать распространенных ошибок в речи». В словаре актуальной медицинской лексики это предназначение уточняется следующим образом: «... словарь призван предоставить читателю информацию о правильном написании, произношении, значении и употреблении новейшей и наиболее актуальной медицинской лексики русского языка». Словари этой серии, безусловно, преследуют цель повышения культуры профессиональной речи, что проявляется в разработке и использовании многих параметров словаря: акцентуационной характеристики заголовочного слова, его грамматической характеристики, указания на распространенные ошибки и т. п.

В качестве примеров приведем словарные статьи из словаря этой серии [Севастьянова, Чепурных 2008]:

⁶ Некоторую параллель к нему составляют словари-справочники [Какзанова 2013; Какзанова 2015], на которых мы остановимся ниже; однако в последних собрана только интернациональная терминология.

атипичный, ая, ое, атипичен, чна, о

Не характерный для обычного течения или симптомов какой-л. болезни, нетипичный; атипический.

Атипичная депрессия. Атипичное течение болезни. Атипичное алкогольное опьянение (протекающее у психически больных при наличии патологии мозга).

венография, и, ж. [вена + графō пишу, описываю]

То же, что флебография.

Маточная, почечная венография.

неправильно! венография

иммунодефицит, а, м.

синдром приобретенного иммунодефицита. Инфекционное вирусное заболевание, связанное с поражением иммунной системы и считающееся в настоящее время неизлечимым.

контúзия, и, ж. [лат. contusio ушиб]. Ушиб, травма или общее поражение организма без повреждения наружных покровов тела.

Тяжелая контузия. Получить контузию спины при разрыве снаряда.

прóлежень, жня, мн. род. пролежней, м. Омертвевшее место на мягких тканях человека, образующееся вследствие долгого и неподвижного лежания или постоянного давления на них.

Глубокий, поверхностный пролежень. Пролежни на ягодицах, бедрах. Опасность развития пролежней.

облитерация, и, ж. обли[тэ]рация [лат. obliteratio стирание, сглаживание]. Зарастание или закрытие просвета сосуда, канала, трубчатого органа или полости тела вследствие разрастания ткани, образования сгустков и т. п.; искусственное закрытие просвета сосуда, канала, трубчатого органа или полости тела в лечебных целях.

Облитерация капилляров. Облитерация плевральной полости. Врожденная облитерация мочеиспускательного канала. Полная облитерация яйцеводов приводит к бесплодию. Лазерная облитерация вен. Осуществить облитерацию полости.

терапия...

симптоматическая терапия. Лечение проявлений болезни без целенаправленного воздействия на основную причину и механизмы развития заболевания.

В разделе «Как пользоваться словарем» словарей этой серии авторы достаточно подробно говорят о процедуре формирования словника, основу которого составляет обширная электронная картотека (более 17 миллионов словоупотреблений) «Нормативного толкового словаря современного русского языка» Лаборатории компьютерной лексикографии факультета филологии и лексикографии Санкт-Петербургского государственного университета. Отмечается также, что при составлении словника привлекались материалы средств массовой информации и сайтов Интернета, данные

энциклопедических и лингвистических словарей русского языка, и при этом приводится список соответствующих источников. Сам отбор включаемой в словари лексики, согласно авторам этой серии словарей, осуществлялся «в соответствии со следующими принципами: актуальность, новизна, трудности словоупотребления (написания, произношения, словоизменения, сочетаемости и др.)» [Севастьянова, Чепурных 2008: 5; Ваулина, Белик 2008: 5–6].

Говоря о составлении словника, необходимо отметить ряд его недостатков, часть из которых повторяет уже отмеченные недостатки формирования словников других словарей. Во-первых, некоторые из изданий (например, словарь-справочник [Ваулина, Белик 2008]) не содержат указаний на общее число включенных единиц. Во-вторых, не вполне ясно, как конкретно реализовывались принципы актуальности, новизны и трудности словоупотребления, которые названы, насколько можно судить, как критерии включения или невключения профессиональной языковой единицы в словарь. В-третьих, даже при наличии списков основных источников не вполне ясно, как все же происходит отбор словарных единиц из этих источников.

В связи с последним замечанием отметим, что, как и в других изданиях серии «Давайте говорить правильно», содержащих терминологический материал, адресная ориентация словаря на «самого широкого читателя» (что отмечают авторы) сомнительна: в словаре в качестве заголовочных слов немало таких терминов, частотность употребления которых вне сугубо медицинских текстов близка к нулю. В Национальном корпусе русского языка некоторые из слов словаря [Севастьянова, Чепурных 2008] либо не содержатся вовсе, либо встречаются крайне редко (не более 3–5 вхождений на весь корпус). Таковы *атеротромбоз*, *вертеброневрология*, *иммунодиагностика*, *иммунопатологический*, *иммунопатология*, *коронаграфический*, *риноскопия*, *хондросаркома* и др. Соглашаясь с тем, что приведенные слова представлены в тематической области медицины, трудно допустить, что они имеют широкое хождение вне ее и в этом смысле вряд ли будут полезны для «самого широкого читателя». Сказанное можно распространить и на словарь [Ваулина, Белик 2008], включающий столь же малоупотребительные вне профессиональной речи термины *арктангенс*, *арккотангенс*, *изоэдр*, *изотропия*, *изохора*, *итерирование*, *мантисса*, *электростатическая индукция* и др.

Еще большее поле нерешенных вопросов оставляет проблема дефиниций (толкований) содержащихся в словарях единиц. Так, авторы словаря [Ваулина, Белик 2008: 30–31], поясняя используемые в словаре толкования, утверждают: «Для определенной группы слов достаточно краткого, обобщенного толкования», одновременно отмечая: «Другие группы слов нуждаются в развернутом, описательном толковании». При этом, во-первых, не сообщается, откуда берутся эти самые «краткие, обобщенные толкования» или «развернутые описательные толкования», во-вторых, за исключением

примеров, не поясняется, что имеется в виду под «кратким, обобщенным толкованием», а что — под «развернутым описательным толкованием»; также нет каких-либо указаний на то, какие именно группы слов могут получить только краткое обобщенное толкование, а каким требуется «развернутое описательное толкование», тем более, отсутствует обоснование того, почему это так. Таковую же позицию, выраженную в тех же формулировках, занимают и авторы словаря [Севастьянова, Чепурных 2008: 18 — 19].

Помимо рассмотренных выше словарей, следует упомянуть также иллюстрированное издание, содержащее около 3000 единиц, — словарь технических терминов бытового происхождения, задачу которого автор формулирует таким образом: «облегчить понимание мира техники и естественное вхождение в него» [Ермаков 2008: 4]. Приведем здесь несколько примеров из этого источника:

КОМПРЕССОР (от лат. *compressus* — сжимание) — машина для сжатия воздуха;

НАГНЕТАТЕЛЬ — *компрессор* для предварительного сжатия воздуха или смеси воздуха с топливом, поступающих в цилиндры двигателя внутреннего сгорания;

ПОДВЭСКА — 1) система амортизаторов (автомат.); 2) держатель контактной сети; 3) П. маятниковая — качающаяся на узлах опора узла; 4) П. магнитная — магнитное поле с помощью электр. устр-в;

ПОЛОТЕНЦЕ СУДОПОДЪЁМНОЕ — полоса гибкого материала, соединяемая со стропами подъемного механизма.

Словник словаря включает самые разные лексические единицы, выраженные как терминами-словами, так и словосочетаниями, ср., с одной стороны, *док, дышло, индуктор, каупер, маховик, одеяло* (предохранительный покров в строительных сооружениях) и термины *дорожный просвет, лабиринтный насос, момент опрокидывающий, подвеска транспортных машин, старение металлов*, с другой стороны; как терминами русского и славянского происхождения, так и терминами, заимствованными из различных языков, ср., с одной стороны, *меха, мушка, прижим, проушина, седло*, а с другой — *виадук, криостат, процессор, фаска, фаустпатрон*.

К сожалению, выражение «термины бытового происхождения» — весьма существенное для понимания объема словника этого словаря — остается во многом неясным. Автор не определяет это выражение, а иллюстрирует его содержание различными примерами. Так, он пишет: «Яркими примерами того, что технические термины берут свое начало из быта, являются такие слова, как *баба* — ударная часть копра или молота; *двор* (монарший) — литейный, шихтовый, артиллерийский; *керосин* — от торговцев нефтепродуктами Кера и сына; *монитор* (от лат. *monitor* — надзирающий, старший в группе) — бронированный корабль для борьбы с береговой артиллерией, еще видеоконтролирующее устройство; с пристав-

кой *гидро* — гидромонитор — водобойная машина. Еще пример: патрон. В прямом смысле — это покровительствующее лицо, хозяин; а в технике — и заряд с пулей, снаряженные в гильзе, и приспособление для крепления детали на станке, а также приёмное гнездо электрической лампочки или прибора, ещё и образец для выкройки деталей одежды» [Ермаков 2008: 3].

Тем не менее, эти примеры мало что проясняют в вопросе о формировании словника словаря, и включение в словник таких лексических единиц, как *велосипед, комплекс, лопасть, цикл* и др., является более чем спорным: ведь такое включение означает, что они трактуются как термины, а между тем все эти слова в их обычном, общем значении давно включаются в филологические словари русского языка без каких-либо специальных помет. Прямое, буквальное понимание выражения «термины бытового происхождения» как терминов, этимоны которых обозначали (а иногда и продолжают обозначать) реалии, часто используемые в быту, также не поддерживается тем лексическим материалом, который представлен в словаре, ибо здесь имеются как термины и их этимоны, обозначающие реалии быта, так и такие термины, значение которых вряд ли можно идентифицировать как объекты, имеющие отношение к быту, ср., с одной стороны, *бочка, люлька, нож, опора, свеча*, но, с другой стороны, *вертолет, космос, лесовоз, омметр, телескоп, тепловыделяющий элемент* (пенал или труба с ядерным топливом), *фальшборт*.

По тем же причинам не вполне ясно, почему в словаре отсутствует та или иная лексика, которая, по всей вероятности, должна была бы в нем содержаться. Из числа таких слов приведем здесь лишь некоторые лексические единицы терминологического характера, которые получили помету «*Тех.*» в общих филологических словарях русского языка: например, в четырехтомном «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой (далее [МАС]) имеем *выхлоп* (выход отработанных газов из цилиндра двигателя внутреннего сгорания после рабочего хода поршня), *демонтаж, доводка* (чистовая обработка отшлифованных деталей с целью получения точных размеров и малой шероховатости поверхности), *ендова* (пространство между двумя скатами крыши, образующими входящий угол), *желатин* (употребляется в технике, фотографии, кулинарии, медицине), *запарить* (обработать горячим паром) и т. п. Можно также пожалеть и о том, что в рассматриваемом издании ничего не говорится о характере толкований включенных в словник единиц и их источнике: эти толкования предлагаются автором словаря или они заимствованы из различных источников? В последнем случае остаются без ответа вопросы о том, каковы именно эти источники и является ли заимствованные из них определения точными, не допускающими каких-либо изменений или предложенные толкования как-то отличаются от тех, что содержатся в первоисточниках. Заметим, впрочем, что критерий сужения терминологического материала, каким бы неопределенным он ни был, и здесь лингвистический — термины «бытового происхождения».

Весьма интересны два многоязычных иллюстрированных словаря, составленных Е. М. Какзановой [2013; 2015]⁷ и содержащих около 300 входных единиц. Будучи в некоторых отношениях схожими со словарем Г. В. Галевского и др. [Галевский, Мауэр, Жуковский 2003], они все же значительно отличаются от него. Во-первых, если словарь Г.В. Галевского в основном содержит лексику из двух и более слов, построенную по модели «имя собственное плюс имя нарицательное» (т. е. лексику, которая может быть, согласно работам [Шелов 2007, Шелов, Лейчик 2012а, Шелов, Лейчик 2012б], охарактеризована как номенклатурные наименования), то словари [Какзанова 2013; Какзанова 2015] включают только однословную эпонимическую лексику, т. е. лексику, по типологии автора, антропонимического, мифонимического и топонимического характера, ср.: *дизель*, *вулкан* и *портвейн* соответственно. Во-вторых, будучи антропонимическими по происхождению, эпонимы, включенные в эти словари, стали нарицательными словами-интернационализмами, т. е. словами, которые «похожи друг на друга вплоть до орфографической или фонологической узнаваемости и имеют полностью или частично совпадающую семантику в трех или более языках», что и позволяет сделать словарь многоязычным (в данном случае англо-русско-немецким). Приведем как примеры в их русском варианте единицы *август*, *деним*, *доберман*, *гипноз*, *менделевий*, *пекинес*, *регби*. Наконец, в-третьих, немаловажным является то обстоятельство, что каждый термин снабжен объяснением (толкованием) на всех трех европейских языках (которые не являются переводами друг друга, а, по мысли автора, дополняют друг друга) и иллюстрирующей его картинкой (чаще всего портретом исторического лица, в честь которого вещь была именно так названа, или фотографией предмета).

Представим в несколько сокращенном варианте два примера:

DIESEL — ДИЗЕЛЬ — DIESEL

... (изображение)

An internal-combustion engine using oil as fuel. In allusion to Rudolf Diesel (1858–1913), German mechanical engineer, who designed this engine in the 1890's.

Поршневой двигатель внутреннего сгорания с впрыскиванием топлива в цилиндр внутренним смесеобразованием и воспламенением от сжатия. Назван по имени немецкого инженера Рудольфа Кристиана Карла Дизеля (1858–1913), построившего первый дизельный двигатель в 1897 году...

Mit einem Dieselmotor Antriebsmotor versehene, mit ihm in einer Baugruppe zusammengefaßte und dadurch von anderen Energiequellen unabhängige Arbeitsmaschine. Benannt nach dem deutschen Ingenieur Rudolf Christian Karl Diesel

⁷ Словари чрезвычайно близки по составу, но отличаются друг от друга «входным языком», т.е. тем языком, на котором представлены заголовочные единицы: в словаре 2013 г. это русский язык, а в словаре 2015 г. — английский; в силу разницы написания имен собственных и алфавитов языков порядок словарных статей, посвященных одним и тем же реалиям, оказывается, естественно, различным.

(1858–1913), der nach fehlgeschlagenen Versuchen mit hochgespanntem Ammoniakdampf 1893 — 1897 in Zusammenarbeit mit der Maschinenfabrik Augsburg und der Firma F.Krupp den Dieselmotor entwickelte.

GUILLOTINE — ГИЛЬОТИНА — GUILLOTINE

... (изображение)

Named after Joseph-Ignace Guillotin (1738–1814), French physician, incorrectly regarded as the inventor. When a deputy to the National Assembly, he proposed the capital punishment be by beheading, most quickly and humanely performed by a machine, which was built in 1791 and first used in 1792. At first the machine was called *Louissette*, or *Louison*, but soon became known as *la guillotine*.

Устройство для обезглавливания преступников, приговоренных к смертной казни. Получило название по имени врача и члена Национальной Ассамблеи Жозефа Игнаса Гильотена (Гильотэна) (1738–1814), который в 1789 году предложил использовать гильотину для «более гуманной» казни преступников. Конструкция была разработана учителем Ж. И. Гильотена хирургом Антуаном Луи (1723–1792). Первоначально называлась «луизеттой» (*Louissette*, или *la petite Louison*) (от имени доктора Луи). Скоро это название сменилось названием гильотина.

Schon im Altertum und im Mittelalter bekanntes, auf Vorschlag des französischen Arztes Joseph-Ignace Guillotin (1713–1814) während der Französischen Revolution eingeführtes und nach ihm benanntes mechanisches Fallbeil zur Enthauptung Verurteiler.

Так же, как и в уже рассмотренных выше словарных изданиях, следует обратить внимание на то, что автор нигде не отмечает полноту включения интернациональных эпонимов в словарь, что оставляет читателя в неведении о том, представлены ли в работе все слова типа *бикини*, *гроз*, *доберман*, *маузер*, *хеннеси* (марка коньяка), *фаянс* (которые все так или иначе происходят от имен собственных) или же только некоторая их часть.

Что же касается толкования, то в данном словаре оно играет вспомогательную роль по отношению к этимологии. Как отмечает автор, «объяснение заголовочного слова, вводящего словарную статью, не переводится с одного языка на другие, а дополняет информацию на других языках... энциклопедические и этимологические источники по-разному интерпретируют то или иное слово в зависимости от языка, а в некоторых случаях этимология может просто не совпадать. Мы не стремились в данном случае найти истину. Мы видели свою задачу в том, чтобы представить различные взгляды на этимологию данного слова» [Какзанова 2015: 3].

Эта вспомогательная роль определения особенно заметна, например, в словарных статьях эпонимов, представляющих некоторые единицы измерения. Так, например, эпоним *герц* поясняется следующим образом:

HERTZ — ГЕРЦ — HERTZ

Единица измерения частоты повторения цикла периодического процесса в системах СИ и СГС. Обозначение: Гц, Hz. Назван в честь немецкого ученого-физика XIX века Генриха Герца (22 февраля 1857, Гамбург — 1 января 1894, Бонн), который внес важный вклад в развитие электродинамики...

(Далее ни на английском, ни на русском, ни на немецком не указывается, что эта единица измерения частоты обозначает одно колебание в секунду, т. е. самое главное, если иметь в виду содержание термина.)

Также с опорой на этимологию и историю принятия наименования, но без упоминания его конкретного физического содержания описываются физические единицы измерения *ампер, ватт, вольт, ньютон*.

Одним из новейших словарей является содержащий около 2500 словарных статей и «предназначенный широкому кругу читателей» [Словарь специальной лексики русского языка 2014], подготовленный группой петербургских авторов (под редакцией А.С. Герда и У.В. Буторовой).

Этот словарь универсален: он охватывает почти все области знаний, а его словник не связан каким-либо лингвистическим критерием ограничения привлекаемого языкового материала, как упомянутые выше издания [Ермаков 2008; Галевский, Мауэр, Жуковский 2003; Какзанова 2013; 2015] (если не считать весьма нечеткого критерия наличия у употребительного в общей речи термина книжной окраски), поэтому в этом отношении он, наряду со словарем Н. Т. Бунимович и др. [Словарь современных понятий и терминов 2002], является словарем специальной лексики, — словарем нового жанра.

Приведем примеры словарных статей этого издания:

ВО́ДНОСТЬ, и, ж. Степень накопления, наличие воды в водоемах, облаках, почве. *Определение водности рек.*

ДЕСЯТ́ИНА, ы, ж. Старинная русская мера площади, равная 1,0925 гектара. *Восемь десятин земли.*

КОНЪЕКТУ́РА², ы, ж. Восстановление или исправление испорченного текста или расшифровка текста (не поддающегося прочтению) какого-л. памятника на основании исторических, лингвистических, палеографических и т. п. данных.

СВЕТОВÓЙ ГОД. Мера расстояния, равная $9,4605 \cdot 10^{12}$ километра.

СЕДАТИ́ВНЫЙ, ая, ое. Обладающий успокаивающим воздействием на центральную нервную систему. *Седативные препараты.*

Обращаясь к словнику данного издания отметим, что его состав в целом, по замыслу соответствует той лексике, которая в общепублицистических словарях русского языка получает помету «спец.» или другие отраслевые пометы (если они приняты в данном словаре), т. е. лексике терминологического и профессионального характера, получившей значительное распространение и в общем употреблении. Так, во введении авторы пишут: «В обиходно-разговорной речи и в литературном языке “термин” — это название областей знания, специальных предметов, абстрактных понятий, иногда довольно широко известных многим носителям языка, но имеющих при этом в речи окраску книжности. Именно такие неузкоспециальные термины помещаются в толковые словари обычно с пометой “спец.”»

[Словарь специальной лексики русского языка 2014: 3]. Иначе говоря, словник этого издания задуман как сборник лексики, занимающей промежуточное положение между узкоспециальными терминами (которые интересны только специалистам) и общеупотребительными словами, терминами по происхождению, которые, однако, уже лишились своей специальной научно-профессиональной окраски, вошли в общее употребление и ничем не выделяются в кругу нейтральных слов. Уточняя состав словника, авторы словаря в разделе «Как пользоваться словарем» приводят довольно пространственный список отраслей знания, специальная лексика которых (при условии ее достаточной употребительности в общем языке) включается в словарь: от авиации до языкознания и от архитектуры до философии — всего 37 наименований [Там же: 7]. Там же приводится достаточно большой список тематических областей, специальные слова которых не включаются в словарь; также указываются слова, обладающие некоторыми особыми лингвистическими свойствами, которые позволяют авторам не включать эти слова в словник. Если исключение некоторых единиц из словника принципиально важно и вполне оправданно (например «терминов, значение которых выводимо из их составных частей», «имен собственных»), то исключение других — вызывает удивление (например «названия судов, приборов, технических приспособлений и устройств и их частей», «названия религиозных обрядов, ритуалов и т. п.»).

Следует обратить внимание на то, что в названии словаря в качестве его объекта указана «специальная лексика» в целом, однако, согласно введению, «разговорные термины» в словарь не включаются [Там же]. Таким образом, профессиональные коллоквиализмы (профессионализмы), профессиональные жаргонизмы и некоторые другие единицы профессиональной терминологической лексики⁸, проникшие в литературную речь, оказываются вне словаря. Между тем некоторые единицы профессиональной речи получают довольно широкую известность в литературном языке и, сохраняя стилистическую окрашенность, как отмечают исследователи, попадают в общефилологические словари, при этом они могут снабжаться пометой «проф.» или одновременно двумя пометами — «спец.» и «разг.», ср. в словаре [МАС] слова: *вделка* (камня в оправу), *втачка* (рукавов), *выморозка* (вина), *дьюмовка* (доска), *звуквик* (профессия), *полóm* (инструмента), *россыть* (муки по мешкам) и др. [Цумарев 2013: 113–115]. Следовательно, подобные единицы, если говорить о специальной лексике в полном ее объеме (а не только о лексике, находящейся в рамках литературной нормы), могли бы быть включены в словник.

Основная часть представленных в словаре единиц соответствует интуитивному пониманию лексики научно-технического характера, достаточно

⁸ О составе различных классов профессиональной лексики и их соотношении между собой и с терминологией см., например, работы [Шелов, Лейчик 2012а; Шелов, Лейчик 2012б].

широко употребляемой в общем языке. В то же время в словаре присутствуют единицы, которые трудно квалифицировать иначе как узкоспециальные. Это, например, слова *астрагал*, *бесса*, *виньети-рование*, *дамно*, *дизажжо*, *дипляция*, *калам*, *консигнат*, *мотет*, *остинато*, *римесса*, *пуэрпериальный*, *ри*, *синерезис*, *субфоссильный*, *узуфрукт*, *филлиты*, *энозис*, *энотема* и др. Если снова обратиться к НКРЯ, то можно легко убедиться, что частотность их употребления в общелитературном русском языке либо нулевая, либо чрезвычайно близка к ней. Поэтому представляется, что включение в словарь далеко отстоящих от общелитературного лексического запаса терминов *астрагал*, *бесса*, *виньетирование*, *дамно*, *дизажжо* и т. п. вряд ли может быть оправдано и явным образом противоречит авторскому принципу отбора лексических единиц для словаря, «предназначенного широкому кругу читателей».

Относительно толкования (определения) включенной в словарь лексики авторы сообщают следующее: «Значение термина выражается в форме определения. Определение термина на естественном языке — это наиболее удобный, привычный, простой, емкий и краткий тип представления семантики термина. Это основной вид сжатого семантического представления специального знания в учебниках, словарях, энциклопедиях. Однако такое представление отражает лишь самые существенные, основные признаки понятия и никогда не передает всех признаков и потому никогда не совпадает с понятием» [Словарь специальной лексики русского языка 2014: 5]. Хотя авторы оговаривают возможность использовать в составе определяющего выражения одного термина другие термины (значение которых следует смотреть в других соответствующих местах словаря), в целом сильной стороной толкований, принятых в этом лексикографическом издании, является понятность подавляющего большинства из них в отдельности, отсутствие необходимости смотреть толкования многочисленных других терминов в иных словарных статьях⁹.

Как отмечают авторы, «при определении значения терминов использованы наиболее авторитетные словари и энциклопедии» [Там же: 6], в связи с чем приводится список основных лексикографических источников словаря, включающий 26 изданий. Заметим все же, что, как и в случаях, рассмотренных выше, явно не указывается, откуда конкретно были взяты те

⁹ К сожалению, это замечательное качество словаря резко нарушено группой геологических терминов, толкования которых более годятся для энциклопедии или обычного толкового терминологического словаря по геологии, ср.: **ПЛИОЦЕН**. Верхняя эпоха неогенового периода в геологической истории Земли. **НЕОГЕНОВЫЙ ПЕРИОД**. Второй период кайнозойской эры в геологической истории земли, длившийся 22–23 млн лет. **КАЙНОЗОЙСКАЯ ЭРА**. Новейшая эра фанерозойского эона в геологической истории Земли продолжительностью около 66 млн лет, следующая за мезозойской эрой. **ФАНЕРОЗОЙСКИЙ ЭОН**. Верхний эон в геологической истории земли... и т. д.

или иные определения (толкования) соответствующих лексических единиц и были ли они изменены.

В дополнение к рассмотренным выше словарным изданиям представляется целесообразным упомянуть также новую серию словарей, получившую название «Слова, которые следует знать» (руководитель проекта Л. А. Вербицкая), в рамках которой в 2014 году увидели свет 3 издания: «Новейшая физическая терминология: нанотехнологии» [Ваулина, Вербицкая 2014]; «Современная спортивная лексика» [Ткачева, Дурнева 2014]; «Современная официальная лексика» [Фивейская, Севастьянова 2014]. В основу словарей всех словарей серии «Слова, которые следует знать» в разной степени положены материалы «Фонда современного русского языка, представляющего собой обширную (более 22 млн словоупотреблений) электронную картотеку, созданную сотрудниками Лаборатории компьютерной лексикографии филологического факультета СПбГУ под руководством проф. Г. Н. Скляревской» [Фивейская, Севастьянова 2014: 3]. Помимо этого, привлекались лексикографические и электронные источники, списки которых приводятся [Ткачева, Дурнева 2014: 42–43; Фивейская, Севастьянова 2014: 30–31] либо описываются [Ваулина, Вербицкая 2014: 14] в каждом из словарей. Отметим, что при составлении словарей [Ткачева, Дурнева 2014; Фивейская, Севастьянова 2014] использовались словари упомянутой выше серии «Давайте говорить правильно!», но не те издания, которые были проанализированы выше. Разработка всех словарей серии «Слова, которые следует знать» обоснована экстралингвистическими причинами, которые можно отнести к области социальной прагматики. Составители каждого словаря определяют целевой круг пользователей, отмечая, что словарь ориентирован «на самый широкий круг носителей русского языка» [Ваулина, Вербицкая 2014: 15]; «предназначен для широкого круга читателей» [Ткачева, Дурнева 2014: 3]; «предназначен в первую очередь для государственных служащих, политиков, экономистов, специалистов в области юриспруденции, финансов, управления» [Фивейская, Севастьянова 2014: 6].

Таким образом, ни один из словарей этой новой серии не является узкоотраслевым, и этот факт подтверждается составителями словарей. Так, разработчики словаря [Ваулина, Вербицкая 2014: 15] отмечают, что ими был использован подход, предложенный в свое время Д.С. Лотте, в соответствии с которым, кроме «лексических единиц, относящихся собственно к сфере наноразработок, в словарь системно добавлены физические, химические и биомедицинские термины», а именно те из них, которые необходимы «для понимания многих собственно нанотехнологических терминов или используемые в их описании»; кроме того, продуктивность префиксоида *нано-* в современном русском языке обусловила, по-видимому, тот факт, что составители данного словаря, помимо собственно терминов и терминологических сочетаний, то есть единиц «терминологической системы описываемой области», сочли уместным включить в словарь «обще-

языковые, часто встречаемые в текстах» единицы. С одной стороны, подобный подход понятен с учетом ориентации словаря «на самый широкий круг носителей русского языка», а с другой — создает значительные трудности для пользователя, не способного отличить точное терминологическое значение от значения общеупотребительного слова. Рассмотрим эту особенность словаря на примере словарной статьи **нанокосметика** [Ваулина, Вербицкая 2014: 186] (приводится с сокращениями):

нанокосметика, и, жс...

Разг. Собр. Косметические средства, содержащие мельчайшие частицы биологически активных веществ, глубоко проникающих в ткани. *Лечебно-профилактическая антивозрастная нанокосметика...*

Отметим, что постановка пометы «*Разг.*» (разговорное) предполагается «при словах, не употребляющихся в официальной речи» [Там же: 35]. При этом остается не ясным, во-первых, что именно понимается авторами под «официальной речью», поскольку это словарь «терминологии», а во-вторых — относится ли помета «*Разг.*» именно к вышеупомянутым «общезыковым» единицам, так как при профессионализмах, под которыми составители словаря понимают лексику, употребляемую «представителями различных профессий в непринужденной обстановке производственного общения, ставится помета “*Проф.*” (профессионализм)» [Там же: 36].

Функциональные пометы «*Разг.*» (разговорное) и «*Проф.*» (в профессиональной речи) без каких бы то ни было разъяснений их постановки предусмотрены и в словаре [Ткачева, Дурнева 2014: 30]. Особенностью данного издания является относительная новизна словника, поскольку в него «был включен ряд слов и словосочетаний, еще не нашедших отражения ни в одном из толковых словарей современного русского языка», прежде всего, это «лексика параспорта (т. е. спорта для людей с ограниченными физическими возможностями)» [Там же: 3]. Ориентация словаря на «широкий круг читателей» во многом обусловила то обстоятельство, что при создании словника авторы данного словаря не ограничились «сферой спорта высших спортивных достижений», а существенно расширили словник за счет лексики, связанной «со сферой фитнеса и других оздоровительных спортивных занятий» [Там же: 4]. При отборе лексем в словник составители использовали принцип группировки лексики в тематические группы. Всего составителями выделено 10 таких групп («виды спорта»; «лица»; «виды соревнований»; «помещения и открытые пространства, специально оборудованные для проведения соревнований»; «спортивные снаряды»; «стили плавания и ходьбы на лыжах», «некоторые виды упражнений»; «спортивные органы и организации»; «степени квалификации спортсменов»; «системы оздоровительных и общеукрепляющих упражнений»; «некоторые спортивные аттракционы... и игрушки»), каждая из которых, в случае необходимости, структурируется и во всех случаях иллюстрируется примерами [Там же: 4–5]. Помимо тематически упорядоченной лексики, представленной не только именами существительными, но и прилагательными

и глаголами, связанными «с лексикой основной части семантическими и словообразовательными отношениями», в словник «включены некоторые наиболее употребительные аббревиатуры», а также «некоторые не вошедшие в выделенные группы слова и словосочетания активного употребления, отражающие основные понятия наиболее популярных, преимущественно игровых видов спорта (*автогол, гол, нокаут, нокадаун, пенальти, положение “вне игры”*), а также понятия, связанные со сферой соревнований (*дисквалификация, допинг, зачет, кубок, сборная*) и с коммерческой стороной спортивной деятельности (*аренда, трансфер*)» [Там же: 5–6].

Принцип создания предметно-тематических групп использован и при формировании словника издания [Фивейская, Севастьянова 2014], что частично¹⁰ нашло отражение в системе помет, обусловленной предметно-тематическим разнообразием словаря: «Пометы указывают на принадлежность лексической единицы к определенной сфере общения или области деятельности и ставятся при соответствующих разрядах слов и устойчивых словосочетаний» [Там же: 20]. Так, помета «*Канц.* (канцеляризм)» предусмотрена для слов «делопроизводства, характеризующихся общеупотребительностью в текстах документов, деловых бумаг и т. п. и обычно неуместных в обыденном общении»; помета «*Полит.* (политика)» — для слов и словосочетаний, «отражающих сферу политической жизни, обозначающих правительственные структуры, должности и т. п.»; помета «*Соц.* (социология)» ставится «при словах и словосочетаниях, тематически отнесенных к социальному устройству, социальной проблематике». Несколько искусственным представляется дифференциация помет и, соответственно, лексик, относящейся к сфере экономики, на «*Фин.* (финансы)», «*Экон.* (экономика)», «*Коммерц.* (коммерция)», тем более, что составители словаря не дают никаких пояснений относительно того, какие именно единицы следует относить к каждому из этих трех классов лексики. Не дается в списке помет словаря помета «*Юр.*», также де факто используемая в словаре. Особенностью использования помет является возможность их сочетания при одной лексеме, однако составители словаря не определяют правила использования нескольких помет, а также их возможное максимальное количество. Остается также неясным, все ли значения полисемичной лексики относятся к определенной предметной сфере, когда помета(ы) ставится(ятся) только перед первым толкованием. Также составителями словаря

¹⁰ Отметим, что между тематическими группами, предлагаемыми составителями словаря [Фивейская, Севастьянова 2014: 4–5], и предлагаемой ими же системой помет нет прямой корреляции. Так, составителями выделено 13 «тематических групп» (часть таких групп сложно назвать тематическими, например «иные определенные федеральными законами сферы»); при этом отдельно выделены группа «судопроизводство» и группа «юридическая терминология» (обе группы соотносимы с пометой «*Юр.*»), а например, с группами «политика, социальное устройство» и «экономика, финансовое дело, коммерция» коррелируют 2 и 3 пометы соответственно.

никак не поясняется, в каких именно случаях помета ставится перед цифрой первого толкования, а в каких — после нее, например (словарные статьи даются в сокращении):

аболиция, и, ж.

⟨...⟩

Юр. 1. Отмена закона, решения. *Сроки аболиции в отношении нелегальных мигрантов.*

2. Прекращение дела вследствие помилования виновного. *Предоставление аболиции.* ⟨...⟩ [Фивейская, Севастьянова 2014: 35];

мандат, а, м.

⟨...⟩

Полит. Совокупность полномочий члена законодательного собрания, международной организации и т. п., определяемых соответствующим удостоверением. *Депутатский мандат. Отлучить от мандата.*

Документ, удостоверение, предоставляющие такие полномочия. *Предъявить мандат.* ⟨...⟩ [Там же: 196].

Анализ конкретных словарных статей позволяет утверждать, что отличия в размещении помет являются значимыми: помета, стоящая после цифры, относится только к соответствующему значению. Статьи многих лексем, представленных в данном словаре, не содержат никаких тематических помет (*агент, агентский, адрес, адресант, адресат, адресный, академический, АО, аппарат, аппаратный* и др.). Остается неясным, на каком основании эти лексемы были включены в словник, то есть как именно определялась «широта» их использования «в официальных текстах» [Там же: 5].

Все три словаря серии «Слова, которые следует знать» демонстрируют ориентацию на повышение культуры русской речи. Этим объясняется включение в структуру словарных статей таких компонентов, как особенности произношения и грамматические пометы (все словари), сведения об управлении [Ваулина, Вербицкая 2014; Фивейская, Севастьянова 2014], особенности написания [Фивейская, Севастьянова 2014]. Словарь [Ваулина, Вербицкая 2014] включает единицы, которые ранее не были зафиксированы «в орфографических и других лингвистических словарях, поэтому грамматическая, сочетаемостная, произносительная характеристика единиц словаря», как утверждают его авторы, «уточнялась и проверялась на основании употребления слов в реальных текстах» [Там же: 16]. Ориентацию на нормы русской речи при формировании словника в значительно меньшей степени, по сравнению с другими словарями данной серии, демонстрирует словарь [Ткачева, Дурнева 2014]. Так, «существенное место в словнике» данного словаря «занимает разговорная лексика», представлены в нем и «наиболее употребительные жаргонизмы, часто встречающиеся в речи спортивных комментаторов», а также «слова, употребляющиеся в современных текстах в написании латиницей» [Там же: 6]. Составители данного словаря придерживаются «точки зрения о допустимости показа нескольких орфографических вариантов в толковом словаре, за исключением

случаев, когда таких вариантов в узусе чрезмерно много», в подобных случаях число вариантов сокращалось с учетом специально оговоренных составителями критериев [Там же: 7–8], например:

джиппер и джипер, а, м.

Разг. Спортсмен, занимающийся джиппингом, джиппингист. *Традиционная гонка джипперов. Экипаж джипперов состоит из пилота и штурмана* [Ткачева, Дурнева 2014: 123].

Особенностью словаря [Ваулина, Вербицкая 2014], частично включающего, как уже отмечалось выше, ранее не представленную в толковых словарях специальную лексику, является разработка типовых лингвистических толкований для следующих выделенных составителями групп лексических единиц: «наночастицы и их системы»; «наноструктуры»; «наностройства»; «дисциплины, связанные с нанотехнологиями, использующие достижения нанотехнологий»; «технологии, связанные с использованием наноматериалов, наностройств, научных разработок наносферы в медицине, биологии, генетике»; «отрасли наносферы»; «методы исследования нанобъектов, изучения характеристик наносистем»; «методы получения нанобъектов»; «инструменты исследования и получения нанобъектов»; «измерения в наносфере» [Там же: 16–18].

В словарях [Ткачева, Дурнева 2014; Фивейская, Севастьянова 2014] описаны принципы толкования значений особых групп лексем, но сами толкования не соотносятся с семантическими классами лексем. Так, составители словарей отмечают, что для определенной группы слов «достаточно кратко, обобщенного толкования» [Ткачева, Дурнева 2014: 31; Фивейская, Севастьянова 2014: 22], а «другие группы слов и устойчивых сочетаний нуждаются в развернутом, описательном толковании» [Ткачева, Дурнева 2014: 31; Фивейская, Севастьянова 2014: 23]; толкования могут отражать смысловые оттенки (при их наличии) [Ткачева, Дурнева 2014: 32], снабжаться «подтолкованием» [Фивейская, Севастьянова 2014: 24]. «При толковании многих слов и словосочетаний», относящихся к спортивной лексике, «используется особая система комментариев» [Ткачева, Дурнева 2014: 33], соотносящая единицу с определенным местом в терминосистеме. Источники толкований и/или степень их оригинальности авторами словарей [Ткачева, Дурнева 2014; Фивейская, Севастьянова 2014] не оговариваются.

Подведем теперь некоторые итоги предшествующего рассмотрения словарей.

В последнее время наблюдается тенденция создания словарей терминологической и профессиональной лексики, которые, во-первых, охватывали бы самые различные области знания и сферы деятельности и, во-вторых, предназначались бы не профессионалам и специалистам, а самой широкой публике, в частности даже тем читателям, которые по своим знаниям и интересам весьма далеки от любой из областей знания, охваченных слова-

рем¹¹. Эти два свойства тесно связаны: ведь заранее неизвестно, лексика какой именно области знания или профессиональной деятельности может заинтересовать читателя-непрофессионала, откуда и следует желание включить в словарь специальную лексику, представляющую весь универсум знания. Несколько условно подобные словари можно было бы назвать универсальными терминологическими словарями общего назначения, при этом они, по всей вероятности, имеют большое будущее, широкое практическое применение и представляют немалый лингвистический интерес.

Вместе с тем последовательному решению задачи составления подобных словарей, несмотря на наличие некоторого количества публикаций на эту тему, не хватает должного научного обоснования. В частности, до настоящего времени без убедительных ответов остаются вопросы формирования словника и источника определений языковых единиц, включенных в словарь. Эти вопросы можно сформулировать следующим образом.

1. Что относить к терминологической и профессиональной лексике? Каковы критерии ее выделения в языке и критерии ее включения в универсальный терминологический словарь общего назначения?

2. Каковы должны быть правила толкования слов терминологического и профессионального характера в подобных словарях? Отличаются ли они от правил, принятых для определения терминов в логике и терминоведении, и если да, то чем именно? Следует ли лексикографу ориентироваться на дефиниции в специальных терминологических и профессиональных словарях, и если да, то в каких именно и в какой степени?

3. Какая система помет, ремарок, а также правил их применения, касающаяся сферы употребления слова терминологического и профессионального характера, может быть рекомендована для его описания в таких словарях? Каковы типы специальной лексики, которые должны маркироваться с помощью помет и ремарок (например, термины и профессиональные слова разговорного, жаргонного, просторечного и т. п. характера)?

В настоящее время перспективы обоснованного ответа на первый из поставленных вопросов связываются с корпусными исследованиями и созданием компьютерной продукции, которые предоставляют пользователям, в частности, оценку частоты встречаемости в корпусе текстов не просто того или иного слова или словосочетания, но слова или словосочетания в данном значении [Иомдин, Лопухина, Носырев 2014]. При наличии такой информации оценка встречаемости языковой единицы в числовом выражении и могла бы ясным и очевидным служить критерием включения или невключения ее в соответствующий словник. Предварительные ответы на два последних из сформулированных вопросов обсуждаются в статьях

¹¹ В настоящее время эта задача лишь частично и спорадически решается в общефилологических словарях описанием специальной лексики или отдельных специальных значений лексики, с помощью помет типа «спец.», «тех.», «филол.», «мат.» и т. п.

[Цумарев 2014; Шелов 2014а; Шелов 2014б; Шелов 2014 в; Шелов, Цумарев 2015; Цумарев 2017]. Во всех случаях можно надеяться, что исследования ближайшего будущего будут способствовать получению обоснованных ответов на эти вопросы.

Л и т е р а т у р а

Е Ц и с у н, Ш е л о в 2015 — Е Ц и с у н, С. Д. Ш е л о в. О классификации номенов и номенклатурных наименований (на материале наименований товаров) // ИТИ. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 2015. № 6. С. 32–36.

И о м д и н, Л о п у х и н а, Н о с ы р е в 2014 — Б. Л. И о м д и н, А. А. Л о п у х и н а, Г. В. Н о с ы р е в. К созданию частотного словаря значений слов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 4–8 июня 2014 г.) / Под общ. ред. В. Селегея. Вып. 13 (20). М., 2014. С. 204–219 (<http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2014/materials/pdf/IomdinBL.pdf>).

Ц у м а р е в 2013 — А. Э. Ц у м а р е в. Сочетания словарных помет как средство характеристики специальной лексики // Терминология и знание. Выпуск III. Материалы III Международного симпозиума. М., 2013. С. 109–123.

Ц у м а р е в 2014 — А. Э. Ц у м а р е в. Об усовершенствовании маркирования специальной лексики в толковых словарях // Терминология и знание. Выпуск IV. Материалы IV Международного симпозиума (Москва, 6–8 июня 2014 г.). М., 2014. С. 255–273.

Ц у м а р е в 2017 — А. Э. Ц у м а р е в. Какой быть словарной статье словаря социально значимой специальной лексики? // Терминология и знание. Выпуск V. Материалы V Международного симпозиума (Москва, 3–5 июня 2016 г.). М., 2017. С. 268–282.

Ш е л о в 2007 — С. Д. Ш е л о в. Номенклатура и терминология (три подхода к выделению номенклатурных наименований) // Актуальные проблемы лингвистики и терминоведения. Екатеринбург, 2007. С. 76–82.

Ш е л о в 2014а — С. Д. Ш е л о в. Вопросы толкования специальной лексики в толковых словарях (из истории теории и практики отечественной лексикографии) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 1. М., 2014. С. 434–453.

Ш е л о в 2014б — С. Д. Ш е л о в. О различии в толковании специальной лексики в терминологических и филологических словарях // Терминология и знание. Выпуск IV. Материалы IV Международного симпозиума (Москва, 6–8 июня 2014 г.). М., 2014. С. 185–200.

Ш е л о в 2014в — С. Д. Ш е л о в. Толкование лексики терминологического и профессионального характера в филологических толковых словарях (проект рекомендаций) // Терминология и знание. Выпуск IV. Материалы IV Международного симпозиума (Москва, 6–8 июня 2014 г.). М., 2014. С. 284–299.

Ш е л о в, Л е й ч и к 2007 — С. Д. Ш е л о в, В. М. Л е й ч и к. Номенклатурные наименования как класс научно-технической лексики: состав и функции: Учебное пособие. СПб, 2007.

Ш е л о в, Л е й ч и к 2012а — С. Д. Ш е л о в, В. М. Л е й ч и к. О классификации профессиональной лексики // Известия РАН. Сер. Литературы и языка. 2012. Т. 71. № 2. С. 3–16.

Шелов, Лейчик 2012б — С. Д. Шелов, В. М. Лейчик. Терминология и профессиональная лексика: Состав и функции: Учебное пособие. СПб, 2012.

Шелов, Цумарев 2015 — С. Д. Шелов, А. Э. Цумарев. Теория и практика определений специальной лексики в истории академических толковых словарей русского языка // Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 11. 2015. С. 29–49.

Словари и энциклопедические издания

Большая школьная энциклопедия 2002 — Большая школьная энциклопедия. Точные науки / Сост. П. Кошель. М., 2002.

Большой энциклопедический словарь для школьников 2002 — Большой энциклопедический словарь для школьников и поступающих в вузы / Отв. ред. С. Миронов. М., 2002.

Ваулина, Белик 2008 — Е. Ю. Ваулина, В. В. Белик. Давайте говорить правильно! Специальная лексика точных наук: Краткий словарь-справочник. СПб, 2008.

Ваулина, Вербицкая 2014 — Е. Ю. Ваулина, О. Н. Вербицкая. Новейшая физическая терминология: нанотехнологии: краткий словарь. (Слова, которые следует знать.) СПб., 2014.

Ваулина, Штельмахин 2008 — Е. Ю. Ваулина, Е. В. Штельмахин. Давайте говорить правильно. Лексика современной экологии. СПб, 2008.

Галевский, Маур, Жуковский 2003 — Г. В. Галевский, Л. В. Маур, Н. С. Жуковский. Словарь по науке и технике (Английский. Немецкий. Русский). М., 2003.

Ермаков 2008 — Ю. М. Ермаков. Технические термины бытового происхождения: Около 3000 терминов. М., 2008.

Какзанова 2013 — Е. М. Какзанова. Русско-англо-немецкий словарь эпонимических интернационализмов: название и происхождение. От Августа до Янки. М., 2013.

Какзанова 2015 — Е. М. Какзанова. Англо-русско-немецкий словарь интернациональных эпонимов: название и происхождение. От А до Z. М., 2015.

МАС — Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1–4. 2-е изд. М., 1981–1984.

Новые слова и значения 2009–2014 — Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века / Сост. Т. Н. Буцева, Е. А. Левашов, Ю. Ф. Денисенко и др. / Отв. ред. Т. Н. Буцева. СПб., 2009–2014. Т. 1–3.

Севастьянова, Чепурных 2008 — Н. Д. Севастьянова, Н. О. Чепурных. Давайте говорить правильно! Актуальная медицинская лексика: Краткий словарь-справочник. СПб., 2008.

Словарь специальной лексики русского языка 2014 — Словарь специальной лексики русского языка / Под ред. А. С. Герда, У. В. Буторовой / Авт.-сост. У. В. Буторова. СПб., 2014.

Словарь современных понятий и терминов 2002 — Словарь современных понятий и терминов / Н. Т. Бунимович и др. / Общ. ред. В. А. Макаренко. 4-е изд., доп. и доп. М., 2002.

Ткачева, Дурнева 2014 — И. О. Ткачева, А. А. Дурнева. Современная спортивная лексика: краткий словарь. (Слова, которые следует знать.) СПб., 2014.

Фивейская, Севастьянова 2014 — Е. А. Фивейская, Н. Д. Севастьянова. Современная официальная лексика: краткий словарь. (Слова, которые следует знать.) СПб., 2014.

Godman, Payne 1979 — A. Godman, E. M. F. Payne. Longman Dictionary of Scientific Usage / The Reprint Edition. London, 1979. (Рус. перевод: А. Годман, Е. М. Ф. Пейн. Толковый словарь английской научной лексики. М., 1989.).

Резюме

В статье представлен обзор новых отечественных терминологических словарей и справочников, образующих самостоятельный тип лексикографических изданий. Эти словари включают специальную лексику самых различных и порой весьма далеких друг от друга областей деятельности и профессиональных занятий или лексику всего универсума специальных знаний, которая может заинтересовать не профессионала, а человека среднего уровня образования и компетенции. Подчеркивается актуальность таких словарей, обсуждаются их сильные и слабые стороны, а также теоретический аппарат лексикографии, необходимый для их подготовки.

Ключевые слова: терминологический словарь, новый тип терминологических словарей, толкование термина, терминологическая лексика, профессиональная лексика.

Получено 16.12.2016

SERGEY D. SHELOV, LYUDMILA V. RYCHKOVA

ON A NEW TYPE OF TERMINOLOGICAL DICTIONARIES AND REFERENCE BOOKS

The article presents overview of some domestic terminological dictionaries and reference books, forming a separate type of lexicographic publications. These dictionaries cover special vocabulary of strikingly different disciplines and areas of professional activities sometimes very distant from each other or vocabulary of the entire universe of special knowledge that may be of vivid interest not only for a specialist, but also for a layman of middle-level education and competence.

The relevance of these dictionaries is highlighted. Strong and weak sides of these dictionaries are discussed as well as theoretical issues necessary for their development.

Keywords: terminological dictionary, new types of terminological dictionaries, term definitions, terminological and professional lexis.

Received on 16.12.2016

ИНФОРМАЦИОННО-ХРОНИКАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Хроника XLVIII Виноградовских чтений в МГУ

18 января 2017 г. на филологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова прошли XLVIII Виноградовские чтения, посвященные проблемам поэтики и грамматики русского художественного нарратива. В выступлениях участников чтений соединились лингвистика и литературоведение, общая теория нарратологии и анализ художественных текстов, исследования грамматических особенностей русского нарратива и обсуждение электронных ресурсов, содержащих тексты художественной литературы XIX в. Профессор кафедры русского языка МГУ М. Ю. Сидорова, открывая заседание, отметила особое значение трудов В. В. Виноградова для русской филологической науки, для филологического факультета и для современной нарратологии.

Программу чтений открыл доклад **В. А. Плунгяна** (ИРЯ РАН) «Дискурс, грамматика, нарратив: в поисках точки опоры», в котором обсуждались теоретические и терминологические проблемы современной теории нарратива, сравнивались несколько традиций употребления терминов «дискурс» и «нарратив» — в теоретической лингвистике и в «мягких» гуманитарных науках. Докладчик напомнил о вкладе У. Лабова, Э. Бенвениста и У. Вайнриха в формирование дискурсивной проблематики в лингвистике середины XX в., а также о последующих работах С. Флейшман, К. Смит, Е. В. Падучевой и других авторов, которые сосредоточились на наиболее важном для лингвистики аспекте — дискурсивных правилах упо-

ребления грамматических категорий глагола и имени. В русской филологической науке это направление исследований художественного нарратива было открыто прежде всего работами В. В. Виноградова. Его статья 1936 г. «Стиль “Пиковой дамы”» заложила основы дискурсивного анализа видо-временных форм русского глагола, его теория «образа автора» нашла свое продолжение не только в работах по семиотике искусства (Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский), но и в современных работах о функциях эгоцентрических элементов в тексте (Е. В. Падучева). Докладчик подробно обосновал значительный потенциал такого подхода для развития современных идей лингвистической науки.

В докладе «Логос наррации» **В. И. Тюпа** (РГГУ) рассматривал «конструктивный принцип вербализации повествуемой событийной цепи», который получил в докладе терминологическое обозначение «логос наррации». Современная нарратология существенно расширила сферу своего научного интереса и занимается различными — не только вербальными — способами формирования, хранения и репродуцирования событийного опыта присутствия человека в мире. При этом разнообразие разномедальных нарративных практик делает необходимым разграничение когнитивного процесса наррации и семиотического процесса презентации наррации. Докладчик соединил типологию нарративных текстов с семиотикой по Ч. Пирсу, предложил в качестве теоретической основы типологии наррати-

Надежда Константиновна Онипенко, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

вов типологию знаков Пирса (*индексы, иконы и символы*), различая при этом символы индексальные (*эмблемы*) и символы иконические (*метабопы*). *Индексальный* логос «безличного», «словарного слова» (М. М. Бахтин) состоит в использовании языка как системы указательных вербальных знаков. Коммуникативным ресурсом такой речевой практики является *транзитивность* значений, перемещаемых из одного сознания в другое без существенных семантических преобразований, к чему стремится, прежде всего, нехудожественное повествование. *Эмблематический* логос «риторического слова», доминировавшего вплоть до XVIII столетия, состоит в обращении со словами как знаками с конвенционально «готовым смыслом» (М. М. Бахтин). Коммуникативный ресурс эмблематизированной речи составляет декартовская *эвиденциальность* — непосредственная очевидность сообщаемых смыслов. *Иконическая* нарративность литературной классики XIX столетия предполагает свободное обращение с языком как с материалом, в котором проясляется не «готовый смысл», а субъективность говорящего. Посредством особых способов словосочетания, неологизмов, звукописи иконический логос реализует *имажинативный* ресурс речи — продуцирование воображаемых денотатов, зависимость которых от сигнальной стороны слова варьируется в каждом воспринимающем сознании. Слово *метаболического* логоса наррации являет собой сложно организованный «метазнак», не «готовый», а контекстуальный смысл которого несет в себе указание на другой, более глубокий смысл, вызывающий к поиску «интерпретанты» (по терминологии Пирса). Метаболическое слово обращено к интерпретации подобно тому, как иконическое — к воображению. За метаболической нарративностью угадывается *взаимодополни-*

тельность взаимодействующих сознаний. Здесь в качестве коммуникативного ресурса речи на месте произвольной имажинативности оказывается не произвольная, но внутренне свободная *инспиративность*.

И. В. Ружицкий (МГУ) выступил с докладом «"Возможные миры" в семантическом пространстве Достоевского». В докладе рассматривалась философская категория «возможных миров» применительно к анализу особенностей творческого метода Ф. М. Достоевского. Под «возможными мирами» докладчик понимает нарушение автором литературного произведения при помощи определенных языковых средств (в основном — способов выражения неопределенности) им же самим созданных законов реального мира, детализированного и причинно обусловленного. Семантическое пространство Достоевского формируется оппозициями возможного (вероятного) и действительного, случайного и необходимого, относительного и абсолютного, неопределенного и определенного. В этом семантическом пространстве становятся актуальными такие стилистические приемы, как зевгма (*яблочком пахнет и всякими деликатностями; с саркастической улыбкой и со шляпой в руках; весь красный от пуниша и от амбиции; ненавижу фразу, фразёров и тальи с перехватами* и т. п.) и оксюморон (*будучи умным человеком, говорил иногда страшный вздор; молодая старуха; ты малый умный, но ты дурак; этой глупейшей мудрости не знаете* и т. д.), нарушающих детерминированность ряда однородных элементов. При этом в текстах Достоевского присутствует и детерминизм — в нагромождении подробностей, в детализации реального мира и внутреннего мира человека. «Возможные миры» компенсируют детализированность и механизизм; обнаружить что-то в хаосе возможностей и является основной ин-

тенций, лежащей в основе творческого метода Достоевского.

А. В. Уржа (МГУ) в докладе «Функциональные спутники настоящего исторического в русских переводах нарративных текстов» предложила изучать настоящее историческое в функциональном единстве с элементами, ориентированными на общий прагматический эффект «погружения» читателя в хронотоп происходящего. Среди таких элементов — дейктические показатели, лексика с перцептивной семантикой и другие средства репродуктивного регистра; а также эмотивные и оценочные слова, повышающие субъективизацию повествования и выводящие описываемые события на первый план. Показательным материалом для наблюдений за функционированием презенсных нарративных форм и их «спутников» стали варианты русского перевода одного и того же повествовательного текста с английского языка на русский. Последовательное предпочтение переводчиком форм настоящего исторического, а не прошедшего нарративного сопровождается выбором целого ряда семантико-грамматических средств, поддерживающих эффект «драматизации» повествования. Выбор функциональной «связки» таких средств осуществляется в зависимости от жанра оригинала и целевой аудитории, на которую ориентирован перевод.

В докладе **Н. Г. Мельникова** (МГУ) «Точка зрения как композиционный прием в романе В. В. Набокова “Камера обскура”» общетеоретические проблемы нарратологии рассматриваются наряду с анализом конкретного художественного текста. Критически разбирая дефиниции отечественных и зарубежных авторов и отмечая их общие недостатки (неоправданное сужение понятия, сведение «точки зрения» к позиции повествователя или отождествление с типом повествования), докладчик предложил

свое определение рассматриваемого понятия (во многом учитывающее разработку отечественных авторов, Б. А. Успенского и Б. О. Кормана): «Точка зрения (перспектива) — композиционный прием, организующий повествование и определяющий положение субъекта (изображающего / воспринимающего / оценивающего события) во времени и пространстве художественного произведения по отношению к объекту (объектам) изображения, предмету оценки, адресату речи». Уточнив терминологию, докладчик показал, какую роль играет этот композиционный прием в поэтике «синематографизированного» (В. Ходасевич) романа В. Набокова «Камера обскура», как соотносятся позиции автора-повествователя (имплицитного автора) и персонажей в плане фразеологическом, психологическом и пространственно-временном. Занимая внешнюю позицию по отношению к героям в оценочном плане, в рамках того или иного эпизода обезличенный повествователь может ограничиваться их кругозором, становясь носителем субъективной «точки зрения» персонажей. Его «скрытая камера» погружается в сознание того или иного персонажа (чаще в сознание главных героев), благодаря чему действительность предстает в их восприятии, порой окрашиваясь их эмоциями, порой причудливо преломляясь, остраиваясь — особенно после 30-й главы, многие сцены которой даны в восприятии ослепшего Кречмара, при этом изображение насыщается субъективными оценками и ассоциациями. Анализ романа позволил докладчику обосновать тезис о том, что «точку зрения» нельзя сводить только к визуальной перспективе и «позиции наблюдателя» (как это понимается, например, в работах Н. Д. Тамарченко).

О. И. Северская (ИРЯ РАН) выступила с докладом «Пропозиция, факт, событие в поэтическом тексте». Осно-

выываясь на работах Р. Столнейкера, П. Стросона, Я. Хинтики, Н. Д. Арутюновой, а также С. Т. Золяна и О. Г. Ревзиной, докладчица предложила толкования общегуманитарных понятий пропозиции, факта и события применительно к поэтическому тексту.

В докладе **А. Л. Крупчанова** (МГУ) «Поэтика нарратива в романе А. Иванова “Путешествие Ханумана на Лолланд”» шла речь о существовании в современной русской литературе четвертой волны эмиграции, вызванной распадом СССР и образованием русскоязычных литературных диаспор. Отличительные особенности этой литературы рассматривались на примере романа А. Иванова «Путешествие Ханумана на Лолланд». Этот роман является ярким примером перволичного нарратива: события изображаются с точки зрения их непосредственного участника (мигранта-нелегала Юджа, бежавшего из Эстонии в Данию). В жанровом отношении произведение А. Иванова построено преимущественно по канонам авантюрно-приключенческого романа или романа-путешествия. А. Иванов рисует взаимное отталкивание европейской и других типов культур (ближневосточной, индийской, армянской, славянской, цыганской и т. д.) в эпоху заката политики мультикультурализма. Для того чтобы показать такое сложное и многоплановое явление, как цивилизационно-культурное взаимодействие, автор обращается к изображению таких аспектов, как система ценностей, семейно-бытовой и религиозный уклады, общественная организация, специфика государственного и политического устройства, языковые вопросы, исторические взаимоотношения, обращение к архаичной или создание новой мифологии. А. Иванов включает в текст романа очень большое число действующих лиц и усложняет повествование за счет мно-

гочисленных связанных с этими лицами микросюжетов.

Я. Э. Ахапкина (НИУ ВШЭ) рассматривала семантический потенциал лексем, используемых в нарративных текстах И. С. Тургенева. В ее докладе «Семантические сдвиги в диахронии: русский глагол (на материале повести И. С. Тургенева “Ася”)» обсуждались глаголы *вмешаться*, *поместиться*, *прядать*, а также прилагательные *любопытный* и *замечательный*. Зафиксированное в качестве второго значения прилагательных *любопытный* и *замечательный* толкование ‘достойный внимания, интересный, примечательный’ [МАС] слабо опознается молодым читателем (в опросе принимали участие 47 московских лицеистов-старшеклассников, среди предложенных ими толкований указанных прилагательных встретились ‘красивый, популярный’). Экспериментальные исследования обнаружили значительное расхождение между значениями отдельных глаголов в тексте И. С. Тургенева и значением этих же глаголов в речи современных школьников и студентов. Семантическому сдвигу подверглись употребления, среди которых обнаруживаются как признаваемые словарями архаизмы и авторские употребления, так и полисеманты, в частности формирующие архаичные коллокации, переосмысленные за прошедшие с момента публикации источника 150 лет и создающие определенные сложности для молодого читателя. Восполнить этот пробел призван электронный ресурс «Корпус XIX века», снабженный системой помет, отражающих тип грамматической трансформации конструкции и семантического сдвига лексемы. Материалы корпуса могут служить основой для словаря вытесненных из активной речевой практики значений полисемантов.

Подводя итоги Виноградовских чтений 2017 г., М. Ю. Сидорова поблагодарила докладчиков за интересные доклады и выразила надежду, что традиция проведения январских чтений в МГУ продолжится, что имя и научное творчество академика Виноградова бу-

дет соединять лингвистов и литературоведов, представителей разных научных школ, филологов разных поколений.

Н. К. Онипенко

Материал получен 09.02.2017

Развивая идеи академика Виноградова

(Хроника конференции, посвященной 50-летию школы Г. А. Золотовой)

17 февраля 2017 г. на филологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова состоялись чтения, посвященные 50-летию научной школы Г. А. Золотовой.

Начиная с 1960-х гг. Галина Александровна Золотова разрабатывала свою теорию функционального синтаксиса, принявшую окончательный вид в вышедшей в свет в 1998 году «Коммуникативной грамматике русского языка». Этот фундаментальный труд лег в основу университетского курса «Грамматика и текст»; с учетом его положений написано и защищено множество дипломных работ, кандидатских и докторских диссертаций. Именно поэтому инициатором проведения конференции, посвященной юбилею школы Г. А. Золотовой, стал филологической факультет МГУ им. М. В. Ломоносова.

Программу конференции открыл доклад **М. Ю. Сидоровой** (МГУ) «50 лет научной школы Г. А. Золотовой: всматриваясь в текст, вдумываясь в язык», в котором были показаны этапы развития научной мысли в рамках школы коммуникативной грамматики: от теории синтаксиса к синтаксическому полю предложения, от анализа предложения к анализу текста, от частной лингвистики к общей лингвистической теории. Идеи Г. А. Золотовой находят применение в исследованиях истории русского языка

и лингвистическом анализе памятников, в онтолингвистике, в преподавании русского языка как неродного. М. Ю. Сидорова представила наиболее интересные исследования последних лет, в которых были применены идеи коммуникативной грамматики.

Программу продолжил доклад **В. Ю. Копрова** (Воронежский ГУ), руководителя Воронежской школы функциональной грамматики. В своем докладе «Синтаксическое учение Г. А. Золотовой в практически ориентированной семантико-функциональной грамматике» В. Ю. Копров показал, как используются синтаксические идеи Г. А. Золотовой в преподавании русского языка как неродного. Функционализм теории, внимание к семантической стороне синтаксических единиц делают синтаксис Г. А. Золотовой востребованным в курсах практически ориентированной грамматики. В. Ю. Копров отметил, что «в семантико-функциональном сопоставительном синтаксисе деление предложений на односоставные и двусоставные обладает минимальной объяснительной силой, и от него целесообразно отказаться», что перекликается с идеей Г. А. Золотовой о принципиальности двусоставности модели предложения. В. Ю. Копров обратил внимание слушателей на то, что для семантико-функционального синтаксиса особое значение

Надежда Константиновна Онипенко, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

имеет не столько деление слов на части речи, сколько деление частей речи на лексико-грамматические разряды, которые и являются реальной основой компонентного состава семантической структуры предложения.

В докладе **П. А. Леканта** (МГОУ) «Идеи коммуникативной грамматики в преподавании русской лингвистической науки в вузе» было отмечено тесное сотрудничество представителей коммуникативной грамматики с кафедрой русского языка МГОУ (бывшего МОПИ им. Н. К. Крупской). П. А. Лекант обратил внимание на то, что Г. А. Золотова и ее ученики активно развивают идеи В. В. Виноградова, продолжают его традиции на современном этапе развития русистики. Современные программы курса русского языка во многом опираются на идеи, сформулированные в рамках концепции коммуникативной грамматики: три типа модальности, авторизация, два направления осложнения предложения, понятие коммуникативного регистра речи. Сегодня в курсе русского языка ощущается острая необходимость в лингвистических понятиях, которые бы соединяли системно-грамматическое описание языка и анализ текста. Именно таким понятием является коммуникативный регистр речи. В нем взаимодействуют категории модальности, времени и виноградовская идея «образа автора». Докладчик отметил перспективность теории коммуникативных регистров для анализа структуры художественного текста.

Н. К. Ониненко (ИРЯ РАН) выступила с докладом «Объекты — термины — идеи — люди (о месте теории коммуникативной грамматики в современной лингвистической науке)». В докладе обсуждались параметры, по которым можно сравнивать современные научные школы и направления. В основу сравнения было положено методологическое противопоставление двух взгля-

дов на действительность: аналитического и синтетического. Это противопоставление в начале сороковых годов XX века использовал П. М. Бицилли для характеристики особенностей художественного мышления А. П. Чехова. То же противопоставление, но в других терминах применила А. Вежицкая для сравнительной характеристики разных языковых систем. Она говорила о «подходе в терминах причин и следствий» и «подходе, дающем импрессионистическую картину мира». Пользуясь терминами А. Вежицкой, докладчик охарактеризовал концепцию коммуникативной грамматики как теорию, основанную на «синтетическом», «дающем феноменологическую картину мира» подходе, который позволил представить языковую единицу как единство формы, значения и функции; рассмотреть языковые единицы в их системных связях с другими языковыми единицами, а также в их реальном текстовом функционировании. Такой подход коммуникативная грамматика наследовала от В. В. Виноградова, которому было присуще «редкое и давно утраченное гуманитарным знанием свойство — видеть все только в связи со всем» (А. П. Чудаков). Наследуя виноградовскую традицию филологического знания, концепция коммуникативной грамматики соединяет семантику и синтаксис (как на уровне формы слова, так и на уровне предложения), именную часть грамматической системы и глагольную, системно-языковое описание и анализ текста.

Доклад **Ф. И. Панкова** (МГУ имени М. В. Ломоносова) «Концепция изосемии и контекстуальная парадигма русского слова (к вопросу о развитии идей Г. А. Золотовой)» был посвящен введению и обоснованию понятия контекстуальной парадигмы (КП), членами которой являются исходное слово и его контекстуальные корреляты. Главный признак, объединяющий разные члены КП, —

это общность передаваемого ими дено- тативного содержания. Исходный член КП — это изосемическое слово, функционирующее в составе изосемической конструкции. Его контекстуальные корреляты — изосемические слова в составе неизосемических конструкций, а также неизосемические слова. КП слова, как и другие парадигмы, может быть полной и дефектной. Наречие (или слово другого категориального класса) может быть как исходным членом собственной КП, так и членом КП единиц других классов. Понятие КП на уровне слова, в данном случае наречия и глагола, помогает показать трансформационные возможности русского языка в целом. Возможность образования КП может быть отмечена как один из параметров лексикографической атрибуции наречия в функциональном словаре. Очевидно, что в других языках (в частности, в китайском) исходному члену КП будет соответствовать коррелят того же категориального статуса, что и в русском языке, так как изосемические изоморфные конструкции являются лингвистической универсалией, остальная же часть КП может представлять собой лингвоспецифическую область.

В докладе **И. А. Магеррамова** (МПГУ) «Субъектная многоплановость современного медиатекста» были показаны механизмы усиления субъективизации текста, выражающейся в индивидуальной личностной интонации. Одна из центральных проблем современной лингвистики — это проблема субъекта речи в текстах различных разновидностей и жанров. С этой точки зрения несомненный интерес представляют массово-коммуникативные тексты, традиционно определяемые как тексты газетно-публицистического стиля. Докладчик рассмотрел особенности функционирования глаголов определенных семантических классов в рамках заголовочного комплекса и показал, что

композиционно-синтаксическое расширение современного заголовка затронуло сферу лексической семантики и грамматики глаголов: глаголы заголовочного комплекса (микротекста) приобретают дополнительные текстовые функции, обусловленные усложнившейся субъектной перспективой микротекста-заголовка, в которой различаются автор газетного (журнального) текста — журналист, языковая личность которого полноценно раскрывается при чтении материала, будущий (потенциальный) читатель, на восприятие которого ориентирован авторский текст, и некий гипотетический (виртуальный) редактор, интерпретирующий журналиста-автора.

Доклад **Е. И. Гордиенко** (РАНХиГС) «Модусная рамка в сценическом тексте: к вопросу о субъекте театральной речи» стал демонстрацией возможностей теории коммуникативной грамматики при анализе современных театральных постановок. Материалом для анализа послужили инсценировки К. Гинкаса, С. Женовача, М. Карбаускиса. Структура современной театральной коммуникации в значительной степени похожа на структуру коммуникации в повествовательном тексте; «чистая» драма, исключая любой элемент, посторонний по отношению к диалогу, где артист и персонаж слиты, образуя единое «драматическое существо», есть только модель, только вариант из ряда равно возможных. Субъектом речи в драматургических текстах может быть не только персонаж, но и актер, при этом может возникнуть «внутренняя диалогизированность монологического текста», которая считается закрепленной за недраматургическими художественными текстами. «Театр-рассказ», в котором актеры говорят о персонажах в третьем лице, допускает вербализацию самых разных модусных рамок (перцептивной, ментальной, волюнтивной, реактивной, речевой). При этом языко-

вое разведение «я» актера и «я» персонажа может сочетаться с принципом психологической игры, актерского «вживания» или «воплощения», при котором актер будет играть персонажа или, по крайней мере, соотноситься с ним. Такая модель (подобного субъекта Б. Мартен предложил называть «нарратором») сценически отражает фигуру «говорящего в третьем лице». В «театре-рассказе» значимым оказывается выбор сценического говорящего для условно нарративного текста (от третьего лица, часто в прошедшем времени). Особым приемом в современной театральной практике является присвоение каким-либо действующим лицом текста, «владельцем» которого в первоисточнике является другой персонаж. Принцип «театра-рассказа» используется не только режиссерами, но и драматургами. Так, Иван Вырыпаев в финальной версии своей пьесы «Иллюзии» убирает указания на границы нарративных реплик, оставляя список исполнителей только в начале всего текста, тем самым предоставляя режиссерам самим решать, какой отрывок кто будет произносить, и тем самым — интерпретировать его пьесу. Подводя итоги, докладчица сделала вывод, что применение модели субъектной перспективы текста к театральным произведениям может быть одним из направлений исследований драматургического текста.

В. Е. Чумина (МГУ) в докладе «Воплощение авторской тактики в рамках репродуктивного регистра: фон и сюжет, перцептивность и акциональность» проанализировала два художественных произведения: повесть В. В. Набокова «Король, Дама, Валет» и повесть А. С. Пушкина «Метель». Докладчица использовала метод сравнительного анализа фрагментов репродуктивного регистра. В повести В. В. Набокова рассматривались способы моделирования пространства, обусловленные перцеп-

тивной доминантой, различающейся у каждого из трех героев. Было показано, что особенности видения мира и, соответственно, выстраивание репродуктивного фрагмента предсказывают судьбу каждого героя и развязку сюжета. Другой тип сравнения репродуктивных фрагментов был предложен для интерпретации повести «Метель». Были взяты два описания метели: актуальное, обусловленное точкой зрения Владимира, и рассказ Бурмина, где временная и пространственная ориентация задана удаленной от событий точкой зрения. При сравнении внимание было обращено на функции видео-временных форм глагола, на роль лексических показателей времени. В сцене метели, проживаемой Владимиром, время безнадежно растянуто, нет поступательного движения вперед. Если же время и убыстрется, то сюжет вновь возвращается к исходной точке. Все это выражается в преобладании имперфективов, что было обозначено как имперфективная доминанта. Рассказ Бурмина, наоборот, построен на преобладании аористивов, движущих время вперед и развивающих сюжет. В первом репродуктивном фрагменте есть воля героя к достижению цели и движению, но нет движения как такового, во втором — нет воли персонажа, но есть движение. Эти различия (так же, как и в тексте Набокова) предсказывают сюжетную развязку — счастливую для одного героя и несчастливую для другого.

В докладе **Н. Ю. Муравьевой** (РГГУ) «Категория перцептивности в русском языке: система и взаимодействие лексических и грамматических средств» были представлены системы лексических и грамматических средств выражения категории перцептивности. Отмечена возможность градуирования лексических единиц в зависимости от наличия/отсутствия перцептивной семы в а) лексическом значении, б) пресуппо-

зии, в) контекстном окружении слова. Грамматические средства охарактеризованы как несамостоятельные — усиливающие созданную лексически перцептивность контекста, функционирующие лишь при определенном лексическом наполнении. Взаимодействие лексики и грамматики в перцептивном фрагменте текста проявляется 1) в обратно пропорциональной зависимости количества лексических и количества грамматических средств перцептивности; 2) в появлении переносных, контекстно обусловленных значений у конкретных («перцептивно нейтральных») лексем во фрагментах, не маркированных грамматически. Это позволяет предложить типологию контекстных (не отмеченных в словаре) значений для лексем конкретно-предметной семантики в репродуктивном типе текста. Сравнительный анализ переводов фрагмента текста на разные языки позволил доказать наличие языковой (не только логической) природы анализируемых контекстных смыслов.

Доклад **И. В. Космарской** (МГЛУ) «Еще раз об односоставных предложениях» обратил внимание слушателей к традиционной синтаксической проблеме структуры простого предложения. Интерес автора был сосредоточен на семантике и функциях односоставных предложений и особенно — безличных. Безличные предложения часто рассматриваются как доказательство определенных черт русской ментальности: неконтролируемости действий и намерений, склонности к пассивности, нежелания брать на себя ответственность и т. п. Обилие безличных предложений стало основанием для вывода о том, «что русский язык отражает и всячески поощряет преобладающую в русской культурной традиции тенденцию рассматривать мир как совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому разумению» (А. Веж-

бицкая). В противовес этому мнению докладчица указала на то, что синтаксическая безличность имеется во многих языках, например в болгарском, немецком, итальянском. Безличные конструкции в болгарском языке распространены очень широко, а некоторые из них значительно превосходят по употребительности аналогичные русские. В немецком языке безличность выражается многочисленными и разнообразными средствами. В заключение И. В. Космарская сделала вывод о том, что межязыковые различия в составе безличных конструкций, формах их выражения и их продуктивности объясняются исключительно историческими изменениями и типологическими особенностями языков, а не различиями в менталитете говорящих на этих языках.

В докладе **В. С. Савельева** (МГУ) «Древнерусские речевые тактики: косвенные речевые акты в речи персонажей Повести временных лет» были рассмотрены случаи употребления косвенных речевых актов в качестве иллокутивно монофункциональных высказываний в прямой речи летописных героев. Были проанализированы высказывания, обладающие различной коммуникативной формой, и установлены следующие закономерности их употребления в древнерусском тексте: 1) семантика невопросительных монофункциональных косвенных речевых актов связана прежде всего с выражением непрямых видо-временных значений глагольных форм; 2) семантика вопросительных монофункциональных косвенных речевых актов сводится к утверждению некоторого оценочного суждения; 3) в вопросительных высказываниях с количественными местоименными словами в случае определения количества положительно оцениваемого объекта имеется в виду его недостаточность, и наоборот. Описанные в докладе типы монофункциональ-

ных косвенных речевых актов характерны и для современного дискурса, в связи с чем был сделан вывод об их традиционном характере.

Доклад **О. Ю. Дементьевой** (МГУ) «Синтаксическое поле предложения и практика преподавания РКИ» был посвящен возможностям использования понятия синтаксического поля предложения в теории и практике преподавания русского языка как иностранного. Данное понятие было квалифицировано не только как инструмент систематизации русских синтаксических моделей, но и как основа для их лингводидактического представления, поскольку оно позволяет различить базовые изосемические модели и их модификации, определить последовательность их изучения иностранными студентами, а также выработать приемы для активного или пассивного их усвоения. Особое внимание уделено проблемам, связанным с изучением некоторых структурно-семантических и экспрессивно-коммуникативных модификаций в иноязычной аудитории. В докладе **Ю. В. Роговневой** (ГИРЯ имени А. С. Пушкина) «Состав модели предложения и его актуальное членение» был предложен анализ предикативных единиц, входящих в нефикциональные репродуктивно-описательные тексты.

Завершали конференцию три доклада, в которых идеи коммуникативной грамматики применялись к анализу переводческой деятельности. В докладе «Методология компаративных функциональных исследований оригинальных и переводных текстов» **А. В. Уржа** (МГУ) обратилась к истории сопоставительных исследований оригиналов и переводов. Компаративный анализ текстов и раньше являлся сферой апробации новых лингвистических идей, но за последние 20 лет исследования переводов включили в свой понятийно-методологический инструментарий пред-

ставление об изосемии/неизосемии, о стовых функциях предикатов, о критериях эквивалентного преобразования полипредикативных конструкций, о коммуникативных регистрах, о субъектной перспективе текста и мн.др. Функциональный компаративный анализ переводных текстов позволил охарактеризовать конкурирующие тактики переводчиков, выявить ранее не обнаруженные особенности языкового устройства оригинальных текстов. В заключение **А. В. Уржа** представила сборник научных работ участников исследовательского семинара «Текст в зеркалах интерпретаций», подготовленный специально к научным чтениям, посвященным 50-летию школы **Г. А. Золотовой**.

В докладе **В. А. Немковой** (МГУ) «Перфективная функция глагольных форм в русской прозе конца XX века и её интерпретация в английских переводах» был предложен сопоставительный анализ текстов **В. Маканина**, **А. и Б. Стругацких**, **Л. Петрушевской** и их английских переводов с точки зрения использования глаголов в перфективной функции на фоне повествования в настоящем историческом. Видо-временные формы глагола в указанной функции позволяют писателю расставить акценты на сюжетно значимых событиях, организовать регистровые блоки и подключить читателя к позиции наблюдателя. Различные интерпретации перфективной функции в переводах влекут за собой изменения в текстовой ткани повествования, в течении сюжетного времени и его восприятию читателем. Использование тех или иных функциональных эквивалентов глаголов в перфективной функции в переводе может также служить маркером регистрового шва, активизировать позицию наблюдателя, представив события как неожиданные для него и читателя, а также противопоставлять точки зрения разных персонажей.

Доклад **Г. А. Филатовой** (МГУ) «Функциональный комплекс апелляций к читателю как объект переводческой интерпретации» был посвящён комплексу лингвистических средств, объединённых эксплицированной апеллятивной функцией. Материалом исследования стал роман Р. Желязны «Ночь в тоскливом октябре» и его русские переводы. Ядро апелляций к читателю составляют обращения, однако аналогичное воздействие может осуществляться и другими грамматическими и семантическими средствами, а также графическим выделением. В докладе были охарактеризованы различные типы подоб-

ных апелляций и проанализированы способы их реализации в переводных текстах.

Подводя итоги конференции, М. Ю. Сидорова отметила, что на конференции были представлены доклады четырех поколений исследователей. Это свидетельствует о широких объяснительных возможностях теории функционально-коммуникативной грамматики, которая с успехом развивает виноградские традиции в современной филологической науке.

Н. К. Ониненко

Получено 06.04.2017

РЕЦЕНЗИИ

Л. Л. Крючкова. Словарные материалы Г. С. Новикова-Даурского как источник для русской исторической лексикологии.

Благовещенск, 2015. — 327 с.

Монография Л. Л. Крючковой посвящена изучению русских диалектов Дальнего Востока, более конкретно — говорам Приамурья и Забайкалья. Отправной точкой исследования и материалом для него послужила рукописная картотека собирателя-самоучки Г. С. Новикова-Даурского, хранящаяся в Амурском областном архиве. Она была создана в период с 1900 по 1936 годы, хотя записи велись вплоть до 50-х годов прошлого века, и включает 4000 лексем и фразеологизмов, записанных в Забайкалье и Приамурье, что делает картотеку самым большим собранием слов сибирской лексики первой половины XX века. На широком диалектном фоне, включающем территории не только Сибири, а также привлекая данные языков коренных народов Сибири, автор показывает филологическую достоверность материалов картотеки и их информативность. Уточнены также пути развития значений некоторых слов, составляющих отличительные черты говоров Дальнего Востока.

Имя Г. С. Новикова-Даурского мало известно, поэтому автор прежде всего обращается к личности собирателя, к фактам его жизни. Его деятельность пришлось на период 20–30-х годов XX века, когда особенно возрос интерес к исследованиям в области краеведения. В предисловии Л. Л. Крючкова справедливо замечает: «Многие из собирателей диалектной лексики были далеки от лексикографии, часто не имели фи-

лологического образования, но их материалами не следует пренебрегать, так как... в их собрании обнаруживаются ценные диалектные факты, которые могут быть использованы в диалектной лексикографии» (с. 8). Сказанное относится к самому Г. С. Новикову-Даурскому и к его словарной картотеке. Не получив специального образования, дальневосточный собиратель не сумел превратить свои материалы в полноценный лексикографический труд, а может быть, и не ставил перед собою такую цель. Тем не менее, как показывает Л. Л. Крючкова, им была проделана немалая филологическая работа: слова сопровождаются морфологическими характеристиками, снабжены взаимными отсылками и толкованиями, которые нередко включают в себя сведения этнографического и энциклопедического характера. Самостоятельную ценность представляет иллюстративный материал картотеки — пословицы, частушки, песни, загадки, которые наряду с общерусским представляют и местное творчество.

Важной частью монографии является очерк истории Дальнего Востока. Понимание исторического контекста необходимо для определения статуса дальневосточного слова, для решения вопросов его распространения. Процесс заселения обширных территорий Забайкалья и Приамурья был длительным и многоэтапным, в нем «принимали участие два потока переселенцев: легально-

Елена Игоревна Державина, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

государственный и вольно-народный» (с. 80), что отразилось в сложном переплетении старожильческих и новопереселенческих говоров. Наиболее тесно русские говоры Приамурья связаны с сибирскими говорами. «Их основу составляют старожилые казачьи говоры, старообрядческие, новосельские. Приток населения из южных областей России, Белорусии и Украины отразился на их образовании» (с. 117). Другим источником влияния на русские говоры Дальнего Востока было языковое взаимодействие с соседними народами. Разобраться в этой сложной языковой картине без детального знания истории заселения Дальнего Востока невозможно. Л. Л. Крючкова не ограничивается изложением общедоступной исторической литературы, но обращается к редким изданиям, таким как «Китайцы в Уссурийском крае. Очерк историко-этнографический» (1902) В. К. Арсеньева — крупнейшего знатока Уссурийского края; «Маньчжуры, их язык и письменность» (1912) А. В. Гребенщикова — крупнейшего специалиста по маньчжурскому языку, который консультировал своих коллег, уезжавших в экспедиции к ороченам и гольдам (нанайцам); «Географический, этнографический и экономический очерк Амурской области» В. П. Врадия; «Путешествие на Амур, совершенное (...) в 1855 г.» Р. К. Маака и другим.

На таком обширном историко-культурном фоне Л. Л. Крючкова показывает историю изучения говоров Дальнего Востока. Первые записи лексики Приамурья были сделаны в трудах этнографов, где представлены бытовые зарисовки жизни забайкальцев. Автор привлекает исследования В. П. Паршина «Поездка в Забайкальский край» (1844), книги путешественника и публициста Н. М. Ядринцева (80-е гг. XIX в.), монументальное исследование Л. Шренка «Об инородцах Амурского края» (1883),

показывая, что лексический материал попадал в них лишь как фоновый, тогда как первые филологические исследования относятся лишь к началу XX в. — это работы студента-медика Г. М. Осокина «Материалы для сборника поместных слов и выражений общесибирских и, в частности, забайкальского наречия» (1901), «Записки» А. М. Станюковича (1912), «Сборник слов, синонимов и выражений, употребляемых амурскими казаками» этнографа А. Б. Карпова (1904). Они были продолжены в работах М. К. Азадовского, А. П. Георгиевского. Исследования по изучению забайкальских и приамурских говоров ведутся и по сей день¹.

Г. С. Новиков-Даурский записывал слова не только непосредственно у носителей говоров Забайкалья и Приамурья, но и выписывал из книг, посвященных истории и освоению Сибири. Обратившись к библиотеке собирателя, Л. Л. Крючкова обнаружила в ней многие из названных выше редких книг, которые помогли ей дополнить свое исследование новыми материалами.

Однако, как указывает Л. Л. Крючкова, собирателю не были известны некоторые важные издания, например словарь А. Б. Карпова, в котором содержится большое количество интересных этнографических зарисовок. В монографии приводятся некоторые из них. Рассказом о местных обычаях снабжено слово *сайба* — «площадка, сделанная из жердей среди ветвей дерева от земли на 4-5 аршин, где-нибудь в глухом незаметном месте в тайге, среди зарослей ельника или в другом глухом месте. На эту полку кладут запасы провизии, излишние вещи, ненужные для длительного перехода, покрывают все это корою от берез (берестянкою — берестю) от дождя, обкладывают ветвями и

¹ См., к примеру: [Галуза 2010; Майоров 2012].

уходят; это будет сайба, т. е. место, где хранится запас провизии или вещей. Если на этой площадке нет вещей (она пуста), то говорят, что тут «была сайба». Так хранятся вещи у всех бродячих охотничьих племен р. Амура: орочен, тунгус, якутов и др. Украсть из сайбы что-либо считается величайшим грехом. И никогда ни один орочен не позволит себе этого даже при самой крайней нужде; самое большее, что он может сделать без греха — это взять, в случае крайнего голода, несколько провизии из запаса, если она там есть; но и тогда орочен считает долгом впоследствии непременно вернуть взятое. Казаки следуют примеру орочен и других инородцев и тоже никогда не позволяют себе брать что-либо оттуда, если случайно встретятся где-либо в тайге с сайбою» (с. 93–94).

Материалы Г. С. Новикова-Даурского уже привлекали к себе внимание исследователей. Они были изданы в 2003 году в Благовещенске — см. [Кирпикова (ред.) 2003]. В своем исследовании Л. Л. Крючкова показывает на конкретных примерах, что перед подготовкой этого издания к печати не была проделана необходимая работа по верификации материалов рукописной картотеки. Ряд слов были неверно прочитаны издателями, не учитывавшими особенностей почерка Новикова-Даурского, и в таком виде попали в издание: *сай* вм. *сап* ‘болезнь животных’, *галеза* вм. *гамза* ‘медная китайская трубка с длинным чубуком’, *стейная курица* вм. *степная курица* ‘дрофа’ и некоторые другие².

² Более подробно издание [Кирпикова (ред.) 2003] рассмотрено Л. Л. Крючковой в небольшой брошюре [Крючкова 2014]. В ней в виде таблицы приведены ошибочные написания заголовочных слов, неточности в толкованиях и даны полные списки слов, не вошедшие в издание.

Труд сибирского собирателя использован в «Словаре русских говоров Приамурья» — [Галуза и др. 2007]. Его составители заимствовали у Новикова-Даурского сведения о географическом распространении слов, а также уточняли толкования, см. подробнее [Крючкова 2008]. В монографии Л. Л. Крючковой рассмотрены в этом плане слова *балаган*, *пронимить*. В очень небольшом количестве, видимо, через «Словарь русских говоров Приамурья», и непоследовательно материалы попали и в СРНГ.

В русле развивающегося в последнее время направления критики словарей³ написан большой раздел, посвященный сравнению данных словаря Л. Е. Элиасова [1980] и словарных материалов Г. С. Новикова-Даурского. Достоверность представленных в словаре Элиасова материалов уже подвергалась сомнению в работах А. Е. Аникина [2000: 17–26; 2007: 18–20] и А. Ф. Журавлева (см. стр. 187 рецензируемого издания). Л. Л. Крючкова дополняет указанные исследования своими наблюдениями. Она рассматривает ряд лексем, толкования которых в словаре Л. Е. Элиасова не совпадают с теми, которые приводит Г. С. Новиков-Даурский, и, привлекая к сравнению широкий круг научных работ и словарей, доказывает большую надежность данных собирателя-самоучки. Так, толкование Элиасовым глагола *отурить* как ‘обмануть’ не засвидетельствовано другими исследователями, в то время как толкование Новикова-Даурского — ‘отогнать в сторону, отогнать течением’ согласуется с представленными у В. И. Даля, а также в работах В. И. Анучина и Н. А. Ноневича. Слову *ишлюкан* Новиков-Даурский дает толкование ‘бес, злой дух’, Элиасов — ‘святочный пирог’. В этом слу-

³ См., например, статьи В. В. Шаповала [2009, 2010].

чае материалы приамурского собирателя подтверждаются исследованиями О. А. Черепановой, диалектологическими словарями А. О. Подвысоцкого (1885) и Н. А. Цомакион (1960, 1974).

Картотека Г. С. Новикова-Даурского способна дополнить уже изданные диалектные исследования, так как содержит слова, отсутствующие в словарях: *богодул* 'нищий, босяк, пьяница', *искырдык* 'скарעד, скупердяй, скряга, скупой', *усоборивать* 'убить, испортить что неаккуратным обращением' и др. Слова эти принадлежат собственно говорам Приамурья. «В том и заключается основная ценность словарных материалов Г. С. Новикова-Даурского, что благодаря его подвижнической деятельности сохранены многие слова, отсутствующие в диалектных словарях, в том числе и в "Словаре русских народных говоров": *бальто, дзогдор*» (с. 141).

Завершают монографию разделы, посвященные изучению отдельных слов, а также групп слов, связанных общей тематикой. Таковы прозвищные наименования людей, составляющих географическую или этнографическую общность. В эту группу в основном входят слова, появившиеся в русских говорах под влиянием языков коренных народов Сибири и именующие жителей Сибири и Приамурья — *чолдон, гуран, манзы*, а также *фазан*. Л. Л. Крючкова рассматривает историю этих слов, развитие их семантики.

Со словом *гуран* (прозвище забайкальских казаков) связаны местные легенды, народные этимологии. В книге приводятся различные версии этимологизации слова и даже рассказ-байка о посещении Николаем II Забайкалья, во время которого он якобы дал казакам такое прозвание (с. 234). Однако более углубленное изучение истории края и истории слова позволили автору монографии выдвинуть свою версию, согласно которой *гуран* — не прозвище, а

этноним, восходящий к нанайскому (гольдскому) *гурун* 'люди, народ', которое на русской почве подверглось контаминации со словом *гуран* 'дикий козел' (с. 238–245)⁴.

Опираясь на «Гольдско-русский словарь» свящ. Прокопия Протодяконова (1901 г.), работу Л. Ульяницкого «Албазин и албазинцы» (1912 г.), очерки В. К. Арсеньева, А. Богданова и др., Л. Л. Крючкова смогла уточнить значение слова *манзы*. Она делает вывод, что наряду с названием племен, живших на юге Китая, так первоначально назывались маньчжуры, а потом — окитаившиеся маньчжуры и даже китайцы (с. 223). Таким образом, манзами назывались два разных народа. *Фазанами* же сибиряки называли китайцев из-за синего цвета их одежды. Это подтверждается очерком М. М. Пришвина «Женьшень», где подробно описан внешний вид китайца — собирателя женьшеня.

Стоит также отметить лингвоэтнографический раздел, посвященный названиям чая, а также лексемам и фразеологизмам, с чаем связанным. Это собственно сибирские, амурские слова *слеван, затуран, жеребчик, шара, справлять чай* (с. 245–265). Яркий и интересный очерк о чае снабжен богатым этнографическим материалом.

Замечание, которое необходимо высказать, касается имеющихся в книге опечаток. Они встречаются в довольно большом количестве не только в авторском тексте, где опознать их не составляет труда, но и при цитировании диалектного материала и его толкований, что может ввести читателя в заблуждение. Приведем несколько примеров: «*сплоток* (<...> 'прачешный, портмойный [вм. портмойный — Е. Д.] плот'» (с. 172); «*култук* (<...> 'сторица [вм. старица —

⁴ Более подробно такое понимание слова *гуран* представлено Л. Л. Крючковой в статье [2015].

Е. Д.] реки (с. 192); «*полóва* ‘мякина, <...> отбиваемая при молоте [вм. мольбе — *Е. Д.]’*».

Л и т е р а т у р а

Аникин 2000 — А. Е. А н и к и н. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М., Новосибирск, 2000.

Аникин 2007 — А. Е. А н и к и н. Русский этимологический словарь. Вып. 1. М., 2007.

Галуза и др. 2007 — Словарь русских говоров Приамурья. 2-е изд., испр. и доп. / Авт.-сост. О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятина, Н. П. Шенкевец. Благовещенск, 2007.

Галуза 2010 — О. Ю. Г а л у з а. Албазинский словарь. Благовещенск, 2010.

Кирпикова (ред.) 2003 — Словарная картотека Г. С. Новикова-Даурского / Подгот. к печати Л. В. Кирпиковой, В. В. Пирко, И. А. Стринадо / Под ред. Л. В. Кирпиковой. Благовещенск, 2003.

Крючкова 2008 — Л. Л. К р ю ч к о в а. Словарь русских говоров Приамурья // Русс. яз. в науч. осв. 2008. № 16. С. 296–300.

Крючкова 2014 — Л. Л. К р ю ч к о в а. Комментарий к «Словарной картотеке Г. С. Новикова-Даурского». Благовещенск, 2014.

Крючкова 2015 — Л. Л. К р ю ч к о в а. Словарные материалы Г. С. Новикова-Даурского как источник для изучения дальневосточных говоров // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2015. СПб., 2015. С. 333–340.

Майоров 2012 — А. П. М а й о р о в. Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье. М., 2012.

Шаповал 2009 — В. В. Ш а п о в а л. Даль и критика словарей: заглавное слово со знаком вопроса // Русс. яз. в науч. осв. 2009. № 17. С. 158–182.

Шаповал 2010 — В. В. Ш а п о в а л. Графические дублеты в словарях: приемы верификации // Русс. яз. в науч. осв. 2010. № 19. С. 158–168.

Элиасов 1980 — Л. Е. Э л и а с о в. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.

Е. И. Державина

Получено 27.04.2017

АДРЕСА УНИВЕРСИТЕТОВ И ИНСТИТУТОВ
ADDRESSES OF UNIVERSITIES AND INSTITUTES

Варшавский университет
Смычкова 9, F 505, 02-678, Варшава, Польша
Warsaw University
Smyczkowa 9, F 505, 02-678 Warszawa, Poland

Высшая школа экономики, Национальный исследовательский университет
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Higher School of Economics, National Research University
20 Myasnitskaya str., Moscow 101000, Russia

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы
Беларусь, Гродно, улица Ожешко, 22
Yanka Kupala State University of Grodno
22 Ozheshko str., Grodno, Belarus

Институт востоковедения РАН
107031, Москва, Рождественка 12
Institute of Oriental Studies, RAS
12 Rozhdestvenka, Moscow, 107031, Russia

Институт лингвистических исследований РАН
199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9
Institute for Linguistic Studies, RAS
9 Tuchkov pereulok, St. Petersburg 199053, Russia

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
119019, Москва, Волхонка 18/2
Vinogradov Institute of Russian Language, RAS
18/2 Volkhonka, Moscow 119019, Russia

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51
Lomonosov Moscow State University
1/51 Leninskiye gory, Moscow 119991, Russia

Московский педагогический государственный университет
119991, Москва, улица Малая Пироговская, 1/1
Moscow State University of Education
1/1 M. Pirogovskaya str., Moscow, 119991, Russia

Российский государственный гуманитарный университет
125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6
Russian State Humanitarian University
6 Miusskaya area, GSP-3, Moscow 125993, Russia

Токийский университет иностранных языков
192-0154, Япония, Токио, Хатюдзи-си, Симонгата-мачи 1013-9
Tokyo University of Foreign Studies
192-0154 Japan, Tokyo, Hachioji-shi, Shimoongata-machi, 1013-9

ПРАВИЛА ПОДАЧИ СТАТЕЙ

1. Для публикации в журнале принимаются статьи на русском, английском и немецком языках, соответствующие научному профилю журнала и не публиковавшиеся ранее в других изданиях.
2. Материалы для публикации отбираются на основе независимого рецензирования и решения редколлегии журнала. Рецензии направляются авторам для ознакомления и учета замечаний рецензентов.
3. Все публикации для авторов бесплатны.
4. Спустя год после выхода из печати каждого номера журнала он в полном объеме публикуется на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).
5. Рукопись предоставляется автором в электронном виде по адресу gusyaz@yandex.ru (и по запросу — в печатном виде). Если в статье используются нестандартные шрифты, их также следует прислать.
6. В сопроводительном письме должны быть указаны сведения об авторе: ФИО полностью, страна, город, телефон, электронный адрес. Редакция журнала рассылает авторские экземпляры оттисков в формате PDF только по электронной почте.
7. Непринятые рукописи не возвращаются.
8. Рецензии должны присылаться в редакцию вместе с экземпляром рецензируемой книги (по просьбе автора рецензии книга ему возвращается).

Основные правила оформления текста статьи

1. Текст статьи должен быть предоставлен в формате Microsoft Word for Windows.
2. Заголовок статьи, инициалы и фамилия автора, место работы, резюме (до 10 строк) и ключевые слова в статьях, принятых к печати, приводятся на русском и английском языках.
3. Все лингвистические примеры внутри текста приводятся курсивом (слово *продажа*; суффикс *-ик* и т. п.). Примеры, выделенные в отдельный абзац, даются прямым шрифтом.
4. В хроникальных заметках о научных конференциях фамилии участников набираются полужирным шрифтом. После фамилий в круглых скобках указывается город для русских участников и город и страна для зарубежных участников конференции: **И. И. Иванов** (Москва), **Дж. Смит** (Лондон, Великобритания).
5. В тексте статьи ссылки на работы заключаются в квадратные скобки, после года выпуска ставится двоеточие и указываются страницы: [Иванов 2012: 45—58] или [Иванов 2012: 45—58; Новикова 1999: 354]. При перечислении нескольких работ одного автора его фамилия не повторяется, годы выпуска указываются через точку с запятой: [Иванов 2000: 34—38; 2012: 78—81]. Если даются ссылки на несколько работ одного автора за один и тот же год, нужно использовать буквенные сокращения: [Иванов 2012a: 45—58; 2012b: 12—15]. Если работа коллективная, указывается первое имя с добавлением «и др.», в иноязычных ссылках — «et al.»: [Иванов и др. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. Если имя автора является частью текста, используется следующая форма: «А. А. Иванов [2012: 45—58] утверждает, что...».

Основные правила оформления библиографии

1. Список цитируемой литературы и источников помещается в конце статьи и упорядочивается по алфавиту.
2. Источники, в частности словари, должны быть внесены в список литературы.
3. Список литературы оформляется по образцу вышедших номеров, доступных на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).

NOTES FOR CONTRIBUTORS

1. Manuscripts submitted to *Russian Language and linguistic theory* should be original contributions in Russian, English or German, relevant to the scope of the journal and should not have previously been published elsewhere.
2. Contributions for publication are screened in the process of peer review by independent referees and the final decision regarding publication lies with the Editorial Board. Referees' comments will be sent to authors, who will be expected to return corrections to the Editor by e-mail.
3. All publications are free of charge to authors.
4. The issues are published in full on the website www.ruslang.ru (see "Publications") one year after the publication.
5. Manuscripts should be submitted by email sent to rusyaz@yandex.ru (and also by post on request). All custom fonts used in the manuscripts should be sent by email.
6. The cover letter must include the following information about the author: full author's name, full postal mailing address, email address. All authors of full-length articles and reviews will receive the offprint in PDF format by email and one copy of the issue in which their contribution appears.
7. Rejected manuscripts will not be returned.
8. Book reviews should be sent to the Editorial Secretary together with the reviewed book (the book will be returned on author's request).

Main format rules for articles and reports

1. Contributions must be submitted in the format of Microsoft Word for Windows.
2. The first page should include the title, author's surname and initials, institutional affiliation, abstract of the article (up to 10 lines) and keywords in both Russian and English
3. All phrases, words, affixes, letters etc. used as linguistic examples within the body of the text must be italicized (the word *prodazha*; the suffix *-ik* etc.) All examples presented in a separate paragraph must be in regular font.
4. In reports on academic conferences, names of the participants should be in bold, followed by city (for Russian participants), or city and country (for foreign participants), given in parentheses in regular font: **I. I. Ivanov** (Moscow), **J. Smith** (London, Great Britain).
5. References should be given in square brackets, designating the name of the author, year of publication, and, where relevant, after the colon, the page(s) referred to: [Ivanov 2012: 45—58], using semi-colons to separate different authors: [Ivanov 2012: 45—58; Novikova 1999: 354]. In the case of multiple references by the same author(s), the name(s) should not be repeated and the years should be listed, using semi-colons to separate different publications: [Ivanov 2000: 34—38; 2012: 78—81]. When several works by one author for the same year are referred to, lower-case letters ("a", "b", etc.) should be placed immediately after the year: [Ivanov 2012a: 45—58; 2012b: 12—15]. When a work written by two or more authors is referred to, first name should be given followed by «et al.»: [Ivanov et al. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. If the reference name naturally forms part of a sentence, use the form: "A. A. Ivanov [2012: 45—58] maintained that..."

Main format rules for references

1. All works referred to must be listed at the end of the article in alphabetical order.
2. All sources of citations including dictionaries and lexicons must be added to the reference list.
3. The list of referred works should be formatted according to the published issues of the journal available on the site www.ruslang.ru (see "Publications").

Научный журнал

Русский язык в научном освещении
№ 34 (2). 2017

*Основан в январе 2001 года
Выходит два раза в год*

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Редакция журнала «Русский язык в научном освещении».
Тел.: (495) 637-79-92, факс: (495) 695-26-03, e-mail: rusyaz@yandex.ru

Зав. редакцией *М. С. Мушинская*
Редактор номера *Е. И. Державина*
Корректор *А. К. Петрова*
Оригинал-макет подготовлен *В. Ю. Гусевым*

Подписано в печать 25.01.2018. Формат 70×100 ¹/₁₆
Бумага офсетная № 1, печать офсетная
Усл. п. л. 23,7. Заказ № 1197

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812) 235-15-86
По вопросам приобретения книг издательства «Нестор-История»
звоните по тел. +7 965 048 04 28